

Правительство Забайкальского края
Министерство международного сотрудничества
и внешнеэкономических связей Забайкальского края
Забайкальское отделение ВПП «Единая Россия»
Забайкальский государственный университет
Читинский институт Байкальского государственного университета
Кыргызско-Российский Славянский университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Байкальское региональное отделение Академии военных наук
Забайкальское региональное отделение Российского общества политологов
Отделение Российского исторического общества в г. Чита
Центр научных исследований российско-китайских отношений
Забайкальское общество любителей истории

ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ: ПАРТНЁРСТВО И СОТРУДНИЧЕСТВО

Международная научная конференция

посвящается 100-летию Революции 1917 года,
80-летию со дня образования Читинской области,
50-летию атомной промышленности в Забайкалье

22 сентября 2017 г.

г. Чита

Часть 1

Чита
Забайкальский государственный университет
2017

УДК 94(082)
ББК 63.3(2)я43
ББК ТЗ(2)я43
П 755

Рекомендовано к изданию организационным комитетом
научно-практического мероприятия
Забайкальского государственного университета

Рецензенты

Э. Д. Дагбаев, д-р социол. наук, профессор,
профессор кафедры политологии и социологии,
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ
Е. Ю. Захарова, д-р филос. наук, доцент, заведующая кафедрой философии,
Забайкальский государственный университет, г. Чита

Редакционная коллегия

Е. В. Дроботушенко (гл. редактор), *А. Е. Горковенко*, *А. В. Дроботушенко*, *Н. Г. Дятчина*,
Д. А. Крылов, *Ю. Н. Ланцова*, *М. В. Пряженникова*, *И. А. Романов*, *О. А. Яремчук*

Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество : материалы междунар. науч. конф. : [в 3 ч.] / Забайкал. гос. ун-т ; [гл. ред. Е. В. Дроботушенко]. – Чита : ЗабГУ, 2017.
ISBN 978-5-9293-1941-9

Ч. 1. – Чита, 2017. – 232 с.
ISBN 978-5-9293-1942-6

Конференция проводится в рамках программы ежегодных научных мероприятий по теме «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии». В сборнике представлены материалы докладов и выступлений участников международной научной конференции, посвящённой 100-летию Революции 1917 года, 80-летию со дня образования Читинской области, 50-летию атомной промышленности в Забайкалье. В материалах отражены различные аспекты развития России, государств ближнего и дальнего зарубежья. Отдельное значительное внимание уделено истории и проблемам современного развития Забайкалья, а также приграничных территорий соседних государств, Китайской Народной Республики и Монголии.

Материалы сборника будут интересны как учёным, преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям средних общеобразовательных школ, так и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами предметного поля конференции.

УДК 94(082)
ББК 63.3(2)я43
ББК ТЗ(2)я43

ISBN 978-5-9293-1942-6 (Ч. 1)
ISBN 978-5-9293-1941-9

© Забайкальский государственный университет, 2017

Government of Zabaikalsky Krai
Ministry of International Cooperation
and Foreign Economic Relations of Zabaikalsky Krai
Transbaikal regional branch of VPP "United Russia"
Transbaikal State University
Chita Institute of Baikal National University
Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin
Baikal Regional Branch of Academy of Military Science
Zabaikalsky Regional Branch of Russian Political Scientists Society
Regional Branch of Russian Historical Society
Russia-China Relations Scientific Research Center
Zabaikalsky Historical Society

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE BORDER REGION: PARTNERSHIP AND COOPERATION

International Scientific Conference

conference is dedicated to the
100th anniversary of the Revolution of 1917,
80th anniversary of Chitinskaya Oblast's founding,
50th anniversary of the nuclear industry in Zabaikalye

22 September 2017

Chita

Part 1

Chita
Transbaikal State University
2017

УДК 94(082)
ББК 63.3(2)я43
ББК Т3(2)я43
П 755

Recommended for Publication by the Organizing Committee
of the Scientific and Practical Event of Transbaikal State University

Reviewers

E. D. Dagbaev, Dr. of Social Sciences, Professor,
Professor of the Chair of Political Science and Sociology
of Buryat State University

E. Yu. Zakharova, Dr. of Philosophy Sciences,
Docent, Head of the Chair of Philosophy of Zabaykalsky State University

Editorial board

E. V. Drobotushenko (chief-in-editor), *A. E. Gorkovenko*, *A. V. Drobotushenko*, *N. G. Diatchina*,
D. A. Krilov, *Yu. N. Lantsova*, *M. V. Pryazhennikova*, *I. A. Romanov*, *O. A. Yaremchuk*

П 755 **Historical Development of the Border Region: Partnership and Cooperation :**
proceedings of the international scientific conference : [3 p.] / Transbaikal State University ; [Chief-in-Editor E. V. Drobotushenko]. – Chita : Transbaikal State University, 2017.
ISBN 978-5-9293-1941-9

P. 1. – Chita, 2017. – 232 p.
ISBN 978-5-9293-1942-6

The Conference is a part of the annual scientific conferences on Cross-border cooperation: history and modernity. The collection of articles comprises reports and speeches of the participants of International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the Revolution of 1917, 80th anniversary of Chitinskaya Oblast's founding and 50th anniversary of the nuclear industry in Zabaykalsky Krai. Proceedings contain different development aspects of Russia, CIS and other countries. Special attention is given to the historical and modern development issues of Zabaykalsky Krai, cross-border areas of the neighboring countries, People's Republic of China and Mongolia.

The proceedings could be interesting not only for scientists, academics, and teachers but also for a wide range of readers who are interested in the topics of the Conference.

УДК 94(082)
ББК 63.3(2)я43
ББК Т3(2)я43

ISBN 978-5-9293-1942-6 (P. 1)
ISBN 978-5-9293-1941-9

© Transbaikal State University, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Актуальные вопросы отечественной и всеобщей истории

Предисловие	9
Приветственное слово	11
Постников А. В. Географические материалы из России в коллекции почётного члена Императорской Санкт-Петербургской академии наук Григория Фёдоровича Аша (Thomas Georg von Asch, 1729–1807) в городе Гёттингене (ФРГ)	14
Шишкина М. С. Орловский край: от приграничного региона до Орловской губернии	25
Дулина Н. В., Наумов И. Н., Шарапов Д. Ю. Изменение статуса Всевеликого войска донского как иррегулярного войска в приграничном регионе	29
Егоров А. М. Механизм рекрутской повинности среди осуждённых к сибирской ссылке в 1820–1830-е годы	32
Косых В. И. Нумизматика Тайпинского восстания в Китае (1851–1864 гг.)	36
Малыгина О. А. Организация областного управления в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века)	38
Ковалёва Н. Н. Особенности экономического развития Западно-Белорусского региона в конце XIX – начале XX века	41
Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В., Рачков М. П., Суходолов Я. А. Внешняя политика Российской империи на рубеже веков и восточный проект П. А. Бадмаева в 1893–1917 годы	45
Арзуманов И. А., Личичан О. П. Расселенческая политика в Восточной Сибири как фактор комплексного развития территорий: историко-логический анализ	54
Костяев Э. В. Вооружённые конфликты России, Китая и Японии в начале XX века: взгляды лидеров РСДРП	57
Севостьянова Е. В. Благотворительность в Забайкалье как форма провинциальной городской публичности: трансформации в период Первой мировой войны (1914–1918)	62
Тимощук А. С. Революция 1917 года: исторические события и социальные последствия	67
Абраменко В. А. Особенности межэтнических отношений на Северном Кавказе в начальный период Октябрьской революции 1917 года	71
Яремчук О. А. Советская власть и высшие учебные заведения в 1920-е годы: особенности взаимоотношений	74
Мендюков А. В. «Запретить нельзя разрешить»: религиозные общества и собрания верующих в Советской России в 1920-е годы (по материалам Самарского края)	79
Старовойтов М. И. Население Белорусско-Российского пограничного региона в 1920–1930-е годы: новейшие историографические исследования	83
Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Монгольская делегация на Волховском фронте (по данным источника на старомонгольской письменности)	87
Кулинок С. В. Выявление и разоблачение белорусскими партизанами разведывательной агентуры немцев, подготовленной на территории РСФСР в 1942–1944 годы	90
Кузнецов В. В. Советско-китайские отношения в период Великой Отечественной войны (1941–1945)	95
Якунин В. Н. Экономическая и финансово-хозяйственная деятельность Русской Православной Церкви по положению 1945 года	98
Подмарицын А. Г. Предложения архиепископа ярославского и ростовского Сергия (Ларина) об изменении налогообложения клириков и церковных работников от 25 и 26 января 1965 года	102
Солоницын П. С. К вопросу об истории Самарской епархии	105
Сеченов И. В. Военно-мемориальная работа поискового отряда «Восточный рубеж» в Монголии (данные о работе за 2010–2015 гг.)	110
Ганжуурдалайн Цолмон Период становления и развития образовательной системы Монголии. Достижения в профессионально-техническом образовании	117

Раздел 2. Регион как объект изучения

Мураталиева З. Т. Специфика политических процессов в Центральной Азии	124
Халанский И. В. ШОС и безопасность Центральной Азии	129
Гарбузарова Е. Г. Культурный аспект «мягкой силы» Китая в Кыргызстане	133
Акматалиева А. М. «Один пояс – один путь» и Экономический пояс Шёлкового пути КНР для Центральной Азии: стратегия господства и изменения мирового порядка	137
Якупов Р. И. Регион как объект изучения: науковедческий и этнологический взгляд на проблему. Россия-Евразия, Урал, Сибирь, Дальний Восток	141
Казанцева Н. А. Понятия «регион» и «регионализм» в канадском политическом дискурсе	149
Чжан Цзинчуань Парадоксы регионализации и безопасности, анализ периферийной безопасности	153
Парамонова В. А., Беликова Е. О. Социальное пространство региона: к определению понятия	166
Федотова Т. А. Регион в приграничном пространстве: влияние на развитие рынка труда	170
Маркелова А. А. К вопросу о некоторых мерах противодействия сепаратизму в современной России	172
Лугвин С. Б. Регионы в контексте трансграничного сотрудничества постсоветских государств	175
Ильина Н. Е. Влияние информационно-культурных процессов на безопасность Российской Федерации в условиях приграничья	179
Лобанов К. Н. Кризис украинской государственности: тревоги и надежды российского приграничья	183
Блохин В. Н. Российско-белорусское приграничье: проблемы экологической безопасности сельских территорий	187
Ганопольский М. Г. Драма регионализации: тюменский вариант	191
Мерцалов В. И. Байкальский регион: исторические, геополитические и геоэкономические аспекты формирования	196
Кулакова Я. В. Развитие сибиреведческих исследований в педагогических институтах Восточной Сибири (30–80-е годы XX века)	200
Урожаева Т. П. Население Красноярского края и международная миграция в 1990-е годы	204
Литвишко О. М. Трансграничное сотрудничество на Каспии: применим ли опыт Баренцева Евро-Арктического региона в каспийской геополитической игре	208
Хлыщева Е. В. Трансгрессия региональной культуры как результат многовековых поликультурных процессов в условиях гетеротопного пространства Нижнего Поволжья	212
Афанасьев Р. А. Забайкальский край – один из объектов изучения трансграничного треугольника: Китай, Россия, Монголия	216
Блохина Л. М. Формирование имиджа Забайкальского края как приграничной территории в рамках включения региона в концепцию развития Дальнего Востока и Байкальского региона	219
Харламов М. И. Древнеславянский приграничный город Донец: история зарождения, развития и упадка	223
Сведения об авторах	227

CONTENTS

Section 1. Actual Issues of the Fatherland and World History

Preface	10
Welcoming Address	12
Postnikov A. V. Russian Geographical Materials in the Collection of the Honorary Member of the Imperial Saint-Petersburg Academy of Sciences, Thomas Georg von Asch, 1729–1807 in Göttingen (Germany)	14
Shishkina M. S. Orlovsky Edge: from Cross-Border Region to Oryol Province	25
Dulina N. V., Naumov I. N., Sharapov D. Yu. Changing the Status of Vseveliky the Don Cossack Army as Irregular Troops in the Border Region	29
Egorov A. M. The Duty Rekrutskaya Mechanism Among Convicts to Siberian Exile in the 1820–1830 th years	32
Kosyh V. I. Numismatics of the Taiping Rebellion in China (1851–1864)	36
Malygina O. A. Entity of Regional Administration in the Russian Empire (Second half of XIX – Beginning of XX Centuries)	38
Kovaleva N. N. Peculiarities of Economic Development of the Western-Belarusian Region at the End of the XIX – Beginning of the XX Century	41
Sukhodolov A. P., Kuzmin Yu. V., Rachkov M. P., Sukhodolov Ya. A. Foreign Policy of the Russian Empire at the Turn of the Century and East of the Project P. A. Badmayev in 1893–1917	46
Arzumanov I. A., Lichichan O. P. East Siberian Resettlement Policy as a Territory Complex Development Factor Historico-Logical Analis	54
Kostyaev E. V. Military Conflicts of Russia, China and Japan in Beginning XX of the Century: the Sights of RSDWP Leaders	58
Sevostyanova E. V. Charity as a form of Urban Public Practices of Every Day Life in War Time in Regional and County-Level Cities of Zabaikalye (1914–1918)	62
Timoshchuk A. S. 1917 Revolution: Historical Events and Social Consequences	67
Abramenko V. A. Features of Interethnic Relations in the North Caucasus in the Early Period of the October Revolution of 1917	71
Yaremchuk O. A. The Soviet Government and Educational Institutions in the 1920-ies: Relations	75
Mendyukov A. V. “To Allow not to Forbid”: Religious Communities and Meetings of the Believers in Soviet Russia in the 1920s (on Materials of the Samara Region)	80
Starovoytov M. I. The Population of the Belarusian-Russian Border Region in 1920–1930-e years: the Latest Historiographical Studies	83
Kuras L. V., Tzybenov B. D. The Mongolian Delegation in the Volkhov Front (According to the Source of the Old Mongolian Written Language)	87
Kulinok S. V. Identification and Expose by Belarusian Partisan of German Intelligence Network on Territory RSFSR in 1942–1944 years	91
Kuznetsov V. V. Soviet-Chinese Relations During the Great Patriotic War (1941–1945)	95
Yakunin V. N. Economic and Financial Activity of the Russian Orthodox Church in the Situation of 1945	98
Podmaritsyn A. G. The Proposals of the Archbishop of Yaroslavl and Rostov Sergius (Larin) on Change of the Taxation of the Clergy and Church Workers 25 and 26 January 1965	103
Solonitsyn P. S. On the History of the Samara Diocese	106
Sechenov I. V. War Memorials Earch Group “Eastern line” in Mongolia (data for 2010–2015)	110
Ganjuurdalai Tsolmon Period of Formation and Development of Mongolia’s Education System. Achievements in Technical Vocational Education and Training	117

Section 2. Region as the Object of Research

Muratalieva Z. T. The Specificity of the Political Processes in Central Asia	124
Khalansky I. V. SCO and Security of Central Asia	129

Garbuzarova E. G. Cultural Aspect of China's "Soft Power" in Kyrgyzstan	133
Akmatalieva A. M. "One Belt – One Road" and Economic Belt of the Silk Road Strategy of China for Central Asia: Strategy of Dominance and Changing the World Order	138
Yakupov R. I. Region as an Object of Studies: Scientific (Scienceological) and Ethnological View of the Problem. Russia-Eurasia, the Urals, Siberia, the Far East	141
Kazantseva N. A. Concepts of "Region" and "Regionalism" in Canadian Political Discourse	149
Zhang Tsinchuan Paradoxes of Regionalization and Security and the Idea of Peripheral Security	153
Paravonova V. A., Belikova E. O. Social Space in the Region: the Definition of the Concept	166
Fedotova T. A. Region in the Border Area: Impact on the Development of the Labour Market	170
Markelova A. A. To the Question of Some Measures to Counteract Separatism in Modern Russia	173
Logvin S. B. Regions in the Context of Cross-Border Cooperation of the Post-Soviet States	176
Ilyina N. E. The Impact of Information and Cultural Processes on the Security of the Russian Federation in Conditions of Borderland	180
Lobanov K. N. Ukrainian State Crisis: Anxiety and Hope Russian Border	183
Blokhin V. N. Russian-Belarusian Borderland: Problems of Ecological Safety of Countryside	188
Ganopolsky M. G. The Drama of Regionalization: Tyumen Version	191
Mertsalov V. I. Baikal Region: Historical, Geopolitical and Geo-Economical Aspects of Formation	196
Kulakova Ya. V. Development of Research on the History of Siberia in the Pedagogical Institutes of Eastern Siberia (the 30-e–middle of the 80 th of the 20 th century)	200
Urozhaeva T. P. The Population of the Krasnoyarsk Territory and International Migration in the 1990-s	205
Litvishko O. M. Cross-Border Cooperation in the Caspian Region: can the Experience of Barents Euro-Arctic Region be Applied to the Conditions of Caspian Geopolitical Game	208
Khlysheva E. V. Transgression of regional culture as the result of many centuries polycultural processes in the heterotopiya space of Lower Volga	213
Afanasev R. A. Zabaykalsky Krai is One of the Objects of Study of Transboundary Triangle: China, Russia, Mongolia	216
Blohina L. M. The Image Formation of the Zabaikalsky Region as a Frintier Territory in the Framework of Inclusion of the Region in the Concept of Development of the Far East and the Baikal Region	219
Kharamov M. I. Old Slavic Border Town Donets: History of the Origin, Development and Decline	223
Information About the Authors	227

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

**Уважаемые участники и организаторы
международной научной конференции
«Приграничный регион в историческом развитии:
партнёрство и сотрудничество»!
Уважаемые гости мероприятия!**

Разрешите от лица руководства Забайкальского края, а также от себя лично поприветствовать Вас в Чите, на конференции большого ежегодного научного проекта «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии».

Сегодняшнее мероприятие направлено на установление новых и укрепление имеющихся научных контактов между учёными разных стран, а также разных городов Российской Федерации.

Нынешний год – это год столетия Октябрьской революции 1917 года, события, сыгравшего особую роль в истории нашей страны и всего мира. Сегодня одной из приоритетных задач является осмысление произошедшего сто лет назад и понимания необходимости избежать повторения подобного. Вместе с тем важен глубокий учет опыта прошлого, особенно соотношения революционного и эволюционного потенциалов российского общества, в целях обеспечения условий для его стабильного поступательного и динамичного развития в будущем.

Конференция, участниками работы которой Вы являетесь, одной из основных задач имеет научную, объективную, непредвзятую оценку событий столетней давности. Революционные события затронули и Забайкалье. Думается, что на площадках конференции будут обсуждаться и вопросы региональной истории. Тем более, что в 2017 году исполняется 80 лет с момента создания Читинской области. Научная общественность региона не могла обойти стороной и эту дату.

Ещё одним важнейшим событием истории Забайкалья в этом году стало 50-летие основания г. Краснокаменска, который в дальнейшем стал центром атомной промышленности региона. Радует, что данное событие также нашло отражение в работе научного форума.

Отмечу масштаб мероприятия. С каждым годом конференции научного проекта «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии» становятся больше по количеству участников, шире по географии стран и городов России. Это говорит о востребованности мероприятия, его практической, прикладной значимости. Хочется надеяться, что данная традиция сохранится и впредь.

Разрешите пожелать всем участникам конференции успехов, здоровья, эффективного научного поиска. Пусть данная научная площадка станет базой для укрепления дружеских контактов между разными странами и регионами Российской Федерации.

Н. Н. Жданова,
Губернатор Забайкальского края

WELCOMING ADDRESS

**Dear Participants and Organizers
of the International Scientific Conference
“Historical Development of the Border Region:
Partnership and Cooperation”!
Dear Guests!**

Let me welcome you on behalf of Zabaikalky Krai authorities and me personally at this annual, large scientific project “Cross-border cooperation: history and modernity”.

Today’s event is aimed at establishing of new and straightening of old scientific contacts between scientists from all over the world and from different cities of the Russian Federation.

This year marks the 100th anniversary of the Revolution of 1917 which played an important role in the history of country and the entire world. Nowadays key priority is to comprehend the events of the past to realize how it’s necessary to avoid such experience in the future. Meanwhile, it is necessary to consider the experience of the past, especially correlation of the revolutionary and evolutionary potential of the Russian society in order to create conditions for its progressive development in the future.

One of the main purposes of the Conference is scientific, objective, unbiased assessment of a century ago events. The Revolution also affected Zabaikalsky Krai. Issues of the regional history are most likely to be discussed within the Conference. Especially, 2017 also marks the 80th anniversary of Chitinskaya Oblast’s founding. Scientific community of the region couldn’t pass by this date.

One more important event of this year connected to the history of Zabaikalsky Krai is the 50th anniversary of Krasnokamensk town founding which became a regional center of the nuclear industry. We are pleased that this event is also an important part of the scientific forum.

It is also necessary to pay attention to the scope of the Conference. Number of participants and geographical diversity of the scientific project’s conference “Cross-border cooperation: history and modernity” grows every year. This illustrates the need for such event and its practical importance. I hope this tradition will be maintained.

I sincerely wish all the participants success, good health and scientific enquiry. Let this Conference will be the basis for straightening friendly relations between different countries and regions of the Russian Federation.

N. Zhdanova,
Governor of Zabaikalsky Krai

**Уважаемые участники, организаторы и гости
международной научной конференции
«Приграничный регион в историческом развитии:
партнёрство и сотрудничество»!**

Позвольте поприветствовать Вас на международной научной конференции, организованной в Забайкальском крае.

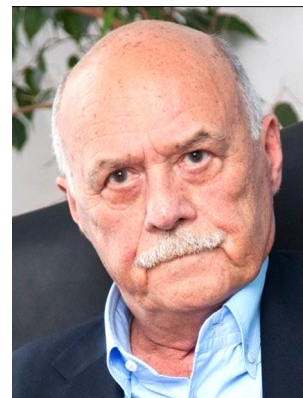
2017 год является юбилейным годом для Вашего региона – 80-летие со дня образования Читинской области, которая входит в состав Забайкальского края.

История развития Вашего региона уникальна – переплетение различных социокультурных особенностей, а также тесное сотрудничество с приграничными России государствами являлось неотъемлемой частью политического процесса на протяжении длительного времени. Кроме того, на территории Забайкальского края проходят важные стратегические пути, соединяющие запад России с её востоком. Проведение международной научной конференции, связанной с анализом приграничного партнёрства и сотрудничества, считаю актуальной и своевременной.

Особо хочу отметить, что в этом году конференция расширяет как географию участников, так и круг проблемных вопросов, которые планируется обсудить, что свидетельствует о значимости данного мероприятия.

Не сомневаюсь, что международная научная конференция «Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество» внесёт существенный вклад в развитие международного научного сотрудничества. Все вместе мы сможем найти решение поставленных задач, а самые перспективные идеи найдут воплощение не только в научных работах, но и на практике.

Искренне желаю всем участникам интересных и плодотворных дискуссий, взвешенных оценок и конкретных предложений, новых встреч и успехов в практической деятельности!

С. С. Говорухин,
Председатель Комитета Государственной Думы
по культуре

**Dear Participants, Organizers and Guests
of the International Scientific Conference
“Historical Development of the Border Region:
Partnership and Cooperation”!**

Let me welcome you at the International Scientific Conference organized in Zabaikalsky Krai. 2017 is an anniversary year for our region, it marks 80th anniversary of Chitinskaya Oblast's founding which is the part of Zabaikalsky Krai.

The history of the development of our region is unique. Different socio-cultural features, close cooperation with the bordering countries always were integral parts of the political process. Moreover, strategic routes connecting western and eastern parts of Russia are situated on the territory of Zabaikalsky Krai. In my view, holding of the international scientific Conference which involves analysis of cross-border partnership and cooperation is very relevant and timely.

I also would like to stress that significant of this event is attested by expanding of the geography of participants and range of problematic issues for discussions.

I have no doubt that International Scientific Conference on Historical Development of the Border Region: Partnership and Cooperation will contribute to the development of the international scientific community. Together we will find solutions of the target goals and realize the most promising ideas not only in scientific researches but in practice.

I sincerely wish all the participants to have interesting and fruitful discussions, deliberate evaluations, specific proposals, new meetings and success in your practical activities!

S. Govoruhin,
Chairman of the State Duma Committee
for cultural affairs

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для Российской Федерации 2017 г. является значимым в связи со столетием Революции. Данное событие свернуло страну с эволюционного пути развития. Историки, общественные деятели разнятся в своих оценках как самой революции, так и её последствий. Нам представляется, что в рамках работы научных конференций, форумов, круглых столов, различных семинаров должна быть дана, как можно более объективная и независимая оценка истории XX в. после 1917 г.

Как основная тема, проблематика Революции 1917 г. заявлена и на конференции «Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество» большой программы ежегодных научных конференций по теме «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии». Данная программа реализуется совместно историческим факультетом ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» и Правительством Забайкальского края. Особо важно, что в организации конференции принимает участие Министерство международного сотрудничества и внешнеэкономических связей региона, поскольку традиционно в работе научного форума участвует значительное число учёных из других стран.

Вторая значимая для региона дата – это 80-летие с момента основания Читинской области. Это вторая тема лейтмотива конференции. В рамках мероприятия будет уделено значительное внимание истории региона и его современному развитию.

Третья, не менее важная дата – 50 лет атомной промышленности региона. На сегодня данное направление в Забайкальском крае во многом предопределяет его развитие. Отсюда история горного дела, история подготовки специалистов для урановой горнодобывающей промышленности стала третьей большой темой научного форума.

Несмотря на три заявленных даты организаторы конференции, традиционно расширили тематику её работы и предложили следующие направления работы:

- Актуальные вопросы отечественной и всеобщей истории.
- 1917 г. в истории России. Судьбы столетия.
- Регион как объект изучения.
- Приграничный регион в историческом развитии.
- Соотечественники: жизнь за рубежом и связь с Родиной. История и современность.
- Забайкалье в исторической ретроспективе.
- Роль горнодобывающей промышленности в социально-экономическом развитии региона.
- Современные социально-политические процессы в Забайкалье. Регион в приграничном пространстве.
- Филологические проблемы трансграничья: литературоведческий, лингвистический и методический аспекты (филологическое и лингвистическое направление).
- Трансграничие в философском дискурсе (философское направление).
- Экономика и социальная сфера: приграничный формат (экономическое направление).
- Проблемы и перспективы социально-экономического развития Забайкальского края со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Участниками конференции в этом году стали представители научной общественности более сорока городов Российской Федерации и шести стран Ближнего и Дальнего Зарубежья. В общей сложности участие в конференции в очной и заочной форме принимает более 170 учёных.

Материалы, представленные в сборнике, могут быть использованы при изучении всемирной и отечественной истории, истории Сибири и Забайкалья, краеведения, философии, политологии, социологии, филологии, лингвистики, экономики и истории экономики и т. д.

PREFACE

2017 is a special year for Russia. It marks the 100th anniversary of the Russian Revolution of 1917. This event diverted Russia from the evolutionary development path. Historians, public figures have various assessments of the Revolution and its consequences. We believe that during the work of the scientific conferences, forums, round tables, seminars it is necessary to give independent and objective assessments of the history of XX century after 1917 year.

The Revolution of 1917 is the main topic of the Conference on Historical Development of the Border Region: Partnership and Cooperation which is a part of the Annual scientific conferences program on Cross-border cooperation: history and modernity. This program is implemented by the Faculty of History of the Transbaikal State University together with the Government of Zabaikalsky Krai. It is important to note that the Ministry of International Cooperation and Foreign Economic Relations is one of the Conference's organizers because many scientists from different countries traditionally take part in the Conference.

The second important date for the region is 80th anniversary of Chitinskaya Oblast's founding. This is the second important topic of the Conference. Such topic as history of region and its modern development will be given special attention during the event.

The third equally important date is 50th anniversary of the nuclear industry in the region. Nowadays this area largely defines the development of Zabaikalsky Krai. History of mining and trainings of the uranium mining industry specialists therefore became the third important topic of the Scientific Forum.

Besides 3 declared topics, organizers also included following directions of the Conference's work:

- Actual Issues of the History of Fatherland.
- 1917 year in Russian History. Destinies of the century.
- Region as the object of research.
- Historical development of the border region.
- Compatriots: life abroad and bonds with the Motherland. History and modernity.
- Historical retrospective of Zabaikalye.
- Role of the mining industry in the socio-economic development of the region.
- Modern socio-political processes in Zabaikalsky Krai. The Region in the cross-border area.
- Philological issues of the border region: literary, linguistic, methodological aspects (philological and linguistic areas).
- Border region in the philosophical discourse (philosophical area).
- Economics and social field: cross-border format (economics area).
- Problems and prospects of the socio-economic development of Zabaikalsky Krai with the Asia Pacific region countries.

This year academics from more than 40 cities of the Russian Federation and 6 countries are participants of the Conference. In total, more than 170 scientists take part in the Conference with face-to-face and virtual participation.

Proceedings in the collection of articles can be used for the study of world history, history of Fatherland, Siberia, Zabaikalsky Krai, local history, philosophy, political science, sociology, philology, linguistics, economics and economic history, etc.

РАЗДЕЛ 1. Актуальные вопросы отечественной и всеобщей истории

SECTION 1. Actual issues of the fatherland and world history

УДК 91:528
ББК 26.8г:26.17

Алексей Владимирович Постников,
*Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова
Российской академии наук,
г. Москва, Россия*

Географические материалы из России в коллекции почётного члена Императорской Санкт-Петербургской академии наук Григория Фёдоровича Аша (Thomas Georg von Asch, 1729–1807) в городе Гёттингене (ФРГ)

В работе рассматривается уникальная коллекция книг, рукописей и карт, вывезенная из России немецким врачом и естествоиспытателем бароном Григорием фон Ашем, выявляются не исследованные ранее связи этих материалов с источниками по истории русских географических исследований в Сибири и северной части Тихого океана, хранящимися в российских государственных архивах. Рассматриваются также карты Японии, составленные для русских капитаном японского судна «Синсё:-мару» («Камиясу-мару») Дайкокуем Кодаю во время пребывания его в России (1783–1792). Рукопись японского мореплавателя, датируемая 1794 или 1795 годом, была переведена со старояпонского языка и опубликована с соответствующими научными комментариями и вступлением выдающимся востоковедом, дипломатом и разведчиком Владимиром Михайловичем Константиновым (1903–1967). Карты Кодаю из Коллекции Гёттингенского университета В. М. Константинову, как и всем советским исследователям, в то время известны не были.

Ключевые слова: Жозеф-Никола Делиль, Юлиус Клапрот, Григорий фон Аш, русские картографические коллекции за рубежом, географические исследования, Сибирь, Северная часть Тихого океана, Япония, Кяхта

Alexey V. Postnikov,
*Russian Academy of Sciences S. I. Vavilov Institute
of the History of Science and Technology,
Moscow, Russia*

Russian Geographical Materials in the Collection of the Honorary Member of the Imperial Saint-Petersburg Academy of Sciences, Thomas Georg von Asch, 1729–1807 in Göttingen (Germany)

We discuss in the paper a unique collection of books, manuscripts and maps which German physician and scientist Thomas Georg von Asch had taken out from Russia. It is analyzed a connection of these materials with the studied

earlier sources on the history of the Russian geographical explorations in Siberia and the Northern part of the Pacific Ocean which are stored at the Russian state archives and Libraries. Also the maps of Japan made for Russians by the captain of the Japanese vessel Sinsyo:-mara (Kamiyasu-mara) Daykokuyem Kodayu during his stay in Russia (1783–1792) are discussed. The manuscript of the Japanese seafarer dated 1794 or 1795 had been translated from Old Japanese and published with the corresponding scientific comments and the introduction by the outstanding orientalist, the diplomat and the Soviet intelligence officer Vladimir Mikhaylovich Konstantinov (1903–1967). Maps by Kodayu from the Collection of the Gottingen University were not at that time known as to V. M. Konstantinov, so to all other Soviet researchers.

Keywords: Joseph-Nicolas Delisle, Julius Klapproth, Thomas Georg von Asch, Russian cartographic collections abroad, geographical explorations, Siberia, North Pacific, Japan, Kyakhta

С началом XVIII века, знаменовавшимися в России петровскими реформами, значительно возрос интерес европейцев к стране, широко распахнувшей двери для европейской науки и культуры. Одним из важнейших элементов петровской политики было изучение географии страны и создание такой её карты, которая могла быть включена в географическую карту Европы и мира, созданную в системе координат широты и долготы, с использованием определённой проекции и масштаба, т. е. тех параметров математической основы, которых были практически лишены традиционные русские географические чертежи допетровской эпохи. Осуществление этой задачи было невозможно без привлечения образованных европейцев. Для обеспечения подготовки астрономо-геодезических кадров высшей квалификации и проведения необходимых для создания карт сети опорных точек инструментальных наблюдений Пётр Первый пригласил в Россию французского астронома Жозефа-Никола Делиля (1688–1768).

Ж.-Н. Делиль сделал весьма много для создания научной астрономии в нашей стране, однако его роль в развитии картографии ограничилась лишь рядом проектов составления карт на базе триангуляции, оказавшихся в то время невыполнимыми из-за ограниченности времени и средств. Одной из главных целей Ж.-Н. Делиля было объявлено создание «Атласа Российского...», изданного Санкт-Петербургской академией наук в 1745 году уже под руководством великого математика Леонарда Эйлера (Leonhard Euler, 1707–1783), большую часть жизни трудившегося в нашей академии и весьма способствовавшего созданию и укреплению её авторитета в мировой науке. Отстранение

Ж.-Н. Делиля от руководства составлением «Атласа Российского...» на заключительном этапе его создания не было случайным или результатом каких-то интриг. Просто у властей страны и Санкт-Петербургской академии появились подозрения, что Делиль использовал своё положение для отправки во Францию некоторых материалов, считавшихся на государственном уровне секретными, Камчатских экспедиций Витуса Беринга и Алексея Чирикова (1725–1730 и 1740–1742 гг.). Невзирая на это, в 1747 году он был избран иностранным почётным членом Санкт-Петербургской академии наук, однако в 1748 году Делиль этого звания был лишён. Краткость пребывания в звании иностранного почётного члена Петербургской академии наук объясняется тем, что вскоре после отъезда Делиля из России стало совершенно очевидным, что он, работая в Академии и имея доступ практически ко всем новейшим географическим материалам империи, злоупотреблял неограниченным доверием к нему российских властей, первым документальным подтверждением чему явилось обнаружение им за рубежом результатов Второй Камчатской (Великой северной) экспедиции (1733–1741) Беринга – Чирикова. Наряду с этим такие учёные и практики российской картографии, как Иван Кириллович Кирилов (1687–1737), Василий Никитич Татищев (1686–1750) и Леонард Эйлер (1707–1783), подчёркивали, что Делиль использовал свое положение научного руководителя создания академического атласа Российской империи для систематического копирования и сбора картографических и географических материалов съёмок петровских геодезистов. Эти материалы были вывезены им в 1747 году во Францию,

за что Делиль получил пожизненную пенсию от французского монарха¹. Мне удалось выяснить, что помимо карт Ж.-Н. Делиль вывез во Францию громадный массив подлинных текстовых материалов (инструкций, наставлений, отчётов, таблиц астрономо-геодезических наблюдений и т. п.), которые ранее считались безвозвратно утраченными [2].

Другим иностранным членом Императорской Санкт-Петербургской академии наук, нанёсшим весьма ощутимый ущерб рукописным (в том числе картографическим) собраниям Российской империи, был немецкий востоковед Юлиус Генрих Клапрот (Julius Heinrich Klapproth, 1783–1835). Он, как и Ж.-Н. Делиль, в начале своей службы в России (с 1805 г.) пользовался полным доверием и глубоким уважением как императора Александра I, так и академического сообщества. Пребывание Клапрота в России в научном отношении было очень плодотворным. В 1805 году он участвовал в посольстве графа Ю. А. Головкина в Китай, но поскольку маньчжурские власти не пустили послов дальше Монголии, по поручению академии продолжал свои исследования азиатских народностей на Кавказе (1807–1808). В 1810 году Клапрот был командирован российским правительством и Академией наук в Берлин для опубликования там иероглифических словарей по рукописям, предоставленным ему в России. Очень скоро стало ясно, что он не

только не собирался выполнять порученного ему дела, но, пользуясь своими дипломатическими полномочиями, вывез из России множество подлинных китайских карт и рукописей, представлявших собой собственность Министерства иностранных дел и Академии наук. Возвращаясь в Россию, как и возвращать сворованные им материалы и 750 р. серебром, выданные ему правительством на издательские расходы, он не собирался и даже обратился в Академию наук с оскорбительным письмом, выдвигая против академиком ни на чём не основанные обвинения. 12 августа 1812 года собралась академическая Конференция и приняла постановление об исключении Г. Ю. Клапрота «с бесславию из Академии наук», однако ещё пять лет он числился академиком, поскольку лишь 19 апреля 1817 года Александр I утвердил это решение.

В отличие от Ж.-Н. Делиля, сосредоточившего практически все вывезенные из России материалы в своей родной Франции, Клапрот раздробил свою коллекцию, распродав её по разным странам. Подлинные маньчжурские карты, переданные Циньскими властями Министерству иностранных дел Российской империи и вывезенные Клапротом из России, хранятся в Национальной библиотеке Франции в Париже. Помимо этого, мною установлено, что большую коллекцию своих карт немецкий востоковед продал в 1830–1840-х годах Британскому Музею (теперь они хранятся в Картографической библиотеке Британской библиотеки). Детальный анализ ущерба, нанесённого Клапротом национальному достоянию России, выполнен мною на основании исследования фондов Архива внешней политики Российской империи (Москва), Библиотеки и архива РАН (Санкт-Петербург), Британской библиотеки (Лондон), Национальной библиотеки и Национального архива Франции (Париж) [2, с. 411–417].

Как было показано выше, «коллекционирование» русских географических материалов и отправление их за рубеж Ж.-Н. Делилем и Юлиусом Клапротом стало доподлинно известно и соответственно квалифицировано как неблагодарная и предательская деятельность по отношению к стране, принявшей их как крупных специалистов и ценившей их труд подчас значительно выше труда отечественных учёных. Менее известна, или вообще неизвестна для современников осталась такого рода дея-

¹ Неблаговидные аспекты деятельности Ж.-Н. Делиля в России интенсивно исследовались в течение всего двадцатого столетия, причем начали эти работы французские учёные. См.: Isnard A. Joseph-Nicolas Delisle. Sa biographie et sa collection des cartes géographiques à la Bibliothèque Nationale. Comité des travaux historiques et scientifiques // Bull. de la sect. de géographie. – Paris, 1915. – Vol. XXX; Omont H. Lettres de J. N. Delisle à comte Monrepas et à l'abbé Bignon sur ses travaux géographiques. Comité des travaux historiques et scientifiques // Ibid. 1917–1918. – Vol. XXXII; Кордт В. А. Материалы по истории картографии Украины. – Киев: Всеукр. АН: Археология, комиссия, 1931; Фель С. Картография России XVIII века. – М., 1960. – С. 179–183; Салищев К. А. Собрание русских карт первой половины XVIII в. в Париже. Коллекция И. Н. Делиля // Известия АН СССР. Сер. География. – 1960. – № 4. – С. 104–110; Lesure. Les sources de l'histoire de Russie aux archives nationales. S.l., 1970. – P. 398–415; Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. – М.: Наука, 1971. – С. 249–255; Гольденберг Л. А. Первый академический атлас России и картографические работы географического департамента Академии наук // Очерки истории географической науки в СССР. – М., 1976. – С. 49; Утин Г. Н. Новое о собрании русских карт первой половины XVIII в. в Париже // Известия АН СССР. Сер. География. – 1981. – № 2. – С. 126–131; Мусихин А. Л., Астроном И. Н. Делиль и князь П. В. Долгоруков // Петряевские чтения, 2003: материалы науч. конф. (г. Киров, 27–28 февр. 2003 г.). – Киров, 2003. – С. 68–74.

тельность замечательного немецкого врача и натуралиста, барона Григория (Егора) Фёдоровича Аша. Мы впервые познакомились с его Гёттингенской коллекцией русских картографических материалов при подготовке к изданию на Аляске книги «Исследуя и картографируя Аляску: Эпоха Русской Америки», опубликованной в 2015 году [4, с. 140].

Профессор Университета Париж VII имени Дени Дидро (Université Paris Diderot – Paris VII), выпускница Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, видный синолог Вера Дорофеева-Лихтманн (Vera Dorofeeva-Lichtmann) любезно предоставила мне для исследования копии карт из коллекции барона Аша (Гёттинген, ФРГ), за что я ей сердечно благодарен.

Эта коллекция, подаренная Ашем Гёттингенскому университету, является весьма детальной картографической «летописью» русских географических исследований XVIII века в Сибири и связанных с ними сюжетов русско-китайского приграничья¹.

Григорий фон Аш родился в Санкт-Петербурге 12 апреля 1729 года в семье немца из Силезии Фридриха Георга фон Аша, почт-директора Санкт-Петербурга, приглашённого в страну Петром I. Получив великолепное для своего времени домашнее образование, Григорий фон Аш в 1744 году начал обучаться медицине в Тюбингенском университете, а в 1747 году продолжил учё-

бу в Гёттингенском университете под руководством известного врача Альбрехта фон Галлера. Защитив в 1750 году докторскую диссертацию и посетив Англию, Францию и Голландию, он вернулся в Санкт-Петербург и был принят на государственную службу с обязанностью разыскивать места, где находятся целительные колодцы минеральных вод, покупать эти воды и пересылать в медицинскую канцелярию, которой предоставлена была монополия продажи иностранных минеральных вод. По возвращении в Россию в 1752 году он был назначен штатт-физиком, затем с 1753 по 1759 годы последовательно служил дивизионным врачом расположенной в Финляндии дивизии графа А. И. Шувалова, старшим врачом морского кадетского корпуса; в 1760 году он был назначен штаб-доктором находившейся в Пруссии армии А. Б. Бутурлина. В 1763 году императрица Екатерина Великая включила его в Медицинскую коллегию, где он был избран «Первым членом» и в качестве депутата этого учреждения в 1767 году участвовал в работах Комиссии нового Уложения. Он служил главным медиком российской армии во время русско-турецких войн 1768–1774 и 1777 годов. В этот период, находясь в Молдавии и за Дунаем, много сделал для борьбы с чумой, свирепствовавшей в войсках. В 1779 году Императорская Санкт-Петербургская академия наук избрала его своим почётным членом.

Барон фон Аш практически постоянно сохранял тесные связи со своей Alma Mater в Гёттингене. В 1771 году он направил в университет свой первый дар, представлявший собой объёмную посылку из книг и рукописей. После того, как фон Аш был избран иностранным членом Гёттингенской Академии наук, число его посылок значительно возросло. В своих более чем 120 письмах давнему другу, директору Гёттингенской университетской и государственной библиотеки, видному филологу-эллинисту и археологу Христиану Готлибу Гейне (Christian Gottlob Heyne, 1729–1812, с 1805 года – Почётный член Санкт-Петербургской академии наук) Григорий Аш перечислял материалы, которые он дарил библиотеке и рассказывал о деталях их пересылки в Гёттинген. В число этих материалов входили книги, рукописи, карты, медали, минералы, растения, черепа туземцев, одежда и другие предметы, представлявшие научный интерес. Эта коллекция показывает как близкие связи Аша с учёными России, так и его контакты с отдалёнными регионами страны,

¹ Подробнее о бароне Г. Ф. Аше и его коллекции см.: Brigitta Hauser-Schäublin / Gundolf Krüger (Hrsg.) *Sibirien und Russisch-Amerika: Kultur und Kunst des 18. Jahrhunderts; die Sammlung von Asch.* – Göttingen, München [u. a.]. – 2007. – (Engl. title: *Siberia and Russian America: culture and art from the 1700s; the Asch collection*, Göttingen); Helmut Rohlfing. *Eine neue russische Bibliothek in Göttingen: Georg Thomas von Asch als Förderer der Georgia Augusta*, in: Elmar Mittler / Silke Glitsch (Hrsg.), *„Russland und die „Göttingische Seele“: 300 Jahre St. Petersburg, Göttingen 2003*; «ganz vorzügliche und unvergeßliche Verdienste»: Georg Thomas von Asch als Förderer der Universität Göttingen, Katalog einer Ausstellung im Historischen Gebäude der Niedersächsischen Staats- und Universitätsbibliothek, 20. April bis 22. Mai 1998. – Göttingen, 1998; Arnold Buchholz *Die „Göttinger Rußlandsammlungen Georgs von Asch. Ein Museum der russischen Wissenschaftsgeschichte des 18. Jahrhunderts“.* – Gießen, 1961; *Literatur von und über Georg Thomas von Asch im Katalog der Deutschen Nationalbibliothek; Library of Congress, Meeting of Frontiers: Collections from Goettingen State and University Library (SUB) – The Georg von Asch Collection (Digitalisate von Büchern, Karten und Manuskripten der „Sammlung Asch“ auf den Seiten des russisch-amerikanischen Projektes „Meeting of frontiers – Встреча на границах“); ASCH-Projekt der Niedersächsischen Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.de.wikipedia.org/wiki/Georg_Thomas_von_Asch (дата обращения: 10.03.2017).*

особенно с Сибирью. К концу жизни Григорий фон Аш собрал коллекцию редких и малоизвестных материалов, которая заложила основу репутации Гёттингенской университетской библиотеки как одного из богатейших в мире депозитариев восточно-европейских и сибирских материалов. Этот фонд включает 176 печатных томов и рукописей и около 179 рукописных и печатных карт.

Даже беглый просмотр этих материалов, особенно касающихся географических исследований и картографирования Сибири, Китая и северной части Тихого океана, вызывает много вопросов по поводу того, каким

образом они попали в руки немецкого медика. Материалы такого рода рассматривались российскими властями как секретные и подчас скрывались даже от таких российских академиков, непосредственно связанных с исследованиями Сибири, каким был Герхард Фридрих Миллер (1705–1783) [4, с. 107–110]. Первой в ряду таких карт является замечательная акварель, получившая в отечественной литературе название «Этнографической карты Сибири» (см. рис. 1). Эта карта была известна в четырёх вариантах, и копия Григория фон Аша является её пятым вариантом, причём вариантом полным и великолепно выполненным.

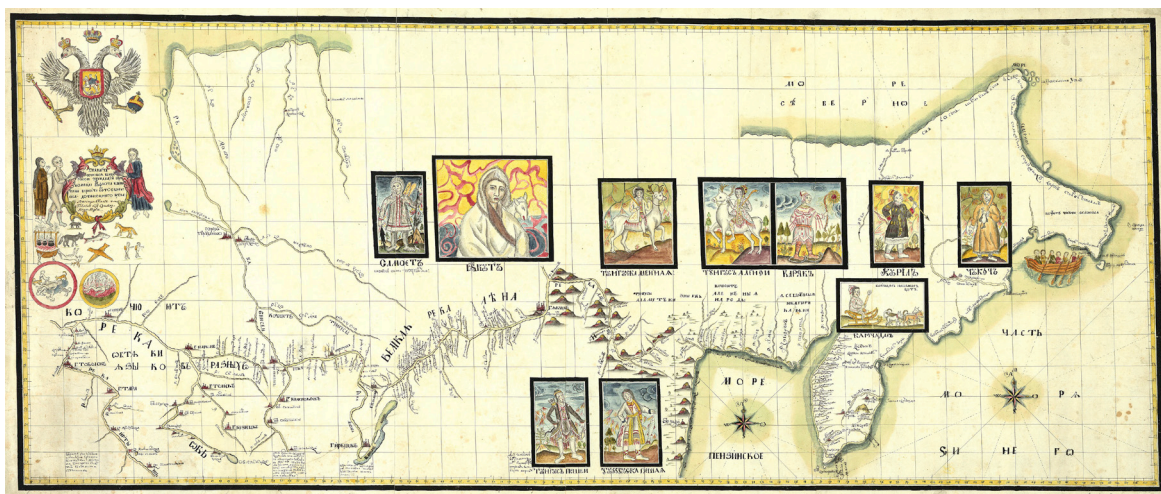

Рис. 1. Asch 246

Значительно более редкой является генеральная отчётная карта Второй Камчатской экспедиции в конической проекции (известная под условным названием карты Морской академии, экземпляр которой сохранился в Российском государственном архиве Военно-морского флота) с нанесением маршрутов Витуса Беринга и Алексея Чирикова и их версий размещения земель в северной части Тихого океана между Азией и Северной Америкой. Эта карта в период пребывания барона фон Аша в России, безусловно, была недоступна никому, кроме служащих Адмиралтейств-коллегии (см. рис. 2) [Там же, с. 62–63].

Ещё менее доступны были материалы последующих секретных правительственных экспедиций, направлявшихся в северную часть Тихого океана для уточнения и обеспечения научным астрономо-геодезическим обоснованием схематичных карт, составлявшихся русскими промышленниками, бросившимися на добычу ценных мехов морских животных Алеутских островов и Аляски в 1750–1780-х годов. В коллекции барона фон

Аша сохранились уникальные подлинники или авторские копии в акварели отчётной карты секретной экспедиции «для описи лесов по рекам Каме и Белой» военно-морских боевых офицеров Петра Кузьмича Креницына (1728–1770) и Михаила Дмитриевича Левашова (около 1738–1774 или 1776) (см. рис. 3) и детальная карта Алеутских островов по итогам плавания Потапа Кузьмича Зайкова (ум. в 1790 г.) (см. рис. 4), чёрно-белая копия которой воспроизведена нами [Там же, с. 140]. Замечательна также рукописная карта плавания предпринимателя, основателя Русской Америки и инициатора создания Российско-Американской компании, Григория Ивановича Шелехова (1748–1795) в Русскую Америку (1783) (см. рис. 5), аналога которой мне не встречалось в русских фондах. Хорошо известны лишь печатные карты Григория Шелехова, имевшие ярко выраженный характер «картографической декларации» образования российско-американских колоний, владение которыми обосновывалось правом русских, как первых европейцев, открывших и освоивших эти земли.

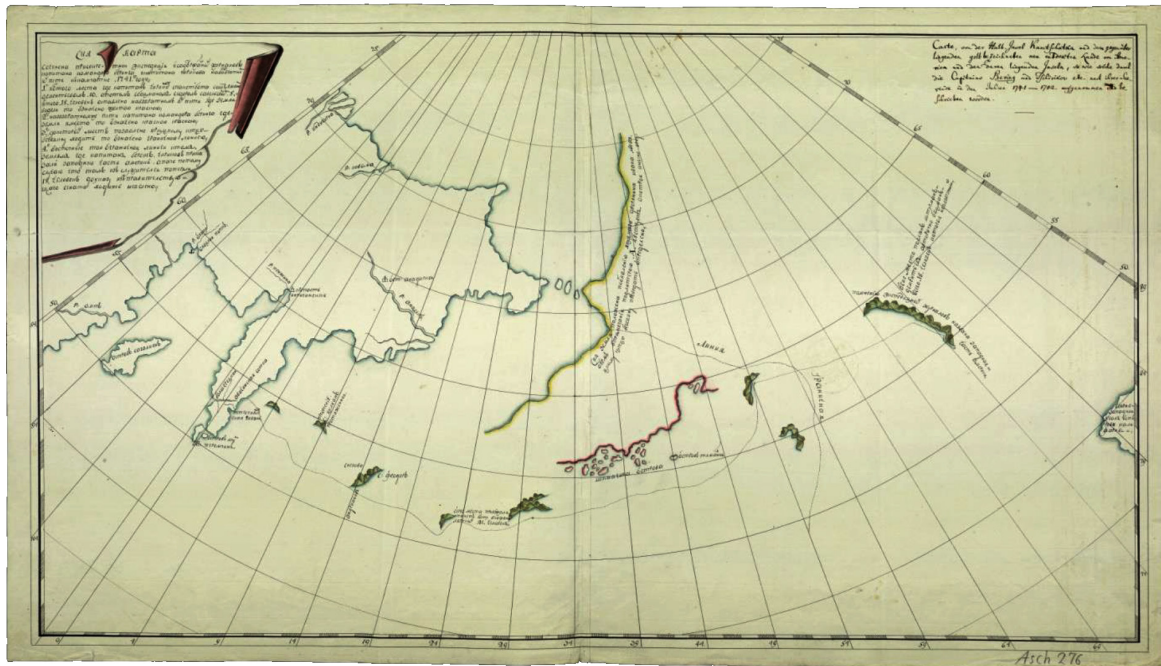

Рис. 2. Asch 276

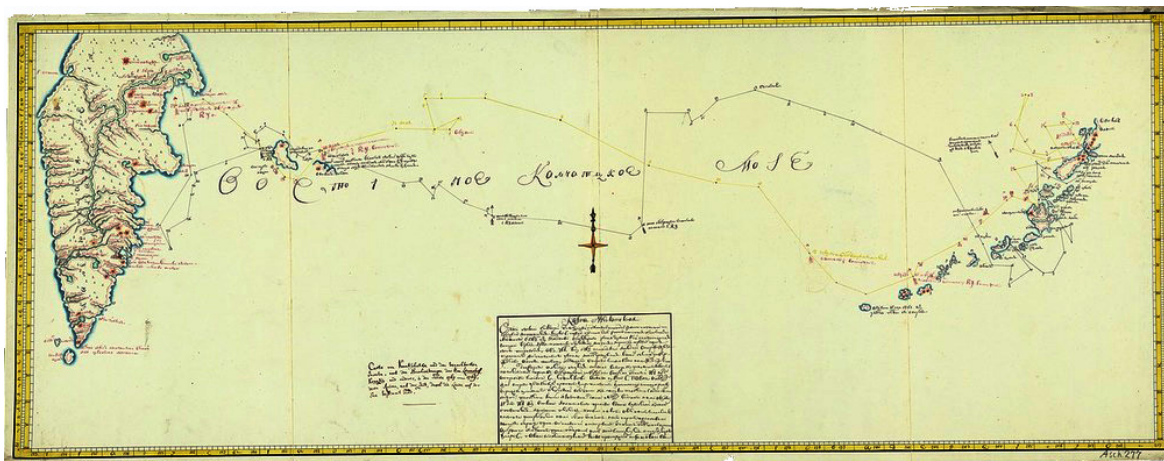

Рис. 3. Левашов и Креницын

Рис. 4. Карта Потапа Зайкова

Рис. 5. Рукописная карта Шелехова

Следующая группа картографических материалов коллекции барона фон Аша также связана с Тихим океаном и деятельностью Российско-Американской компании. Я имею в виду карты (см. рис. 6–9), составленные капитаном японского судна «Синсё-мару» («Камиясу-мару») Дайкокуем Кодаю во время пребывания его в России (1783–1792). Рукопись японского мореплавателя, датируемая 1794 или 1795 годом, была переведена со старояпонского языка и опубликована с соответствующими научными комментариями и вступлением [1] моим отцом, выдающимся востоковедом, дипломатом и разведчиком Владимиром Михайловичем Константиновым (1903–1967)¹. В начале 1783 года корабль «Синсё-мару» вышел с грузом риса и других товаров из гавани Сироку провинции Исэ. В открытом море корабль был застигнут тайфуном, потерял мачту и руль и после шести с лишним месяцев скитаний по Тихому океану и потер-

пел крушение у острова Амчитка (одного из Алеутских островов). Спасшие японцев русские промышленники оказали им тёплое гостеприимство и через четыре года помогли японцам перебраться с Алеутских островов на Камчатку, оттуда в Охотск, затем в Якутск и, наконец, в Иркутск. В Иркутске они прожили более трёх лет. За это время капитану корабля Кодаю удалось при содействии известного учёного естествоиспытателя и путешественника Кирилла (Эрика) Густавовича Лаксмана (швед. *Eric (Erich) Laxman*, 1737–1796) съездить в Санкт-Петербург, где он получил аудиенцию у Екатерины II и разрешение для себя, Коити и Исокити вернуться на родину. В 1792 году они были доставлены из Охотска в Японию на борту бригантин «Екатерина» с экспедицией поручика Адама Лаксмана (1766–1806), сына Эрика Лаксмана. Во время пребывания в России Кодаи и Исохити ознакомились со многими сторонами жизни неизвестной им до того страны и по возвращении в Японию рассказали своим соотечественникам о климате, природных богатствах, сельском хозяйстве, некоторых видах промышленного производства России, о быте, культуре, религии и обычаях её народов. С большой теплотой Кодаю и Исокити отзывались о русских, которые «осыпали милостями» потерпевших кораблекрушение. Несмотря на то, что правительство Японии

¹ Лурье В. М., Кочик В. Я. ГРУ: дела и люди. – СПб.: Нева; М.: Олма-Пресс, 2003. – 408 с.; Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я. Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. – М., 2012. – 426 с.; Постников А. В. Русский интеллигент Владимир Михайлович Константинов как востоковед, дипломат и разведчик // Вторая мировая война: предыстория, события, уроки: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Великой Победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом (г. Чита, 11–12 сент. 2015 г.). – Чита: ЗабГУ, 2015. – Ч. 2. – С. 67–72.

препятствовало распространению сведений о других странах, рассказы Кодаю и Исоки-ти и весть о неожиданном возвращении их

на родину стали достоянием японского общества того времени и породили дружеские чувства к России [1].

Рис. 6. Asch 284 Kodayu 1

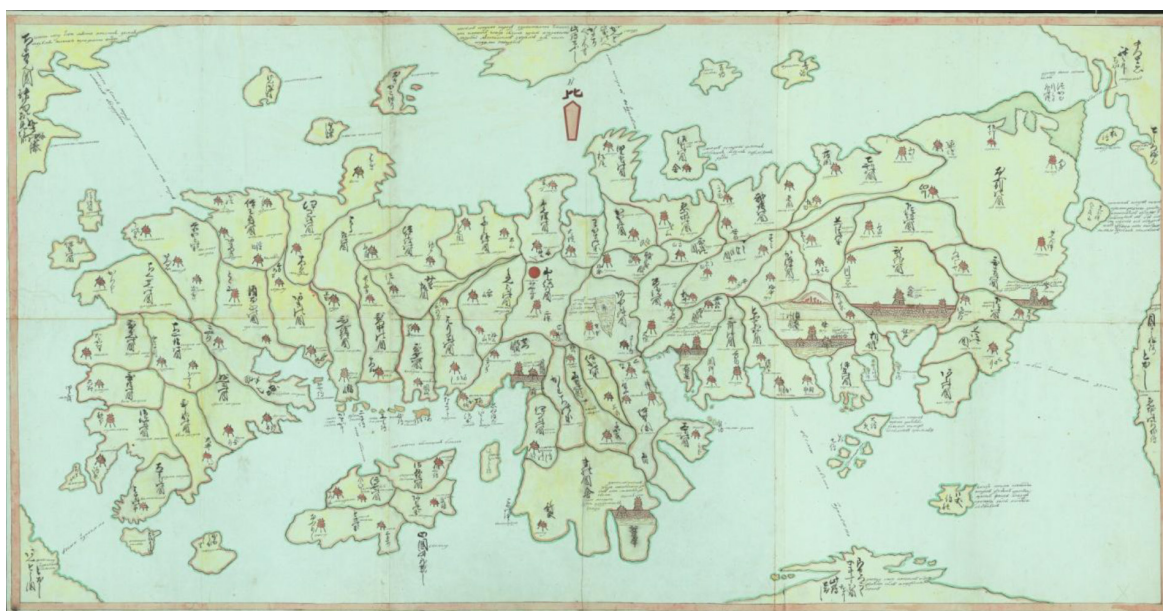

Рис. 7. Asch 284 Kodayu

Рис. 8. Asch 285 Kodayu 2

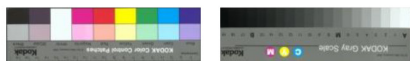
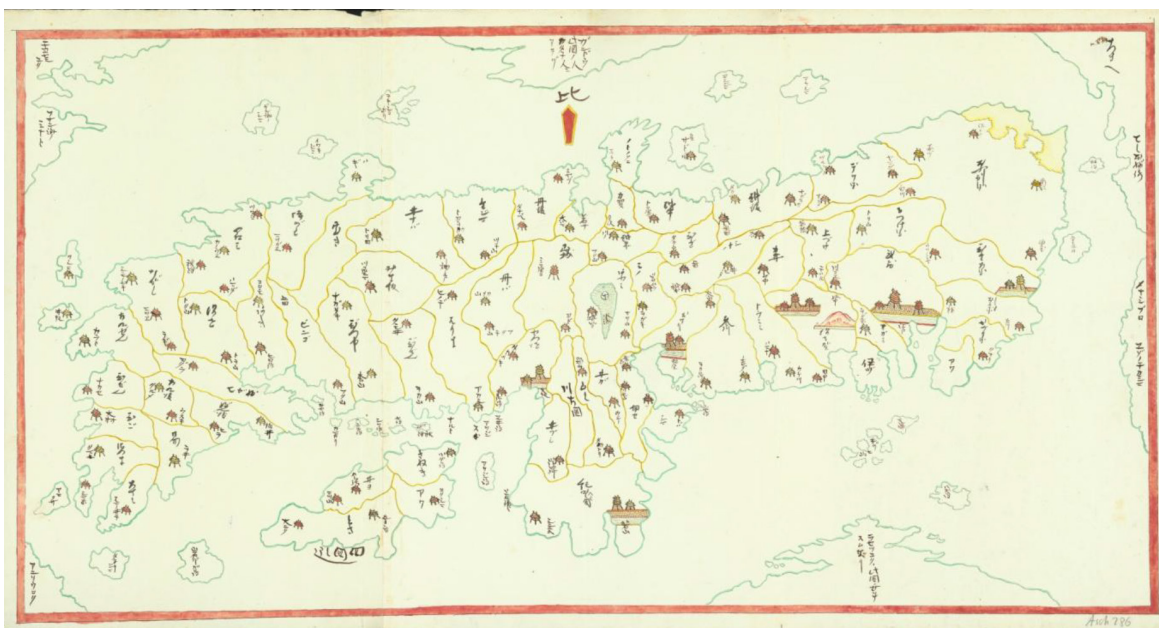

Рис. 9. Asch 286 Kodayu 3

Судя по представленным в коллекции барона фон Аша картам Кодаю (*Kodayu*), они были составлены специально для русских, но каких-либо сведений об использованных японцами картографических основах и материалах на них не приведено. Основы эти, однако, для своего времени весьма детальные и географически достоверны. А чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить их с самой

ранней (относящейся к 1770-м годам) известной мне картой Японии на русском языке, сохранившейся в Российском государственном архиве древних актов¹.

¹ Postnikov A. V. Outline of the History of Russian Cartography. Chapter 1 in: Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World. Towards a Discipline of Regionology / ed. by Kimitaka Matsuzato. – Sapporo, Japan: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2000. – P. 1–49; ПГАДА. – ф. 7. – № 2539.

На картах Кодаю достаточно детально отображена береговая линия Японских островов, их политико-административное деление, населенные пункты с иероглифическими названиями, переведёнными на русский язык; даны различные пояснительные надписи (иногда только на русском языке), отражающие, в частности, видимость берегов с соседних побережий. По свидетельству профессора Славянского исследовательского центра Университета Хоккайдо Мотохиро Тсуджимото (*Motohiro Tsujimoto*), в качестве картографической основы изображения Японских островов Кодаю использовал «Генеральную карту Японии», составленную Рюусен Ишикава (*Ryuusen Ishikawa*) в 1687 году (本朝図鑑綱目 石川流宣 *Hon Chou Zukan Koumoku*) [Карта представлена на сайте: <https://www.wdl.org/en/item/11824>].

В коллекции Григория фон Аша много китайских документов, которые вполне за-

служенно привлекают внимание синологов, что я уже отмечал в начале своего сообщения. Не будучи китаистом, осмелюсь лишь высказать предположение, что получить эти документы барон Фон Аш, принадлежавший к высшим академическим и властным кругам Российской империи, мог лишь из Российской духовной миссии в Пекине. Совершенно очевидно, что представители другой могущественной христианской миссии – иезуитской – ни при каких обстоятельствах не предоставили бы каких-либо материалов протестанту барону фон Ашу.

Я завершаю своё сообщение изящной китайской картиной-картой пограничного города и главного центра торговли пушниной из Русской Америки с Китаем – пограничного пункта Кяхты, который во многом до сих пор сохранил свой исторический облик (см. рис. 10) и одним из планов Пекина, который представлен на рис. 11.

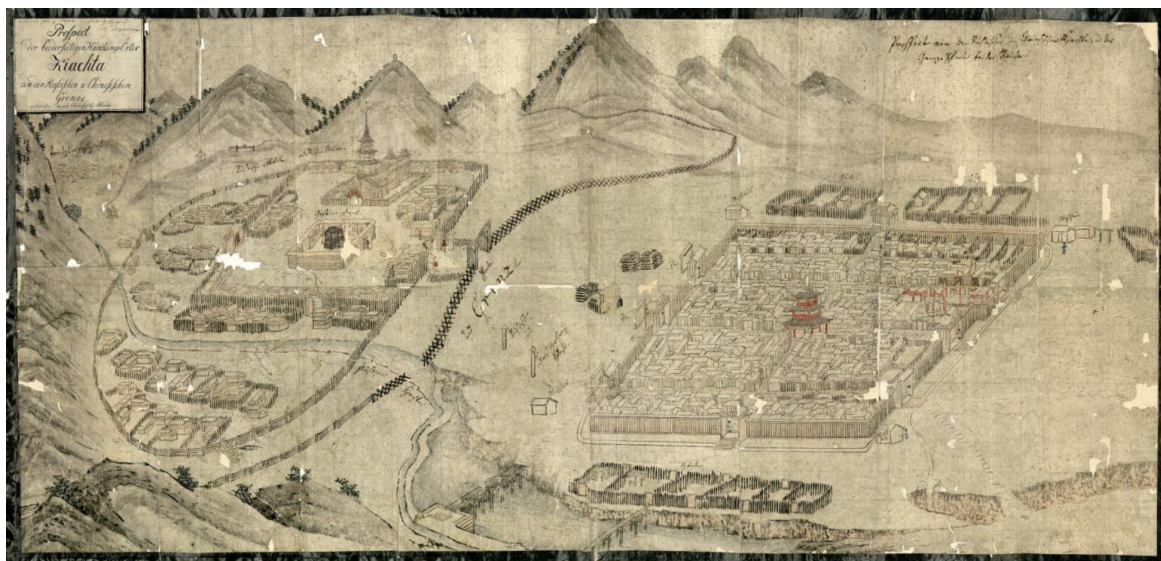

Рис. 10. Кяхта – Asch 269 Kяхta

Рис. 11. План Пекина

Источники и литература

1. **Константинов В. М.** Оросиякоку суймудан (Сны о России) / под ред. Н. И. Конрада. – М.: Вост. лит., 1961. – С. 10–11.
2. **Постников А. В.** Новые данные о российских картографических материалах XVIII – начала XIX в. во Франции // Архив истории науки и техники / отв. ред. С. С. Илизаров. – М.: Наука, 2007. – Вып. 3. – С. 390–423.
3. **Электронное послание** профессора Мотохиро Тсуджимото А. В. Постникову от 2 апреля 2017 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.motori-7map@wine.ocn.ne.jp> (дата обращения: 10.03.2017).
4. **Postnikov A., Falk M.** Exploring and Mapping Alaska. Russian America Era, 1741–1867 / tr. by Lydia Black. University of Alaska Press – Rasmuson Library Historic Translation. – Fairbanks, 2015. – 450 p. – 75 maps, size 7x10 /inch.

УДК 94 (571.61)
ББК 63.3 (2Р55)

Мария Сергеевна Шишкина,

*Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева,
г. Орёл, Россия*

Орловский край: от приграничного региона до Орловской губернии

В статье рассматривается трансформация статуса орловских земель от приграничного, малоосвоенного региона России до оформления их в единую Орловскую губернию, ставшую одной из главных хлебных житниц страны. Анализируются причины, позволившие изменить Орловщине своё хозяйственно-экономическое и политическое положение. В работе делается вывод о том, что благодаря политике правителей династии Романовых орловские земли смогли получить качественно новое развитие.

Ключевые слова: Орловский край, Орловская губерния, приграничный регион, династия Романовых, провинция, хозяйственно-экономическое развитие

Maria S. Shishkina,

*Orenburg State University. I. S. Turgenev,
Orel, Russia*

Orlovsky Edge: from Cross-Border Region to Oryol Province

The article deals with the transformation of the status of the Russian Oryol land border, underdeveloped region to design them into a single Orel province, which has become one of the main granary of the country. The reasons that allowed Orlovschine change their economic-economic and political situation. The paper concludes that could get a qualitatively new development thanks to the policy of the rulers of the Romanov dynasty Oryol land.

Keywords: Orel region, Orel province, a border region, the Romanov dynasty, the province, domestic economic development

XVII век является одной из важных судьбоносных вех в истории русского государства. Это столетие ознаменовалось сложнейшим восстановительным процессом страны после опричнины и Смуты и формированием общих экономических и культурно-социальных связей отдельных территорий России. Благодаря преодолению социальных, династических, сословных противоречий удалось стабилизировать политическую и экономическую ситуацию, а также сохранить суверенитет страны.

В XVII веке Россия продолжала расширять свою территорию на запад и восток, происходило дальнейшее освоение Дикого поля, в связи с этим бывшие пограничные земли утрачивали положение городов-крепостей и меняли свой политико-экономический статус.

Большой ущерб Орловщине нанесла Смута, которая привела к сожжению жилищ и практически полному уничтожению населения. Орловский край в эпоху Смутного

времени стал одним из главных регионов, на территории которого происходили судьбоносные баталии нашей страны. Здесь развернулись острая политическая борьба и мощные социальные движения [16].

В стране царил хаос: часть русских земель осталась верной Борису Годунову, другая часть стала оплотом самозванщины, включая и города Орёл, Кромь. На борьбу с Лжедмитрием I в орловские земли прибыли представители знатных фамилий: Шереметьев, Шуйский, Мстиславский. Однако после падения самозванца Орловский край продолжал оставаться спокойным. Регион остался верным повстанческим силам и новому «истинному царю» Лжедмитрию II. Именно здесь он формирует своё войско и получает насмешливое прозвище «орловский царик». В. Ливцов пишет, что именно Лжедмитрий приближает к себе Романовых [14], которые к тому времени находились в опале.

В период Смуты Орловщина подверглась интервенции как со стороны крымских

татар, так и со стороны поляков. До начала XVI века часть орловских земель входила в состав княжества Литовского, что позволяло и в начале следующего века смотреть Сигизмунду III на них как на свои территории. За несколько лет Смуты орловским землям досталось немало: их успели погромить свои, официальные, московские войска и иностранные военные.

Несмотря на катастрофические последствия Смутного времени для Орловского края, исчезновение города Орла (практически перестал употребляться в разрядных списках), спустя некоторое время настала и мирная эпоха спокойного развития. Так первый царь из новой царской династии Романовых Михаил Фёдорович повелел в 1636 году «для бережения от Крымских и Ногайских татар, на старом Орловском городище поставить город и в нём устроить ратных людей» [19]. Стоит отметить, что и посажен на престол в 1613 году Михаил был во многом благодаря орловским новоприборным казакам, которые выкрикнули его имя [14] и тем самым надолго определили судьбу России.

Вовремя позаботился об укреплении южных рубежей молодой царь. Впоследствии не раз на протяжении XVII века Орел подвергался набегам крымских татар. Численность татарского войска в каждом походе различалась и колебалась от 500 до 5 тыс. чел. [17]. Так, отдельные отряды не раз нападали на Орловские и Кромские земли в 1615 году [18]. Более крупный и опустошительный набег произошел в 1623 году, когда отряды татар численностью около 3 тыс. чел. напали на Орловский, Болховский и Карачевский уезды. Потери Орловских земель от вражеских набегов заключались не только в их ограблении, но и в людских жертвах, жителей Орла и соседних уездов убивали, уводили в плен. Особенно тяжёлым выдался 1634 год, только за это время было совершено несколько набегов. Осенью татарам, подошедшим к границам орловского уезда, удалось дать отпор и оттеснить их в Болховский уезд, там их настигло войско мценского воеводы Дмитрия Колтовского и под Орловским городищем у реки Оки в результате боя 20 татар были взяты в плен и освобождены 650 жителей края, ранее захваченные татарами [17].

Город отстроили на прежнем месте, однако неоднократно рассматривался вопрос о переносе крепости на соседний высокий берег (где сейчас находится Успенский мужской монастырь), но перенос произведён так

и не был. Обустраивался не только Орёл, но и соседние территории, так же очень сильно пострадавшие от смутного лихолетья: Мценск, Кромы, Болхов. По указу царя Михаила в 1628 году ряд болховских церквей, уничтоженных поляками, восстанавливались в прежнем виде [8]. Духовная жизнь вновь стала возрождаться, а люди постепенно возвращались на давно обжитые ими места.

С новой династией воскресла Россия, как феникс из пепла возродился и Орёл, и орловские земли. Город постепенно отстраивался, обзаводился новыми домами, улицами. При Алексее Михайловиче в стране стал складываться Всероссийский рынок.

Не обошёл стороной этот процесс и Орловский край. Орёл, Болхов, Ливны, Елец, Мценск, Брянск вели оживлённую торговлю не только друг с другом, но и с рядом соседних городов. Эти города в экономическом смысле представляли заинтересованность для многих Московских уездов, которые вели с орловскими землями широкую торговлю. Отсюда вывозилась значительная часть хлеба, масла, скота, воска. Вывоз продукции осуществлялся в основном речным путём по Оке. Первое место на рынке товаров в Орле занимало, конечно же, зерно. Ежегодно в первый месяц вскрытия реки ото льда из Орла по Оке вывозилось от 180 до 250 тыс. пудов хлеба. А в марте 1668 года торговые люди из Москвы, Коломны, Белева вывезли из Орла на 63 речных судах более 300 тыс. пудов хлеба [9]. Второе по значимости место занимала торговля солью. Орёл являлся крупнейшим распределительным пунктом соли в верховьях Оки. Так, за 25 лет продажа соли в городе увеличилась более чем в 13 раз (с 775 до 10 285 п.) [9].

Здесь же, в орловских землях располагалась одна из крупных русских ярмарок – Свенская (ныне на территории Брянской области). Именно ярмарки были одним из основополагающих факторов развития Всероссийского рынка. Сюда приезжали продавать свои товары не только орловские жители, но и гости из соседних московских, киевских земель, и гости заморские: греки, немцы. На Свенской ярмарке были представлены самые разнообразные товары, включая сушёные фрукты, рис, бумагу, ткани, меха и даже драгоценные камни. Продавалась и духовная литература из Киево-Печерской лавры и Москвы.

С восшествием на престол Петра Алексеевича наступает совершенно новый

период в развитии Российского государства. Новый царь уделил особое внимание развитию орловского региона, который до его правления имел в основном значение сельскохозяйственного центра. Для проведения активной внешней политики и обеспечения армии и флота Петру было необходимо создание ряда производств, обеспечивающих военные нужды. Именно при Петре I в Брянске появляются мастерские по ремонту оружия и изготовлению артиллерии.

Пётр Алексеевич стал основателем русского флота, он лично выбирал места для судостроительных верфей. Брянщина, богатая лесами, стала одним из тех мест, где Пётр заложил адмиралтейскую верфь для гребной флотилии, ставшей источником снабжения Черноморского флота военными судами [11]. Брянские суда составляли часть русского флота под командованием фельдмаршала Миниха в Русско-турецкой войне 1737–1739 годов [4]. В первый год войны граф Миних отдал приказ построить 400 судов различной вместимостью, большинство из них составили дубель-шлюпки, не пригодные к затяжным морским баталиям. В связи с этим, а также с уничтожением большей части кораблей в результате сильного шторма на Брянской верфи в 1738 году были произведены 4-пушечные бригантины и доставлены на место военных действий. Однако именно Русско-турецкая война 1737–1739 годов показала, что невозможно построить настоящие военные корабли вдали от моря, а речной флот ни по своей вместительной способности, ни по затратам на доставку (чтобы переправить брянские суда к Очакову, во время войны приходилось неоднократно волоком преодолевать днепровские пороги) не подходит для морских сражений [1].

В годы царствования Петра I в Орле были построены несколько прядилен и одна из первых в России парусиновых мануфактур (1698). После императорского визита о болховском кожевенном производстве узнают далеко за пределами Орловского края. Император также отдал распоряжение передать мельницы, принадлежащие Оптину мужскому монастырю, болховскому магистрату [6]. Обратное же во владение монастыря мельницы перешли только в правление Павла I [3].

Характеризуя хозяйственно-экономическое положение орловских земель в годы правления Петра I, нельзя не упомянуть и о том, что изменяется и их административное положение, что в конечной мере влияло и на экономическое развитие. В 1708 году

в результате губернской реформы в России вводилось новое территориально-административное деление. К XVIII веку отношения между центром и провинцией стали крайне сложными и запутанными, а управление уездами из столицы неудобным. Для решения этой проблемы Пётр меняет систему управления, создаёт губернии. В результате этой реформы Орёл вошёл в состав Киевской губернии, а в 1719 году стал административным центром Орловской провинции, позднее, с изменением административных единиц, вошёл в состав Белгородской губернии.

С этого времени растут экономические связи Орла с другими регионами, способствует этому и появление первой в городе пристани, откуда отбывали баржи, гружённые зерном, в разные концы империи. Речная торговля обходилась минимум в 3 раза дешевле сухопутной [13], поэтому появление в Орле пристани сыграло большую роль для развития экономики города.

Активная торговля в Орловском крае приводила к появлению перекупщиков. В конце XVIII века Орловским наместничеством был издан указ, предписывающий городскому магистрату принять самые действенные меры и городничему проезжать в торговое время несколько вёрст и отлавливать перекупщиков [7].

В Болхове в XVIII столетии помимо традиционной торговли пенькой, конопляным маслом получает развитие торговля лесом, который вывозился в южные степные города. Основной род занятий людей, проживающих в Болхове, формирует социальную структуру жителей, в которой преобладает купечество. К середине века в городе насчитывается 4000 душ мужского населения, принадлежащих к купеческой среде [3]. В XVIII веке в Болхове происходит расцвет церковного строительства.

Во Мценске в это время продолжает расширяться торговля хлебом. Не случайно на гербе города в зелёном поле изображены четыре пшеничных снопа [2].

Экономическое положение Брянского уезда в XVIII веке трансформируется. Со второй половины столетия уменьшается приток товаров на Свенскую ярмарку. После вхождения Брянска в состав Орловской губернии многие проживающие там купцы перебираются в центральный город губернии – Орёл [5]. С этого времени начинается торможение в экономическом и политическом развитии Брянска. В то же время данное событие послужило толчком для вкладывания населе-

нием капиталов в промышленное производство. В 1743 году на притоке Неруссы, речке Крапивной, купец Никулин основывает железоделательный завод. Одним из крупных предпринимателей становится помощник Горчаков, который строит сразу несколько заводов. Позднее в Брянске открываются две канатные фабрики, продукция которых шла в черноморские порты и Константинополь. Здесь же строится и ряд частных перерабатывающих предприятий, пивоваренных заводов. Несмотря на развитие промышленности, большое значение по-прежнему продолжало играть кустарное производство, в Брянске существовали швейные и сапожные мастерские. Многие жители Брянска отправлялись в Киев и Крым для занятий бурлацким промыслом.

Особое значение для орловского края имело правление Екатерины II. 28 февраля 1778 года из-под пера императрицы вышел именной указ «Об учреждении Орловской губернии». Прежняя трёхуровневая система административного деления – губерния, провинция, уезд – перестала действовать. Её заменила двухуровневая система – наместничество, уезд, в основе которой лежало деление в соответствии с числом проживающего населения. С этого времени г. Орёл и его окрестности получали развитие под

новым статусом, они образовали новую самостоятельную административную единицу. В 1779 году утверждается первый («Регулярный») план города Орла, разрабатывается схема дальнейшей застройки города.

В 1796 году вышел Указ императора Павла I о новом разделении государства на губернии, в результате которого ликвидировались генерал-губернаторства и вместо «наместничества» было принято наименование «губерния». Орловское наместничество, состоявшее из 13 уездов: Архангельского, Болховского, Брянского, Дешкинского, Елецкого, Карачевского, Кромского, Ливенского, Луганского, Мценского, Орловского, Севского и Трубчевского, официально получило название Орловской губернии.

В XVII–XVIII веках создаётся общий вектор экономического развития Орловского края, по которому в дальнейшем и будут развиваться орловские земли. В XVII веке орловские земли ещё не успели полностью восстановиться после разорения смутного времени, но в XVIII столетии Орловский край превращается в Орловскую губернию – важный торговый регион империи с хорошо развитой сельскохозяйственной промышленностью, который в последующем времени обратит на себя более пристальное внимание представителей дома Романовых.

Источники и литература

1. **1679 год. Брянские верфи** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.puteshstvie32.ru/content/verfi> (дата обращения: 08.04.2017).
2. **Аниканов В.** Мценский герб – наследие Петра Великого // Мценский край. – 1998. – 22 июля.
3. **Берташ А.** Болхов – город церквей. – СПб.: Агат, 2005. – 232 с.
4. **Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.** Энциклопедический словарь. – СПб.: Тип. акционерного о-ва Брокгауз – Ефрон, 1891. – Т. 8. – С. 813–814.
5. **Брянская область.** История Брянской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.protown.ru/russia/obl/history/history304.html> (дата обращения: 07.05.2017).
6. **Венедиктов А. Е.** Глазами путешественников // Болховские куранты. – 1982. – С. 28.
7. **ГАОО (Государственный архив Орловской области).** – Ф. 593. – Оп. 1. – Д. 17.
8. **Город Болхов – Орловский Суздаль** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.geocaching.su/?pn=101&cid=11783> (дата обращения: 09.05.2017).
9. **Города феодальной России:** сб. ст. памяти Н. В. Устюгова. – М., 1966. – С. 260.
10. **День народного единства в Орле:** «Орловский царик» и «кромские воры» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chr.aif.ru/orel/events/1015165> (дата обращения: 25.04.2017).
11. **Кеня И. А.** Благотворительность русских царей в российской провинции // GENESIS: исторические исследования. – 2013. – № 5. – С. 110.
12. **Кондратенко А.** Хлебородная губерния (Орловская губерния в 18–19 веках) // Новый Орёл. – 2008. – № 44. – С. 26–27.
13. **Ливцов В.** Не ищите в смуте истину // Орловская городская газета. – 2012. – 14 марта.
14. **Лысенко А. И.** Болхов. Колокольное имя твоё. – Орёл: Вешние воды, 2009. – 208 с.
15. **Минаков А. С., Воробьев А. В.** Династия Романовых и Орловский край // Романовские чтения: материалы Всерос. конф. – Кострома, 2013. – С. 43.
16. **Новосельский А. А.** Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 452 с.
17. **Олейникова А. П.** Орёл из века в век. – Орёл, 2013. – С. 15.
18. **Пясецкий Г.** Исторические очерки Орловского Введенского девичьего монастыря. – Орёл, 1896. – С. 1.
19. **Титова В.** Под звон колоколов (к 220-летию Орловской губернии) // Краеведческие записки. – 1999. – Вып. 3. – С. 10.

УДК 94(47+57)
ББК ТЗ(2)-283.31

Надежда Васильевна Дулина,
Игорь Николаевич Наумов,
Волгоградский государственный технический университет

Дмитрий Юрьевич Шарапов,
*Волгоградский государственный аграрный университет,
г. Волгоград, Россия*

Изменение статуса Всевеликого войска донского как иррегулярного войска в приграничном регионе

Статья посвящена процессам трансформации роли казачества и Всевеликого войска донского как иррегулярной кавалерии в приграничном регионе Юга России и роли в этом последствий Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачёва. Авторы отмечают, что в новейшей истории России, в связи с утратой территории бывших союзных республик, донское казачество вновь оказалось «пограничным» войском, причём не только на спокойной казахстанской границе, но и на весьма напряжённой границе с Украиной. И вновь статус казачьего войска нуждается в пересмотре, а его роль на юге России – в переоценке.

Ключевые слова: казачество, войско донское, иррегулярная кавалерия, пограничье

Nadezhda V. Dulina,
Igor' N. Naumov,
Volgograd State Technical University

Dmitry Yu. Sharapov,
*Volgograd State Agrarian University,
Volgograd, Russia*

Changing the Status of Vseveliky the Don Cossack Army as Irregular Troops in the Border Region

The article is devoted to processes of transformation of the role of the Cossacks of Vseveliky the Don army as irregular cavalry in the border region of the South of Russia and in this role the consequences of the Peasant war led by E. I. Pugachev. The authors note that in the recent history of Russia, in connection with the loss of the territory of the former Soviet republics, the Don Cossacks were once again the «border» of the army, not only to calm the border of Kazakhstan, but at a very tense border with Ukraine. And again of the Cossack host the status need of review, and its role in the South of Russia – in the reassessment.

Keywords: the Cossacks, the Don Cossack Army, the irregular cavalry, borderland

Маргинальность, пограничье, разлом, переход – состояния, которые всегда притягивают взгляд исследователя, поскольку одновременно содержат в себе признаки и характеристики старого и нового, уходящего и приходящего, одного и другого... Такие территории всегда богаты разнообразием видов, культур, свойств, характеристик. Исторически Нижнее Поволжье – перекрёсток цивилизаций. Давая характеристику территории между Уралом и Каспием, И. Ф. Кефели пишет: «Самые обособленные в мировом

океане и глубоко вдающиеся в сушу Чёрное и Азовское моря встречаются здесь с Великой Евразийской степью. По этому гигантскому коммуникационному коридору между Востоком и Западом в прошлом ураганом проходило великое переселение народов. В результате «трений» по краям коридора происходило взаимодействие и взаимообогащение культур, рождались новые этносы, государства и цивилизации» [6, с. 224]. Иначе говоря, начинала формироваться такая особенность макрорегиона, как геополити-

ческая биполярность на осях Запад – Восток и Север – Юг, и такие особенности ментального поля населения, как поликультурность, терпимость, адаптивность, восприимчивость к чужому опыту [Там же, с. 226]. В ходе «переселения народов» богатые и стратегически важные территории манили многих, однако далеко не всем оказалось под силу справиться с таким «котлом» этносов, традиций, обычаев, нравов и пр. Кроме того, эта территория – своеобразная «колыбель кочевничества», кочевники-степняки – народ особый, свободолюбивый: ищи-свищи ветра в поле... [3; 4].

«Междуречье Волги и Дона территория уникальная. С одной стороны, это “Азия”, с которой русский народ столкнулся не на одном азиатском материке, он нашёл её и в Европе, на той самой Великой равнине, где сам впервые появился на исторической сцене. Борьба с европейской половиной “Азии” проходит ярчайшей полосой через первые века нашей истории, начиная с обрвов, хазар и кончая монголами...; в последующие два века она принимает форму тяжёлого татарского ига... Но с его падением она возобновляется с прежним напряжением и силой» [7, с. 204].

С XVI века на Нижнем Дону и в Нижнем Поволжье начинают формироваться общины вольных казаков, пришедших ниоткуда, и в любую минуту готовых уйти в никуда. «Среди историков нет единой точки зрения на проблему происхождения казачества. По одной теории, казаки считаются потомками ещё домонгольского населения донской и приволжской степи – либо сарматов и хазар, либо славян – выходцев из Руси. Согласно другой версии, казачество возникло только в XVI веке и состояло из людей, бежавших из России из-за разорения и усилившейся эксплуатации... Большинство современных историков считают, что первоначальное казачество возникло во время распада Золотой Орды, когда оставшиеся без средств к существованию татарские воины уходили в степь и начинали вести самостоятельную жизнь. Татарские имена носят первые атаманы, известные нам по письменным источникам, в языке донских казаков сохранилось много тюркских терминов – «атаман», «есаул», «курень» и т. д. Само слово «казак» однозначно тюркского происхождения и означает «одиноким несемейный человек, не имеющий дома». Однако затем с середины XVI века на Дон и Волгу хлынул поток бе-

глецов из Русского государства. «Это были разорявшиеся от нескончаемых войн служилые люди – дворяне и стрельцы. Их было так много, что первоначальное тюркское ядро казачества быстро подверглось христианизации и растворилось в массе русских пришельцев. С другой стороны, и пришедшие в степь русские люди восприняли многие черты степной культуры... Первоначально казачество представляло собой разрозненные группы людей, не имеющих связи между собой. Во второй четверти XVI века произошло объединение их в одну организацию – Войско Донское, появились постоянные укрепленные поселения – городки» [11, с. 60–61].

Донское казачество, как и практически все казачьи войска российского государства возникает не только как сообщество вольных людей – казаков, но и как своеобразное пограничное войско, в значительной степени защищавшее беспокойную Юго-Восточную границу. Как свидетельствует история, взаимоотношения донского казачества с центральным правительством на протяжении веков не единожды менялись. Так, в 1637 году донские казаки, нарушив прямой запрет царя Михаила Фёдоровича, совершили поход на Азов [12]. С начала же XVIII века они были уже «в полной воле» российского императора в качестве иррегулярной (не входящей в состав регулярной армии) кавалерии. При этом роль их в охране и обороне границы оставалась неизменной до конца XVIII – первой половины XIX столетия.

Превращение Всевеликого войска донского из приграничного во внутреннее казачье войско произошло во второй половине XVIII века в царствование Екатерины Великой и было связано, прежде всего, с заключительным этапом Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачёва.

Весной 1774 года пугачёвское восстание развивалось ещё достаточно активно. Емельян Пугачёв и не думал складывать оружие: у него выработалась собственная плодотворная тактика мобилизации новых сил. Волей, обещаниями привилегий он привлекал и казаков, и представителей многих народов Поволжья (башкир и др.), и беднейших крепостных. В Казани Пугачёву не удаётся штурм Кремля, но в городе – а это был крупнейший форпост империи на Волге – его войска покуражились вволю. Под Казанью полковник Михельсон разбивает войско Пугачёва, но самозванный император переправляется на правый берег Волги и расширяет

ареал мятежа, хозяйничая в обширных районах Среднего, а затем и Нижнего Поволжья. В июле широкие полномочия по борьбе с пугачёвщиной получает генерал-аншеф граф П. И. Панин (под его началом хорунжий Емельян Пугачёв служил при осаде Бендер). В Петербурге уже нельзя было скрыть признаков паники, охватившей столичную верхушку. Пугачёва демонизировали, считали непобедимым и неуязвимым. Лишь после Кучук-Кайнарджийского мира с Турцией Петербург получает возможность переправить в Поволжье проверенные в боях войска [5].

Пугачёв тем временем движется вниз по Волге, практически без боя занимая многие приволжские города и крепости – Саратов (6 августа 1774 г.), Дмитриевск (Камышин) (11 августа), Дубовку (17 августа) и др.

21 августа 1774 года Пугачёв подступил к Царицыну (Волгограду). Попытка с ходу взять город не удалась [8, с. 51–63]. Комендант Царицына И. Е. Цыплетев оказался едва ли не единственным, кто организовал своевременную и достойную оборону вверенной ему крепости. После 5-часовой артиллерийской дуэли, получив известие о подходе карательного корпуса И. И. Михельсона, пугачёвцы отошли к Сарепте. 22 августа к Царицыну прибыл усиленный корпус Михельсона. Не принимая боя, Пугачев направился вниз по правому берегу Волги к Чёрному Яру. 24 августа Михельсон настиг отступавших у Солениковой (Сальниковой) ватаги между Царицыным и Чёрным Яром. На следующий день здесь произошёл последний бой, в котором Пугачёв потерпел окончательное поражение. Он потерял две тысячи человек убитыми и шесть тысяч пленными, на поле боя восставшие оставили 24 пушки. Пугачёв бежал за Волгу, сначала на её луговой берег, а потом в степь между Волгой и р. Яиком (Уралом). С ним бежали его атаманы, а также 160 казаков и небольшой отряд «разных чинов людей» [10, с. 84–86].

8 сентября бывшие сподвижники, организовав заговор, захватили Пугачёва у р. Большой Узень и отправились в Яицкий городок (Уральск, Орал), чтобы выдать своего пленника в руки властей. В ночь с 14 на 15 сентября связанный Пугачёв был доставлен в Яицкий городок и сдан капитану Маврину. Сюда же привезли жену Пугачёва Софью с сыном Тимофеем. 16 сентября прибыл генерал-поручик А. В. Суворов, отконвоировавший затем самозванца в Царицын и Пензу [1].

Именно после подавления Пугачёвского восстания Екатерина II упраздняет существовавшее с 1734 года и активно поддерживавшее Пугачева Волгское (Волжское) казачье войско и начинает политику переселения на Кубань (тогдашнее пограничье с Кавказом) отдельных групп донских казаков. В связи с меняющейся этнополитической ситуацией Донское казачество начинает утрачивать статус пограничного и превращаться во внутреннее казачье войско, которое всё более утрачивает погранично-оборонительные функции и превращается в иррегулярную кавалерию, принимающую участие во всех военных конфликтах Российской империи, но вдали от родных столиц и хуторов. В сходной ситуации оказываются и казаки Астраханского и Уральского казачьих войск, а с окончанием кавказской войны в начале 60-х годов XIX века – и кубанское казачье войско, в отличие от казаков семиреченцев, забайкальцев, уссурийцев, амурцев и других, сохранявших свои «пограничные функции» вплоть до 1917 года и даже далее.

Интересные повороты делает история, всё расставляя по своим местам. Напомним, что с точки зрения геополитической теории Х. Маккиндера, выделяющего хартленд («осевой регион», сердцевина земли) и «внутренний полумесяц» [9], территория нынешнего ЮФО (Южный федеральный округ), относительно средневековой Руси, до её присоединения к России – это как раз тот «внутренний полумесяц», т. е. маргинальные территории, находящиеся на пересечении водных и морских путей, в развитии цивилизации. Согласно другой теории геополитики, это римленд, промежуточное пространство, которое имеет жизненно важную роль для хартленда. По А. Дугину, римленд «является пограничной зоной, поясом, полюсом. Вместе с тем это граница» [2]. Контроль над римлендом (а не над хартлендом) является ключом к мировому господству [13, с. 14]. Но римленд стал границей. Эта специфика «новой старой» роли Юга как пограничного края находит своё отражение как сильные «охранительные», «державные» ориентации. В массовом сознании глубоко укоренён миф границы, ставшей почти сакральным понятием, что нашло отражение в казачьем фольклоре» [6, с. 224]. Можно сказать, что круг замкнулся: в новейшей же истории России, в связи с утратой территории бывших союзных республик, донское казачество вновь оказалось «пограничным»

войском, причём не только на спокойной казахстанской границе, но и на весьма напряжённой границе с Украиной. И вновь статус Всевеликого войска донского нуждается в пересмотре, а его роль на юге России – в переоценке. Это вовсе не значит, что так будет

всегда. Колесо истории сделает очередной оборот и явит миру то, о чем он и не смел помышлять. Но цикличность событий и явлений на маргинальных, пограничных территориях не бывает случайной, есть о чём задуматься.

Источники и литература

1. Башлыкова Т. А. Были заволжского края: исторические очерки. – Волгоград: Комитет по печати и информации, 1999. – 264 с.
2. Дугин А. Основы геополитики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.geopolitika.ru> (дата обращения: 12.04.2017).
3. Дулина Н. В., Каргаполова Е. В., Наумов И. Н. «Врата народов»: Южный федеральный округ в социокультурном пространстве России // Вестник Калмыцкого университета. – 2016. – № 1. – С. 88–97.
4. Дулина Н. В., Наумов И. Н. Генезис городской культуры степного Поволжья и социокультурное развитие региона // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2016. – Т. 40, вып. 2. – С. 297–306.
5. Казачий Дон: пять веков воинской славы / А. А. Венков [и др.]. – М.: Яуза: Эксмо, 2010. – 413 с.
6. Кефели И. Ф. Геополитика Евразии. – СПб.: Петрополис, 2009. – 328 с.
7. Кефели И. Ф. Судьба России в глобальной геополитике. – СПб.: Северная звезда, 2004. – 286 с.
8. Крестьянская война 1774–1775 гг. в районах современной Волгоградской области / сост. И. В. Горсков. – Волгоград: Офсет, 1976. – 76 с.
9. Маккиндер Х. Географическая ось истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.geopolitikcs.nm.ru/Mackinder.html> (дата обращения: 12.04.2017).
10. Рябов С. И. История родного края: XVI–XIX. – Волгоград: Нижневолж. кн. изд-во, 1988. – 144 с.
11. Скрипкин А. С., Луночкин А. В., Курила И. И. История Волгоградской земли от древнейших времён до современности: учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Планета, 2013. – 224 с.
12. Тихонов Ю. А. Героические страницы боевого прошлого народов нашей страны. «Азовское сидение» // Вопросы истории. – 1970. – № 8. – С. 99–110.
13. Шахалова О. И. Маргинальные пространства и геополитические интересы // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2009. – № 9. – С. 12–15.

УДК 93/94

ББК ТЗ(2)521.2-361

Андрей Михайлович Егоров,

*Псковский филиал Академии ФСИН России,
г. Псков, Россия*

Механизм рекрутской повинности среди осуждённых к сибирской ссылке в 1820–1830-е годы

Статья посвящена рассмотрению проблем развития в Российской империи второй четверти XIX века рекрутской системы в контексте уголовно-исполнительной практики и затрагивает вопросы их взаимосвязи в период царствования Николая I. В статье анализируются правила рекрутирования в войска заключённых, содержащихся в тюрьмах Псковской губернии и осуждённых к ссылке в Сибирь.

Ключевые слова: рекрут, арестант, рекрутское присутствие, ссыльный, наказание, военная служба

Andrey M. Egorov,

*Pskov branch of FSIN of Russia Academy,
Pskov, Russia*

The Duty Rekrutskaya Mechanism Among Convicts to Siberian Exile in the 1820–1830th years

Article is devoted to consideration of problems of development in the Russian Empire of the second quarter of the 19th century of rekrutsky system in

the context of criminal and executive practice and raises the questions of their interrelation during Nicholas I's reign. In article rules of recruitment in troops of the prisoners who were contained in prisons of the Pskov province and convicts to Siberian exile are analyzed

Keywords: recruit, prisoner, rekrutsky presence, exiled, punishment, military service

Рекрутская система комплектования регулярной армии и флота России в XVIII–XIX веках распространялась на податные сословия (крестьян, мещан и др.), обязанных поставлять в армию и на флот определённое число рекрутов. Для представителей большинства населения она являлась тяжёлой обязанностью, от которой были избавлены только привилегированные сословия. Правительство периодически испытывало трудности в процессе рекрутирования качественных новобранцев.

Во второй четверти XIX века после восстания декабристов правительство Николая I уделяло большое внимание армии, но военная служба при этом оставалась очень суровой. За императором прочно закрепилось прозвище – «Палкин», т. к. именно при Николае I солдат стали гонять сквозь строй, подчас превращая их наказание в завуалированную казнь [2, с. 38]. Не удивительно поэтому, что рекрутская повинность по степени тяжести вполне могла восприниматься как равноценная, по меньшей мере, ссылке в Сибирь.

Правила рекрутирования ссыльных в войска определялись распоряжениями Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Попытка упорядочения этой практики была предпринята уже в 1827 году. Обобщённо порядок рекрутирования в войска данной категории лиц можно свести к следующим распоряжениям Собственной Его Императорского Величества канцелярии:

1. Арестанты, приговоренные к наказанию или назначенные к ссылке в Сибирь на поселение, если на их счёт имелось т. н. Высочайшее повеление об отдаче в солдаты, передавались на его основании в военную службу.

2. В случаях, когда соответствующее распоряжение приходило на лиц, уже отправленных в Сибирь, они должны были быть остановлены на этапе и переданы в военную службу в ближайших рекрутских присутствиях. Сведения о таких арестантах сообщались всем губернским властям по тракту их следования. Этот порядок не ка-

сался тех из них, которые к моменту получения императорского повеления уже были наказаны кнутом.

3. Арестанты, которые по судебному приговору уже были наказаны и водворены на прежнее место жительства (вероятно, данный пункт касался арестованных за бродяжничество и беглых), до получения о них специального повеления из императорской канцелярии должны были оставаться на месте, если только их хозяева сами не пожелают отдать их в солдаты. Однако и в этом случае требовалось разрешение императора.

4. При наличии соответствующего распоряжения в военную службу отдавались также арестанты, уже подвергшиеся наказанию, но не выдворенные на прежнее место жительства.

5. Арестанты из дворян и чиновников, назначенные в солдаты, поступали в военную службу лишь в том случае, если приговаривались к лишению дворянства или ссылке в Сибирь на поселение. Судебные приговоры по таким лицам подлежали передаче в установленном порядке на утверждение императору.

6. Среди рекрутов могли оказаться и осуждённые иностранцы. Назначенные в солдаты арестанты из иностранцев в случае, если суд определял их к высылке за границу, должны были незамедлительно выдворяться из Российской империи. Те же из иностранцев, кого суд приговаривал к отбыванию наказания на территории России, поступали в военную службу на основании последовавшего о них стандартного Высочайшего повеления.

7. Если представители любой из вышеперечисленных категорий арестантов оказывались совершенно негодными для несения военной службы, то над таковыми исполнялся судебный приговор узаконенным порядком.

8. Не должны были забираться в солдаты те из арестантов, с кого в результате судебного разбирательства либо полностью снимались обвинения, либо они были связаны с долгами и влекли лишь временное содержание «в тюрьме и заработках» [1, л. 2].

«Проводы рекрутов». Худож. Л. И. Соломаткин

Это распоряжение касалось приговорённых к ссылке в Сибирь на поселение, но без каторжных работ. Зачислению в рекруты подлежали также лица, подвергшиеся наказанию по обвинению в краже на сумму свыше 500 р.

На основе изложенных выше правил, губернские власти на местах и подбирали подходящий контингент рекрутов среди арестантов. Примером может служить приведенная ниже ведомость из архивов Псковской губернии [Там же, л. 3].

Ведомость об арестантах, содержащихся в городах Псковской губернии и назначенных в солдаты (1828)

№ п/п	Имя рекрута	Социальное положение	Обвинение
<i>Псков</i>			
1	Николай Венский	Канцелярист, низшее должностное лицо без классного чина	Кража
2	Федор Степанов	Дворовый человек	Кража
3	Иван Романов	Не помнящий своего родства	Бродяжничество
4	Ганс	Крестьянин (дело передано из Эстляндского губернского правления)	Дурное поведение
5	Семён Савельев	Удельный крестьянин	Корчемство
6	Семён Иванов	Незаконнорожденный сын девицы Елены, не помнящей родства	Бродяжничество
7	Семён Егоров	Экономический крестьянин бывшие монастырские крестьяне, в 1764 г. выведенные в коллегию экономики	Кража
<i>Великие Луки</i>			
8	Аким Никитин		Причинение побоев воинским чинам во время поимки оными корчемников
9	Яков Трофимов		—
10	Иван Ивлев	Назвался сначала крепостным помещичьим человеком, а потом – солдатским сыном	Побои и воровство
11	Фёдор Козьмин	Помещичий крестьянин	Побег из вотчины и корчемство во время побега
<i>Холм</i>			
12	Семён Потапов	Казённый поселянин	Возмущение и неповиновение власти
13	Тимофей Богданов	Не помнящий родства крестьянин	Бродяжничество

Раздел 1. Актуальные вопросы отечественной и всеобщей истории

14	Андрей Павлов		Просрочка паспорта
15	Никита Семенов	Не помнящий родства крестьянин	Бродяжничество
16	Савелий Герасимов	Помещичий крестьянин	Побег из вотчины
<i>Опочка</i>			
17	Николай Андреев	Казённый крестьянин	Побег и использование фальшивого письменного вида
18	Кирило Васильев	Мещанин	Отсутствие письменного вида
19	Михайло Семенов	Казённый крестьянин	Кража
20	Прокофий Прохоров	Дезертир	Побег
21	Иван Никифоров	Удельный крестьянин	Корчемство вином
22	Федор Романов	Удельный крестьянин	Корчемство вином и кража
23	Василий Тарасов	Удельный крестьянин	Корчемство вином и кража
<i>Торопец</i>			
24	Кондратий Кириллов	Помещичий крестьянин	Буйство и побои священника
25	Иван Григорьев, сын Афанасьев	Коллежский регистратор низший гражданский чин 14-го класса	Неповиновение местному начальству
26	Иван Филиппов, сын Жеребцов	Коллежский регистратор	Утрата казённой суммы в бытность казначеем
27	Павел Петров, сын Черепнин	Губернский регистратор 12-й класс	Подозреваем как соучастник
28	Александр Иванов, сын Хвалынский	Канцелярист	Подозреваем как соучастник
29	Дмитрий Иванов, сын Иванов	Канцелярист	Подозреваем как соучастник

Как видим, социальный состав потенциальных рекрутов из числа арестантов был довольно пёстрым. По распоряжению императора лица из указанных в ведомости двадцати девяти человек, чья вина будет признана судом, должны были быть отданы в солдаты без назначенного им наказания. В инструкции генерал-губернатору Ф. О. Пауллуччи от 15 декабря 1828 года предписывалось набирать рекрутов из таких арестантов,

«коль скоро они окажутся не только годными по правилам рекрутским, но просто способными нести военную службу, а малолетних из них определять в батальоны военных кантонистов – всех без зачёта за рекрут» [1, л. 12].

Таким образом, в период правления императора Николая I военная служба официально использовалась властями в качестве альтернативы уголовному наказанию на регулярной основе.

Источники и литература

1. **ГАПО** (Государственный архив Псковской области). – Ф. 238. – Оп. 1. – Д. 110.
2. **Керсновский А. А.** История русской армии: в 4 т. Т. 2. – М.: Голос, 1992. – 304 с.

УДК 737.1:94(510)
ББК Т221(0)5:Т3(5Кит)5ю23

Владимир Иванович Косых,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Нумизматика Тайпинского восстания в Китае (1851–1864 гг.)

Статья касается вопроса организации восставшими тайпинами отливки монетных эмиссий для пропаганды целей государства Тайпин Тяньго, выплаты жалования бойцам. Автор касается также вопроса монетных эмиссий различных обществ и группировок, примкнувших к тайпинам.

Ключевые слова: тайпин, восстание, отливка, монета, кэш, стиль, монетный двор

Vladimir I. Kosyh,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Numismatics of the Taiping Rebellion in China (1851–1864)

The article concerns the question of the organization of the casting the monetary emissions by rebellious Taiping residents for promotion of goals of the state Taiping Tyango and payment of salaries to fighters. The author also considers the question of the monetary emissions of different societies and groups, joined the Taiping.

Keywords: Taiping, rebellion, casting, coin, cash, style, coinage

В 1851–1864 годы китайская империя пережила восстание тайпинов под руководством Хун Сюцюаня, Фын Юньшаня и Ян Сюцина. Восставшие заняли г. Нанкин, официально провозгласили создание своего государства, получившее название Тайпин Тяньго («Небесное государство великого благоденствия»), просуществовавшего 14 лет. Только англо-французская интервенция 1862–1864 годы помогла цинскому императору Сяньфэну разгромить восставших [1; 3].

Естественно, армии восставших требовалось платить, и потому Тайпинское государство за время своего существования организовало отливку нескольких эмиссий собственных монет. Так, в 1853–1855 годы на монетном дворе Нанкина удалось отлить монеты достоинством в 10 кэш. Иероглифы на них были выполнены в стиле второго императора династии Северная Сун (960–1127 гг.) Тай Цзуна (976–997 гг.). Надпись на монете последнего гласила: «Тайпин Тунбао» («Ходячая монета эры Правления Тайпин Синго») – и была выполнена почерком чжэнь. Можно сказать, что лидеры Тайпин Тяньго, видимо, позиционировали себя с сунским императором.

В 1856–1860 годы тайпины в том же Нанкине организовали отливку бронзовых и

медных монет достоинством в один (диаметр 23 мм), пять (диаметр 29 и 30 мм), 10 (диаметр 35 мм) и 50 кэш (диаметр 49 мм). В 1860–1862 годы в провинции Цзянсу последовала отливка бронзовых монет того же номинала с несколько иным расположением иероглифов на реверсе (слева и справа, но не вверху и внизу).

В 1861–1864 годы на монетном дворе Хэньян (юг провинции Хунань) тайпины повторили отливку бронзовых монет достоинством в один кэш, причем надписи на них выполнены малыми и крупными шрифтами.

Ранее, в 1856–1864 годы, на монетном дворе провинции Гуаньчжоу также отливались аналогичные монеты. В конце 1850-х годов отливались монеты номиналов в 5 кэш, одна из которых выполнена надписью шрифтом бао. В 1861–1864 годы тайпины повторили эмиссию монет достоинством в 5 кэш [2; 4, с. 425–428].

Укажем, что восстание тайпинов в основном совпало со временем правления в Китае императора Сяньфэна (1851–1861 гг.). Последний распорядился, чтобы монеты, отливаемые на императорских монетных дворах, качеством исполнения превосходили тайпинские, за чем лично внимательно следил. Действительно, качество импера-

торских монет впечатляло: вес, чёткая про-рисовка легенд аверса и реверса, хорошо проработанный гурт. Монеты Тайпин Тяньго заметно уступали в этом, правда, лидеров «Небесного государства» это мало беспокоило: вряд ли кого-то из массы неграмотных бойцов волновали иероглифы на монетах...

Тайпинские монеты встречаются относительно редко, поскольку правительство императора Тунчжи (1862–1874) постаралось уничтожить их и преследовало тех, кто хранил эти денежные знаки [1, с. 36].

Во время тайпинского восстания обозначили себя отливкой монет различные тайные общества. Так, «общество малых мечей» (провинция Чжэцзян) отливало бронзовые монеты достоинством в один кэш (1858–1864). В основу дизайна монеты они взяли аверс монеты в один цян северосунского императора Тай Цзуна (976–997), поместив на реверсе (верх и низ) иероглиф Вэнь.

Следующий выпуск монет именовался инаугурационным, их аверс выполнен в стиле монет кайюань, отливавшихся при династии Тан (618–907) во время правления императора У Цзуна (841–847 гг.; период Хуйчань, 845–847 гг.). Отливались и монеты «главы династии». Общество отлило также «императорскую монету достоинством в один кэш с иероглифом «шунь» (священный) на реверсе. Её отливку осуществлял монетный двор в провинции Чжэцзян.

Не отставали от меченосцев и другие общества, знакомые с криминалитетом. В провинции Гуандун в 1850-е годы активизировалась триада под именем Шань-хуэй. На свою монету она привлекла титул Минь-Дао (бытовал в 1032–1033 гг. при северосунском императоре Чжэн-цзун, 1022–1063 гг.).

Лидер восстания в провинции Гуйчжоу Шань Баошан (1860–1863) заявил себя наследником императора династии Мин (1368–1644) Хунью (1368–1398) и отлил две монеты достоинством в один кэш (девиз – Ши Тунь).

Не остался в стороне лидер триады в провинции Гуандун Ли Вэньмяо. В марте 1857 года его бойцы овладели г. Личжоу в провинции Гуанси, где он провозгласил себя королём под именем «Восстановитель мира». В 1858 году он погиб, однако успел до этого отлить восемь выпусков монет номиналом в один кэш. На них размещались следующие обозначения: «средний», «средний лагерь», «фронтальной лагерь», «левый лагерь», «правый лагерь», «императорская армия», «каждая победоносная армия». Можно полагать, что они отмечали порядок размещения воинства Ли Цэньмяо и распределение денег среди названных формирований [4, с. 428–430].

Американский нумизмат-исследователь Д. Йен утверждал, что для ванов (царей Тайпин Тяньго) выпускались золотые монеты трёх типов (к сожалению, отсутствуют даты этих выпусков). В настоящее время многие известные нумизматы заявляют, что подобные денежные знаки использовались в качестве амулетов, чего в Китае всегда хватало. В доказательство они заявляют, что легенда на монетах звучит так: «Я удовлетворён и счастлив».

Утверждается также, что где-то около 1861 года то же «Небесное государство» организовало выпуск ещё трёх золотых монет, которые использовались лидерами восстания в качестве представительских знаков [5]. Правда, зарубежные нумизматы, включая и китайских, сомневаются в подлинности этих монет [1, с. 39].

Источники и литература

1. **Быков А. А.** Монеты Китая. – М.: Советский художник, 1969. – 80 с.
2. **Зайцев Д.** Китайские монеты династии Сун (960–1279 гг.): справ. пособие. – М.: Изд. Д. Зайцева, 2005. – С. 14.
3. **Хуа Ган.** История революционной войны Тайпинского государства. – М.: Изд-во ин. лит., 1952. – С. 97.
4. **Hartill D.** Cast chinese coins. – Canada: Victoria, 2005. – P. 425–430.
5. **Jean D.** Chinese Cash. Iden – Tification and price. – Guid. – USA, 2000. – P. 177, 178.

УДК 94:342.1(571.55)
ББК Т3(2)5:Х400.532(253.57)

Ольга Анатольевна Малыгина,
Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия

Организация областного управления в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века)¹

В статье показан процесс становления и развития областей как административно-территориальных единиц Российской империи. Представлена организация областной системы имперского управления в Сибири во второй половине XIX – начале XX века. Проанализированы особенности Забайкальского трансграничья при административно-территориальном включении в общеимперское управление.

Ключевые слова: Забайкальская область, трансграничье, империя, окраины

Olga A. Malygina,
Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia

Entity of Regional Administration in the Russian Empire (Second half of XIX – Beginning of XX Centuries)

The article shows the process of formation and development of areas as administrative-territorial units of the Russian Empire. The organization of the regional system of imperial government in Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries is presented. The features of the trans-Baikal transboundary are analyzed in the case of administrative-territorial inclusion in general imperial administration.

Keywords: Trans-Baikal region, transborder, empire, suburbs

Административно-территориальное устройство Российского государства на протяжении всей его истории являлось основой для эффективного функционирования государственных органов управления. Процесс образования и развития административных единиц и соответственной трансформации региональной управленческой структуры как посреднического звена между государством и населением был и остаётся актуальным для создания «идеальной модели» управления.

Во второй половине XIX века был завершён процесс «оцентрирования границ», итогом чего стало превращение Российской империи в крупнейшее унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. На практике же оно являло собой конгломерат административных единиц, неравнозначных по экономическому и политическому развитию, далеко не однородных по этническому и конфессиональному составу населения [7, с. 36].

Территориальные притязания России привели к появлению в её составе ряда земель, объединённых общим термином «окраины», которые отличались друг от друга и от центральных губерний России способом вхождения в состав Российского государства, а, следовательно, типом управления. И. Л. Дамешек выделила три модели окраинного типа управления Российской империи. Первый тип – политическая автономия, присущая Великому княжеству Финляндскому и Царству Польскому. Второй – административная автономия, способ управления Кавказским регионом. Третьей моделью стало управление с общеимперской государственной администрацией на всех уровнях. Отличительной особенностью этой модели является наличие имперской (русской) администрации на всех уровнях местного управления: генерал-губернатор (наместник) – губернатор (гражданский или военный) – уездный начальник. Наличие на присоединённой территории исключительно

¹ Статья подготовлена при поддержке Гранта Президента Российской Федерации для молодых российских учёных – кандидатов наук: «Государственные институты управления Российской империи в освоении Забайкальского трансграничья (вторая половина XVIII – начало XX в.)». № МК-8975.2016.6.

общеимперской административной и законодательной системы означало полную инкорпорацию окраины в империю. Примером такой модели служат Сибирь и Дальний Восток [6, с. 228].

Потребность в новой территориальной организации сибирской окраины, отличной от её административно-территориального устройства XVII–XVIII веков, появилась, прежде всего, по внешнеполитическим причинам. Продвижение России в Сибирь, на Амур и в Приморье приводит к столкновению здесь её интересов не только с Китаем, но и с Великобританией, США и Францией. Реальная угроза интересам Российской империи потребовала усиления российского присутствия на данной территории и концентрации власти в руках императорских наместников. Если к началу XIX века на территории Сибири существовало генерал-губернаторство, разделённое на три губернии – Тобольскую, Томскую и Якутскую – и несколько областей [1, с. 177], то в 1822 году, с принятием «Сибирского учреждения» М. М. Сперанского, Сибирь была поделена на Западную и Восточную. На основе этого деления создаются две крупные административно-территориальные единицы – Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства [8, с. 8]. Управление в каждом из них имело четыре ступени: 1) Управление Главное; 2) Управление Губернское; 3) Управление Окружное; 4) Управление Волостное и Иностранческое. Недостаточное финансирование приводит к появлению здесь «упрощённого» областного управления, когда в руках областных начальников соединены гражданские и военные функции. Таким образом, в соответствии с пунктом 6 «Сибирского учреждения» в Сибири появилось два вида управления: общее и особенное. Общее применялось для управления губерниями, особенное – областями [9, п. 5–7].

Впервые область как территориальная единица упоминается ещё в начале XVIII века, но её юридическое оформление происходит только в 1775 году в связи с принятием Учреждения о губерниях. В 1809 году «Введением к уложению Государственных законов» территория империи делится на губернии и области. Если первые мало чем отличались от екатерининских губерний европейской части страны, то области предполагалось учредить на окраинах государства: в Сибири, на Кавказе, в Оренбургском и Новороссийском краях и на земле донских казаков [4, с. 21]. Определение «области» можно

встретить и в статьях 276 и 277 «Учреждения Сибирского» 1892 года, специально разъяснявших, что область не есть нечто среднее (дополнительное) между губернией и округом, а приравнивается к губернскому уровню управления. Наиболее полное определение «области», на наш взгляд, сегодня сформулировано О. П. Дамбаевой: «Область в государственном устройстве Российской империи представляла собой самостоятельное административно-территориальное образование, формируемое в соответствии с региональной политикой государства и создаваемое на присоединённых или приграничных территориях с целью постепенной интеграции последних в общеимперскую систему государственного устройства и местного управления с сохранением местных особенностей управленческо-регулятивного характера, отражающих специфику геополитического положения, этнический состав населения, а также традиции социального управления и нормативного регулирования общественных отношений» [5, с. 33]. Управление областью отличалось от губернского, прежде всего, «усечённым» составом административных и судебных учреждений, который мало соответствовал и численности населения, и размерам территорий областей [3, с. 176].

Процесс становления и развития областей как административно-территориальных единиц тесно связан с историей развития того или иного региона в целом. Периодизация административной истории областей требует индивидуального подхода в связи с тем, что каждый регион входил в состав Российского государства в разное время. Порядок управления присоединёнными территориями определялся множеством факторов, среди которых наиболее значительны способ и время административного освоения, уровень экономического развития края, этнический состав населения. Реформы общеимперского порядка управления, хоть и в меньшей степени, чем в центральных губерниях, но оказали влияние и на систему областных учреждений. К концу XIX века области по принципу подчинённости областных органов управления можно было разделить на входящие/не входящие в генерал-губернаторства. В состав генерал-губернаторств входили Якутская, Забайкальская, Приморская, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Терская и области Туркестана; не входили в состав генерал-губернаторств, а подчинялись непосредственно министерствам Уральская и Тургайская (Министерство

внутренних дел) и область Войска Донского (Главное управление казачьих войск Военного министерства) [5, с. 21–22]. К 1914 году в Российской империи существовала 21 область: в европейской части – 1, на Кавказе – 5, в Сибири и на Дальнем Востоке – 6 и в Туркестане – 9 областей [Подсчитано по: 2, с. 952]. В системе административно-территориального устройства Сибири особое место занимали пограничные области, в которых была не только упрощенная система управления при сохранении традиционных институтов самоуправления и суда, но и длительное время поддерживался явный приоритет военной власти над гражданской [10, с. 20].

Организация областного правления в Восточной Сибири началась в середине XIX века с учреждением Забайкальской и Якутской областей. Усложнение управленческих задач, рост населения и неравномерность его распределения, изменение соотношения русских и коренных жителей, вновь созданные пути сообщения и торговые связи, появление новых центров экономической жизни потребовали пересмотра административно-территориального деления, установленного реформой 1822 года, которое уже не соответствовало современным военно-политическим и экономическим реалиям и вызывало массу нареканий в центре и на местах [3, с. 176]. Забайкальский регион на протяжении длительного времени формировался как периферия великой державы. На всех этапах его развития в числе первоочередных наряду с хозяйственным освоением стояли задачи политического взаимодействия с центром, организации местного управления и административного устройства в соответствии с необходимостью защиты государственных границ. Выделение Забайкальской области из Иркутской губернии было первым шагом Российской империи по усилению приграничного региона как технологической и опорной базы для последующего закрепления во Внутренней Азии.

Таким образом, административно-территориальные преобразования в XIX – начале XX века стали своего рода эксперимен-

том по обустройству многонационального государства. Стремление к «объединению» центра и окраин со стороны правительства было вызвано стремлением к консолидации национальной периферии и нейтрализации опасности сепаратизма, а также необходимостью защиты территорий от внешних врагов. Административно-территориальное устройство каждой российской окраины в начале XIX века было индивидуальным. Единая система управления окраинами отсутствовала.

Процесс становления и развития областей как административных единиц тесно связан с историей развития того или иного региона в целом. На порядок управления присоединёнными территориями оказывало влияние множество факторов, среди которых наиболее значительны способ и время административного освоения, уровень экономического и государственного развития края и населения. В системе административно-территориального устройства Сибири особое место занимали пограничные области, в которых была не только упрощённая система управления при сохранении традиционных институтов самоуправления и суда, но и длительное время поддерживался приоритет военной власти над гражданской.

Избрание для Забайкалья областной системы управления, упрощённой по сравнению с губернской формой управления объяснялось, во-первых, нежеланием имперского правительства затрачивать значительные средства на губернские учреждения. Во-вторых, приграничное положение области и необходимость её военного усиления, перспективы формирования в Забайкалье торгово-промышленного плацдарма для укрепления позиций России на Востоке требовали сосредоточения гражданской и военной власти в одних руках и оперативного решения важных вопросов без длительных обсуждений и бюрократической волокиты. Однако «усечённый» состав административных и судебных учреждений мало соответствовал и численности населения, и размерам территории области.

Источники и литература

1. **Административно-территориальное устройство России.** История и современность / А. В. Пыжиков [и др.]. – М.: Олма-пресс, 2003. – 317 с.
2. **Большая Российская энциклопедия:** в 30 т. / отв. ред. О. Л. Кравец. – М., 2004. – 1000 с.
3. **Власть в Сибири:** XVI – начало XX в. / сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев. – Новосибирск: Сова, 2005. – 696 с.
4. **Гимельштейн А. В.** Региональная власть и общественность Сибири (XIX – нач. XX в.). – Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания, 2007. – 256 с.

5. Дамбаева О. П. Правовое положение области в государственном устройстве Российской империи. – Чита: ЗИП СибУПК, 2008. – 170 с.

6. Дамешек И. Л. Типологическая характеристика и региональные особенности российских окраин в XIX в. // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX вв.: сб. науч. ст. Сер. Азиатская Россия / под ред. И. Л. Дамешек. – Иркутск: Оттиск, 2013. – С. 216–231.

7. Дамешек Л. М. Национальная и окраинная политика как фактор хозяйственного освоения сопредельных территорий Российской империи (XVIII – начало XX века) // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: сб. материалов. – Новосибирск, 2007. – С. 36–45.

8. Дамешек Л. М., Федореева И. А. Теоретические и правовые основы административно-территориального деления. Особенности организаций территорий // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2013. – № 1. – С. 8.

9. **Полный свод законов** Российской империи (ПСЗ РИ). – Собр. I. – 1822. – Т. XXXVIII, № 29125.

10. **Сибирь в составе Российской империи** / И. Л. Дамешек [и др.]; ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 364 с.

УДК 330(09):94(476)

ББК У03(2Бел3):Т3(2Бел3)5-2

Наталья Николаевна Ковалёва,

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Республика Беларусь*

Особенности экономического развития Западно-Белорусского региона в конце XIX – начале XX века

Статья отражает специфику развития Западно-Белорусского региона, который отличался высокой степенью интенсификации сельского хозяйства, ориентированного на рынок. Используя статистические данные, а также архивные материалы, автор статьи выявляет факторы интенсификации и по определённым критериям анализирует степень интенсивности сельского хозяйства.

Ключевые слова: рыночное хозяйство, специализация, интенсификация, отрасль

Natalia N. Kovaleva,

*Brest State Technical University,
Brest, Belarus*

Peculiarities of Economic Development of the Western-Belarusian Region at the End of the XIX – Beginning of the XX Century

The article reflects the specific of development of the western-belarusian region, that differed in the high degree of intensification of the agriculture oriented to the market. Using statistical data, and also archived materials, the author of the article exposes the factors of intensification and on certain criteria analyses the degree of intensity of agriculture.

Keywords: market economy, specialization, intensification, industry

В исследовании специфики экономического развития Западно-Белорусского региона достаточно обоснованным, но несколько односторонним, нам представляется подход, предложенный учёными так называемого «районного» направления экономической

географии, сложившегося в России в конце XIX века. Первопроходцем этого направления, очевидно, можно считать В. П. Семёнова-Тян-Шанского. Разбив Европейскую часть России на 12 областей (районов), различающихся по распределению поземельной

собственности и результатам реформы 1861 года, «Белорусскую область» он не отнёс к районам, где есть избыток, либо недостаток зерна, а присутствует известный баланс в производстве и потреблении этого продукта [1]. Районирование известного учёного Д. И. Менделеева учитывало, прежде всего, интересы развития промышленности. Сообразно этому он взял за основу следующие критерии: «густота населения, удобство путей сообщения для вывоза избытков производства и для подвоза сырья и, наконец, избыток легко и дешево получаемого топлива» [7, с. 20], разделив Россию на 14 краёв. Определяя место Северо-Западного экономического региона (так назывались пять белорусских губерний), Менделеев отметил «зародышевое» состояние промышленности и невысокий уровень развития зернового хозяйства, отсутствие избытка хлебов, «потому что почвы здесь не богаты, а потому край этот принадлежит к числу наименее обещающих частей России» [Там же, с. 31]. Таким образом, районирование В. П. Семёнова-Тян-Шанского, Д. И. Менделеева, учитывая физико-географические особенности регионов, не могло дать представления о перспективности развития районов в новых условиях рыночного хозяйства.

Новый подход к экономическому районированию проявляют представители так называемой организационно-производственной школы (А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров, А. А. Рыбников и др.), взгляды которых были популярны в 20-е годы XX века. А. А. Рыбников приходит к следующим выводам: «состояние хозяйства зависело не столько от климата и плодородия почв, сколько от положения относительно рынков сбыта и демографической ситуации. В пределах... территории Европейской России в её современных границах наилучшие показатели имели Северо-Западный и Центральный Промышленные районы» [2, с. 291].

Белорусский учёный М. В. Довнар-Запольский, разделяя взгляды представителей организационно-производственной школы, характеризует сельское хозяйство белорусского региона как достаточно динамично развивающуюся отрасль. И так же, как Рыбников, приходит к выводу, что эта динамика предопределяется не столько климатом и плодородием почв, сколько благоприятным по отношению к рынкам сбыта расположением, ростом численности населения и некоторыми другими факторами [4, с. 380]. Причём

учёный по означенным выше параметрам прослеживает особенности в развитии отдельных губерний региона. Позже этот подход получил развитие и закрепление в белорусской исторической науке, когда доктор исторических наук В. П. Панютин выделил три отличающихся в социально-экономическом отношении района в дореволюционной Беларуси: Восток, Центр и Запад. К Западу он относит белорусские уезды Гродненской и Виленской губерний» [15, с. 5].

Исходя из предложенного подхода, попытаемся определить основные особенности развития Западно-Белорусского региона. При общем аграрном характере хозяйства традиционным занятием жителей Виленской и Гродненской губерний в пореформенный период было земледелие, что объяснялось в основном равнинным ландшафтом и сравнительно высоким плодородием почвы. Если в других губерниях Северо-Западного края «преобладание подзолистых малоплодородных почв, наличие значительных заболоченных территорий превращало занятие сельским хозяйством для местного населения в трудоёмкий и малопродуктивный процесс», то «Ковенская, Виленская и Гродненская губернии имели почву более плодородную, суглинистую» [18, л. IX]. Дополнительным источником дохода для местных землевладельцев был сплав леса по рекам Двина, Неман и Березина, так как в некоторых уездах процент территории, занятой лесом, был достаточно высоким: 40–48 % (подсчитано автором по книге Н. Столпянского) [Там же]. Для развития экспорта региона традиционно большое значение имели водные пути сообщения. «В своём историческом прошлом Белоруссия охватывала систему верхнего Днепра до устья Припяти, всю систему последней с северными притоками, систему Немана, Западной Двины и соединялась с системой Вислы» [19, с. 13]. Причём «Виленский, Гродненский и Минский районы своими товарами и импортом тянули к Неманской системе» [4, с. 325].

В первые десятилетия после реформы 1861 года развитию сельского хозяйства препятствовало крестьянское малоземелье и чересполосица. Средний размер надела на одну ревизскую душу был ниже, чем по другим губерниям Северо-Западного края (по Виленской губернии – 4,57 десятины, а по Гродненской – 4,33) [15, с. 13]. В последующее время чрезвычайно жёсткий контроль правительства за конфессиональным и на-

циональным составом землевладельцев, введённый после восстания 1863–1864 годов, привёл к тому, что с 1864 по 1886 годы количество земли в руках лиц «польского происхождения» уменьшилось с 1 947 064 до 636 722 десятин [8], т. е. в 3 раза. А это, в свою очередь, позволило крестьянам увеличить свои земельные владения путём покупки дополнительной земли: к 1905 г. 84,8 % крестьян Гродненской и 65,2 % крестьян Виленской губерний имели надел свыше 10 десятин [3, с. 59]. Вместе с тем рост населения губерний за 50 лет увеличился в 2,3 раза [Там же, с. 8] привёл к некоторой аграрной перенаселённости, которая лишь отчасти ослаблялась развитием промышленности, а также процессом трудовой эмиграции, как в восточном, так и в западном направлении. Именно недостаток земли при значительном росте населения и наличии благоприятных возможностей экспорта продукции стал стимулом интенсификации сельского хозяйства.

Профессор А. Н. Челинцев, предложил для определения степени интенсификации региона 5 признаков-индексов, из которых 3 касаются изменений в области животноводства (направление крупного рогатого скотоводства, степень развитости свиноводства и овцеводства) [14]. М. В. Довнар-Запольский акцентировал внимание, прежде всего, на трансформациях, происходящих в области земледелия – главной отрасли хозяйства России. В принципе оба подхода сохранились в белорусской исторической науке и в настоящее время, причём большинство учёных сходятся во мнении, что главным направлением интенсификации стала переориентация сельского хозяйства на производство картофеля, кормовых и технических культур, а также продукции животноводства.

Изменение специализации сельского хозяйства Гродненской и Виленской губерний представляется вполне закономерным явлением с учётом не только низкой рентабельности производства зерновых на белорусских землях, последствий аграрного кризиса 1880-х годов в Европе, но и российской политики железнодорожных тарифов (транспортировка хлеба на дальние расстояния из центральных районов России была более выгодной, чем из Беларуси). В Гродненской губернии сборы картофеля возросли к 1901 году – в 2,1 раза по сравнению с 1881 годом, к 1912 году – в 2,4 раза (подсчитано автором по данным статистики) [11, с. 2; 12, с. 6; 13, с. 6]. Естественно, крестьянские

хозяйства в основном выращивали столовые сорта картофеля на нужды собственного потребления и на корм скоту. Помещики, поставляя часть выращиваемого картофеля в Россию, Польшу и Германию, в основном делали ставку на технические сорта, подвергая картофель промышленной переработке на винокуренных предприятиях. Именно возможность промышленной переработки стимулировала рост производства картофеля. В 1881 году в Гродненской губернии работало 90 винокуренных предприятий [9], в Виленской – 92 [6].

При внедрении прогрессивных севооборотов с учётом природно-климатических условий региона сложилась традиция перемежать с посевами картофеля посевами льна, других технических культур. Правда, в западном регионе льноводство получило развитие только в Дисненском и Ошмянском уездах Виленской губернии, зато очень активно увеличивались посевы кормовых трав. По степени развитости травосеяния Гродненская и Виленская губернии лидировали среди белорусских губерний.

Хорошая кормовая база (отходы от переработки картофеля на винокуренных предприятиях, кормовые травы, естественные луга) и значительный рост спроса и цен на мясо и масло на внутреннем и внешнем рынках стимулировали развитие животноводства. Изменение структуры стада животных в Западно-Белорусском регионе также свидетельствовало об интенсификации хозяйства: высокими темпами увеличивалось количество свиней, крупного рогатого скота. В 1913 году в России количество свиней в расчёте на 100 жителей равнялось 10 [17, с. 60], в Гродненской губернии этот показатель составлял 22,5 (это 2-е место в России после Курляндской губернии) [5, с. 165]. Значительный рост поголовья свиней наблюдается и в Виленской губернии. Стадо крупного рогатого скота в пяти западных губерниях с 1856 до 1911 года выросло более чем в 2 раза. Причём самыми высокими были темпы прироста в Виленской губернии (в 2,3 раза) [Там же, с. 148, 150]. По темпам роста количества крупного рогатого скота Гродненская губерния несколько уступала Виленской. Зато в Гродненской губернии активно развивалось молочное животноводство, что также представляется одним из показателей интенсификации хозяйства.

В таком же контексте основных индексов интенсификации хозяйства мы рассма-

триваем и сокращение численности мелкого скота (овец, коз). В соответствии с теорией А. Н. Челинцева, чем больше овец (грубошёрстных), тем экстенсивнее скотоводческое направление данного района [14]. Поэтому сокращение овец, скорее, свидетельствует об интенсификации сельского хозяйства. При этом в овцеводстве Гродненской губернии проявились одновременно противоположные тенденции: резкое уменьшение численности тонкорунных овец (в 1,7 раза), шерсть которых раньше поступала на рынок, и увеличение числа грубошёрстных овец (в 1,4 раза) [5, с. 167]. Падение некогда высокого уровня тонкорунного овцеводства связано с упадком развитой в дореформенный период шерстяной промышленности и снижением спроса на шерсть на внешнем рынке.

Интенсификация сельского хозяйства стимулировала и позитивные изменения в промышленности, которая была ориентирована на переработку местного сырья. Рост продукции сельского хозяйства стал той базой, которая предопределила развитие пищевой промышленности. Предприятия этой отрасли составляли к началу XX века 26 % промышленных предприятий в Гродненской губернии и 40 % – в Виленской (подсчитано автором по данным статистики) [16, л. 31–32]. Устойчивый рост населения, промышленное развитие некоторых городов, в особенности Гродно, Вильно, Брест-Литовска и строительство оборонительных сооружений создавали потребность в строительных материалах. Появление многочисленных, хотя и небольших кирпичных, изразцовых, известковых заводов, вывело промышленность по обработке минеральных веществ на 1-е место по числу предприятий в Виленской губернии и 3-е – в Гродненской. Активное железнодорожное строительство, развернувшееся в России в 60–70-е годы XIX века,

вызвало появление предприятий, в продукции которых была заинтересована железная дорога и пассажиры поездов (табачные изделия, мыло, спички). Этому способствовало и размещение в Брест-Литовске и Гродно крупных воинских частей: в Гродно в 1900 году из 41 293 жителей 11 734 чел. составляли регулярные войска (28 %), в Брест-Литовске из 42 450 жителей – 8 260 (19 %) [10]. Продукция животноводства давала сырьё для кожевенного, мыловаренного, свечного производства (в статистических отчётах эти отрасли квалифицируются как переработка животных продуктов). Занимавшая 2-е место в промышленности Северо-Западного края, эта отрасль находилась примерно на таких же позициях и в промышленности Виленской губернии (3-е место), а в Гродненской губернии была оттеснена на 4-е место промышленностью по обработке шерсти. Наиболее динамично развивающаяся в восточных районах Беларуси деревообрабатывающая отрасль на западе была представлена небольшим числом предприятий.

Таким образом, к концу XIX века сельское хозяйство Западно-Белорусского региона уверенно продвигалось по пути интенсификации, чему способствовало увеличение крестьянского землевладения, рост населения и повышение экспортных возможностей региона при благоприятной рыночной конъюнктуре. В исследуемый период регион продемонстрировал быстрое включение в рыночные отношения, высокую прибыльность сельского хозяйства и своеобразную специализацию промышленности. В то же время уровень развития промышленности оставался невысоким: преобладали небольшие предприятия, которые можно отнести к вспомогательным отраслям сельского хозяйства, то есть перерабатывающие сельскохозяйственную продукцию.

Источники и литература

1. **Вампилова Л. Б., Манаков А. Г.** Районирование России: историко-географический подход [Электронный ресурс] // Псковский региональный журнал. – 2012. – № 13. – Режим доступа: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/rayonirovanie-rossii-istoriko-geograficheskiy-podhod> (дата обращения: 22.05.2017).
2. **Город и деревня в Европейской России сто лет перемен:** памяти Вениамина Петровича Семёнова-Тян-Шанского. – М.: ОГИ, 2001. – 558 с.
3. **Довнар-Запольский М. В.** Народное хозяйство Белоруссии. – Минск: Изд-во Госплана БССР, 1926. – 256 с.
4. **Доўнар-Запольскі М. В.** Гісторыя Беларусі. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1994. – 510 с.
5. **Жытко А. П.** Дваранства Беларусі перыяду капіталізму (1861–1914 гг.). – Минск, 2003. – 233 с.
6. **ЛГИА** (Литовский государственный исторический архив). – Ф. 388. – Оп. 1. – Д. 790. – Л. 34.

7. Менделеев Д. И. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Тип. И. А. Ефрона, 1896. – 636 с.
8. НИАБ в г. Гродно (Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно). – Ф. 1. – Оп. 17. – Д. 691. – Л. 43–44.
9. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 16. – Д. 1241. – Л. 49–52.
10. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 241–253.
11. Обзор Гродненской губернии за 1887 г. – Гродно: Губернская тип., 1888.
12. Обзор Гродненской губернии за 1901 г. – Гродно: Губернская тип., 1902.
13. Обзор Гродненской губернии за 1912 г. – Гродно: Губернская тип., 1913.
14. Огановский Н. П. Очерки экономической географии СССР [Электронный ресурс]. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Новая деревня, 1924. – Режим доступа: <http://www.istmat.info/node/24898> (дата обращения: 02.03.2017).
15. Панютин В. П. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861–1900 гг. – Минск: Наука и техника, 1990. – 375 с.
16. Погожев А. В. Учёт численности и состава рабочих в России: материалы по статистике труда. – СПб.: Издание Имперской Академии наук, 1906. – 224 с.
17. Россия, 1913 г.: стат.-док. справ. – СПб., 1995. – 416 с.
18. Столпянский Н. Девять губерний Западно-Русского края в топографическом, геогностическом, статистическом, экономическом, этнографическом и историческом отношениях. – СПб.: Изд. В. Дерикера, 1866.
19. Экономическая география СССР. СССР по районам. Западная область (Белорусская ССР и Западная область РСФСР) / под ред. М. Б. Вольфа и Г. А. Мебуса; сост. М. В. Довнар-Запольский. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. – 108 с.

УДК 338(571.54/.55+517+510)(09)
ББК 65.9(2Рос+5мон+5 Кит) г

*Александр Петрович Суходолов,
Юрий Васильевич Кузьмин,
Михаил Порфирьевич Рачков,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Россия*

*Яков Александрович Суходолов,
Министерство международного сотрудничества
и внешнеэкономических связей Забайкальского края,
г. Чита, Россия*

Внешняя политика Российской империи на рубеже веков и восточный проект П. А. Бадмаева в 1893–1917 годы¹

Представлена характеристика предпринимательской деятельности в Забайкалье, Монголии и Китае доктора тибетской медицины П. А. Бадмаева. Основное внимание уделено анализу восточного проекта П. А. Бадмаева в 1893–1905 годы, а также проектам по строительству железных дорог и добыче золота.

Ключевые слова: предпринимательство, Забайкалье, П. А. Бадмаев, восточный проект, Монголия, Северный Китай, торговля, железнодорожное строительство

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 15-21-03008 «Энциклопедия российско-монгольских отношений».

Alexander P. Sukhodolov,
Yurii V. Kuzmin,
Mikhail P. Rachkov,
*Baikal State University,
Irkutsk, Russia*

Yakov A. Sukhodolov,
*The Ministry of international cooperation
and foreign economic relations of Transbaikalian region,
Chita, Russia*

Foreign Policy of the Russian Empire at the Turn of the Century and East of the Project P. A. Badmayev in 1893–1917

The article describes entrepreneurship characteristics in Transbaikalia, Mongolia and China by Tibetan medicine's doctor P. A. Badmayev. The focus is on the analysis of P. A. Badmayev's East project in 1893–1905 and construction projects of railways and gold mining.

Keywords: entrepreneurship, Transbaikalia, P. A. Badmaev, East project, Mongolia, North China, trade, railway construction

Столетие Февральской и Октябрьской революций 1917 года вновь заставляет историческую науку и общественную мысль нашей страны ответить на сложный вопрос, почему эти трагические и деструктивные события произошли и имели чрезвычайно противоречивые последствия. Важное внимание справедливо уделяется роли исторических деятелей того времени на рубеже веков. «Героев» здесь необычно много: А. В. Керенский, П. Н. Милюков, Л. Г. Корнилов, Г. Распутин, В. М. Пуришкевич, М. В. Родзянко, А. Д. Протопопов, П. Г. Курлов, Ф. Ф. Юсупов, А. А. Вырубова и многие другие исторические деятели. В этом ряду нередко и обычно с рядом с Г. Распутиным, А. А. Вырубовой и царской семьёй называют Петра Александровича Бадмаева.

Доктор тибетской медицины П. А. Бадмаев (1851–1920) – человек уникальной судьбы и разносторонних талантов. Он получил два высших образования в Петербурге: востоковедное и медицинское, семнадцать лет служил в Министерстве иностранных дел России и достиг высокого социального статуса и служебной карьеры, стал действительным статским советником. Во многих своих делах и начинаниях он являлся настоящим первопроходцем: первым в России перевёл и опубликовал самый известный трактат тибетской медицины «Жуд-Ши» (1898), издавал первую в стране газету на монгольском языке «Жизнь на восточной окраине» (1895–1897), построенной только полвека спустя [8].

Деятельность Петра Александровича Бадмаева была обширной и многогранной.

Объективное и всестороннее изучение биографии и деятельности доктора П. А. Бадмаева ещё только начинается. Преодоление крайних оценок этой сложной личности является задачей современной историографии. Образ П. А. Бадмаева в исторической литературе, художественной прозе и кино серьёзно трансформировался из одиозной и мафиозной личности, проходимца и шарлатана в образ потомка Чингисхана, блестящего врача тибетской медицины, успешного предпринимателя, издателя первой газеты на монгольском языке, мецената и создателя школы для бурятских детей, из стен которой вышло немало известных бурятских деятелей. Принятие и финансирование некоторых проектов П. А. Бадмаева было возможным и реальным только потому, что это отвечало настроениям и желанию царя Николая II, которым руководило стремление двигаться на Дальний Восток и доминировать в этом регионе. Пользуясь своей близостью к царской семье как потомок Чингисхана и как крестник царя Александра III, лечивший его семью, П. А. Бадмаев прямо обращается к нему с записками и письмами. Свои первые записки он адресует Александру III, а затем его сыну – царю Николаю II.

В связи со строительством Транссибирской железной дороги в конце XIX века в русском обществе проявляется значительный общественный интерес к освоению Сибири и Дальнего Востока, а также к Китаю, Корее и Монголии. Железная дорога открывала значительные возможности расширения предпринимательской деятельности рус-

ского капитала в этом неосвоенном регионе, а также проникновения его на зарубежные рынки Дальнего Востока.

13 февраля 1893 года П. А. Бадмаев представил царю Александру III развёрнутую записку «О задачах русской политики на азиатском Востоке». Одновременно с ней он обратился с аналогичными идеями к министру финансов С. Ю. Витте – главному «конструктору» внешней политики России на Дальнем Востоке. Именно С. Ю. Витте и представил «Записку» П. А. Бадмаева русскому царю, который, прочитав её, наложил 27 февраля 1893 года такую резолюцию: «Всё это так ново, необыкновенно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха» [12, с. 81]. По мнению Бадмаева, построенная железная дорога изменит положение России на Востоке, поэтому очень важно сосредоточить внимание на её финансово-экономическом значении и результатах. И заниматься делами на Востоке надо планомерно и последовательно, а «не лихорадочно, не порывами» [Там же, с. 49]. Он предлагает серьёзно взглянуть на Восток и выступить в активной роли, «позаботиться оградить Восток от влияния враждебных нам элементов и охранять наши интересы» [Там же, с. 51]. П. А. Бадмаев предлагает продолжить сооружение железной дороги от Байкала в глубь Китая к городу Ланьчжоу. Этот вариант не был поддержан и избран другой – через Маньчжурию. Сторонник строительства железной дороги напрямик на Владивосток через Северную Маньчжурию, С. Ю. Витте считал план Бадмаева (строительство железной дороги через Кяхту на Пекин) неприемлемым.

Строительство железной дороги через Монголию и Китай П. А. Бадмаев рассматривал как удобный путь, хороший предлог для постепенного освоения и присоединения к России этих стран. Оценивая ситуацию в Китае и Монголии, он считал себя знатоком этих стран: «Жизнь монголо-тибето-китайского Востока известна мне фактически в силу моих связей, постоянное столкновение с этой жизнью, моё знакомство с европейскими и русскими взглядами о Востоке в литературе» [12, с. 52]. Он пытался доказать, что железная дорога на Ланьчжоу станет источником обогащения и позволит России избавиться от внешних долгов, что «вся торговля попадёт в наши руки, европейцы не в состоянии будут с нами конкурировать» [Там же, с. 53].

Бадмаев выступает против возможного захвата Маньчжурии, который приведёт к враждебности со стороны Богдыхана и напряжённости с западными странами. Он предлагает энергично заняться хозяйственным освоением Забайкалья. «К сожалению, на Забайкалье не только не было обращено должного внимания, но оно систематически разорялось, несмотря на то, что ему предстоит играть роль нашей базы в борьбе с Азиатским Востоком» [Там же, с. 55]. Действительно, строительство КВЖД осуществлялось в ущерб экономическим интересам Забайкалья и Дальнего Востока.

Позднее, в 1890-е годы он открывает собственное дело в Забайкалье, которое затем расширяет с целью освоения Монголии и Китая. Получает миллионные кредиты и создаёт торговый дом «Бадмаев и Ко», появляются фермерские хозяйства, гостиница, издаётся газета «Жизнь на Восточной окраине». К сожалению, данная страница биографии также не получила в российской историографии развёрнутого рассмотрения.

11 ноября 1893 года в Петербурге был основан торговый дом «Бадмаев и Ко», а в Чите организована его главная контора, куда и выехал доктор. В газете «Забайкальские областные ведомости» (за 22 апреля 1894 г.) опубликовано официальное сообщение: «Отставной Надворный советник П. А. Бадмаев для производства на окраинах России скотоводного дела учредил товарищество на вере с участием вкладчика, не пожелавшего быть поименованным, с внесённым им вкладом в размере 10 000 рублей, которое будет производиться в торговом доме под фирмой «П. А. Бадмаев и Ко». Договор по сему предмету заключён 11 ноября 1893 г. В третьем пункте сего договора сказано следующее: «всеми делами предприятий управляет и распоряжается Бадмаев как полный хозяин» [5].

В Чите было организовано крупное скотоводческое хозяйство, было закуплено огромное количество верблюдов для перевозки грузов. Также были арендованы земли у бурят и монголов, открыто несколько торговых лавок, начато издание газеты на русском и монгольском языках «Жизнь на восточной окраине», создана типография. В Чите Бадмаев арендовал 500 десятин городской земли, а в 12 верстах от Читы устроил мызу под названием «Марусино», где сразу же начались подготовительные работы для развития сельского хозяйства на рациональных ос-

новах. Здесь же была устроена скотобойня. Были закуплены верблюды и организована перевозка грузов как по городу Чите, так и по всему Забайкалью. Для развития коневодства и улучшения местных пород лошадей торговому дому из государственных конных заводов было продано 13 чистокровных жеребцов и 6 кобылиц.

В селении Онинском была создана вторая мыза «Надежда». На обеих фермах было организовано производство масла. Из европейской России были выписаны сепараторы-сливкоотделители, маслобойки и холодильники разных систем. Для организации сельскохозяйственного производства на научной основе были приглашены специалисты молочного хозяйства: русский И. И. Колесов и эстонец Тимуск, а также молодые буряты Ц.-Д. Добданов и Н. Дамдинов – все ученики известного в России специалиста по сельскому хозяйству Н.В. Верещагина. При каждой ферме были учреждены лаборатории, снабжённые всеми необходимыми приборами и реактивами для химического анализа. Было организовано на фермах и образцовое свиноводство. Открыты также опытные станции для производства искусственного травосеяния, разведения корнеплодов и устройства больших огородов. В Чите торговый дом Бадмаева пытался устроить дилижанс (конно-железную дорогу). Вагон был рассчитан на 10 человек, а движение по маршруту улица Амурская – улица Софийская. Проект этот не был осуществлён.

По данным читинского краеведа В. Лобанова, Бадмаев пытался наладить торговлю мясом без посредников, которые наживались на ней. Он открыл собственную скотобойню в Антипихе, так как городская скотобойня брала высокую плату за свои услуги. «Имея благие намерения, торговый дом Бадмаева в зиму 1895–1896 годов снизил цену на баранину с обычной базарной в 8–9 копеек до 6 копеек за фунт. Долгое время он завозил в Читю мясо в большом количестве и пытался удержать низкую цену. Однако местные купцы не давали возможности населению города покупать мясо по такой низкой цене. Они сами скупали мясо у Бадмаева и придерживали его. В борьбе за рынок Бадмаев пошёл на беспрецедентный по тому времени весенний забой скота. Однако долго выдержать конкуренцию не мог и отказался от попыток искусственно держать цену ниже рыночной. Купцы и перекупщики после победы вздули цену до 10–12 копеек» [10, с. 88].

23 июня 1896 года торговый дом открыл помещения и столовую для своих служащих и рабочих. Со временем предполагалось открыть здесь также и читальный зал. В октябре 1896 года торговым домом была открыта гостиница «Восточное подворье», с буфетом и столовой, с бильярдом и баней. Большое значение П. А. Бадмаев придавал изданию собственной газеты «Жизнь на восточной окраине». Часть тиража издавалась на монгольском языке. Это была вообще первая печатная газета на монгольской классической письменности. Редактором и, видимо, переводчиком монгольского текста был Буда Рабданов (1855–1923), бурятский просветитель, преподаватель в Агинском училище. Б. Рабданов окончил Агинское приходское училище и Читинскую гимназию, несколько лет прослужил в Забайкальском областном управлении, затем преподавал в училище. Кроме того, он неоднократно путешествовал по Монголии и Китаю, исполнял должность переводчика у Г. Н. Потанина, вместе с Агваном Доржиевым читал лекции о религии и культуре монголов в Париже. Одним словом, это был подготовленный и образованный редактор газеты. Газета выходила около двух лет. Она освещала и рекламировала предпринимательскую деятельность П. А. Бадмаева [9].

Разнообразная деятельность П. А. Бадмаева и его торгового дома в Монголии, Китае, Тибете нашла своё отражение в записках и письмах Бадмаева в 1893–1897 годы к Александру III, Николаю II, С. Ю. Витте. Так, из письма Бадмаева к Николаю II от 26 декабря 1895 года мы узнаём, что знатные ламы и монастырские князья западной и восточной Монголии, из окрестностей Кукунора и восточной Монголии «сердечно принимают моих посланных, а также приезжают ко мне, посылают своих приближённых с письмами и подарками, все они единодушно молятся о благоденствии Вашего величества, и почему-то они уверены, что я приехал дать им возможность принять российское подданство» [12, с. 89]. Но не получая никакого положительного ответа, боятся наказания пекинских властей и интересуются поездкой Бадмаева в Пекин. Подобные настроения были распространены среди определённой части населения соседних с Россией стран, но масштабы оценить довольно затруднительно. Непосредственным и существенным результатом своей деятельности в регионе П. А. Бадмаев рассматривает значительное

увеличение участников Агинской ярмарки до 10 тыс. чел., тогда как обычно бывало 3–4 тыс. В следующем году он надеется увеличить число участников до 30 тыс. чел., пригласив торговый народ всей Монголии и используя возможности газеты в надежде, что местные власти не помешают. Последнее обстоятельство Бадмаев особо подчёркивает, так как в течение двух лет высшая местная администрация отнеслась к нему враждебно. Причины, обстоятельства и подробности не приводятся, о них можно только догадываться. Невольное вмешательство в функции административных органов края, желание действовать самостоятельно в крае и, наверное, высокомерное отношение к местным чиновникам, его заносчивость являлись причинами враждебного отношения. Видимо, решение некоторых вопросов затягивалось обычной чиновничьей рутинной, что и вызывало недовольство П. А. Бадмаева.

Опорными географическими точками деятельности торгового дома в Монголии и Китае являлись Урга, Пекин, Лхаса, Ланьчжоу, а также крупнейшие буддийские центры Лабран и Гумбум. В Урге, отмечается П. А. Бадмаевым, всё готово для торговли ранней весной, караванная торговля и перевозки осуществляются на Амуре и в Монголии. Возвратившиеся из Лабрана и Гумбума буряты, посланные туда Бадмаевым, снова отправились туда, так как восстание дунган затихло.

Продуктивное животноводство, разведение высокопородистых коров и лошадей занимало особое место в деятельности торгового дома. Предполагалось, что промысловое скотоводное хозяйство будет контролироваться торговым домом в Чите и Амурском районе. П. А. Бадмаев считал, что «через четыре года кавалерия и конная артиллерия всего этого района будут обеспечены местной породой лошадей». Доктор по-прежнему продолжал отстаивать свой вариант строительства железной дороги в Китае. Он пытался хлопотать о концессии постройки железной дороги на частные средства из Пекина в Забайкалье через город Акшу. С другой стороны, Бадмаев доказывал нецелесообразность строительства железной дороги через Маньчжурию: железнодорожные изыскания по Маньчжурии от Цурухайтуя не оправдываются ни технически, ни политически. Поперечно расположенные горные пространства Хингана и его отрогов, пересечение пути реками Нонни-Ула и Сун-

гари, поперечное направление долин горной площади Гириной провинции, естественно, представляют технические затруднения.

В письме П. А. Бадмаева к С. Ю. Витте дана оценка понимания задач и целей России на Дальнем Востоке. Князь Э. Э. Ухтомский и зам. министра финансов Романов полагали, что выделенные деньги (2 млн р.) должны быть израсходованы «исключительно на политическую цель, то есть делать подарки князьям, ламам и другим знатым лицам» [12, с. 90]. Бадмаев имел другое мнение на этот счёт. Он видел свою задачу более широко, считал необходимым заниматься экономическим освоением стран данного региона, установлением разнообразных связей с политическими и религиозными деятелями стран Восточной Азии. Он исходил из того, что «людей можно привязать к себе умом, сердцем и знанием и менее всего деньгами и подарками». Собственное влияние в регионе он объясняет следующим образом: «Население Забайкалья, Монголии и многие лица, имеющие влияние в Монголии, Китае и Тибете, относятся с любовью ко мне только потому, что мои предки и родня пользовались и пользуются расположением на Востоке, и я лично заслужил любовь и расположение населения и нужных для меня лиц своей полезной для края деятельностью, таким образом, сумма, которая мне была вверена, помогла мне укрепить существовавшую дружбу между мною и населением, хотя и породила чувство зависти в немногих правящих сферах окраины» [Там же, с. 91].

В начале 1896 года П. А. Бадмаев отправляется в Китай, что нашло отражение в описании его путешествия. По данным И. В. Лукоянова, в агенты своего торгового дома он привлёк многих известных людей: А. Д. Старцева, Н. И. Гомбоева, сына генерального консула в Урге Я. П. Шишмарева. Путешественник В. В. Корсаков в книге «В старом Пекине» (1904) довольно иронически описывает деятельность Бадмаева в Китае. По его мнению, Бадмаев въехал в Пекин на тройке в русском тарантасе, сопровождаемый бурятами в ярких халатах и остроконечных шапках. Он купил два дома, посылал своих людей в различные города Китая, отправил единственный караван с китайскими шелками. В целом В. В. Корсаков оценивал деятельность П. А. Бадмаева в Китае как неудачную.

15 января 1897 года П. А. Бадмаев пишет подробный доклад Николаю II о своём

пребывании в Китае и Монголии. В отличие от предыдущего письма он представляет развёрнутый отчёт с указанием имён, географических названий, точное число лиц, направленных в то или иное место. Впервые речь идёт не просто об организации экспедиционных и торговых отрядов, а именно организации своеобразного вооружённого восстания против маньчжурского правительства. Как пишет Бадмаев, он «отправил в различные пункты Монголии, Кукунора, Тибета и Китая партии вооружённых бурят и монгол, причём каждый посланный имел в своём распоряжении сумму денег, верблюдов, лошадей, товары и подарки». П. А. Бадмаевым были отправлены: 20 человек для пребывания в Ланьчжоу и его окрестностях, 10 человек в Лхасу, 10 человек в верхнюю Монголию (Кукунор), 50 человек в Ургу, а также караваны в Цэцэнханский аймак, в Долон-нор, Душехоу и Калган, и к ряду ванов: аоханьскому, алашаньскому, харцинскому. В результате поездок посланцев Бадмаева в Монголию и Китай к нему прибыли влиятельные лица от Цэцэн-хана, от Жонон-бэйсэ, от Лха-бэйлэ, от долоннорского гэгэна Ганчжирба [12, с. 93].

Одновременно с этим приобреталось недвижимое имущество, строились дома и лавки, арендовались земли в Чите, Аге, Акше, Цугане, Урге, Пекине, между Ургой и Калганом, между Ургой и Акшей, между Ургой и Кяхтой, между Верхнеудинском и Читой. Таким образом, расширялась география и сфера деятельности торгового дома. Подготовив почву и проводников, Бадмаев сам отправился по всем этим маршрутам для личного знакомства с положением дел и установлением контактов на месте.

С 1894 года деятельность торгового дома «П. А. Бадмаев и Ко» распространилась и на Монголию. В монгольской столице Урге, в районе российского консульства торговому дому был отведён большой земельный участок, предназначавшийся для строительства магазина, жилых домов и складских помещений. И вскоре действительно начал работать магазин с русскими товарами, а представители торгового дома начали закупать скот в монгольских хошунах. Из донесения драгомана в Урге В. Ф. Люба мы узнаём, что «звезда Бадмаева только что восходила и в Монголии – и там, и здесь имя его было окружено ореолом загадочной личности, на которую нашим правительством возложена, будто бы, таинственная политическая ли-

ния». По заключению консула, деятельность Бадмаева и его служащих проходила с большой шумихой и рекламой, намеренно распускались слухи о несметных богатствах торгового дома, о близком родстве Белого царя с Бадмаевым. «Буряты, при упоминании имени Бадмаева понижали голос и делали непроницаемые лица, с разных сторон доходили сюда и передавались – под большим секретом – слухи о миллионах, доверенных Бадмаеву петербургскими сановниками» [1, л. 23].

Довольно странным для торгового предприятия был и подбор служащих фирмы. В числе его работников был значителен процент офицеров или бывших офицеров петербургских полков, что ещё раз подтверждало особенный характер предприятия, было ясно, что «торговыми делами маскируются задачи совсем иного свойства» [Там же]. Особая миссия торгового дома подтверждалась также тем, что Бадмаев и его служащие имели право непосредственных контактов с монгольскими и китайскими властями. Кяхтинская газета «Байкал» в августе 1897 года, оценивая характер торговых операций Бадмаева, писала: «Операции эти, с коммерческой и деловой точки зрения представляющие много загадочного, отличаются многочисленностью и крайним разнообразием. Чего тут только не было: сельскохозяйственные фермы, мануфактурная и бакалейная торговля, мясная торговля, типография, газета, ресторан, гостиница и т. д.» [3]. Однако размер торговли в Ургинской лавке газета оценивала как «весьма скромный». В 1896 году торговым домом было получено в Урге мануфактурных товаров на 18 тыс. рублей, посуды иркутской фабрики Перевалова на 602 р. и железа 337 пудов на 2,6 тыс. р. [Там же]. Кроме того, торговый дом П. А. Бадмаева организовал почтовые станции между Кяхтой и Ургой, которые просуществовали один год. Непродолжительное время осуществлялись и закупки скота в монгольских хошунах. По мнению уже упоминавшегося консула В. Люба, «торговый дом превратился в своего рода сборище лиц, не знакомых с условиями торговли в Монголии и не имевших даже желания ознакомиться с местными обычаями, порядками и прочим» [1, л. 520].

Имеются архивные данные о том, что торговый дом раздирали и внутренние противоречия, возникали конфликты между его сотрудниками. Осложнились отношения Бадмаева с Б. Рабдановым, сотрудником торго-

вого дома и редактором – издателем газеты «Жизнь на Восточной окраине», о котором Бадмаев в 1904 году писал: «Буда Рабданов служил у меня 2,5 года, делал долги, доставлял неверные сведения, выгодные для его личных интересов». В. Люба сообщал в Петербург о конфликте из-за места доверенного лица торгового дома в Урге, на должность которого претендовали его представители: Очиров и Перфильев. Такую ситуацию консул оценивал, как «совершенно во вкусе и характере г. Бадмаева» [Там же, л. 6].

Известный российский дипломат И. Я. Коростовец так оценивал деятельность Бадмаева в Монголии: «Бадмаев проектировал устройство торговых агентур, аренду земель для русских переселенцев, издание монгольской газеты и т. п. Однако все эти затеи свелись к покупке на имя самого Бадмаева нескольких участков земли и к устройству молочной торговли. Деятельность Бадмаева не только не способствовала распространению русского влияния, но, скорее, наоборот. Он имел неосторожность затронуть религиозный вопрос, чем вызвал раздражение наших бурят, увидевших в его планах русификации покушение на их самобытность» [7, с. 242]. Естественно, что поэтому очень скоро стала ясна экономическая несостоятельность торгового дома, и наступило его банкротство. В 1897 году «Торговый дом П. А. Бадмаев и Ко» прекратил свою бурную деятельность, но полностью и официально был закрыт только в 1905 году. Давая общую характеристику этому предприятию, консул в Урге писал в «Записке Посланнику в Пекине»: «Не понадобилось бы большого таланта, ни серьёзного труда, чтобы охарактеризовать это неудавшееся предприятие, задавшееся, якобы, целью: создать на русские деньги политическое и торговое движение между двумя народностями и открывшее здесь действия с прославления своего главы путём распространения среди населения слухов о близком родстве с Белым царём, несметных его богатствах, об участии именитых русских людей в деятельности торгового дома и т. д. Постройка вышеупомянутых станций и домов крайне неудачная, в течение двух лет гоньба русских почт между Кяхтой и Калганом и, наконец, жалкая торговля с совершенно неподходящим выбором товаров и в неумелых руках – вот всё, к чему свелась в Монголии и на чём оборвалась деятельность этого столь нашумевшего в своё время предприятия» [1, л. 12].

Основными причинами неудачи Восточного проекта П. А. Бадмаева являлись, по нашему мнению, следующие обстоятельства. Во-первых, направление проекта железнодорожного строительства в Китае разошлось с официальным направлением строительства железной дороги через Маньчжурию в 1896 году. Во-вторых, осуществление проекта П. А. Бадмаева проходило втайне от официальных властей сибирского региона, что вызывало их неприятие и недовольство. Неумение П. А. Бадмаева найти вариант разумного сотрудничества с ними явно вредило делу. В-третьих, подбор кадров также приводил к вопросам. Осуществление кадровой политики торгового дома постоянно вызывало нарекания, возникало множество проблем, в том числе проблема невыполнения обещаний по оплате работы сотрудников. В-четвёртых, противоречивая позиция П. А. Бадмаева в религиозном вопросе вызывала непонимание как православных священников, так и буддийских лам. Он оказался в ситуации: «свой среди чужих, чужой среди своих».

Таким образом, предпринимательская деятельность П. А. Бадмаева в 1893–1896 годы оказалась неудачной. Несмотря на обширность планов и кипучую деятельность, ему не удалось их реализовать в полном объёме. Проект был больше политическим, чем экономическим, поэтому он и не мог быть результативным. Проект присоединения к России Монголии, Китая и Тибета, разработанный П. А. Бадмаевым, оказался в большой степени мифом. Ложной была и исходная посылка врача тибетской медицины о готовности жителей Китая к переходу под управление другого народа. Совершенно неудачной оказалась и организационная сторона предпринятого дела, не соответствовал выполнению поставленной задачи и состав служащих. К сожалению, некоторые важные обстоятельства проекта П. А. Бадмаева до сих пор остаются до конца не ясными. Возможно, что со временем всё же будут обнаружены новые дополнительные архивные свидетельства, которые прояснят общую картину.

В 1896 году завершилась активная фаза деятельности торгового дома «Бадмаев и Ко». К этому времени торговый дом владел значительным имуществом в Забайкалье, Монголии и Китае. Не получив нового кредита, П. А. Бадмаев, видимо, значительную часть зданий, земли и скота распро-

дал, но вернуть кредит ему не удалось, и в 1904–1905 годы долг ему был прощён. Но он теряет самое важное – доверие и расположение российского императора и влиятельных российских сановников. Вероятно, некоторая часть недвижимого имущества сохранялась за П. А. Бадмаевым, особенно в Чите и Забайкалье и трансформировалась в новые коммерческие предприятия. История ликвидации и трансформации торгового дома до сих пор полностью не известна. Китаевед Е. А. Белов в предисловии к сборнику русских архивных документов 1900–1914 годов «Россия и Тибет» (2005) считает, что П. А. Бадмаев примыкал к группе Безобразова, которая стремилась к прямому разделу империи Цин, в то время как Витте пытался разделить сферы влияния банковского капитала различных стран. «В начале 1898 г. в российской правящей элите оформляется уже новая группировка – так называемая “безобразовская клика”, по имени А. М. Безобразова, дослужившегося впоследствии до должности статс-секретаря Николая II. В неё входили великий князь Александр Михайлович, контр-адмирал Абаза и др. К этой группе примкнул и П. А. Бадмаев» [11, с. 15]. Степень участия Бадмаева в этом проекте и ранее рассматривалась в российской историографии: крупный исследователь российской внешней политики в Маньчжурии Б. А. Романов считал, что Бадмаев был мало причастен к деятельности данной группировки.

События Русско-японской войны 1904–1905 годов, а затем Первая русская революция 1905–1907 годов не способствовали развитию предпринимательства в Забайкалье. В этот период предпринимательская деятельность П. А. Бадмаева в регионе явно ослабевает и затухает на некоторое время. Полностью она никогда не прерывалась, так как он регулярно получал из Забайкалья лекарственные травы и препараты, необходимые для лечения больных в Петербурге. Отдельные предприятия Торгового дома продолжали работать под контролем его родственников и доверенных лиц.

В 1908–1909 годы начинается новый этап предпринимательской деятельности Бадмаева в Забайкалье. Так, он подаёт «Записку» о Забайкальском горнопромышленном предприятии начальнику Генерального штаба В. А. Сухомлинову. В предприятии принимали участие великий князь Борис Владимирович, владелец золотых приисков на Джалинде М. Г. Титов, известный коммер-

сант А. Э. Стельп, сын Бадмаева – прапорщик Н. П. Бадмаев. В «Записке» отмечается, что они владеют 822 паями из 1250 паёв первого Забайкальского горнопромышленного товарищества и принимают меры по приобретению дополнительно ещё 200 паёв, чтобы иметь абсолютное большинство в этом товариществе [2, с. 125].

Главная цель «Записки» заключалась в просьбе о ходатайстве В. А. Сухомлинова перед императором о выделении товариществу 5 млн р. торгово-промышленного кредита. Такой кредит выдавался по решению финансового комитета Государственного банка всем промышленникам, сообразуясь с ценностью имущества просителя. Забайкальское горнопромышленное товарищество имело концессии стоимостью около 6 млн р. По мнению составителей «Записки», реально ценность концессии при разработке месторождений будет оцениваться в несколько десятков миллионов рублей. В качестве примера приводятся данные об успешной добыче золота в Дарасуне, когда на небольшой территории и самым примитивным способом добывали 1500 пудов золота на сумму 21 млн р. Концессия Забайкальского горнопромышленного товарищества находится на 20 квадратных верстах, в недрах содержится не менее 4000 пудов россыпного и рудного золота на 56 млн р. Поэтому кредит будет вполне обеспечен только этой одной концессией. Кроме того, успешность предприятия обеспечивается профессионализмом учредителей: «Г-н Титов и Бадмаев – знатоки торговли, промышленности и сельского хозяйства, А. Э. Стельп – известный коммерсант». Завершается «Записка» объяснением мотивации создания нового предприятия: «...идём в это дело не ради алчности и лёгкой наживы, а сознавая огромное государственное значение этих предприятий» [Там же, с. 127]. Делается акцент на трудолюбии, способностях, знаниях и общественном положении учредителей товарищества.

По косвенным данным известно, что Бадмаев занимался добычей и разработкой золотых месторождений перед революцией 1917 года. Необходимы дальнейшие архивные изыскания в Чите для составления полной картины. Важной составляющей предпринимательской деятельности Бадмаева являлось проектирование строительства железных дорог. Не реализовав в 1893–1897 годы идею строительства железной дороги от Читы до Ланьчжоу, Бадмаев вновь

обращается к проектам строительства железных дорог. Особенно он активизировался после получения Монголией национальной независимости в 1911 году Бадмаев предлагает вариант строительства железной дороги от Семипалатинска до границы с Монголией, а также далее трансмонгольскую линию (Семипалатинск – Кобдо – Улясутай, Урга – Хайлар), а также линию Мысовая – Кяхта – Урга – Сайр Усу – Нинсяфу – Ланчжоу. Известно также, что Бадмаев стремился в 1914 году получить концессию на строительство железной дороги от Маньчжурии до Урги. И в данном случае правительственные структуры России были против получения П. А. Бадмаевым железнодорожной концессии. В письме министра иностранных дел России посланнику в Пекине и дипломатическому агенту в Монголии сообщалось следующее: «Поверенный Бадмаева телеграфировал сюда, что последний получил концессию на железную дорогу от Маньчжурии до Урги. Благоволите запросить Монгольское Правительство, справедливо ли это известие, объяснив вместе с тем, что если такая концессия действительно была выдана, то она не может быть осуществлена за невозможностью найти нужные капиталы. Если же с концессией связаны какие-либо монопольные права, то она противоречит 5-й статье Ургинского протокола, и осуществление этих прав не будет нами допущено. Поэтому мы не утвердим концессии Бадмаева, и она не имеет юридической силы. Действуя таким образом, мы имеем в виду благо Монголии, обязанной нам своим государственным бытием, ибо видим, что Монгольское правительство вовлекается в невыгодные сделки международными авантюристами и готово продать свои истинные интересы за возможность немедленно получить деньги, которые будут истрачены без пользы для страны» [4, л. 16]. Концессия не была получена, и проект не был реализован.

По данным Ж. Т. Тумунова, при непосредственном участии П. А. Бадмаева в 1912 году был составлен проект «Русско-монгольского соглашения». Также был составлен проект учреждения «Монгольского

общества» для руководства экономическим развитием Монголии. «Далеко устремлённым в будущее является составленный П. А. Бадмаевым в 1912 году проект “Договора о военном союзе между Монголией и Россией”. Он сохранился в рукописном варианте и не был представлен в правительственные органы» [13, с. 123].

Значительное внимание он уделяет данным о природных богатствах Монголии и экономической прибыльности их разработки. По данным П. А. Бадмаева, Монголия богата золотом, серебром, драгоценными камнями, а также каменным углем и нефтью. Совершенно не изучена предпринимательская деятельность Бадмаева на юге Российской империи. В 1916 году совместно с П. Г. Курловым он пытался организовать акционерное общество для разработки природных ресурсов, содействовал развитию промышленности, сельского хозяйства и торговли. В 1917 году П. А. Бадмаев проявлял определённый интерес к Мурманской железной дороге. Видимо, в обоих случаях ничего реального не получилось, кроме обсуждения проектов. В других исторических условиях эти проекты могли бы иметь практическую реализацию, экономически многие из них были вполне перспективны.

В Восточном проекте П. А. Бадмаева была сделана попытка исполнить глобальную и фантастическую задачу по присоединению к Российской империи Монголии, Тибета и части Маньчжурской империи на рубеже веков.

Эта секретная сторона проекта известна сегодня только в общих чертах, хотя некоторые стороны, особенно предпринимательство в Забайкалье, Монголии и Северном Китае, известны достаточно подробно. Нам представляется, что экономическая составляющая прикрывала суть Восточного проекта. Здесь впервые фактически были использованы приёмы мягкой силы, «вежливые люди» (торговцы из бывших военных или отставников) и другие приёмы, широко известные только сегодня. П. А. Бадмаев был человеком, далеко опередившим своё время.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской империи. Китайский стол. – Ф. 143. – Оп. 491. – Д. 564.
2. Бадмаев П. А. За кулисами царизма: Воспоминания. Мемуары. – Минск: Харвест, 2001. – 208 с.
3. Байкал. – 1897. – 31 авг.
4. Государственный архив Иркутской области. – Ф. 25. – Оп. 11. – Д. 217.
5. Забайкальские губернские ведомости. – 1894. – 22 апр.

6. **Жизнь на восточной окраине.** – 1986. – 26 июня.
7. **Коростовец И. Я.** От Чингисхана до Советской республики: краткая история Монголии с особым учётом новейшего времени. – Улан-Батор: Адмон, 2004. – 560 с.
8. **Кузьмин Ю. В.** Доктор П. А. Бадмаев: учёный, дипломат, предприниматель. – М.: Т-во науч. изд. КМК, 2014. – 183 с.
9. **Кузьмин Ю. В., Рачков М. П., Суходолов А. П.** «Жизнь на восточной окраине» – первая газета в России на монгольском языке // Вопросы теории и практики журналистики. – 2014. – № 3. – С. 5–12.
10. **Лобанов В.** Старая Чита. Документальный рассказ. – Чита: Степанов М. А., 2003. – 336 с.
11. **Россия и Тибет:** сб. рус. арх. док. 1900–1914 / Институт востоковедения; Институт Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2005. – 231 с.
12. **Семенников В. П.** За кулисами царизма (архив тибетского врача Бадмаева). – Л.: Гос. изд-во, 1925. – 325 с.
13. **Тумунов Ж. Т.** Братья Александр и Пётр Бадмаевы // Байкал. – 1989. – № 3. – С. 119–126.

УДК 314.1(571.5)
ББК С74(253.5)

**Игорь Ашотович Арзуманов,
Олег Петрович Личичан,**
*Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия*

Расселенческая политика в Восточной Сибири как фактор комплексного развития территорий: историко-логический анализ

В статье проводится исторический анализ этапов расселенческой политики и их особенностей с целью выявления основных тенденций в развитии системы расселения Восточной Сибири. Делается вывод о взаимосвязи рационализации поселенческой сети региона и механизма управления процессами расселения населения.

Ключевые слова: расселенческая политика, национальная безопасность, устойчивое развитие, Восточная Сибирь

**Igor A. Arzumanov,
Oleg P. Lichichan,**
*Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia*

East Siberian Resettlement Policy as a Territory Complex Development Factor Historico-Logical Analis

The article contains historical analysis of resettlement policy stages and their peculiarities in order to define the main tendencies in East Siberian resettlement system development. A conclusion is being made concerning the interconnection of the region's settlement chain as well as the managerial mechanism of the population resettlement processes.

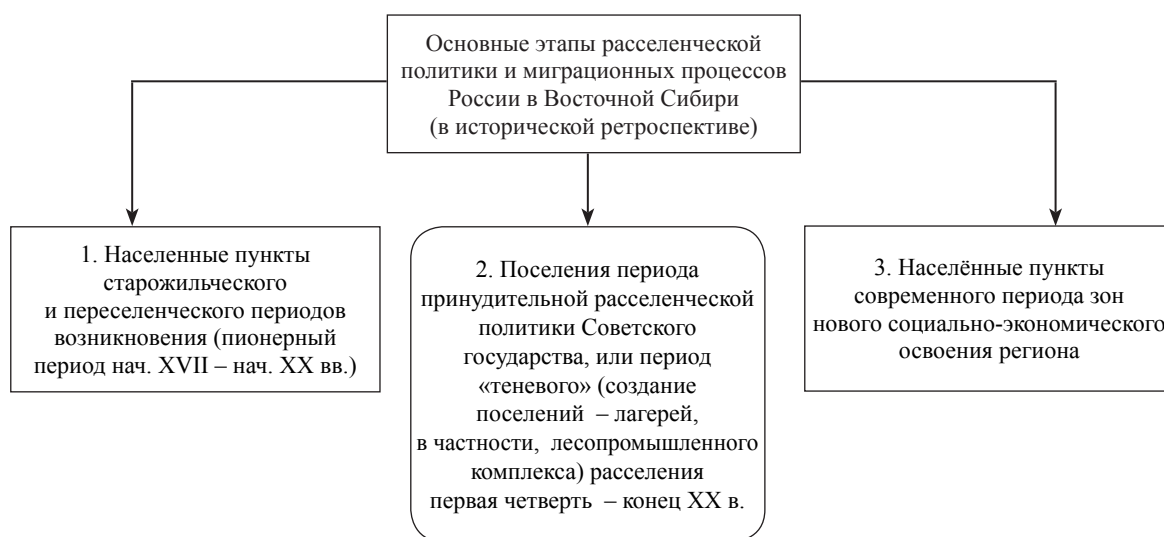
Keywords: resettlement policy, national security, sustainable development, Eastern Siberia

При проведении историко-логического анализа расселенческой политики России в Восточно-Сибирском регионе представляется целесообразным обратить внимание на про-

блему образования и функционирования административно-территориального деления, как важного инструмента реализации политики расселения населения. Известно, что в

процессе административно-территориального деления страны закладывается идеология расселения на колонизируемой территории, задаётся определённый «рисунок» расселения [1, с. 128; 2, с. 159; 3, с. 125]. Дело в том, что в процессе подразделения территории в государстве на составляющие его части изменяется характер территориальной структуры

общества и власти. Основу современного расселения населения Восточно-Сибирского региона составляют три основных генетических компонента, унаследованные от прошедших освоенческих периодов. На рисунке показаны основные этапы расселенческой политики и миграционных процессов России в Восточной Сибири (в исторической ретроспективе).

Основные этапы расселенческой политики и миграционных процессов России в Восточной Сибири (в исторической ретроспективе)

Формирование сети постоянных поселений в пределах Восточной Сибири началось в начале XVII века с образованием первых русских поселений – острогов, зимовий, скитов, военных казачьих городков. Причём первоначальное освоение и заселение региона отличалось некоторыми особенностями. Первые поселенцы, не встретив сопротивления от малочисленных групп местного населения, свободно расселились от Туруханска до Красноярска. Напротив, в нижнем течении Ангары русские встретились с довольно многочисленным коренным населением – тунгусами – в силу правительственных указов не могли углубляться в таёжные районы, заселённые ясачным населением [6, с. 17]. В результате на протяжении XVII–XVIII веков землепроходческая «волна» была направлена на восток – по Ангаре. Земледельчески осваивались и речные пути. Продвигаясь по таким путям, всё новые и новые поселения русских, «создавали земледелие вдоль рек и обеспечивали тем самым прочный тыл для движущихся отрядов» [7, с. 98]. Реки становились своеобразным каркасом первоначального земледельческого расселения.

Первые старожильские поселения значительно различались по величине. Так, в 1687 году в Енисейском уезде однодворные деревни составляли 29 % всех поселений, двухдворные – 19 % а трёхдворные – 18 %. Деревень с четырьмя и девятью дворами было 20 %, а с десятью и более – 14 % [Там же, с. 99].

В последующие годы основная масса пионерных поселений не только сохранилась, но численность их населения значительно увеличилась. Такая «жизненность» старожильских поселений, основанных ещё в XVII веке, – результат глубокого знания местных природных условий, политического, военного и экономического местоположения создаваемого населённого пункта.

Последние десятилетия XIX – начала XX века ознаменовались массовым переселением российского крестьянства в Сибирь. Однако большинства районов Восточной Сибири оно широко коснулось после аграрной реформы П. А. Столыпина. Так, например, за период 1859–1906 годов в Красноярском крае возникло 31 новое поселение, причём 27 из них – прииски и зимовья золотодобытчиков [5, с. 182]. Прибывающие

в эти годы переселенцы ещё использовали многоземелье, стремились обосноваться в уже существующих старожильческих сёлах и деревнях. И лишь в дальнейшем, по мере истощения колониационного земельного фонда, они всё чаще селились особняком. Однако и в этом случае при расселении на новых местах новосёлы всё же избегали выходить за пределы уже заселённого пространства. Неоценимую помощь при этом переселенцам оказывали заимки, основанные ранее старожилами. Именно они «доказали возможность сельскохозяйственного освоения и заселения водораздельных пространств», став тем самым «базой для создания вокруг них переселенческих участков» [8]. Как свидетельствуют статистические данные, в годы, последовавшие за реформой 1906 года, в Красноярском крае Восточной Сибири возникло более 500 переселенческих поселений (76,3 % всех образованных за это время в крае) [Там же, с. 18]. На этот период приходится и начало организованного заселения территории региона.

Таков генезис становления сети населённых пунктов в Восточной Сибири первоначального периода расселения населения, который стал базовым в формировании современной системы расселения региона.

Как свидетельствует практика, районы старожильского и переселенческого периодов заселения оказались наиболее устойчивыми в различные периоды расселенческой политики государств с различным общественным строем и организацией политической власти. Старожильческие поселения, возникнув несколько столетий назад, прошли своеобразную проверку временем. Анализ современной расселенческой ситуации показывает, что, сохраняя господствующее положение в сети населённых пунктов (53,3 % всех поселений региона), они обнаруживают при довольно значительном миграционном оттоке сельского населения в города гораздо большую устойчивость, чем поселения, основанные переселенцами и за годы Советской власти. Так, если число переселенческих поселений региона сократилось за 1926–1979 годы на 57,7 %, то старожильческих – лишь на 38,8 % [7, с. 101].

Период принудительной расселенческой политики Советского государства в 30–50-е годы выбран итоговым в формировании современной поселенческой сети Восточной Сибири не случайно. Как показывают исследования, в первые послереволюционные

годы на расселенческие процессы в регионе воздействовали в основном те же факторы, что и до 1917 года. Наряду с ликвидацией некоторых мельчайших населённых пунктов в целом продолжался процесс дальнейшего распыления сети поселений. С 1917 по 1926 годы возникло ещё 14 небольших сельских населённых пунктов в Красноярском крае [Там же, с. 31].

Своеобразный импульс в формировании и развитии системы расселения был дан политикой государства и партии в освоении регионов Сибири и Дальнего Востока за счёт принудительной миграции населения: высылки и ссылки репрессированного крестьянства, организации лагерей и пересыльных пунктов, создания целых «гулаговских» промышленных производств и прилегающих к ним населённых пунктов.

Особенно интенсивно шло «теневое» расселение в северных районах Восточной Сибири, где буквально на пустынных землях шло ускоренное формирование «архипелагов» поселений. Можно сделать вывод, что рассматриваемый период расселенческой политики государства характеризуется значительными негативными последствиями в формировании поселенческой сети Восточно-Сибирского региона.

Так, территориальная структура региона, складывающаяся в основном путём насильственного заселения районов репрессированным населением, обусловила гипертрофированное развитие сети иных пунктов с ярко выраженной специализированной направленностью. Как показывает практика, в 30–50-е годы отдельные территории региона были в ведении Главного управления лагерей НКВД СССР и были ориентированы на развитие лесосырьевой и горнодобывающей промышленности. «Революционные преобразования» в сфере производства привели к исчезновению целой сети сельских населённых пунктов в этих районах, традиционно занимавшихся производством сельскохозяйственной продукции, охотой, рыболовством и народными промыслами.

Принудительная расселенческая политика государства повлекла за собой укоренение официальной идеологии в районах Восточно-Сибирского региона как территориях, приспособленных в силу своих климатических условий для «перековки» чуждых Советской власти элементов и чисто сырьевых придатков центра. Доминантой в официальной государственной политике

расселения стала организация такой территории структуры населения и производства региона, которая обеспечивала бы наибольший экономический эффект за счёт дешёвых природных и людских ресурсов.

Следует отметить, что для поселений, возникших в результате принудительной расселенческой политики, характерны исключительно высокая динамичность и значительные различия их людности. Причём особой противоречивостью развития отличаются **горно**промышленные и лесопромышленные населённые пункты. Ещё в начале 90-х годов XX века на долю этой группы приходится 26,7 % всех населённых пунктов и 39,5 % населения региона [4, с. 18]. Колониальная политика государства в отношении Восточной Сибири, заложенная ещё во времена

сталинских репрессий, оставалась приоритетной и в последующие годы, особенно в период экономического освоения новых территорий региона.

Таким образом, исторический анализ процесса формирования современной сети поселений и проживающего в них населения позволяет выявить основные тенденции в развитии системы расселения Восточной Сибири. Учёт этих тенденций тем более важен, так как может иметь определённое значение при рационализации расселенческой сети региона, а следовательно, и оптимизации управления расселенческими процессами на территории. Такой подход обуславливает внимательное исследование ещё одного важного элемента политики расселения – механизма управления процессами расселения населения.

Источники и литература

1. **Арзуманов И. А.** Политико-правовые и методологические аспекты курса «Политика и религия» // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. – 2013. – Ч. 1. № 1. – С. 123–130.
2. **Арзуманов И. А.** Политико-правовые и методологические аспекты курса «Политика и религия» И. А. Арзуманов // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 8, ч. 3. – С. 152–160.
3. **Арзуманов И. А.** Трансформация конфессионального поля Забайкалья в свете религиозных инноваций (XX–XXI вв.): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – Чита, 2004. – 140 с.
4. **Елин С. П.** Особенности генезиса и устойчивости сети поселений в южно-таёжных районах Красноярского края // География и природные ресурсы. – 1986. – № 3. – С. 30.
5. **Казанский Н. Е.** Заселение среднего Приангарья в связи с хозяйственным освоением района // Сибирская география: сб. – М., 1973. – С. 182–217.
6. **Покшишевский В. В.** Заселение Сибири: ист.-геогр. очерки. – Иркутск: Иркут. обл. гос. изд-во, 1951. – 210 с.
7. **Список населённых мест Сибирского края.** Т. 2. Округа Северо-Восточной Сибири [Электронный ресурс]. – Новосибирск, 1929. – Режим доступа: <http://www.forum.vgd.ru/Россия31287/0.htm> (дата обращения: 24.05.2017).
8. **Степынин В. А.** Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. – Красноярск, 1962. – 562 с.

УДК 94:327.5

ББК ТЗ(0)64-68:Ф4(0),302

Эдуард Валентинович Костяев,

*Саратовский государственный
технический университет им. Ю. А. Гагарина,
г. Саратов, Россия*

Вооружённые конфликты России, Китая и Японии в начале XX века: взгляды лидеров РСДРП

В статье проводится детальный анализ теоретических взглядов таких выдающихся лидеров отечественной социал-демократии – и большевиков, и меньшевиков, как Георгий Плеханов, Владимир Ленин, Юлий Мартов, Фёдор Дан, Борис Кольцов, Лев Троцкий, Михаил Павлович, Вацлав Воровский и других – на войны России с Китаем и Японией в начале XX века, в ходе которых они не поддались псевдопатриотическому общественному подъёму, встали в оппозицию к царскому правительству и резко критиковали его за развязывание данных вооружённых конфликтов.

Ключевые слова: Россия, Китай, Япония, война, российская социал-демократия

Eduard V. Kostyaev,
Saratov State technical University
named after Yu. A. Gagarin,
Saratov, Russia

Military Conflicts of Russia, China and Japan in Beginning XX of the Century: the Sights of RSDWP Leaders

In the article the detailed analysis of theoretical sights of such outstanding leaders of fatherland social democracy – and bolsheviks, and mensheviks, – as George Plekhanov, Vladimir Lenin, Yuly Martov, Theodor Dan, Boris Kol'tsov, Lev Trotsky, Michail Pavlovitch, Wazlaw Vorovsky and others, on wars of Russia with China and Japan in beginning XX of a century during which they have not given in to pseudopatriotic public rise is spent, have risen in opposition to the imperial government and sharply criticized it for beginning the given confrontations.

Keywords: Russia, China, Japan, war, Russian social democracy

Среди крупных событий отечественной и мировой истории начала XX века не могла не пройти незамеченной война России с Японией в 1904–1905 годы, ставшая первым вооружённым конфликтом нового века с применением усовершенствованных средств массового поражения противника и огромной ролью военно-морского флота в решении задач сухопутных войск. Впервые в новой истории не только на равных, но и с видимым преимуществом азиатская страна вела войну против крупного европейского государства. Наиболее дальновидные политики осознали будущую роль в мировой цивилизации Тихоокеанского региона. Так, выдающийся российский социал-демократ Ф. И. Дан (Гурвич) ещё в 1905 году назвал Тихий океан «Средиземным морем будущего» [4, с. 1]. Именно в этом регионе в начале XXI века тесно переплетаются интересы таких крупных держав современности, как Россия, Китай, США и Япония.

Все политические силы Российской империи выразили отношение к войне с Японией. К её началу в стране только начали формироваться политические партии, действовавшие подпольно. Единственной оформленной организационно, имевшей свои Программу и Устав, была тогда Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), внутри которой существовали 2 течения – большевиков и меньшевиков. В начале войны по стране прокатилась волна патриотических манифестаций, демонстрировавших верность народа царизму и поддержку его внешней политики. Представители РСДРП скептически отнеслись к такого рода мероприятиям. Лидер большевиков Владимир Ленин (Ульянов) заявил, что их участниками могли быть лишь «холопы де-

нежного мешка» и «лакеи полицейской нагайки» [8, с. 173]. Что же касается меньшевистских оценок, то, с одной стороны, Борис Кольцов (Гинзбург) признавал, что патриотические манифестации народа действительно имели место, что деньги на войну давала не только «безразличная и запутанная масса... купечества», что «толпу патриотов» составляли не только босяки и мальчуганы, но и «просвещённые друзья» самодержавной бюрократии, то бишь «графы-аграрии» и «священные лиги» реакционного студенчества [7, с. 1], а, с другой стороны, Георгий Плеханов и Фёдор Дан, вторя Ленину, заявляли, что патриотические манифестации – это всего лишь «полицейские трюки» с участием «шпионов» и «самых подозрительных элементов, вплоть до уголовных субъектов» [3, с. 38; 19, с. 78].

Виновниками развязывания вооружённых конфликтов с Китаем и Японией лидеры РСДРП считали представителей властной элиты и высших кругов предпринимательского сообщества России. В 1900 году в статье «Китайская война» В. Ленин указал, что целью царского правительства являлось обкрадывание этой страны, выгодное «кучке капиталистов-тузов, которые ведут торговые дела с Китаем, кучке фабрикантов, производящих товары на азиатский рынок, кучке подрядчиков, наживающих теперь бешеные деньги на срочных военных заказах» [9, с. 381]. Выделял он и ещё одну цель правительства России в конфликте с Китаем, которая оставалась актуальной и во время войны с Японией, – отвлечение на внешнего врага внутреннего недовольства представителями власти: «Правительства, которые держатся только силой штыков, – отмечал Ленин в той же статье, – которым приходится постоянно

сдерживать или подавлять народное возмущение, давно уже сознали ту истину, что народного недовольства не устранить ничем: надо попытаться отвлечь это недовольство... на кого-нибудь другого. ...В настоящее время поднят в печати поход на китайцев. ...На всех сознательных рабочих, – писал он, – лежит долг – всеми силами встать против тех, кто разжигает национальную ненависть и отвращает внимание рабочего народа от его истинных врагов. ...Чтобы избавиться от нового ярма, которое взваливает война на рабочий народ, есть только одно средство: созыв народных представителей, которые положили бы конец самовластию правительства и заставили его считаться с интересами не одной только придворной шайки» [Там же, с. 382–383].

Во время войны с Японией выявились некоторые различия в отношении большевиков и меньшевиков к отдельным её аспектам. Это можно заметить, к примеру, в связи с определением ими причин войны и целей, преследовавшихся в ней правительством России. В. Ленин выделял две основные цели царизма: 1) завоевание новых земель и порабощение соседних народов; 2) отвлечение недовольства в России внутренними политическими порядками на Японию. В апреле 1904 года он писал: «Наш народ нищает и мрёт у себя дома, а его втянули в разорительную и бессмысленную войну из-за чужих новых земель, населённых чуждым населением и лежащих за тысячи вёрст. Наш народ страдает от политического рабства, – а его втянули в войну за порабощение новых народов. Наш народ требует переделки внутренних порядков, – а его внимание отвлекают громом пушек на другом краю света» [11, с. 183]. С мыслью Ленина о значительной роли империалистических стремлений российского правительства был согласен и Плеханов, писавший в августе 1904 года, что «не Япония начала эту войну, она была начата русским самодержавием, жаждавшим грабежей, эксплуатации, завоеваний...» [20, с. 372]. Но всё же главную причину начала войны меньшевики усматривали в династических интересах Романовых, в некоторой степени расходясь в этом вопросе с большевиками. Юлий Мартов (Цедербаум), например, называл войну с Японией «авантюрой, вытекшей из династических интересов и соображений внутренней политики царизма, но отнюдь не из жизненных потребностей капиталистического развития» [15, с. 81].

Определив причины войны, позволявшие считать её империалистической, противоречившей интересам российского народа, большевики и меньшевики в первые же её дни сформулировали своё отношение к схватке двух капиталистических хищников и выдвинули лозунги для агитации среди населения. По этим вопросам расхождения между фракциями были минимальны. В феврале 1904 г. Ленин писал, что социал-демократический пролетариат должен выступить в связи с начавшейся войной с лозунгами «Долой самодержавие!», «Пусть будет созвано народное учредительное собрание!», «Да здравствует братское единение пролетариев всех стран, борющихся за полное освобождение от ярма международного капитала!» и «Да здравствует японская социал-демократия, протестовавшая против войны!» [8, с. 173–174]. В его призыве немедленно же, во время войны, «нанести смертельный удар» «тёмным силам царского самодержавия» [11, с. 184] явственно слышится будущее требование большевиков превратить империалистическую войну в гражданскую.

Примерно такие же лозунги выдвигали в начале войны и меньшевики. «Противопоставить лозунгам реакции можно только один... лозунг: долой войну и её виновника – абсолютизм» [22, с. 1], – писал в феврале 1904 года Лев Троцкий (Бронштейн). Он же являлся автором ещё одного лозунга, которого не было в активе большевиков – «мир во что бы то ни стало» [21, с. 206]. Тенденция к призыву превратить войну с Японией в гражданскую заметна и у меньшевиков, когда один из их лидеров Дан предлагал россиянам уже в ходе конфликта «столкнуть самодержавный режим в пропасть» [2, с. 1].

В начале войны представители высших правительственных кругов России были уверены в лёгкой победе над Японией и презрительно называли её «странной макаков» [17, с. 18]. Однако суровая реальность спустила их с небес на землю и географические названия Ялу, Порт-Артур, Мукден и Цусима надолго превратились в нарицательные понятия, характеризовавшие тяжелейшие военные поражения российских армии и флота.

Сразу после боя на реке Ялу на границе Китая и Кореи в апреле 1904 года Мартов писал, что это «полный разгром самодержавной России», вскрывший «внутреннюю гнилость самодержавия как политической организации современного государства» [16, с. 1]. Падение Порт-Артура (совр. Далянь,

Китай) в декабре 1904 года очень порадовало Ленина, поскольку он был убеждён, что российский народ только выиграл от этого «полного поражения самодержавия»: «Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма, – утверждал он. – Война ещё не кончена, но всякий шаг в её продолжении расширяет необъятно брожение и возмущение в русском народе, приближает момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетариата за свободу» [10, с. 158]. В январе 1905 года Мартов также отмечал революционизирующее значение капитуляции Порт-Артура, поскольку «она с обидной для патриотического сердца ясностью показала всё бессилие индивидуального и коллективного мужества русских воинов перед безнадежной гнилостью того порядка, на защиту которого они отдают свои силы» [14, с. 1].

После масштабного сражения близ Мукдена (совр. Шэньян, Китай) в марте 1905 года Ф. Дан сделал вывод, что российской армии «больше не существует», поскольку «она истёрта в порошок тяжёлыми жерновами разлагающегося абсолютизма и японской стратегии». Он был убеждён, что мукденский разгром, «окончательно разоблачивший все язвы, всю негодность, всю неспособность и пагубность существующего режима», должен был «послужить сигналом ко всеобщему походу на деспотизм»: «Нельзя требовать только мира, – писал Дан в меньшевистской газете «Искра», – потому что мир при сохранении абсолютизма будет означать гибель страны. Только вместе с низвержением существующего режима мир послужит началом мощного подъёма и расцвета народных сил, сковываемых тисками абсолютизма. И потому, кто хочет мира, тот должен поддержать клич пролетариата: – долой самодержавие, да здравствует народная революция!» [6, с. 1].

После таких серьёзных неудач исход войны лидерам РСДРП был ясен. В декабре 1904 года Ленин пришёл к выводу, что военный крах России в конфликте с Японией неизбежен [13, с. 136], а Плеханов после Мукдена написал: «Нынешнее социально-политическое положение России таково, что, совсем не будучи пророком, можно было при самом начале её войны с Японией с полной уверенностью предсказать, что не ей суждена победа» [18, с. 237]. Помимо этого, основатель РСДРП указал, что постмукденской России нужно «учредительное

собрание, созданное на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права, властно провозглашающее волю народа и способное требовать строгого отчёта у всех тех, которые виновны в наших бедствиях. Такое собрание найдёт в себе силы, чтобы вывести Россию из её нынешнего... положения. Но царское правительство, – тут же признавал Плеханов, – никогда не согласится на созыв такого собрания. Поэтому необходимо свергнуть царское правительство» [18, с. 239–240].

Предсказание Ленина и Плеханова вскоре сбылось, поскольку разгром Тихоокеанской эскадры в Цусимском сражении в мае 1905 года означал окончательное поражение России в войне. «Русский военный флот, – писал Ленин 27 мая 1905 года, – окончательно уничтожен. Война проиграна бесповоротно. ...Перед нами не только военное поражение, а полный военный крах самодержавия» [12, с. 252]. Большевик Михаил Павлович (Вельтман) назвал поражение у Цусимы «катастрофой, перед которой бледнеют даже такие исторические события, как поражения при Трафальгаре и при Лепанто» [17, с. 30]. Ф. Дан отмечал в июне 1905 года, что «мир не видал ещё такого полного, такого позорного поражения» и его причинами считали наличие в российском флоте не искушённых в военном искусстве адмиралов, умевших лишь красть деньги из казны; невежество офицерского корпуса и отсутствие нормального снабжения эскадры из-за казнокрадства. В связи с этим Дан призвал россиян «заставить» правительство прекратить войну, ибо в случае её продолжения были неизбежны «потеря Владивостока и гибель маньчжурской армии...» [4, с. 1].

К содержанию Портсмутского мирного договора лидеры РСДРП отнеслись крайне негативно. Так, большевик Вацлав Воровский охарактеризовал его как «позорный конец позорной войны» [1, с. 39]. Ф. Дан тоже назвал Портсмутский мир «позорным» и так обосновал в августе 1905 года эту оценку: «Признание преобладающего влияния Японии на Корею, открытие Маньчжурии для иностранной торговли – вот всё, чего добивалась Япония 19 месяцев тому назад. ...Япония не только добилась всего, чего требовала до начала войны; она получила неизмеримо больше. В Корею она достигла не только преобладающего влияния, но поставила её под свой протекторат. В Маньчжурии она добилась не только “открытых две-

рей”, но полного очищения её от русских. А, кроме того, она получила Порт-Артур со всем Квантунским полуостровом, 1200 км построенной на русские деньги восточно-азиатской железной дороги, южную половину Сахалина. Её флот вышел из войны не только уменьшившимся, но значительно возросшим, благодаря взятым в плен русским судам. Её господствующее положение на водах Тихого океана закреплено новым союзным договором с Англией. И вот, ввиду таких результатов войны, стоившей народу неизмеримых жертв людьми и деньгами, российские уполномоченные выходят с конференции с “весёлыми лицами” и в своём неизречённом бесстыдстве трубят на весь мир о своих великих “успехах”» [5, с. 1].

Любое историческое событие, в том числе войну с Японией, руководители РСДРП рассматривали с точки зрения её положительного или отрицательного воздействия на развитие революционного движения. Ф. Дан писал на этот счёт, что «19 месяцев войны не прошли даром, обогатив народ политическим сознанием», в результате чего

народ осознал «всю смертоносность... самодержавно-полицейской системы» и необходимость свержения самодержавия путём народной революции [Там же]. Мнение Дана поддержал и Воровский, полагавший, что поражение России пробило «брешь, в которую устремились новые волны революционного потока»: «Победоносная Япония являлась, таким образом, стихийным союзником русского освободительного движения, – писал он. – Как разрушительные силы природы способствуют нередко творческой деятельности человека, так и эта кровавая, гибельная война расчищала путь для русской революции» [1, с. 40].

Таким образом, лидеры РСДРП в начале XX века резко критиковали с классовых позиций царское правительство и представителей элиты предпринимательского сообщества России, именно их считали виновниками развязывания военных конфликтов с Китаем и Японией, выступали за немедленное их прекращение, заключение мира во что бы то ни стало и свержение самодержавия путём всенародной революции.

Источники и литература

1. **Воровский В. В.** Избранные произведения о первой русской революции. – М.: Госполитиздат, 1955. – 398 с.
2. **Дан Ф.** Война // – Искра. – 1904. – № 58. – 25 янв.
3. **Дан Ф.** Из истории рабочего движения и социал-демократии в России. 1900–1904 гг. – СПб.: Тип. Я. Балянского, [б.г.]. – 100 с.
4. **Дан Ф.** К современному положению // Искра. – 1905. – № 101. – 1 июня.
5. **Дан Ф.** Мир // Искра. – 1905. – № 109. – 29 авг.
6. **Дан Ф.** «Что же теперь?» // – Искра. – 1905. – № 90. – 3 марта.
7. **Кольцов Б.** Наша «контрреволюция» // Искра. – 1904. – № 59. – 10 февр.
8. **Ленин В. И.** К русскому пролетариату // Полное собрание сочинений. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1967. – Т. 8. – С. 170–174.
9. **Ленин В. И.** Китайская война // Полное собрание сочинений. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1967. – Т. 4. – С. 378–383.
10. **Ленин В. И.** Падение Порт-Артура // Полное собрание сочинений. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1967. – Т. 9. – С. 151–159.
11. **Ленин В. И.** Первое мая // Полное собрание сочинений. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1967. – Т. 8. – С. 181–184.
12. **Ленин В. И.** Разгром // Полное собрание сочинений. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1967. – Т. 10. – С. 251–255.
13. **Ленин В. И.** Самодержавие и пролетариат // Полное собрание сочинений. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1967. – Т. 9. – С. 126–136.
14. **Мартов Л.** Гибель Порт-Артура // Искра. – 1905. – № 82. – 1 янв.
15. **Мартов Л.** История российской социал-демократии. – 3-е изд. – Петроград; М.: Книга, 1923. – Ч. 1. – 215 с.
16. **Мартов Л.** Разгром // Искра. – 1904. – № 65. – 1 мая.
17. **Общественное движение в России в начале XX века** / под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1909. – Т. 2, ч. 1. – 340 с.
18. **Плеханов Г. В.** Мукден // Сочинения. – М.; Л.: Госиздат, 1926. – Т. 13. – С. 235–240.
19. **Плеханов Г. В.** Письмо в редакцию “Movement socialiste” // Сочинения. – М.; Л.: Госиздат, 1926. – Т. 13. – С. 74–80.
20. **Плеханов Г. В.** Речь в день открытия Амстердамского международного социалистического конгресса // Сочинения. – М.; Л.: Госиздат, 1926. – Т. 13. – С. 372–375.
21. **Русско-японская война:** сб. материалов. – Л.: ВПАТ, 1933. – 227 с.
22. **Троцкий Н.** Письма обо всём // Искра. – 1904. – № 60. – 25 февр.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2Рос-4Чит)

Елена Васильевна Севостьянова,
Читинский институт
Байкальского государственного университета,
г. Чита, Россия

Благотворительность в Забайкалье как форма провинциальной городской публичности: трансформации в период Первой мировой войны (1914–1918)

В статье рассматриваются благотворительные публичные практики жителей областного и уездных городов Забайкальской области, их трансформация в период Первой мировой войны. Выявлены наиболее популярные формы публичных благотворительных акций. Отмечено изменение роли детей в публичной благотворительной деятельности. Прослеживается снижение популярности церковных благотворительных сборов.

Ключевые слова: благотворительность, публичная благотворительная практика, Комитет княжны Татьяны, Комитет Елизаветы Федоровны, кружечный благотворительный сбор

Elena V. Sevostyanova,
Chita Institute of the Baikal state University,
Chita, Russia

Charity as a form of Urban Public Practices of Every Day Life in War Time in Regional and County-Level Cities of Zabaikalye (1914–1918)

The article discusses the charitable public practices of inhabitants of the regional and County-level cities of the Trans-Baikal region, and their transformation during the First world war. The most popular form of public charitable events. Noted the changing role of children in public charity activities. Traces the decline in popularity of the Church for donations.

Keywords: charity, charity public practice, Committee Princess Tatiana, the Committee of Elizabeth Feodorovna, the mug charity

В период Первой мировой войны среди форм провинциальной городской публичности, формирующей модели и стратегии социальных взаимодействий и коммуникаций, особое место занимает общественная благотворительность.

С началом войны и ростом патриотических настроений Забайкальская область переживала всплеск благотворительности, пожертвования поступали ежедневно. К 11 августа 1915 года их общая сумма составила 248 541 р. 4 к. [34]. Способы сбора средств были различны: пожертвования на депозит военного губернатора; создание целевых комитетов; организация благотворительных обществ и комитетов. Рассмотрим те формы благотворительности, которые предполагали массовое участие и публичный характер взаимодействия инициаторов и жертвователей и, являясь свободно на-

блюдаемым действием, становились частью социокультурного пространства городов.

Отметим, что массовые благотворительные акции, связанные с военными событиями пользовались «сердечным сочувствием горожан» в предвоенный период. Так, 5 ноября 1912 года читинское отделение Общества Красного Креста устроило благотворительную акцию «помощи жертвам освободительной войны на Балканах». Декорированный флагами балканских государств зал Мариинского театра был переполнен, «масса публики заполняла все проходы между местами, густо толпилась позади лож», многим не досталось даже входных билетов [2]. Местный корреспондент писал, что среди «плотных масс посетителей» «чувствовалось особое настроение необычного нервного подъёма». Общий сбор составил 2616 р. 66 к. [32].

Благотворительность была частью публичного досуга разных слоёв горожан. В городах устраивали акции, объединяющие как несколько способов сбора пожертвований, так и усилия частных лиц, учреждений и общественных организаций. В Чите 27 декабря 1915 года была устроена «Народная ярмарка» с балом-маскарадом и лотереей-аллегри, продажей шампанского, цветов, угощения, серпантина. Электростанция «Попов и Ко» бесплатно обеспечила электроэнергией, совет старшин Второго общественного собрания предоставил помещение; командир 714-й пешей Забайкальской дружины государственного ополчения обеспечил оркестр духовой музыки. По подписным листам удалось собрать 517 р. 90 к. От устройства благотворительных увеселений было получено (за вычетом расходов) 889 р. 60 к. [16]. В июле 1916 года в Чите состоялось народное гуляние. В программе был спектакль в Мариинском театре, в саду Жуковского хор исполнял малороссийские и русские песни, пел и хор «литвинок-беженков». В киосках продавались чай, шампанское, кофе, какао, шоколад, простокваша [6].

Популярной была такая форма сбора пожертвований, как лотерея-аллегри, когда выигрыш участник получал сразу. Иногда лотерея решала три задачи сразу: помогала собирать пожертвования, становилась досугово-развлекательным мероприятием и давала жертвователю возможность получения дохода. В Нерчинске при проведении лотереи-аукциона, из сумм, вырученных за продажу вещей, 25 % перечислялось в фонд уездной комиссии Забайкальского отделения Комитета княгини Елизаветы Фёдоровны, остальное получал владелец предоставленной вещи [12].

В публичную практику вошла такая массовая форма благотворительности, как кружечные сборы. Благотворительная акция, переживаемая и наблюдаемая как событие, становилась социокультурным явлением и для участников, и для зрителей, стимулировала социальные коммуникации. Как писал местный корреспондент, кружечный сбор – «верный» и самый целесообразный источник средств: «кружка доступна и мелкой копейке бедняка», не нужно «отвлекаться от дел», поскольку «кружку принесут и на дом». Начинались сборы с молебна, затем сборщики «просто и торжественно шли по улицам». Как отмечал участник сбора, «не было случая, когда бы отказали, не положили в кружку»,

«давали с радостью», «благодарили трудников, что трудятся, собирают». Некоторые современники воспринимали кружечные сборы как индикатор социальных и патриотических настроений. Так, сборщики Нерчинска в мае 1915 года отмечали, что наибольшее «сочувствие» они встречали у «бедноты, служащих и рабочих». Сообщая, что «бедняки иногда опускают в кружку половину их дневного заработка», отмечали, что «хозяева нередко избегали сборщиков» или «жертвовали меньше своих служащих», а «один богач и вовсе с весёлой улыбкой опустил в кружку две копейки» [29].

Популярность кружечных сборов была обусловлена несколькими факторами: публичностью действия; привычной социальной практикой подачи милостыни; сохранявшейся традицией церковных сборов; возможностью жертвовать мелкие суммы и самому определять их размер; конкретным целевым предназначением сбора; набиравшей обороты практикой символизации сборов: значки, афиши, плакаты становились атрибутами благотворительных акций. Так, городской староста г. Мысовска в 1914 году писал военному губернатору, что для успеха сбора пожертвований на лазарет желательно было бы «устроить сбор посредством продажи каких-либо значков или жетонов» [8]. Символизация вошла в благотворительную практику коренного населения. У бурятского населения, кружечные сборы среди которого давали от 800 до 1300 р., сборщиками обычно были известные и уважаемые люди [26]. В Селенгинском уезде при проведении 8 июля кружечного сбора в Гусиноозерском дацане «в годовую праздник бурят “цам” каждому жертвователю прикалывали пучки из травы и полевых цветов, перевязанные ленточкой, как символ того, что сбор производится на уборку сена» семьям мобилизованных» [11].

Желание власти усилить приток пожертвований традиционно выражалось в создании комитетов. Так, в Забайкалье временных Татьянинских комитетов было организовано в городах и крупных поселениях 11: в Баргузине, Троицкосавске, Верхнеудинске, Мысовске, Селенгинске, Акше, Нерчинске, Чите, Петровском Заводе, Нерчинском Заводе, Сретенске. Подготовка к сбору пожертвований и его проведение занимали не менее двух недель: работа начиналась со встречи членов Татьянинского комитета и определения плана действий, заканчивалась составлением отчёта и заседанием «для окончательной ликвидации деятельности».

Масштабной единовременной акцией были «Дни колоса ржи», впервые проводившиеся в России и в Забайкалье, в том числе, ещё в довоенный период голода 1912 года. Подготовка к таким дням была внушительной. Так, весной 1915 года в Верхнеудинске для города и уезда было изготовлено 20 000 значков «колос ржи»; составлено и отпечатано 2500 экземпляров воззваний к населению (500 воззваний к бурятам); изготовлены кружки для сбора пожертвований; разослано 77 подписных листов; в 22 причта разосланы предложения о сборе пожертвований в церквях [10]. Военный губернатор «ввиду особой исключительности этого сбора» даже разрешил сборщикам пожертвований входить в учреждения и в частные жилища. К 19 мая было собрано 2534 р. 63 к. Владельцы кинематографов устроили благотворительный сеанс, собрав 226 р. 20 к. Театральная комиссия собрала 1133 р. 66 к. [18].

Активное участие в кружечных сборах принимали женщины. Так, в Мысовске было 16 сборщиков, из них 14 женщин. Хотя в целом деятельность женщин в благотворительной публичной сфере оставалась скованной социальными стереотипами: сёстры милосердия, участницы дамских комитетов по пошиву белья для солдат, сборщики пожертвований в дни массовых сборов (наряду со школьниками). Из существовавших благотворительных комитетов (с их отделами, подотделами, комиссиями) большая часть оставались мужскими по своему гендерному составу.

Важной частью массовых благотворительных акций была своевременная отчётность. Для «частных жертвователей было крайне важно знать – поступили ли деньги по назначению», писал в мае 1915 года военному губернатору читинский мещанин В. Я. Фирсов [15]. Отсутствие своевременных отчётов расценивалось как «умалчивание о результатах сбора», что, по мнению верхнеудинского мещанского старосты, вызывало потерю «всякого доверия жертвователей» [19].

В период войны можно отметить снижение благотворительных сборов в рамках церковной традиции. Так, в «День колоса ржи» 1915 года Читинская уездная комиссия Елизаветинского комитета собрала 526 р. Из них светский кружечный сбор дал 514 р. 11 к., тарелочный сбор в девяти церквях – 18 р. 49 к. От Кенонской церкви поступило 59 к., Зюльзинской церкви – 35 к. [17]. Хотя

епископ Забайкальский и Нерчинский отмечал, что с началом войны сборы в церквях стали производиться «слишком часто, а потому дают мало средств», однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют о том, что светские благотворительные мероприятия, при такой же частоте их повторяемости, приносили больше пожертвований. Меры, предпринимаемые властью – как центральной, так и местной – не давали нужного эффекта. В 1916 году при проведении сбора в пользу георгиевских кавалеров и их семей, Георгиевский комитет и Синод «признали желательным» не только провести торжественные богослужения и кружечные сборы в православных храмах, но и просить неправославное духовенство произвести благотворительные сборы, пригласив «всех старообрядческих и сектантских наставников, еврейских раввинов» [4].

В 1915 году Елизаветинский комитет получил разрешение Синода на проведение Всероссийского церковно-тарелочного сбора «на усиление» собственных средств. Впервые поступавшие деньги не оставались на нужды местных комитетов, а должны были отсылаться в Москву в распоряжение Центрального комитета. День благотворительного сбора был назначен на праздник Сретения Господня (1 и 2 февраля 1916 г.) [22]. Подготовка к проведению началась уже в ноябре. Елизаветинский комитет прямо указывал своим губернским и областным отделениям, что «результаты, как показал опыт, зависят от правильной постановки дела»: было рекомендовано избрать для каждой церкви особых сборщиков; были подготовлены и разосланы воззвания для расклейки при входе в храм; рассылались тексты проповедей для прочтения с амвона перед началом сбора. Специально указывалось, что сбор в пользу Елизаветинского комитета должен предшествовать всем прочим сборам [23]. Для 18 церквей Читы и уезда был выбран 21 сборщик, в их число вошёл даже военный губернатор Забайкалья. Однако тщательная подготовка не привела к получению больших сумм. В Чите максимальная сумма сбора (36 р. 21 к.) была в Андреевской Градо-Читинской Архиерейской домово́й церкви, минимальная (1 р. 29 к.) – в церкви при I Читинской женской гимназии. По уездным городам максимальную сумму (38 р.) собрали в Троицком соборе в Троицкосавске. В Селенгинском соборе сбор составил 8 р. 90 к. А всего по Селенгинскому уезду в 24 церквях

и монастырях удалось собрать 50 р. 2 к. В Нерчинском уезде в 18 церквях было пожертвовано всего 88 р. 03 к.; в Читинском уезде (18 церквей) – 54 р. 04 к. Всего по области в 116 церквях население пожертвовало 726 р. 46 к. [24].

Война повлияла как на развитие социального попечения о детях, так и на изменение роли детей в благотворительности. Власть была вынуждена трансформировать прежний порядок общественного быта детей, отменяя прежние ограничения и запреты. Обер-прокурор Синода разрешил участвовать учащимся высших и средних учебных заведений в качестве сборщиков пожертвований, при условии, что они не будут появляться в публичных местах позднее 22 часов [9]. МНП 27 августа 1914 года распорядилось «незамедлительно и широко», но «отнюдь не прибегая к принудительным мерам» привлекать учениц средних учебных заведений к пошиву белья для раненых, отметив, что «эта потребность так серьезна, что для её удовлетворения всякий значительный источник должен быть использован», а рукоделие – один из обязательных предметов в женских гимназиях» [31]. Этой мере придавалось как практическое, так и педагогическое, и идеологическое значение: ученицы будут более сознательно относиться к своим школьным занятиям рукоделием, общаться к «величайшему национальному делу». Главный инспектор училищ Восточной Сибири в ноябре 1914 года разрешил учащимся принимать участие в платных спектаклях, литературно-вокальных утрах, вечерах, устраиваемых с благотворительной целью. Учебное начальство решило, что такое времяпрепровождение имеет «исключительное воспитательное значение», дает возможность «активного проявления патриотических чувств» [7]. Спектакли (хотя и редкие), поставленные силами детей, стали частью публичного досуга и благотворительных практик.

Трансформировался и общественный досуг детей. По нашим данным, всего в городах Забайкалья действовало 13 приютов, содержащих от 4–5 до 89 детей. Но их организация требовала значительных расходов. Более дешевым способом организации общественного детского досуга и средством социализации стали так называемые детские площадки.

Впервые вопрос о «детской площадке» читинская городская дума обсуждала 17 мая

1912 года и отнеслась к этой идее «особенно насмешливо» [28]. Летом 1915 года в Чите на благотворительные средства были открыты две площадки: одна в центре города в саду им. Жуковского (записали 652 ребёнка), другая – на окраине города в Кузнечных рядах (записали 349 детей) [5]. Летом 1916 года работали три площадки, посещали которые до 500 детей в день. Детская площадка давала возможность проявлять филантропические порывы не только деньгами, но и собственными усилиями: летом 1915 года организаторы приглашали желающих для работы, отмечая, что «в зависимости от знаний руководителей могут быть введены новые занятия» [30]. Матери первоначально отнеслись к детскому саду недоверчиво. Однако скоро их сомнения были развеяны: дети сыты, в тепле и под присмотром [21]. Летом руководительницы и дети устраивали своего рода показательные мероприятия для привлечения жертвователей: шествие с флажками, игры для «посторонних детей» [20]. Детский сад стал настолько популярен, что в 1916 году читинское поселковое общество «Трудовой союз» ходатайствовало о выделении участка под детский сад и площадку для игр [25].

Отметим, что формальным стимулом для жертвователей были благодарности: от лиц Романовской фамилии, от командиров подразделений действующей армии, от военного губернатора Забайкалья, от центральных благотворительных комитетов. Так, рескрипт Великой княгини Елизаветы Фёдоровны на имя военного губернатора от 11 августа 1915 года, выражавший «глубокую благодарность» за «дружную работу на местах», был размножен и разослан «для широкого оповещения». Для объявления благодарности важна была не столько сумма, сколько само участие индивидуального или коллективного субъекта благотворительности. В 1915 году было получено благодарственное письмо от бельгийского консула М. Стравинского с благодарностью за «щедрое пожертвование» средств в сумме 100 р. Петроградский комитет по оказанию помощи Сербии в 1915 году благодарил за пожертвования в пользу Сербии бурят Цугольской волости и учителей Читинской мужской гимназии Кашперовой и Молчановой, общая сумма взноса которых составила 103 р. 85 к. [13].

После Февральской революции сложившаяся благотворительная система начала разваливаться [1]. В Забайкалье статус

благотворительных обществ был неясен, хотя Временное правительство сообщило, что считает необходимым сохранить «пока на прежних основаниях» Татьянинские комитеты [33].

Для Читы начало марта 1917 года было отмечено всплеском благотворительных практик и прошло под лозунгами помощи политические ссыльным: «Государство дало им право возврата, общество даст возможность!» На волне воодушевления 12 марта был устроен кружечный сбор в пользу ссыльных и поставлен спектакль, давшие 3796 р. Из уездных городов последняя массовая благотворительная акция состоялась в Троицкосавске в ноябре 1917 года, когда по решению общего собрания общественных организаций города и Комитета спасения Революции народ с утра колоколом призывался на соборную площадь для внесения пожертвований «на спасение гибнущей армии». В телеграмме городского головы говорилось, что «даже бедные солдатки отдавали свои обручальные кольца».

В Чите на совместном заседании Читинской Городской думы, Комиссии по приз-

рению и представителей Исполнительного комитета Совета солдатских и рабочих депутатов было принято решение объявить 16 декабря 1917 года «Днём нужды и голода». В этот день устроить несколько массовых благотворительных мероприятий: кружечный сбор, благотворительные спектакли, вечера, маскарады, распространять подписные листы [27]. Однако время активного развития благотворительности фактически закончилось.

Подводя итоги, отметим, что наличие единой социально значимой цели, отсутствие ограничений (конфессиональных, имущественных, возрастных) для участников массовых благотворительных акций, прозрачность деятельности и отчётности, возможность проявления социальных инноваций, создание «спонтанных коммуникативных ситуаций» и возможность проявления индивидуальных реакций – всё это делало массовые благотворительные акции и мероприятия важной формой ментального освоения социальной активности, помогало выйти за рамки приватной сферы и частных интересов и, учитывая специфику времени, становилось формой выражения патриотизма.

Источники и литература

1. **Бобровников В. Г.** Социальные преобразования Временного правительства (март–октябрь 1917 г.) // Известия Волгоградского технического университета. – 2014. – № 5. – С. 67–70.
2. **Братский отклик** // Думы Забайкалья. – 1912. – 7 нояб.
3. **ГАЗК** (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 17348. – Л. 1, 6, 32.
4. **ГАЗК**. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 17348. – Л. 15, 34, 49, 62.
5. **ГАЗК**. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 26а. – Л. 65.
6. **ГАЗК**. – Ф. 4. – Оп. 7. – Д. 30. – Л. 53.
7. **ГАЗК**. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 259. – Л. 265.
8. **ГАЗК**. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 33.
9. **ГАЗК**. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 17.
10. **ГАЗК**. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 148.
11. **ГАЗК**. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 60, 61.
12. **ГАЗК**. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 25.
13. **ГАЗК**. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 44, 46, 48, 49.
14. **ГАЗК**. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 48, 51.
15. **ГАЗК**. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 44.
16. **ГАЗК**. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 45. – Л. 4-5.
17. **ГАЗК**. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 52. – Л. 84 об.
18. **ГАЗК**. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 57. – Л. 58.
19. **ГАЗК**. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 58.
20. **ГАЗК**. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 69. – Л. 73.
21. **ГАЗК**. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 69. – Л. 72, 72 об.
22. **ГАЗК**. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 77. – Л. 1.
23. **ГАЗК**. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 77. – Л. 5.
24. **ГАЗК**. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 77. – Л. 6, 8, 9, 43, 49, 53, 79–89.
25. **ГАЗК**. – Ф. 94. – Оп. 3. – Д. 17. – Л. 2, 5.
26. **ГАЗК**. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 99. – Л. 78.
27. **ГАЗК**. – Ф. 226. – Оп. 1. – Д. 51. – Л. 35, 36.
28. **Городская дума** // Думы Забайкалья. – 1912. – 23 мая.
29. **Грих Ф.** Нерчинск // Забайкальская новь. – 1915. – 24 июня.
30. **Детские площадки** // Забайкальская Новь. – 1915. – 24 июня.

31. **Зуйков В. Г.** Законы и распоряжения по обстоятельствам военного времени. – Киев: Изд. Киевского учебно-окружного управления, 1914. – С. 36–37.
32. **Орелович И.** Отчёт // Думы Забайкалья. – 1912. – 17 нояб.
33. **Татьянинский комитет** // Известия КОБ. – 1917. – № 7. – 22 марта.
34. **Севостьянова Е. В.** Филантропическая деятельность в Забайкалье в условиях Первой мировой войны // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 2. – Чита: ЗабГУ, 2016. – С. 71–75.

УДК 94(47+57)
ББК ТЗ(2)611-08

Алексей Станиславович Тимощук,
Владимирский юридический институт ФСИН России,
г. Владимир, Россия

Революция 1917 года: исторические события и социальные последствия

Статья рассматривает новейшую историю России как модернизацию общественных отношений труда и капитала, города и деревни. Новизна определяется следующими аспектами: 1) большевизм трактуется как ускоренная социальная реструктуризация; 2) отодвигается на 100 лет фактическая отмена крепостного права; 3) затрагивается опыт ресоциализации делинквентов в связи с модернизацией. Результаты: обосновываются геополитические ресурсы и направления дальнейшей модернизации России.

Ключевые слова: революция, эволюция, модернизация, геополитика

Aleksej S. Timoshchuk,
Vladimir Law Institute FPS of Russia,
Vladimir, Russia

1917 Revolution: Historical Events and Social Consequences

This paper views the recent history of Russia as the modernization of the social relations of labor and capital, towns and villages. The novelty is determined by the following aspects: 1) Bolshevism is treated as accelerated social restructuring; 2) the actual abolition of serfdom in Russia is extended for 100 years; 3) author addresses to the re-socialization practice of delinquents victimized by modernization. Results: new geopolitical resources and the direction of the further modernization of Russia are substantiated.

Keywords: revolution, evolution, modernization, geopolitics

Отметим, что 2017 год революционный втройне. Тысячу лет назад в Южной Индии родился Рамануджа, реформатор вишнуизма, который восстал против кастовой дискриминации. В 1517 году Мартин Лютер провозгласил 95 революционных тезисов об отношении Бога, церкви, государства и человека.

Социологический опрос студентов, проведённый автором, показал, что порядка 20 % первокурсников не знают, какая столетняя годовщина наступает в 2017 году. Личность В. И. Ленина обычно все опрошенные могут

идентифицировать как «государственного деятеля», «политика». Вместе с тем фамилии Зиновьева, Каменева, Рыкова и других активистов РСДРП молодёжи не знакомы. Равно как и имена других важных российских участников политических процессов столетней давности, таких как Гучков, Пуришкевич, Керенский и т. д. Вопросы о различии программы меньшевиков и большевиков вызывают затруднения. Непроходимыми дебрями представляются обучающимся вопросы о сущности марксизма-ленинизма, диалектического материализма, военного коммунизма.

Информационное давление будет только нарастать, и к 200-летию русской революции практика её памятования и всей 70-летней эпохи советской власти будет сведена к одной строчке – «ускоренная социальная модернизация XX века». Революция – это быстрый насильственный способ передела собственности. Действительно, ведь долго не могло продолжаться то, что 90 % населения не владеют ничем, кроме рабочих рук, а остальные 10 % владеют всем богатством. Подобно тому, как Пугачёв сжёг ненавистные бумаги, документы, закладные, что символизировало свободу от права собственности на крепостных, Революция 1917 года уничтожала права всех владельцев дореволюционной собственности.

Длительное слияние РПЦ с монархией не могло не сказаться на положении конфессии в России после 1917 года, она не могла найти себе места в новом государстве. Верой и правдой служа царскому самодержавию, предоставляя ему идеологическую поддержку, православие вызывало антипатии у радикальных революционеров. В общественной структуре накануне 1917 года церковная элита делила место в высшем эшелоне общества, что не создавало народной платформы для национального примирения на основе религии. Сегодня по-прежнему общество разделено по доходам на две большие группы и священнослужители воспринимаются как часть не только этической, но и экономической элиты общества, далёкой от народа. Хотя отдельные «деревенские батюшки» могут занимать невысокое социальное положение, церковная элита в целом далека от народа, так же, как была далека накануне революции.

Однако Церковь сегодня снова нужна власти как исторический фундамент, органический принцип связи с народом. Это единственный коллективный собственник, которому передаётся дореволюционное имущество, заодно с религиозными организациями старообрядцев, католиков, мусульман, иудеев, протестантов, буддистов, кто владел собственностью до революции. Вопрос о реституции удовлетворяется Росимуществом и органами местного самоуправления. Был принят закон № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». Иное имущество, находящееся в частной собственности до революции в

РФ, не возмещается, в отличие от Польши, Венгрии, Чехии, Румынии, Латвии, Литвы, Эстонии. В Восточной Европе и Прибалтике, где советская власть действовала на 30 лет меньше, нежели в СССР, был произведён возврат владельцам и правопреемникам имущества, как неправомерно захваченного просоветским правительством. Возможно преждевременно говорить о ресакрализации общества, однако можно отметить, что РПЦ нашла своё прочное место в современных геополитических условиях.

Так, сегодня вновь обращаются в опыту благотворительных домов трудолюбия, организованных в рамках РПЦ, это актуально для ресоциализации осуждённых. В советское время дома трудолюбия были постепенно закрыты, а с 1961 года бродяжничество и попрошайничество стали уголовно наказуемыми. Обязанность борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный, паразитический образ жизни, была возложена на органы внутренних дел, которые проводили рейды и помещали бездомных в приёмники-распределители, направляли на обязательные работы. С 1991 года бездомность декриминализована, что положительно для уголовной политики, но не решает проблемы бездомных, число которых значительно увеличилось в годы передела собственности. В настоящее время опыт христианских домов трудолюбия, пожалуй, единственный комплексный способ помощи освободившимся осуждённым, не имеющим постоянного места жительства.

Спустя 100 лет после революции общество также сильно дифференцировано по уровню жизни. Вместе с тем, структура бедности также изменилась, сегодня социальным низам гораздо больше есть что терять, нежели накануне революции, их благосостояние увеличилось. За 100 лет построения социальной справедливости в России практически не осталось пролетариата. Три миллиона бездомных в современной России не в счёт, они не могут претендовать на роль социально активной группы индустриального и постиндустриального общества.

По мере роста класса собственников в России большевизм всё больше рассматривается как экстремистская модель политической борьбы. В условиях, когда эволюционным путём создание среднего класса было невозможным, происходит обоснование права пролетариата и беднейшего крестьянства

на насилие и диктатуру. Отмена крепостного права, конституционная монархия, парламентаризм, буржуазные права и свободы – все эти меры запаздывали на 100–200 лет в России. Не случайно И. В. Сталин в своей речи «О задачах хозяйственников» на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года произнёс: «Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что её непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут... Мы решили ряд труднейших задач. Мы свергли капитализм. Мы взяли власть. Мы построили крупнейшую социалистическую индустрию. Мы повернули середняка на путь социализма. Самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали. Нам осталось немного: изучить технику, овладеть наукой» [3, с. 38–39, 41].

Сталин осуществил ускоренную модернизацию за счёт закрепощения крестьян в колхозы, которые обязаны были работать бесплатно, за палочки в табеле при запрете покинуть деревню и отсутствии паспортов для колхозников. Вместе с тем, крестьяне обязаны большевикам отменой задолженности Крестьянскому поземельному банку, совокупная стоимость которой составляла около 2 млрд р. Вдобавок после революции сельское население смогло осуществить «чёрный» передел земли, скота и сельхозинвентаря, построек частных имений, хотя и ненадолго. С другой стороны, вооружённый город забирал у деревни зерно и скот в рамках «продовольственной диктатуры», наступившей уже в мае 1918 году, что привело к вооружённым конфликтам и многотысячным жертвам.

Преобладание крестьянского населения (80 %) накануне революции обуславливало главный конфликт революции – города и деревни. Снятием этого конфликта занималась 70 лет советская власть силовыми, эко-

номическими, образовательными и инфраструктурными методами: «начиная с октября 1917 г. огромная государственная машина безостановочно работала, чтобы свести на нет материальное неравенство между людьми, и достигла в этом определенных успехов – в 1985 г. децильный коэффициент равнялся 4, в то время как в последние годы царского режима – около 7» [2, с. 124].

Сама экспроприация 1917 года по принципу «грабь награбленное» не устранила причин бедности. Вывод, к которому приходит Б. Н. Миронов, специалист по исторической социологии – обобществление имущества богатых после революции не решило проблему бедности в России, т. к. «... имущественное неравенство в начале XX в. в России... имело важную особенность: незначительное по западным стандартам богатство сосредоточивалось в руках лишь нескольких тысяч аристократов и представителей крупного капитала, а среди остальных 99,7 % населения оно распределялось без кричащих контрастов» [1, с. 103].

В споре народников и марксистов о том, может ли Россия избежать индустриализации, победили марксисты. Однако спустя сто лет после индустриальной модернизации мы имеем, как и раньше, диспропорцию между бедной массой и узким слоем привилегированных. Растущее расслоение становится наиболее острой социальной проблемой.

Труд колхозников в России фактически был бесплатным до 60-х годов прошлого века. При этом рабочие приобретали сельскохозяйственные продукты за деньги у государства, и это служило финансовым обеспечением обновления промышленного парка. Отмена системы бесплатного труда в колхозах (за зерно) произошла только в середине 60-х годов XX века, что является важной вехой в модернизации России. Это был реальный шаг к фактической отмене крепостного права. Потому что, отменив декретом 1917 года выплаты банкам за землю, большевики закатали крестьян обязательным бесплатным трудом. Вторым шагом к отмене советского крепостного права стало введение в 1974 году нового «Положения о паспортной системе в СССР», согласно которому жители сельской местности были уравнены в формальном праве на перемещение с жителями городов. Потребовалось более шести лет, чтобы обеспечить паспортами 100-миллионное сельское население. Фактически такой этап модернизации царской

России, как выравнивание юридического положения жителей города и деревни, завершился со смертью Л. И. Брежнева. Следующим этапом модернизации общественных отношений можно считать перестройку М. С. Горбачёва (1985–1991 гг.) и последующие реформы Б. Н. Ельцина, укрепление государства при В. В. Путине.

Сегодня раздаются голоса, что России исчерпала свои ресурсы модернизации, – для международной конкуренции у неё нет таких трудовых ресурсов, как у Китая, её климат и протяжённость границ не являются преимуществами в геоэкономическом противоборстве.

Утверждения, что Россия холодная и неконкурентная страна, уравниваются тем, что сегодня редкая страна имеет полностью благоприятные природно-климатические условия: в США и Японии большие затраты на ликвидацию последствий тайфунов, в пустынных регионах – на амелиорацию земель, в тропических странах – на кондиционирование. Мороз в условиях глобального потепления имеет колоссальные преимущества: нет вирулентных инфекций, огромные запасы пресной воды, в холодных морях выше биомасса.

Российские расстояния и русский холод могут быть преимуществами в глобальной конкуренции. В своё время Британская империя имела самые протяжённые границы, однако политика протекционизма позволяла ей получать сверхприбыли. Разнообразие регионов России сегодня позволяет благодаря разумному управлению извлекать преференции из самых неблагоприятных условий.

Крупные агломерации городов (Бостон – Вашингтон, Чикаго – Питтсбург, Лон-

дон – Ливерпуль, Токио – Кобе), благоприятные для индустриального и постиндустриального развития, слабы перед экологическими и технологическими катастрофами. В России нет крупных 50-миллионных агломераций и всего 15 городов-миллионников, что, однако, благоприятно с точки зрения безопасности. Крупные скопления людей чувствительны к природным и техногенным катаклизмам.

Диалектика мира такова, что сила в одном является также и слабостью в другом. Так, у кого большая армия, имеет мощь, но уязвим в экономических расходах на её содержание. Страны, обладающие значительными трудовыми ресурсами, зависят от спроса других стран на их дешёвую продукцию. Помимо этого, государства с большим предложением дешёвой рабочей силы обычно сталкиваются с неразрешимой проблемой трущоб, – источниками инфекционных заболеваний, детской смертности и преступности. Трудовые ресурсы России не велики, по сравнению с Китаем, Индией, но они в массе более образованы.

Действительно, наша индустриальная и постиндустриальная экономика построена на углеводородах, и полноценной замены им пока не предвидится. В этих условиях остаётся всё меньше оптимизма для восходящей кондратьевской длинной волны технологического прорыва. Россия остро нуждается в сохранении транспортной системы из-за удалённости территорий. В этой связи наиболее перспективными являются разработки газомоторного, электромоторного транспорта, разведка новых невозможных источников энергии, исследование возможности эксплуатации возобновляемых ресурсов.

Источники и литература

1. **Миронов Б. Н.** Какая дорога ведёт к революции? Имущественное неравенство в России за три столетия. XVIII – начало XXI в. (статья первая) // Социологические исследования. – 2014. – № 8. – С. 96–104.
2. **Миронов Б. Н.** Какая дорога ведёт к революции? Имущественное неравенство в России за три столетия (статья вторая) // Социологические исследования. – 2014. – № 11. – С. 121–129.
3. **Сталин И. В.** Сочинения: в 13 т. Т. 13. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1951. – 418 с.

УДК 94(470.6)
ББК ТЗ(235.7)6

Владимир Александрович Абраменко,

*Ростовский государственный университет путей сообщения,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Особенности межэтнических отношений на Северном Кавказе в начальный период Октябрьской революции 1917 года

Статья посвящена проблеме межэтнических взаимоотношений на Северном Кавказе в конце 1917–1918 годов. Этот период характеризуется резким всплеском агрессии со стороны горцев против служащих Владикавказской железной дороги. Анализ архивных материалов позволяет сделать вывод, что, несмотря на бурное социально-экономическое развитие региона, менталитет, быт и культурные традиции горских народов практически не подверглись трансформации.

Ключевые слова: Северный Кавказ, межэтническое противостояние, религиозный антагонизм, революция, Владикавказская железная дорога, культурная совместимость этносов

Vladimir A. Abramenko,

*Rostov State Transport University,
Rostov-on-Don, Russia*

Features of Interethnic Relations in the North Caucasus in the Early Period of the October Revolution of 1917

The article is devoted to the problem of interethnic relations in the North Caucasus in late 1917–1918. This period is characterized by a sharp burst of aggression on the part of the highlanders against the servants of the Vladikavkaz railway. Analysis of archival material allows us to conclude that, despite the rapid socio-economic development of the region, mentality, everyday life and cultural practices of mountain peoples has virtually undergone no transformation.

Keywords: The North Caucasus, interethnic confrontation and religious antagonism, the revolution, the Vladikavkaz railway, cultural compatibility ethnic groups

Проблема межнациональных взаимоотношений является типичной проблемой любого приграничного региона. Северный Кавказ в этом отношении никогда не являлся исключением. Острота противоречий на юге России усиливалась активным влиянием на народы этого региона противостоящих крупных европейских и азиатских государств – России, Турции, Ирана, Великобритании и Франции.

Нередко в научной литературе можно встретить характеристику Северо-Кавказского региона, как фронта. Это определение во многом справедливо, поскольку на этих землях столетиями мирно, а нередко и конфликтно проживали народы, относящиеся к различным этническим группам, обладающим специфическими культурными особенностями, исповедующим различные религии.

В дореволюционной, советской и пост-советской историографии проблема взаимоотношений народов Северного Кавказа была достаточно популярна и подробно изучена. Основное внимание исследователей было направлено на описание непосредственного хода противостояния и особенностей военной тактики. Это обстоятельство вполне понятно, поскольку регион являлся ареной геополитических противостояний, а авторы исследований принадлежали (политически или культурно) к одной или другой противостоящей стороне. Следовательно, культурные стереотипы естественно отражались в выводах авторов.

Данная статья посвящена несколько иному аспекту проблемы противостояния народов на юге России – проблеме культурной совместимости различных соседних социу-

мов. Это находило отражение в менталитете отдельных этнических групп, традиционных видах хозяйства, быте. Для получения максимально объективных выводов необходимо изучение исторического периода, когда перед населением возникала проблема добровольного выбора вектора дальнейшего развития. Важнейшим при этом являлся вопрос о добровольности выбора – сохранять сложившийся быт и концентрировать самобытность или допустить возможную культурную трансформацию.

Наиболее подходящим по вышеизложенным признакам для Северного Кавказа являлся период рубежа XIX–XX веков, а также вся первая четверть XX века. Это время бурного экономического развития региона, которое в первую очередь было связано со строительством железных дорог на юге России. Собственно регион можно условно разделить на две части – северную, равнинную, с преимущественным проживанием славянского христианского населения, и южную – горную, населённую в основном разнообразными горскими мусульманскими народами.

На протяжении многих веков российское правительство и мирными методами, и военной силой с переменным успехом стремилось «цивилизовать» диких горцев. Своеобразным апогеем этого процесса стала Кавказская война, в итоге которой османское и иранское влияние на регион резко ослабло, а мусульманское население частично покинуло горные районы, а частично было переселено на равнину. Компактное проживание горцев в новых аулах позволяло им сохранять привычный образ жизни. Победа русских войск серьёзного влияния на социально-культурную ситуацию не оказала. Природно-климатические условия различных местностей способствовали трансляции из поколения в поколение традиционных форм хозяйствования и повседневной жизни.

Это можно видеть не только на примере горских народов, но и в традициях черноморских, линейных и терских казаков, а также иногороднего населения. Эти особенности довольно чётко фиксировались этнографическими экспедициями ещё в 1950–1960-е годы.

Вторая половина XIX века стала периодом относительно спокойного сосуществования народов на Северном Кавказе. В период с рубежа XIX–XX веков и вплоть до 1917 года социально-культурная ситуация стала максимально схожа с ситуацией

начала XIX века. В регионе существовали достаточно чётко определённые национальные районы, в которых сформировалась новая национальная элита, стремившаяся укрепить свои позиции за счёт идей сепаратизма и национального самоопределения. Наивысшей точкой развития этого процесса стал именно конец 1917–1918 годы. Это было связано со всесторонним ослаблением государственной власти, которое систематически проявлялось на протяжении более чем 10 лет, а также усилением иностранного влияния в регионе.

Аналогичные процессы шли и среде казачества, что максимально ярко и однозначно проявилось в создании независимых войсковых правительств на юге России. Характерно, что степень нетерпимости к иноверцам и инородцам в молодых «христианских» государствах была ничуть не меньше, чем в соседних «мусульманских».

Своеобразным стальным скелетом, который сдерживал окончательное разделение на множество небольших враждующих государств, оставалась железная дорога. Именно Владикавказская железная дорога, в силу особенностей расположения её линий и дистанций, обеспечивала стабильное экономическое взаимодействие на юге России и препятствовала замкнутости и оторванности отдельных районов [9].

Это обстоятельство прекрасно понималось представителями всех военно-политических объединений, претендовавших на первенство в регионе. Ни Временное правительство, ни большевики, на командование Вооружённых сил Юга России, ни местные правительства не предпринимали против железнодорожных служащих и предприятия в целом каких-либо репрессий. Напротив, всячески поддерживалось бесперебойное железнодорожное сообщение и поощрялось неучастие служащих в систематических забастовках в период Февральской и Октябрьской революций 1917 года и в последующий период [1].

Владикавказская железная дорога практически с момента начала своей работы делала серьёзный упор на привлечение местных кадров для работы на участках и дистанциях. Особенно это касалось низших чинов, работа которых не требовала долгого обучения и глубоких профессиональных знаний. Для этого, в частности, была создана и активно расширялась система образовательных учреждений – железнодорожных

училищ, приютов и общежитий. В первую очередь, они были ориентированы на детей железнодорожников и располагались, преимущественно, на крупных узловых станциях [2]. Существование такой затратной непрофильной составляющей в работе транспортного предприятия и активное её развитие позволяет сделать однозначный вывод о важности учебного дела для развития Владикавказской железной дороги [3]. Кроме того, однозначно прослеживается общий вектор на формирование производственных железнодорожных династий.

Как отмечалось выше, Северный Кавказ является регионом, можно достаточно чётко проследить этническое районирование населения. Следовательно, на юге, в регионах, где компактно проживало горское население, большинство служащих должны были являться местными уроженцами. Никаких препятствий или привилегий по национальному или религиозному признаку для принятия на работу Правлением не устанавливалось. Однако, минимальными знаниями служащие обладать были обязаны. Это требовало предварительного обучения в начальных и средних учебных заведениях. Традиция получения образования никогда в Российской империи насильственно не насаждалась, а являлась частью национального менталитета отдельных этносов, своеобразным показателем степени готовности к восприятию новшеств и культурной трансформации.

С этой точки зрения интересно проанализировать данные о кадрах Владикавказской железной дороги, которые имеются в фондах Государственного архива Ростовской области. Вне зависимости от конкретной дистанции можно выделить преобладание русских, украинских, немецких и прибалтийских фамилий среди служащих. Интересно, что это прослеживается не только среди низших чинов, но и среди инженерного состава. Более глубокое и детальное изучение архивных материалов позволяет говорить о стремлении родителей связать будущее своих детей с транспортной отраслью, дав им образование в ведомственных училищах на льготных условиях. Представители горских народов без труда выявляются среди списков служащих по характерным фамилиям и именам. Их число относительно невелико и компактно сосредоточено в дистанциях, расположенных на территории Осетии, Кабардино-Балкарии, Ингушетии, Чечни

и Дагестана. Подавляющее большинство относится к низшим чинам. Даже в указанных регионах процент горцев среди работников железной дороги не превышал 10 %. В первую очередь, это было связано с крайне низким уровнем образования населения, что отмечалось в 1920-е годы в рамках активного привлечения местных кадров и ликвидации безграмотности [4].

Октябрьская революция в конце 1917 года уничтожила не просто прежний государственный режим, но и силовой фактор, сдерживавший грабежи и насилие. Уже в декабре в результате массовых набегов на линии Владикавказской железной дороги было практически парализовано движение на ряде дистанций и разгромлены станции Владикавказ, Гудермес, Грозный и ряд менее крупных. По свидетельству очевидцев и по официальной переписке между Правлением дороги и дистанциями, участники набегов однозначно характеризуются как «татары», «мусульмане», «чеченцы», «ингуши». Характеристика «татары» в этот период характеризует в первую очередь ситуацию противостояния на религиозной почве на Кавказе. Например, в рапортах и записках участников подавления беспорядков в Баку в 1905 году местное азербайджанское население (мусульмане) однозначно именуется «татарами», в противовес армянам (христианам).

Поскольку события в принципе аналогичны, отстоят на десятилетие друг от друга, а регион один и тот же, можно уверенно проводить исторические параллели. Следовательно, подобная риторика указывает на тот факт, что в грабеже железнодорожных станций и последующем многомесячном систематическом грабеже товарных и пассажирских составов участвовали преимущественно представители местного горского населения. Эти действия представляют собой традиционную форму бытования горцев и их взаимоотношения с оседлыми соседними народами. Как и в XIX, XVIII, XVII веках пограничные поселения являлись, по сути, небольшими крепостями, а жители испытывали постоянную угрозу набега [6], в XX веке вновь проявились традиции родовых адатов. То обстоятельство, что объектом стала именно железная дорога, объясняется не только возможностью серьёзной наживы, но и минимальной опасностью спровоцировать кровную месть со стороны единоверцев.

Это является дополнительным подтверждением минимальной связи между

местным горским населением и железнодорожными предприятиями. Среди списков беженцев, выявлению которых на различных участках дороги была посвящена специальная телеграмма руководства, встречаются исключительно русские, украинские и немецкие фамилии [7]. Возвращение на прежние места службы нельзя назвать добровольным. Первым действием являлся призыв к добровольцам заменить покинувших места службы товарищей. Очевидно, эта мера не имела должного результата, и под угрозой увольнения бывших служащих разорённых дистанций возвращали назад, разрешая оставить семьи в более безопасных районах. В ответ на эту меру, на адрес начальников дистанций стали поступать прошения о переводе на новое место службы из-за не-

возможности по состоянию здоровья продолжать работать в горных районах [5]. Эти места действительно обладали дурной славой из-за малярии, но это неудобство компенсировалось прибавкой к жалованью.

Подводя итог, можно отметить, что при анализе сущности межнациональных конфликтов на Северном Кавказе в начале XX века можно отметить, что основным фактором в их активизации являлось сохранение в мировоззрении горских народов антагонизма к немусульманскому населению и рассмотрению его в качестве наиболее удобного объекта грабежа. Наиболее ярко это проявилось в кадровом составе служащих Владикавказской железной дороги и в особенностях набегов на станции и линии дороги в конце 1917–1918 годов.

Источники и литература

1. **ГАРО** (Государственный архив Ростовской области). – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 208. – Л. 78.
2. **ГАРО**. – Ф. Р-1881. – Оп. 1. – Д. 462. – Л. 37.
3. **ГАРО**. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 44-45.
4. **ГАРО**. – Ф. Р-1881. – Оп. 1. – Д. 223. – Л. 1–2, 5.
5. **ГАРО**. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 196. – Л. 52, 91.
6. **Лапинский Т.** Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских: описание очевидца Т. Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев / пер. В. К. Гарданова. – Нальчик: Эль-Фа, 1995. – 454 с.
7. **Личные дела служащих** Владикавказской железной дороги // **ГАРО**. – Ф. Р-1880. – Оп. 2.
8. **Москвич Г. Г.** Владикавказская железная дорога: краткий иллюстрированный практический путеводитель. – Петроград, 1915. – С. 54.
9. **Новицкий В. Ф.** Военная энциклопедия / под ред. В. Ф. Новицкого [и др.]. – Петроград: Т-во И. Сытина, 1912. – Т. 6. – С. 426–427.

УДК 378(09):94(47+57)

ББК 4489.3:ТЗ(2)613-7

Ольга Анатольевна Яремчук,

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Советская власть и высшие учебные заведения в 1920-е годы: особенности взаимоотношений

В статье рассматриваются особенности взаимоотношений советской власти и профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений в 1920-е годы, обусловленные введением в действие комплекса нормативно-правовых документов для высшей школы. В ней на основе разнообразных источников проанализированы события, вошедшие в историю под названием «профессорских забастовок», которые стали реакцией на лишение университетов былой автономии, введение рабфаков и др.

Ключевые слова: советская власть, высшие учебные заведения, профессорская забастовка, Великая российская революция, декрет, автономия, рабочий факультет

Olga A. Yaremchuk,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

The Soviet Government and Educational Institutions in the 1920-ies: Relations

The article discusses the features of the relations between the Soviet government and the teaching staff of higher educational institutions in the 1920-ies, due to the introduction of complex legal documents to high school. On the basis of various sources of analyzed events included in the story called "the professors' strikes," which became a reaction to the deprivation of universities of the former autonomy, the introduction of workers' schools, etc.

Keywords: The Soviet government, higher education institutions, the professors' strike, the Great Russian revolution, decree, autonomy, working faculty

В 2017 году исполняется 100 лет со времени событий, вошедших в историю под названием «Великая российская революция». Её временные рамки в работах современных историков определяются по-разному: в одних изданиях они включают события от февраля до октября 1917 года, в других – обозначаются 1917–1922 годами. Обе позиции имеют право на существование, поскольку последствия революционных событий 1917 года были весьма значимыми и даже радикальными и, безусловно, определили серьёзные изменения в различных сферах жизни российского общества. Не стала исключением и система высшего образования. Целый ряд нормативно-правовых документов, подготовленных советской властью в рамках реформирования высшей школы в 1918–1922 годы, стал основанием для протестных настроений в среде профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений. В исторической литературе последовавшая в среде профессорско-преподавательского корпуса вузов реакция в 1920-е годы на решения власти о сокращении так называемой автономии университетов получила наименование «профессорской забастовки». Впервые это понятие встречается в воспоминаниях современников, в делопроизводственных документах и материалах официальной периодической печати, однако, по-разному представлявших мотивы, позиции и действия сторон в указанных событиях. Этот комплекс источников с различными оценками современников профессорских забастовок послужил основой для подготовки этой статьи. В работе делается попытка представить обобщённую характеристику взаимоотношений власти и представителей высшей школы

в 1920-е годы, имевших весьма серьёзные последствия как для отдельных личностей, так и для истории России в целом.

Следует отметить, что отдельные аспекты истории высшего образования в Советском государстве в рассматриваемый период уже становились предметом изучения ряда авторов. К числу исследований, посвящённых данной тематике, можно отнести работы В. В. Никулина, Н. Ерегина, С. А. Дружилова, А. Ф. Кривоноженко, А. Л. Худобородова, Н. К. Гуркиной и др. [2; 8–10; 15–17; 23]. В них нашли отражение особенности реформирования системы высшего образования, политико-правовые аспекты взаимоотношений власти и высшей школы, конкретные факты профессорских забастовок на примере отдельных вузов страны в 1920-е годы и т. п. Другая часть исследователей, например, А. В. Квакин, Н. Н. Аблажей и другие, в своих работах обращались к характеристике последствий непростых взаимоотношений органов власти и представителей высшей школы, в том числе высылки интеллигенции из страны в 1922–1923 годы [1; 14]. В целом рассекречивание советских архивов существенно обогатило современную историческую науку, в том числе и тему реформ высших учебных заведений в первые годы советской власти.

Реформирование системы высшего образования после Революции 1917 года стало насущной необходимостью для построения нового социалистического общества. Основную цель власть видела в том, чтобы превратить высшую школу в кузницу кадров новой рабоче-крестьянской интеллигенции, способной в дальнейшем вытеснить старых специалистов. Поэтому уже первый в сфере высшего образования декрет СНК

«О правилах приёма в вузы», принятый 2 августа 1918 года, полностью соответствовал указанной цели и предоставлял право любому желающему стать слушателем вуза без предоставления диплома, аттестата или свидетельства об окончании какой-либо школы. Не менее важным стало и то, что экзамены и плата за обучение отменялись [5]. Постановлением от 21 октября 1918 года в высшие учебные заведения назначались комиссары «для контроля за деятельностью вузов и решения вопросов, связанных с реформированием». Они наделялись обширными полномочиями: правом участвовать во всех делах университета, отменять постановления их советов и факультетов, издавать распоряжения, которые должны были выполняться «под страхом ответственности перед революционным трибуналом» [10, с. 173].

Последующие декреты и постановления Совнаркома были всецело направлены на расширение доступности высшего образования. В соответствии с этими документами отменялись дипломы и свидетельства, а также сессии, полукурсовые испытания, государственные экзамены [19]. В решении Народного комиссариата просвещения РСФСР от 18 ноября 1918 г. было закреплено положение об участии студентов в управлении вузами посредством их включения с правом решающего голоса в советы факультетов и совет университета. Занятия в вузах переносились на вечернее время, поскольку в дневное «дети пролетариата заняты работой на фабриках» [10, с. 173]. Помимо этого был принят ряд мер по реорганизации учреждений гуманитарного профиля. Так, Постановлением Народного комиссариата просвещения от 23 декабря 1918 года были упразднены юридические факультеты, вместо них были созданы факультеты общественных наук (ФОНы). Позднее, 4 марта и 18 апреля 1921 года, были упразднены историко-филологические факультеты [4]. Декретом от 4 марта 1921 года также вводился общий научный минимум, обязательный для преподавания во всех высших школах РСФСР, согласно которому главный упор делался на изучение двух групп наук – общественных (развитие общественных форм, исторический материализм, пролетарская революция и др.) и естественных (физика и космическая физика, включая геофизику, химия, биология) [6].

Важнейшим документом, иллюстрирующим дальнейшие меры по усилению госу-

дарственно-партийного руководства высшей школой, безусловно, являлся Декрет СНК о высших учебных заведениях РСФСР (положение) от 2 сентября 1921 года, которым предписывалось принимать в вузы всех детей рабочих и крестьян, имеющих направления партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. В составе каждого вуза обязательно создавался рабочий факультет (рабфак), имеющий целью подготовку рабочей и крестьянской молодёжи к научным занятиям в высших школах [3]. Например, в Москве в годы Гражданской войны действовало 59 рабочих факультетов. Согласно «Положению о вузах», руководство всей научно-учебной и административно-хозяйственной сторонами жизни высшего учебного заведения стало осуществляться правлением под общим наблюдением и контролем главного комитета профессионально-технического образования [Там же]. Используя этот документ, власти сместили большинство выборных ректоров вузов (в их числе был и М. М. Новиков, высланный из России в 1922 году). Этим «Положением» нарушались прежние права преподавателей высшей школы по формированию правлений вузов и др.

Основные положения документов советской власти в сфере высшей школы, предусматривающие ущемление прежних прав профессорско-преподавательского состава университетов, привели к ряду забастовок, пик которых пришёлся на осень 1921 года. Они охватили многие вузы Петрограда, Москвы, Казани и других городов. Особенно сильно противостояло власти Московское высшее техническое училище, препятствовавшее смене своего руководства. В докладной записке ГПУ в Политбюро ЦК РКП(б) «Об антисоветских группировках среди интеллигенции» от 1 июня 1922 года мотивы и цели подобных выступлений определялись следующим образом: «Как студенчество, так и антисоветская профессура в высших учебных заведениях ведут контрреволюционную работу главным образом в двух направлениях: а) борьба за “автономию” высшей школы и б) за улучшение материального положения профессуры и студенчества». В документе подчёркивалось, что у них были «цели исключительно политические, направленные против влияния в высшей школе Коммунистической партии и классового принципа в школе» [7]. Позицию официальных властей выражала и периодическая печать, в частности, газеты «Правда» и «Известия ВЦИК».

Особую известность приобрела статья «Кадеты за работой», опубликованная в феврале 1922 года в газете «Правда». В ней отмечалось: «Профессора вузов ведут бешеную кампанию против советской власти... Наша высшая школа стала в последнее время ареной кадетской борьбы против советской власти. Не связанные со студенческой массой, в значительной степени обновившейся за время революции, опирающиеся исключительно на веяния НЭПа, г[оспода] профессора разыгрывают предгенуэзскую комедию борьбы за “автономию” высшей школы» [13, с. 38]. В другой статье с говорящим названием «Заговор касты против рабочего класса» (автор – Л. С. Сосновский), опубликованной в газете «Правда», аналогичным образом определялся характер и цели профессорских забастовок: «Перед нами развёртывается направляемый из Парижа заговор учёной касты против насущнейших интересов рабочего класса. В профессорских забастовках есть две струи: экономическая и политическая. Есть слои профессуры, положение которых возмутительно тяжело. Этого отрицать нельзя. И бросить в них камень за такую форму “ходатайства” можно, но с оговоркой... Но среди профессуры есть рвачи первого сорта... Настоящая цель профессорских выступлений заключается не в экономических требованиях, а в политических... Чего они добиваются? Они хотят отнять у рабочего класса его право на образование. Они требуют в пышных выражениях резолюций “автономии” школы» [21, с. 43–44]. О политическом характере забастовок преподавателей высших учебных заведений, в том числе профессоров Московского высшего технического училища (события здесь получили наибольший резонанс), сообщалось в целом ряде периодических изданий. Общий тон публикаций по Московскому высшему техническому училищу можно представить в содержании одной из статей: «Забастовку профессоров и преподавателей МВТУ ни в коем случае не следует считать экономической. Жалованьем и пайком академическим профессора и преподаватели удовлетворены. Кроме того, известную экономическую поддержку получают они и от комиссии по улучшению жизни учёных... Характер забастовки, как это видно из вышеприведённых требований преподавательской коллегии, является чисто политическим» [12, с. 49–50].

Совсем по-иному выглядела оценка забастовок в среде профессорско-пре-

подавательского корпуса высших учебных заведений. Для этой категории населения цели забастовок объяснялись необходимостью восстановления прежней автономии. Этот вопрос для них был принципиальным: автономия означала свободу научной деятельности, рациональной организации учебного процесса, подбор профессиональных кадров. На это указывал в своих воспоминаниях В. В. Стратонов – непосредственный участник событий, декан физико-математического факультета Московского университета, позднее высланный за границу: «Московский университет был лишён автономии в 1920 году. Но он ещё оставался очагом свободной мысли и чистой науки. Он оставался также и рассадником общечеловеческой, а главное – внеклассовой культуры... Наиболее напряжённая защита свободы высшей школы происходила в центре, в Москве. Во главе её, как самая сильная цитадель, естественно стоял Московский университет – старейшая и крупнейшая высшая школа России. Неравная борьба имела предreshённый исход. Грубое насилие и террор ГПУ не могли не победить. Катастрофа свершилась. Каждая alma mater перестала быть свободной матерью. Она была теперь низведена террором на роль невольницы, принуждённой обслуживать захватчиков власти» [22, с. 672]. Подобные взгляды на происходящие события высказывали и другие представители интеллигенции, даже не имеющие непосредственного отношения к забастовочным мероприятиям. В связи с этим интерес представляют материалы допроса известного философа Н. А. Бердяева, оказавшегося среди высланных за границу представителей интеллигенции (т. н. «философский пароход»). Воспроизведём небольшой фрагмент из протокола допроса Н. А. Бердяева Бахваловым от 18 августа 1922 года: «Вопрос. Скажите ваше отношение к таким методам борьбы с Советской властью, как забастовка профессоров. Ответ. Я недостаточно знаю этот факт и не могу окончательно судить об этом деле. Если профессора борются за интересы науки и знания, то это я считаю правомерной их борьбу, если же стоят на исключительно экономической точке зрения, то считаю ошибочной. Вопрос. Скажите ваши взгляды на политику советской власти в области высшей школы и отношение к её реформе. Ответ. Не сочувствую политике советской власти относительно высшей школы, поскольку она нарушает свободу науки и преподавания

и стесняет свободу прежней философии» [20]. Таким образом, в представленном документе также присутствовало указание на покушение советской власти на автономию университетов, понимаемую в значении прежней свободы преподавания и науки.

Известно, что представители власти не ограничились критическими публикациями в адрес организаторов профессорских забастовок 1921–1922 годов. Интерес представляет довольно показательная реакция В. И. Ленина на забастовку в МВТУ в феврале 1922 года, высказанная в записке Л. Б. Каменеву и И. В. Сталину: «Если подтвердится, уволить 20–40 профессоров обязательно. Они нас дурачат. Обдумать, подготовить и ударить сильно» [11, с. 43]. В другом документе (письме А. В. Луначарского – В. И. Ленину), датированном 13 апреля 1921 года, предлагалось два варианта выхода из ситуации конфликта власти и представителей высшей школы. Сам А. В. Луначарский был сторонником более «мягкого» варианта разрешения этой ситуации: «требуется сговор с профессурой, назначение на высокие места в Главпрофобр людей, приемлемых для профессуры, введение в рамки, наоборот, студентов коммунистов и коммунистов Рабфак<a>, постепенное расширение автономии и профессорской, и

беспартийной студенческой, конечно, с достаточной осторожностью» [18]. Как показало развитие событий в 1922 году, приемлемым для власти оказался другой вариант: «Что от нас требуется: введение железного устава, от которого, конечно, не только московская профессура, но и петроградская взвоет... поддержка коммунистов-студентов и коммунистов Рабфак<a> против профессуры, введение профессуры в чисто исполнительную роль с отстранением их от всякого управления, кроме учебного» [Там же]. Помимо этого, в 1922 году в списки на высылку из страны были включены около 20 членов объединённого Совета профессоров г. Петрограда (выслано около 10), 4 профессора МВТУ (высланы двое – В. И. Ясинский и В. В. Зворыкин), профессор МГУ В. В. Стратонов и др. Всего было выслано около 160 человек [20].

Революция 1917 года и Гражданская война значительно ухудшили материальное и социальное положение сотрудников вузов. Противостояние власти и профессорско-преподавательского состава на фоне разного понимания проблем организации работы высшей школы завершилось упразднением университетской автономии и последовавшей за этим трагедией многих представителей интеллигенции.

Источники и литература

1. **Аблажей Н. Н.** Советская и эмигрантская периодическая печать о высылке интеллигенции из советской России в 1922 году // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. – 2012. – Т. 11, № 11. – С. 20–26.
2. **Гуркина Н. К.** Государство и общество в развитии высшего образования в России в начале XX века // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – Вып. 199. – С. 119–127.
3. **Декрет СНК** о высших учебных заведениях РСФСР (положение) jп 02.09.1921 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.музейреформ.рф/node/13755> (дата обращения: 15.03.2017).
4. **Декрет СНК** о плане организации факультетов общественных наук российских университетов от 04.03.1921 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.музейреформ.рф/node/13755> (дата обращения: 15.03.2017).
5. **Декрет СНК** о правилах приёма в высшие учебные заведения от 02.08.1918 г. // Законы о вузах. 1918–1922 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.музейреформ.рф/node/13755> (дата обращения: 15.03.2017).
6. **Декрет СНК** об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР от 04.03.1921 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.музейреформ.рф/node/13755> (дата обращения: 15.03.2017).
7. **Докладная записка ГПУ** в Политбюро ЦК РКП(б) «Об антисоветских группировках среди интеллигенции» от 01.06.1922 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.new.rusarchives.ru/publication/deportation.shtml> (дата обращения: 20.03.2017).
8. **Дружилов С. А.** Вузовская и академическая среда в России начала XX в. // Вопросы образования. – 2013. – Вып. 2. – С. 270–280.
9. **Дружилов С. А.** Трагедия отечественной высшей школы в период послереволюционной разрухи // Вопросы образования. – 2012. – Вып. 3. – С. 241–257.
10. **Ерегина Н.** Высшая медицинская школа России в годы Гражданской войны // Высшее образование в России. – 2008. – Вып. 8. – С. 172–176.

11. **Из записки В. И. Ленина** Л. Б. Каменеву и И. В. Сталину о необходимости отреагировать на статью «Милюков только предполагает» от 21.02.1922 г. // «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г.: документы / под ред. А. Н. Артизова, В. С. Христофорова. – М.: МФД: Материк, 2008. – С. 43.
12. **Кадеты за работой:** к профессорской забастовке в Московском высшем техническом училище // Известия ВЦИК. – 1922. – № 44. – 24 февр. – С. 3.
13. **Кадеты за работой** // Правда. – 1922. – 17 февр. – С. 1.
14. **Квакин А. В.** Высылка интеллигенции в 1922–1923 годы: мифы и реальность // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2013. – Вып. 1. – С. 93–106.
15. **Кривоноженко А. Ф.** Профессорско-преподавательская корпорация Петроградского университета в 1917–1922 годах // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. – 2014. – Вып. 1. – С. 21–23.
16. **Никулин В. В.** Власть и высшая школа в 1920-годы: проблема взаимоотношений (политико-правовой аспект) // Вестник Тамбовского государственного технического университета. – 2003. – Т. 9, № 4. – С. 804–807.
17. **Очерки истории** Московского высшего технического училища, составленные на основе подлинных документов инженером-механиком И. Л. Волчкевичем [Электронный ресурс]. – М., 1999. – Режим доступа: <http://www.bmstu.ru> (дата обращения: 15.04.2017).
18. **Письмо А. Луначарского** – В. И. Ленину от 13.04.1921 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lunacharsky.newgod.su/lib/lenin-i-lunacharskij/196> (дата обращения: 15.04.2017).
19. **Постановление Народного комиссариата** просвещения об отмене государственных экзаменов и об изменении порядка производства всякого рода испытаний студентов в высших учебных заведениях от 10.11.1918 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.музейреформ.рф/node/13755> (дата обращения: 15.03.2017).
20. **Протокол допроса Н. А. Бердяева** от 18.08.1922 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Prot_Dopr.php (дата обращения: 15.04.2017).
21. **Сосновский Л.** Заговор касты против рабочего класса // Правда. – 1922. – № 42. – 22 февр. – С. 1.
22. **Стратонов В. В.** Потеря Московским университетом свободы (воспоминания о забастовке 1922 г.). 1930 г. // «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г.: документы / под ред. А. Н. Артизова, В. С. Христофорова. – М.: МФД: Материк, 2008. – С. 672–697.
23. **Худобородов А. Л., Заровнятных В. А.** Реформа высшего образования в Советском государстве в 20-е годы XX века // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – Вып. 4. – С. 256–264.

УДК 27

ББК ЭЗ72-123.3

Андрей Валерьевич Мендюков,

Университет Дмитрия Пожарского,
г. Москва, Россия

«Запретить нельзя разрешить»: религиозные общества и собрания верующих в Советской России в 1920-е годы (по материалам Самарского края)

В статье анализируется проблема отношений между верующими и властью в провинции в первое десятилетие существования Советского государства. Рассматриваются условия возникновения и деятельности религиозных обществ и собраний, формы их деятельности и отношение властей к ним. Выявлено противоречие между формальными положениями о признании свободы совести и вероисповедания и реально осуществляемой политикой жёсткого контроля и запретов по отношению к верующим, в первую очередь, к православным.

Ключевые слова: православие, религиозные общества, верующие, Русская Православная Церковь, государственно-церковные отношения, религиозная политика

Andrey V. Mendyukov,
University of Dmitry Pozharsky,
Moscow, Russia

“To Allow not to Forbid”: Religious Communities and Meetings of the Believers in Soviet Russia in the 1920s (on Materials of the Samara Region)

The article analyzes the problem of the relationship between believers and the authorities in the province in the first decade of the Soviet state. Discusses the conditions of formation and activities of religious societies and meetings, forms of their activities and the authorities attitude to them. Revealed the contradiction between formal provisions for the recognition of freedom of conscience and religion and the actual ongoing policy of strict control and restrictions in relation to the believer, first and foremost, to the Orthodox.

Keywords: orthodox, the religious communities, the believers, Russian Orthodox Church, relationship between state and church, religious policy

В современной отечественной историографии проблема отношений Советского государства и Русской Православной Церкви в указанный период исследуется как на общероссийском [1–4; 13], так и на региональном уровнях [5; 14; 15]. Однако ряд вопросов требует отдельного внимания. Очень слабо и поверхностно рассмотрена проблема организации и деятельности религиозных обществ и собраний верующих, особенно на местах. На каких условиях они возникали? Насколько свободно могли действовать? Менялась ли степень этой свободы в указанный временной период и насколько?

Документом, определившим всё последующее законодательство в государственно-церковной сфере, стал декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви от 23 января 1918 года. Церковь переставала быть юридическим лицом, не имела права на собственность, права получать субсидии, жалованье от казны, не могла вести обучение в школах. В июле 1918 года первая советская конституция объявила духовенство и монашествующих нетрудящимися элементами, лишёнными избирательных прав. Справедливости ради отметим, что в группу «лишенцев» попали и бывшие офицеры, городовые, дворяне, часть буржуазии и другие лица, чья социальная биография была нечистой с точки зрения советских властей. Таким образом, в советском обществе появились первые бесправные категории населения.

24 августа 1918 года вышла инструкция Наркомюста, воплотившая в жизнь положения декрета о свободе совести. Верующие объединялись в коллективы, числом не менее 20 человек, на которых и возлагалась ответственность за всю их религиозную

деятельность. «Двадцатки» отвечали духу времени, поскольку даже в такой интимной сфере, как вера, коллектив противостоял одному лицу – священнику. Священнослужители прямо ставились под контроль мирян, потому что «двадцатка» несла ответственность за действия священников.

Регистрация религиозных обществ властями не поощрялась и ставилась под жёсткий контроль. Согласно секретному циркуляру НКВД от 19 сентября 1924 года за № 4/2827/с отдел управления милиции Моссовета предлагает следующее: «Так как религиозные общества ...являются более организованными объединениями верующих, представляющих собой нереволюционный, отсталый элемент населения РСФСР, то отнюдь не следует поощрять и содействовать преобразованию существующих, на основании постановления НКЮ от 24 августа 1918 года групп верующих в религиозные общества...» [8, л. 2]. Регистрация религиозного общества осуществлялась начальником административного отделения вместе с уполномоченным ГПУ, причём анкетный список членов общества должен был включать не менее 50 чел. [Там же, л. 3, 5]. В циркуляре отдела управления милиции Моссовета за № 332 «Всем начальникам уездных милиций» от 22 марта 1924 года предлагались правила проведения собраний, крестных ходов, переноса икон: «В отношении выдачи разрешения на приходские собрания, управления у. (уездной – А.М.) милиции должны требовать от верующих подачи заявления не позднее как за неделю предполагаемого созыва собрания, точного изложения повестки дня». Необходимо эти разрешения согласовывать с Губотделом ГПУ.

Особо оговаривалось, что «собрания верующих не могут быть разрешены, если в данной местности оперируют политические банды, если члены религиозного общества замечены в контрреволюционной деятельности и, таким образом, могут использовать собрания для политических целей» [7, л. 20].

Перенос икон разрешался в случаях обращения верующих о переносе икон из одного храма в другой, но не по домам, церковных праздников, когда перенесение икон является ритуалом, либо отдельного ходатайства гражданина, но не целого общества, о переносе иконы в дом (требовалась справка от приходского Совета о его согласии на перенос иконы). Перенос был запрещён в случае помехи общественной жизни, уличному движению и спокойствию, а также при эпидемиях, во избежание их распространения [8, л. 1–2].

Ясно, что данные пункты подходили, как говорится, на все случаи жизни. Под предлогом нарушения спокойствия или помехи уличному движению можно было открыто запретить любое религиозное шествие, пусть даже с небольшим количеством участников. Пункт об эпидемиях вообще вызывает удивление, поскольку в этом случае должны были также запрещаться любые собрания, в том числе комсомольские и партийные, «во избежание распространения инфекции». Поэтому отсюда следовал закономерный вывод: «Разрешения на церковные ходы по возможности не выдавать, т. к. они будут мешать общественной жизни. В *исключительных случаях* (выделено мною – А.М.) ходы разрешать, при согласовании с ГПУ» [Там же, л. 2].

Власти тщательно контролировали собрания верующих. «Всякие собрания верующих, не относящиеся непосредственно к религиозным обрядам, требуют разрешения исполкомов, причём собрания могут созываться только (!) для решения хозяйственных вопросов данной религиозной общины. Разрешения на собрания выдаются исполкомами или председателями сельсоветов, а в уездном городе – непосредственно административным отделением управления уездных милиций. Разрешение на созыв районных съездов духовенства выдаются административным отделением уездной милиции по соглашению с ГПУ при заявлении до 7 дней до созыва» [Там же, л. 6].

Собрания запрещались в местности, где «оперируют политические банды, если

«члены религиозного общества замечены в контрреволюционной деятельности» [6, л. 1]. Термин «политическая банда» мог означать все что угодно. Под этим предлогом можно было легко запретить любое собрание. К примеру, осенью 1925 года в Самаре административные органы отказали в проведении православных религиозных собраний гражданину Тимофею Кузьмичу Швецову в его собственной квартире. Он нарушил запрет и собрания всё-таки проводил. Собиралось у него полтора десятка человек. Его деятельность в итоге была пресечена (скорее всего, не без помощи добрых соседей) на том основании, что «беседы не носят характер отправления религиозных обрядов, а являются неразрешённым вероучением» [12, л. 129]. Мы не можем сказать точно, носили ли эти собрания сектантский характер или нет, однако в то же самое время разрешение ежедневно (!) проводить собрания в квартире гр. Полякова было дано религиозной еврейской группе, причём за несколько месяцев до описываемых событий [Там же, л. 9]. Той же осенью 1925 года без проблем разрешили губернский съезд общин евангельских христиан-баптистов. В феврале следующего года мусульманам горисполком разрешил преподавать вероучение в здании мечети на Казанской, 67. Наконец, тогда же состоялся в Самаре и Всесоюзный съезд духовных христиан (молокан) [Там же, л. 29, 60–61]. А православным в то же время приходилось запрашивать разрешения на рождественский крестный ход на р. Самару или Волгу.

В архивном фонде ГАО исполкома Самарского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов хранится любопытный циркуляр ВЦИК от 21 августа 1924 года за подписью тов. Калинина всем областным и губернским исполкомам РСФСР. Приведём выдержки из него: «Советское законодательство (ст. 125 Уголовного кодекса) приравнивает к уголовному преступлению всякое действие, препятствующее исполнению религиозных обрядов, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан. Декрет СНК от 23 января 1919 года отделил церковь от государства (ст. 18 Конституции РСФСР). Статья 5 Декрета гарантирует “свободное исполнение религиозных обрядов”, а статьи 2-я и 10-я приравнивают все религиозные общества к частным обществам и союзам с запретом устанавливать преимущества того или

иною культа или религиозного течения. Свободное исполнение религиозных обрядов (например, крестные ходы, ношение икон в домах) не должно встречать препятствий в распоряжениях административных органов, поскольку они не нарушают общественного порядка. Всякое административное распоряжение, препятствующее такому исполнению, может иметь место только в исключительных случаях (эпидемии и пр.) и должны получить ясное и понятное для всех объяснение. Всё изложенное выше не должно ослабить бдительность органов советской власти в смысле тщательного наблюдения за тем, чтобы церковь и религиозные объединения не обратили религию в орудие контрреволюции» [7, л. 1–3].

8 апреля 1929 года Президиум ВЦИК принял постановление «О религиозных объединениях», в п. 59 которого ещё раз законодательно подтверждалась сложившаяся в первые годы существования советской власти практика отношения к деятельности верующих: «Религиозные шествия, а также совершение религиозных обрядов и церемоний под открытым небом допускается с особого каждый раз разрешения...» [13, с. 197]. Того же числа была создана Постоянная комиссия по вопросам культов под предсе-

дательством П. Г. Смидовича, куда вошли представители Наркомпроса, ВЦСПС, НКВД, Наркомюста и ОГПУ [Там же, с. 197].

Таким образом, политика властей по отношению к Церкви и верующим в 1920-е годы была двойственной: с одной стороны, законодательно гарантировались свобода вероисповедания и религиозных собраний, с другой, всякие действия верующих, даже самые безобидные, вроде крестных ходов или переноса икон, пугали и заставляли власти прибегать к самому жёсткому и детальному контролю. Хотя провал политики «штурма небес» в первые годы существования советской власти и элементы либерализации общественной жизни, связанные с введением в стране НЭПа, на некоторое время погасили остроту конфликта между государством и верующими, ситуация оставалась достаточно напряжённой и требовала в перспективе своего разрешения. К концу 1920-х годов с остатками бывшего либерализма было покончено: с 1929 года впервые в истории страны стали массово закрываться церкви, на государственном уровне началась борьба с колокольным звоном, верующие и духовенство стали подвергаться открытым репрессиям. Начался новый виток борьбы с Русской Православной Церковью и верующими, обозначивший радикальное изменение социального порядка в СССР.

Источники и литература

1. **Васильева О. Ю.** Русская Православная Церковь и Советская власть в 1917–1927 годах // Вопросы истории. – 1993. – № 8. – С. 40–54.
2. **Кашеваров А. Н.** Советское государство и Русская Православная Церковь в 1917–1922 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – СПб., 1998. – 43 с.
3. **Кривова Н. А.** Власть и церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. – М.: Аиро-XX, 1997. – 248 с.
4. **Одинцов М. И.** Государство и церковь в России. XX век. – М.: Луч, 1994. – 171 с.
5. **Подмарицын А. Г.** Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственных органов в Самарском регионе (1917–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Самара, 2005. – 21 с.
6. **ЦГАСО** (Центральный Государственный архив Самарской области). – Ф. Р-20. – Оп. 1. – Д. 40.
7. **ЦГАСО.** – Ф. Р-20. – Оп. 2. – Д. 7.
8. **ЦГАСО.** – Ф. Р-20. – Оп. 2. – Д. 8.
9. **ЦГАСО.** – Ф. Р-20. – Оп. 3. – Д. 11.
10. **ЦГАСО.** – Ф. Р-56. – Оп. 1. – Д. 262.
11. **ЦГАСО.** – Ф. Р-56. – Оп. 1. – Д. 326.
12. **ЦГАСО.** – Ф. 828. – Оп. 3. – Д. 48.
13. **Цыпин В. А.** Русская Православная Церковь. 1925–1938. – М.: Изд. Сретенского монастыря, 1999. – 431 с.
14. **Якунин В. Н.** История Самарской епархии в 1851–2011 гг. // Наука и культура России: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. – Самара: СамГУПС, 2011. – С. 133–135.
15. **Якунин В. Н.** История Самарской епархии: историография проблемы // Карельский научный журнал. – 2014. – № 3. – С. 16–23.

УДК 314(47+57)
ББК С75

Михаил Иванович Старовойтов,

*Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь*

Население Белорусско-Российского пограничного региона в 1920–1930-е годы: новейшие историографические исследования

В публикации рассматривается начало и степень разработки белорусскими и российскими историками демографического, социального, культурного (уровень грамотности и образования) и национального облика населения белорусско-российского пограничья в сложный межвоенный период. Обозначается вклад автора в компаративистское исследование малоизученных проблем истории населения пограничного региона.

Ключевые слова: население, белорусско-российский пограничный регион, новейшая историография

Mikhail I. Starovoytov,

*Gomel State University named after F. Skorina,
Gomel, Belarus*

The Population of the Belarusian-Russian Border Region in 1920–1930-e years: the Latest Historiographical Studies

This publication describes the beginning and the degree of development by Belarusian and Russian historians of demographic, social, cultural (literacy and education) and the national image of the Belarusian-Russian borderland population in the difficult interwar period. It refers to the contribution of the author in a comparative study of the poorly studied problems of the border region population history.

Keywords: population of the Belarusian-Russian border region, the latest historiography

В условиях глобализации возрастает интерес к региональной проблематике. Обществоведы считают это закономерным явлением и возможным ответом на многие социально-политические, экономические и духовные проблемы, порождённые XX веком. Особое место занимает сложный и дискуссионный период 1920–1930-х годов, когда в составе населения союзных республик и регионов произошли существенные демографические, социальные, культурные (прежде всего в уровне грамотности и образования) и национальные изменения. Вытеснение глобализации регионализацией является актуальнейшей научной проблемой и практической задачей двух последних десятилетий. После развала СССР, приведшего к изменению геополитической ситуации в мире, в современном научном и политическом лексиконе понятие «регион» стало одним из ключевых. Это резко актуализировало исследования региональной проблема-

тики. Признание и широкое применение регионального подхода научным сообществом в исторической ретроспективе подтвердил и МКИН (г. Осло, август 2000 г.) [12, с. 6].

Ещё в 1928 году М. Блок установил, что в многочисленных исследованиях «авторы в массе своей не считают долгом интересоваться материалами, раскрывающими процессы, протекающие в регионах, привлекающих к ареалу их собственных исследований...», потому что это требует большого кропотливого труда и подвижничества [26, с. 28–29]. Это постоянно подтверждается и нашими исследованиями. Дух сравнительной истории, считал М. Блок, привел в движение локальные исследования, без которых она не может ничего, но которые, в свою очередь, без неё не ведут ни к чему. Пора перестать вести бесконечные разговоры «о своей» национальной истории, не понимая по существу друг друга [Там же, с. 29]. Существенные дополнения в методологию из-

учения пограничья как региона внесли российские историки. В 1970-е годы М. А. Барг и Е. Б. Черняк при вычленении региона как типологической единицы предложили, что регион может быть «конструирован» как из сплошной территории, так и из «частей», более или менее удалённых друг от друга [1, с. 40].

В территориально-административном плане к белорусско-российскому пограничью мы относим следующие административные единицы: Витебскую Гомельскую, Могилёвскую, Калининскую, Смоленскую и Орловскую области по территориально-административному устройству, сложившемуся в БССР и РСФСР к 1940 году после значительных преобразований. Это деление оформлено в межвоенный период в результате общесоюзного районирования и установления административно-территориальных и политических границ внутри бывшего СССР.

Обращение к белорусско-российской региональной проблематике способствует созданию более полной и всесторонней характеристики такого сложного, многоаспектного и устойчивого феномена, как этносоциокультурное пограничье. Белорусскими философами, экономистами, социологами, филологами, литературоведами, историками различные аспекты регионально-пограничных проблем рассматривались в июне 1999 года на III Международной научной конференции по культуре белорусского пограничья. В ней приняли участие учёные Беларуси, России, Украины, Польши и Литвы, которые обсуждали проблемы культуры, практически не затронув 1920–1930-е годы. Отдельные её участники только коснулись политики белорусизации [10, с. 35–46]. Именно в эти межвоенные годы были заложены основные концепции демографической, социальной и этнокультурной политики советской общественной системы, просуществовавшей в своей основе до конца предыдущего столетия. В содержательной монографии белорусского историка В. Е. Козлякова региональная проблематика практически не затрагивается, хотя исследование базируется на интересном российском, белорусском и украинском материале [9].

Выполнение под руководством автора этих строк на кафедре истории Беларуси Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины тем в 1998–2000 годы «Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века)», а в 2001–2005 годы «Обще-

ственно-политическая и культурно-конфессиональная жизнь населения Восточного Полесья и Поднепровья 20–30-е годы XX века» дало основание поставить вопрос о необходимости изучения такой очень важной, но испытывающей явный дефицит внимания теме, как белорусско-российское этносоциокультурное пограничье. Впервые в постсоветской историографии предложения и обоснование о необходимости исследования демографических и этносоциокультурных процессов в составе населения белорусско-российского пограничья автором этих строк были высказаны в 2003 году на межгосударственной научной конференции в г. Брянске [13]. Автор также был в числе инициаторов и создателей НИИ истории и культуры восточнославянских народов при Гомельском университете им. Ф. Скорины в 2002 году, одной из задач которого является изучение данного пограничного региона.

О перспективности и необходимости исследования этого нового научного направления свидетельствует включение в Государственную комплексную программу научных исследований на 2006–2010 годы темы «Белорусско-российско-украинский пограничный этнокультурный регион (20–30-е годы XX в.)», руководителем и исполнителем которой являлся М. И. Старовойтов. Автором данной статьи опубликовано свыше 90 работ, в которых дана количественная и качественная характеристика населения белорусско-российско-украинского пограничья в 1920–1930-е годы. Выделим небольшую часть статей, опубликованных в журналах и сборниках ВАК Беларуси и России. В этих статьях рассматриваются методология исследования проблемы [21]; территориально-административное деление и система областного управления в регионе [15]; естественное движение населения [25]; этносоциокультурные процессы в составе населения [18]; социальная структура городского [24] и сельского населения [22]; урбанизационные процессы [20]; уровень грамотности и образования восточнославянского населения пограничья [17] и национальных меньшинств [23] и др.

На необходимость изучения региональных проблем, но неконъюнктурных исследований обратили внимание в 2003 году руководитель Центра украинистики и белорусистики МГУ М. В. Дмитриев и руководитель Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН Л. Е. Горизонтов [2,

с. 400, 410]. В подтверждение актуальности и практической значимости новых научных исследований по региональной проблематике можно привести мнение редколлегии недавно основанной серии «Окраины Российской империи» [6, с. 6].

Российско-белорусская пограничная проблематика в исследованиях межвоенного периода российскими историками только начинает обозначаться. Об этом свидетельствуют материалы ряда конференций. Доклады были представлены только автором этих строк. В Брянске в 2008 году [14] и Новозыбкове в 2009 и 2010 годы [19; 20]. Это позволяет считать, что данная проблема российскими историками в плане специальных научных исследований данного региона пока не ставится.

Характеристика демографических и этнических процессов в составе населения соседних с БССР территорий РСФСР дана в коллективной работе известных российских историков [11]; социокультурных процессов – в фундаментальной работе В. Б. Жиромской [5]. Некоторые аспекты административно-территориального устройства пограничного региона, политика белорусизации затрагиваются в монографии Е. Г. Карелина [8]. Не ставили такой задачи и историки, подго-

товившие книгу по истории Брянщины [7]. Приятным исключением являются работы московского историка Ю. А. Борисёнка. В последние годы им опубликован ряд статей, из которых одна посвящена непосредственно исследуемому нами пограничному региону в межвоенный период [4]. Отдельные проблемы истории белорусско-российского пограничья рассмотрены им и в монографии [3].

Даже такой краткий анализ степени исследованности обозначенной проблемы (с учётом возможного объёма публикации) свидетельствует о том, что в современной белорусской историографии в последние полтора десятилетия наметилось новое актуальное и перспективное научное направление по комплексному исследованию демографических, социальных, культурных и национальных изменений в составе населения пограничного региона. Это позволяет дать адекватную оценку населению, облик которого изменился к концу 1930-х годов в результате советской мобилизационной модернизации всех сторон жизни общества. В определение и разработку его внёс определённый вклад и автор этих строк. В российской историографии такое комплексное исследование российско-белорусского пограничья только начинает обозначаться.

Источники и литература

1. **Барг М. А., Черняк Е. Б.** Регион как категория внутренней типологизации классово-антагонистических формаций // Проблемы социально-экономических формаций (историко-типологические исследования). – М.: Наука, 1975. – С. 39–49.
2. **Белоруссия и Украина: история и культура: ежегодник-2003** / гл. ред. Б. Н. Флоря; редкол.: Е. А. Верниковская [и др.]. – М.: Наука, 2003. – 414 с.
3. **Борисёнок Ю. А.** На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. – М.: Родина Медиа, 2013. – 352 с.
4. **Борисёнок Ю. А.** Белорусско-российское пограничье в 1918–1944 годах // Вопросы истории. – 2004. – № 12. – С. 105–112.
5. **Жиромская В. Б.** Демографическая история России в 1930-е годы: взгляд в неизвестное. – М.: РОССПЭН, 2001. – 289 с.
6. **Западные окраины Российской империи.** Сер. Окраины Российской империи / Л. Бережнова [и др.]. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 608 с.
7. **История Брянского края. XX век** / О. В. Горбачев [и др.]. – Клинцы, 2003. – 450 с.
8. **Карелин Е. Г.** Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917–1937 гг.). – М.: Полит. энцикл., 2014. – 422 с.
9. **Козляков В. Е.** Национальный вопрос и неонароднические партии. Начало XX в. – конец 20-х гг. (на материалах России, Беларуси, Украины). – Минск: БГТУ, 2001. – 246 с.
10. **Культура беларускага пагранічча:** тэм. сб. навук. прац. Кн. VI. Культура беларуска-українска-расійскага сумежжа / Міжн. акад. нац. Меншасцей; Белар. сельскагасп. акад.; навук. рэд. С. А. Яцкевіч, У. М. Лившыц. – Горкі; Брэст, 1999. – 117 с.
11. **Население России в XX веке:** в 3 т. Т. 1. – М.: РОССПЭН, 2000. – 462 с.
12. **Регионы и регионализм** в странах Запада и России: сб. / Р.Ф. Иванов [и др.]. – М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2001. – 260 с.
13. **Старовойтов М. И.** Брянщина и Гомельщина как русско-белорусское пограничье в 20–30-е годы XX в. (к постановке проблемы) // Межславянские связи и взаимодействия в Восточной Европе: история, проблемы, перспективы: материалы межгос. науч. конф. (г. Брянск, 13–14 мая 2003 г.) / Ю. В. Жуков [и др.]. – Брянск: Брянск. гос. ун-т, 2003. – С. 58–59.

14. **Старовойтов М. И.** Изменения в численности и составе населения белорусско-российско-украинского пограничья в 1920–1930-е годы (этнокультурный аспект) // Российско-белорусско-украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства – история и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Брянск, 18–20 сент. 2008 г.). – Брянск: Ладомир, 2008. – С. 222–227.
15. **Старовойтов М. И.** Создание областной системы управления в белорусско-российско-украинском пограничье (1917–1939 гг.) // Международное право и международные отношения. – 2009. – № 1. – С. 33–39.
16. **Старовойтов М. И.** Национально-культурный состав населения городских поселений белорусско-российско-украинского пограничья (1920–1930 гг.) // Российско-белорусско-украинское пограничье: провинция как социокультурный феномен: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Новозыбков, 22–23 окт. 2009 г.) / В. Н. Пустовойтов [и др.]. – Брянск: РИО БГУ, 2009. – С. 136–140.
17. **Старовойтов М. И.** Узровень пісьменнасці і адукаванасці ўсходнеславянскага несельніцтва беларуска-расійска-ўкраінскага памежжа (1920–1930-я гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. – № 10. – С. 49–56.
18. **Старовойтов М. И.** Этносоциокультурные процессы в белорусско-российско-украинском пограничье (1920–1930-е годы) // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінска: Бел. навука, 2010. – Вып. 25. – С. 101–108.
19. **Старовойтов М. И.** Динамика численности населения БССР и Западной области (вторая пол. 1920-х – конец 1930-х годов) // Российско-белорусско-украинское пограничье: аспекты взаимодействия в контексте единого социокультурного пространства – история и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Новозыбков, 21–22 окт. 2010 г.) / В. Н. Пустовойтов [и др.]. – Брянск: РИО БГУ, 2010. – С. 140–146.
20. **Старовойтов М. И.** «Чергомбр» межвоенного периода: этносоциокультурный облик региона // Родина. – 2013. – № 7. – С. 106–109.
21. **Старовойтов М. И.** Системно-компаративный подход к оценке этносоциокультурного облика населения белорусско-российско-украинского пограничья в 1920–1930-е годы // Гісторыка-археалагічны зборнік. ИИ НАН. – Мінск: Бел. навука, 2013. – Вып. 28. – С. 76–83.
22. **Старовойтов М. И.** Изменения социальной структуры сельского населения белорусско-российского пограничья в условиях мобилизационной советской модернизации (1920–1930 гг.) // Современная научная мысль. – 2015. – С. 51–64.
23. **Старовойтов М. И.** Уровень грамотности и образования национальных меньшинств белорусско-российско-украинского пограничья (1920–1930-е гг.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ. Навуковы зборнік. – Мінск: БДУ, 2010. – Вып. 5. – С. 145–155.
24. **Старовойтов М. И.** Изменения в численности составе городского населения белорусско-российско-украинского пограничья (1920–1930-е годы) // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Сер. А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2010. – № 2. – С. 4–15.
25. **Старовойтов М. И.** Естественное движение населения белорусско-российско-украинского пограничья во второй половине 1920-х – 1930-е годы // Известия Гомельского госуниверситета им. Ф. Скорины. – 2010. – № 6. – С. 182–192.
26. **Ястребицкая А. Л.** Блок М. Апология сравнительной истории европейских обществ // XX век: методологические проблемы исторического познания: сб. обзоров и рефератов: в 2 ч. Ч. 2 / А. Л. Ястребицкая [и др.]. – М.: РАН ИНИОН, 2001. – С. 14–29.

УДК 94 (47+57:517.3)
ББК ТЗ(2) 622

**Леонид Владимирович Курас,
Базар Догсонович Цыбенев,**

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Россия*

Монгольская делегация на Волховском фронте (по данным источника на старомонгольской письменности)¹

Статья посвящена изучению поездки делегации МНР во главе с командующим добровольными кавалерийскими отрядами народной самообороны Ч. Миждом на Волховский фронт в декабре 1942 года. В основу работы легли данные монгольского источника «О фронте», написанного на старомонгольской письменности. Авторы изучили ряд вопросов, связанных с пребыванием делегации МНР в конкретных воинских частях Волховского фронта.

Ключевые слова: СССР, МНР, монгольская делегация, Красная армия, Волховский фронт, подарки

**Leonid V. Kuras,
Bazar D. Tzybenov,**

*Institute of Mongolian studies, Buddhism and Tibetology SB RAS,
Ulan-Ude, Russia*

The Mongolian Delegation in the Volkhov Front (According to the Source of the Old Mongolian Written Language)

The article studies trip of the Mongolian delegation headed by commander of a voluntary cavalry people's protection units Ch. Mizhid in the Volkhov front in December 1942. The basis of the article was the source materials «On the front» written on Old Mongolian writing. The authors first examined in detail the questions raised by the delegation of the MPR in the military units of the Volkhov front.

Keywords: USSR, MPR, Mongolian delegation, Red Army, Volkhov front, presents

К малоизвестным страницам истории российско-монгольских отношений в военной сфере относится поездка делегации МНР в декабре 1942 года на Волховский фронт. Как известно, Волховский фронт был одним из сложных участков Великой Отечественной войны, где весной-летом 1942 года шли тяжелые бои, попала в окружение и была уничтожена немцами 2-я ударная армия. Командующий армией генерал Власов стал сотрудничать с фашистами. Тем не менее, в этой непростой ситуации руководство фронта во главе с генералом армии К. А. Мерецковым предпринимало активные действия, стягивавшие силы противника. В августе-октябре 1942 года войска фронта

совместно с Ленинградским фронтом принимали участие в Синявинской операции, имевшей целью прорыв блокады Ленинграда. Прорвать блокаду не удалось, однако немецкое командование было вынуждено перебросить часть своих сил на север, что в итоге явилось одной из причин поражения фашистских войск в битве под Сталинградом. Ко времени прибытия монгольских делегатов обстановка на фронте оставалась напряжённой, шла позиционная война. Войска фронта готовились к проведению новой крупной операции «Искра».

Сведения о поездке делегации МНР на Волховский фронт содержатся в шестом параграфе источника «О фронте», написан-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РГНФ-МинОКН Монголии «Монголия во Второй мировой войне». № 15-2103005 а/м.

ного на старомонгольской письменности. Параграф носит название «Делегаты во главе с командиром добровольческого кавалерийского отряда Мижидом на Волховском фронте», занимает 52–61 страницы источника и разделён на две части: 1) «Делегация в пути»; 2) «На фронте» [3, с. 489]. Начало первой части написано хорошим литературным языком с использованием художественных приёмов: «Над столицей Монголии – г. Улан-Батор стоит синий туман, и лишь заснеженные южные склоны горы Богдо-уул блестят на солнце. 24 ноября на ясном небе кочуют облака, подгоняемые зимним ветром. По выпавшему снегу по широким дорогам Восточной Монголии едет легковая машина» [7, с. 52]. В ней находился командир добровольческого кавалерийского отряда Мижид. Он направлялся в г. Чойбалсан, чтобы упорядочить работу по погрузке подарков от народа и военных Сухэ-Баторского, Хэнтэйского и Дорнодского аймаков Монголии. В источнике не указан состав делегации. Сведения о ней содержатся в других архивных документах: «Состав делегации, сопровождающей 3-й эшелон: 1) командующий добровольческими кавалерийскими отрядами самообороны Мижид; 2) секретарь партийного комитета Восточного аймака Дандине Тогмит; 3) скотоводка Мурин сомона Кентейского аймака Цендин Цебел; 4) секретарь партиячески Баин-Дельгер сомона Жипхаланту-Ширга аймака Шагдарин; 5) начальник погранзаставы Цультамин Сунгроб; 6) военнослужащий 17-ой армии Иванов; 7) консул СССР в г. Алтан-Булаке» [4, с. 126; 5, л. 16]. Как видно из текста, в составе делегатов находились двое советских граждан, один из которых был военнослужащим 17-й армии. Эта армия, сформированная в июне 1940 года, дислоцировалась на территории МНР [6, с. 28–30]. 27 ноября 1942 года эшелон, состоящий из 41 вагонов с подарками, выехал из г. Чойбалсан [7, с. 52]. Делегацию МНР тепло проводили руководители партийного комитета Дорнодского аймака и чиновники, занимавшиеся торговлей и продовольствием. Проехав Борзю и Читу, днем 28 ноября делегаты прибыли в прекрасную столицу Бурят-Монгольской республики – г. Улан-Удэ, где делегатов по-братски встретило партийное руководство республики [3, с. 489]. Выехав из Улан-Удэ, делегация проехала такие города как Иркутск и Красноярск [7, с. 52]. По пути делегация была поражена просторами Сибири. 4 декабря 1942 года они прибыли

в г. Свердловск. Поскольку эшелон во главе с Мижидом шёл с опозданием и отставал от других эшелонов, делегаты в душе сильно переживали. На вокзале делегаты узнали, что эшелон будет стоять 25 минут. Делегаты во главе с Мижидом решили за это время посмотреть на город и стали собираться. В этот момент вдруг к ним кто-то постучался, вошёл молодой боец Красной армии. Отдав честь Мижиду, он сообщил, что маршал Чойбалсан и товарищи Бумцэндэ, Сурэнжав вместе с членами монгольской делегации ждут его в специальной гостинице. Мижид был чрезвычайно рад и вместе с этим бойцом отправился в гостиницу к маршалу Чойбалсану. Встретившись с маршалом, Мижид доложил о своей работе. Узнав от Чойбалсана, что всё идёт по плану и все делегаты здоровы, Мижид получил распоряжение двигаться дальше объединённым эшелоном. Таким образом, все четыре эшелона под общим руководством маршала Чойбалсана двинулись из Свердловска в сторону Москвы. Приезд делегации в Москву описан в литературном стиле: «Днём 6 декабря небо было ясным, высокие горы и хребты высились на уровне облаков, и стали видны огни удивительных зданий прекрасной столицы. Ставшая сердцем и душой великой страны, красная Москва встречала делегатов» [7, с. 53]. Делегацию МНР встретили руководитель восточного отдела министерства иностранных дел Летедев (Ietemev; фамилия не выяснена – *авт.*), генерал-полковник О. И. Городовиков, посол МНР в СССР Ж. Самбу и секретарь ЦК ТНРП Тувинской Народной Республики С.К. Тока [Там же, с. 54].

10 декабря 1942 года Чойбалсан, Бумцэндэ, Сурэнжав и Мижид встретились со старым знакомым, маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым и рассказали ему о своей работе. Жуков тепло встретил своих монгольских друзей и на карте показал основные направления военных действий, свои цели и задачи, а также цели и задачи фашистских войск [Там же, с. 54]. Отметим, что данная встреча зафиксирована и в другом параграфе источника, посвящённом поездке делегации МНР на Западный фронт [1, с. 177–178]. 11 декабря 4 делегата во главе с Чойбалсаном встретились с первым секретарём Московского обкома А. С. Щербаковым и обсудили доставку подарков из четырёх эшелонов на фронт. Щербаков задал вопрос: «Маршал Чойбалсан, чтобы пригласить вас к себе, прибыли специальные делегаты от

каждого фронта. На какой фронт вы отправитесь?» Чойбалсан ответил: «Поскольку наша партия и власть доверили мне лично вручить подарки от имени монгольского народа командирам и бойцам Красной Армии, для меня нет разницы, на какой фронт мне отправиться». Таким образом, первый секретарь Московского обкома А. С. Щербаков постановил отправить эшелоны с подарками в воинские части, расположенные в четырёх разных фронтах. Согласно этому решению, эшелоны распределились следующим образом: 1) на Западный фронт отправлялся эшелон Чойбалсана, 2) на Калининский фронт – эшелон Бумцэндэ, 3) на Северо-Западный фронт – эшелон Сурэнжава, 4) на Волховский фронт – эшелон Мижида. Как свидетельствует источник, «12 декабря 1942 г. небо было ясным, широкая степь, покрытая снегом, сверкала на зимнем солнце. Четыре эшелона с подарками от монгольского народа выехали из Москвы, каждый в сторону своего фронта» [7, с. 55]. Здесь имеет место небольшое расхождение с текстом другого параграфа, в котором говорится, что в штаб Северо-Западного фронта делегация МНР во главе с секретарём ЦК МНРП Сурэнжавом выехала ночью 11 декабря 1942 года [2, с. 87].

Во второй части параграфа, носящей название «На фронте», кратко повествуется о прибытии в штаб фронта и встрече с начальником штаба Мичиковым (michikov; фамилия не выяснена – авт.). Можно предположить, что «Мичиков» – это фамилия командующего Волховским фронтом К. А. Мерцкова. С другой стороны, маловероятно, чтобы командир добровольческого кавалерийского отряда Мижид, человек военный, мог ошибиться и перепутать начальника штаба с командующим фронтом. Не вдаваясь более в подробности, связанные с выяснением фамилии, продолжим изучение источника. В нём далее отмечается, что штаб фронта располагался в помещении, вырытом под лесистой горой, поэтому его невозможно было обнаружить. После встречи с начальником штаба делегаты во главе с Мижидом отправились на встречу с бойцами отделения связи. Подробно описан путь до расположения части: сначала делегаты ехали на машине, затем по мере углубления в лес, они оставили машину и пошли пешком по узкой тропе. С удивлением делегаты отметили, что отделение связи находилось в просторных подземных помещениях, ос-

вещённых электрическим светом. Делегаты были очень удивлены. Начальник штаба показал делегатам рабочие места связистов и рассказал, что 70 % связистов составляют женщины, в свою очередь, 30 % из них награждены орденами и медалями. В отделении связи был проведён митинг-собрание, на котором от имени делегации МНР выступил с докладом командир добровольческого кавалерийского отряда Мижид. Затем делегаты вручили подарки бойцам отделения связи. За проявленную в боях отвагу некоторые связисты были награждены монгольскими орденами и медалями [7, с. 56].

На следующее утро делегация направилась в расположение пехотинцев, где также состоялся митинг-собрание и были вручены подарки. Отличившимся в боях командирам и солдатам были вручены ордена и медали МНР. Одним из них оказалась 19-летняя девушка-снайпер, награждённая орденом Красного Знамени. По её словам, она уничтожила 124 фашиста. Запомнилась монгольским делегатам первая встреча с бойцом-ветераном халхин-гольских событий 1939 года. Вечером во время торжественного концерта в честь делегации МНР к главе делегатов Мижиду подошёл один солдат и спросил: «Много ли выпало снега в Баян-Тумэне и Сайншанде? Выпал ли снег в Улан-Баторе? Как проходит зимовка скота?» Оказалось, что он служил в Монголии во время конфликта на р. Халхин-Гол. Впоследствии таких бойцов было встречено много [2, с. 489; 7, с. 57]. В последующие дни делегаты посетили бронетанковую и артиллерийскую части, где также прошли митинги-собрания и были вручены подарки. Некоторые отличившиеся бойцы и командиры были награждены орденами и медалями МНР. Делегаты также ознакомились с новейшими видами оружия, Мижид и делегат Цэдэндамба стреляли из артиллерийской пушки по позициям врага. Заметим, что стрельба по фашистским укреплениям была организована и для других монгольских делегаций [1; 2]. Перед возвращением в Москву делегаты увидели немецких военнопленных, которым задали ряд вопросов, например: «С какой целью вы пришли сюда?», «Чего вы больше всего боитесь?». В итоге было выяснено, что немецкие солдаты не имеют определённой цели, больше всего боятся залпов «катюш». Со слов одного военнопленного, взрыв снаряда «катюши» в радиусе 50 м приводил к разрыву барабанных перепонок немецких солдат [7, с. 60].

Параграф о пребывании делегатов МНР на Волховском фронте завершается вручением монгольских знамён воинским частям фронта и возвращением делегации в Москву.

Изучение параграфа источника «О фронте», где имеются сведения о поездке делегации МНР на Волховский фронт, показало, что они несколько отличаются от поездок других делегаций краткостью содержания, отсутствием названий местностей, фамилий и имён офицеров и бойцов Красной армии. Первая часть параграфа не имеет отношения к Волховскому фронту и посвящена описанию пути эшелона с делегатами из Восточной Монголии до Москвы. Во второй части изложены краткие стандартные сведения о посещении делегатами МНР воинских частей Волховского фронта. Лаконичность изложения могла быть вызвана серьёзным

поражением 2-й ударной армии Волховского фронта летом 1942 года и переходом на сторону немцев генерала Власова. На фоне таких событий масштабное восхваление героизма командиров и бойцов могло вызвать неоднозначную оценку деятельности делегации МНР. Тем не менее, несмотря на краткость, параграф о пребывании на Волховском фронте монгольских делегатов во главе с командиром добровольческого кавалерийского отряда Мижидом представляет большую ценность как один из немногих источников по истории российско-монгольского боевого содружества. Нами проведён лишь предварительный анализ текста источника, последующее углублённое изучение может раскрыть новые малоисследованные аспекты поездки монгольской делегации на советско-германский фронт.

Источники и литература

1. Базаров Б. В., Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Монгольские делегации на Западном фронте // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. – 2015. – № 4. – С. 177–189.
2. Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Делегация МНР на Северо-Западном фронте (по материалам источника на старомонгольской письменности) // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1. – Чита: ЗабГУ, 2016. – С. 85–89, 489.
3. Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Монгольский сборник «О фронте» как источник по истории всенародной помощи монгольского народа СССР в годы Великой Отечественной войны // Иркутский историко-экономический ежегодник – 2017. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. – С. 485–493.
4. Монгольский народ: всё для фронта, всё для победы = Монголын ард түмэн: бүхнийг фронтод, бүгдийг ялалтын төлөө / гл. ред. С. Чулуун, составители Н. Хишигт, Ч. Дашдаваа, Ч. Болд, Ч. Баасанжаргал. – Улаанбаатар: Адмон, 2015. – 384 с. – (Монг. яз.).
5. ЦАВСМ (Центральный архив внешних связей Монголии). – Ф. 2. – Д. 65.
6. Цыбенков Б. Д. Советско-монгольское сотрудничество в годы Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 4. – С. 28–31.
7. *Front-un tuqai* = О фронте. – Улаан-Вагатур (Улан-Батор), 1945. – 171 с. – (Старомонг. яз.).

УДК 94(47+57)
ББК ТЗ(2)622,5-36

Святослав Валентинович Кулинок,

*Белорусский государственный архив
научно-технической документации,
г. Минск, Республика Беларусь*

Выявление и разоблачение белорусскими партизанами разведывательной агентуры немцев, подготовленной на территории РСФСР в 1942–1944 годы

Данная статья посвящена изучению деятельности белорусских партизан по выявлению и разоблачению немецкой агентуры, прошедшей обучение в разведывательно-диверсионных школах немецких спецслужб на территории РСФСР. Контрразведывательным органам партизанских соединений приходилось заниматься выявлением агентуры, подготовленной не только на оккупированной территории БССР, но и забрасываемой из соседних регионов (Польша, Прибалтика, Украина, Россия). Анализ новых архивных документов указывает на значительные масштабы и результаты этой деятельности.

Ключевые слова: агент, абвер, вербовка, разведывательно-диверсионная школа, шпионаж

Svyatoslav V. Kulinok,
*Belarusian State Archives
of Scientific and Technical Documentation,
Minsk, Belarus*

Identification and Expose by Belarusian Partisan of German Intelligence Network on Territory RSFSR in 1942–1944 years

This article is devoted to the study of the activities of the Belarusian partisans to identify and expose the German agents, trained in reconnaissance and sabotage German schools special services on the territory of the RSFSR. Counter-intelligence agencies partisan formations had to deal with the identification of agents prepared not only in the occupied territory of the Belarusian BSSR, but also pelted from neighboring regions (Poland, the Baltic countries, Ukraine, Russia). Analysis of the new archival documents indicate significant results of this activity.

Keywords: agent, Abwehr, recruitment, reconnaissance and commando school, espionage

Одним из способов борьбы немецких оккупационных и разведывательных органов с массовым партизанским движением на территории Беларуси была подготовка и засылка в соединения «народных мстителей» своей агентуры с заданиями разведывательного и диверсионно-террористического характера. Большая часть агентов проходила предварительное обучение в специально созданных разведывательно-диверсионных школах. Советская, современная белорусская и российская исторические науки единодушно определяют количество учебных центров (школ и курсов) на оккупированной территории БССР в количестве 22 (25) [1, с. 222; 2, с. 219–220; 3, с. 115; 4, с. 170; 5, с. 170; 28, с. 83]. Отметим, что эти данные на сегодняшний день являются и морально, и научно устаревшими. По самым заниженным подсчётам автора, в годы Великой Отечественной войны на территории Беларуси было открыто минимум 50 разведывательно-диверсионных школ и курсов [8, с. 140]. Немецкие спецслужбы организовали фактически «конвейерный» процесс обучения и подготовки агентуры. Во втором томе итогового «Отчёта о разведывательной работе белорусских партизан» указывается, что в годы войны было «взято на учёт 29 252 человека. В том числе: немецких шпионов, диверсантов и террористов – 8584 человека» [25, л. 24–27].

Главной особенностью деятельности этих спецшкол на территории Беларуси была подготовка агентуры, в первую очередь, для антипартизанской борьбы. Безусловно, некоторые наиболее крупные школы (Борисов-

ская, Минская, Гомельская, Витебская и др.) обучали кадры для заброски в тыл Советского Союза и Красной армии, но основная часть курсантов готовилась для работы на «внутреннем фронте».

Органы партизанской разведки и контрразведки, а также спецгруппы НКВД-НКГБ проводили очень большую работу по выявлению спецшкол противника и получению установочных данных на готовившуюся агентуру. В некоторых городах БССР было выявлено сразу несколько учебных центров: в Волковыске – 2 [19, л. 120]; Вилейке – 2 [10, л. 13–17]; Минске – 5 [7, с. 147–148]; Борисове – минимум 4 [6, с. 140].

По мере того как партизанское движение в БССР набирало мощь и стремительно разрасталось, а усилия оккупантов по борьбе с ним не давали желаемых результатов, разведывательные органы противника ещё более активизируют подготовку и засылку шпионов и диверсантов в партизанские соединения. Поскольку «производственных мощностей» местных (расположенных на территории БССР – С.К.) учебных центров не хватало, стали активно использоваться спецшколы, расположенные на территории Германии, Польши, Прибалтики, Украины и России.

Так, 7 ноября 1943 года в Минск из Германии прибыл эшелон с русскими военнопленными в количестве 300 чел. Захваченный партизанами из этого числа военнопленных Яков Моногаров показал, что все 300 человек окончили специальные разведывательные школы в городах Кёльн, Штутгарт и др. Перед прибывшими были по-

ставлены задачи разведывательного и террористического характера против партизан, а также для переброски на советскую территорию. В частности, требовалось «проникнуть в районы действия партизан для выявления дислокации, численности и боеспособности партизанских соединений. Организовать террор против начальствующего и командного состава путём отравления пищи» [19, л. 7]. Захваченный партизанами в плен в декабре 1943 года сотрудник службы СД Герних Вестфаль на допросе показал, что в «Дрездене и Нюрнберге созданы специальные школы гестапо, в которых учатся русские девушки, взятые немцами из оккупированных территорий. После окончания школы все учащиеся девушки должны проходить практику в течение 2 месяцев, а затем будут переброшены на оккупированные территории» [20, л. 275]. Кроме того, кадры для заброски на территорию Беларуси готовились в лагерях Волау и Хаммельбург [17, л. 58–59].

Летом 1943 года белорусские партизаны выяснили, что на территории Польши в Белостоке, Бяла-Подляске, Варшаве и Холме находятся немецкие разведывательно-диверсионные школы, которые готовят агентуру для внедрения в партизанские соединения на территории БССР [13, л. 147; 18, л. 18–19; 23, л. 184–185]. Вот как описывает разоблачение одного агента, подготовленного в столице Польши, командир партизанской бригады Минского соединения Коновалов: «Немецкий шпион, по национальности еврей, окончивший Варшавскую школу гестапо, был привезён немцами в Гомель, а из Гомеля направлен в Бобруйск с целью проникновения в бригаду Коновалова. По прибытии в бригаду выдал себя за поляка. Засыпался он на мелочи: сказал, что из Гомеля до Бобруйска пришёл за 2 дня. Это показалось подозрительным... Лис рассказал, что окончил Варшавскую школу гестапо и был послан для проникновения в партизанский отряд. По словам Лиса, вместе с ним были направлены ещё двое, также евреи. Варшавскую школу гестапо окончило 500 человек для отправки к партизанам» [24, л. 9–13].

В отчёте одной из партизанских бригад за июль 1944 года отмечалось, что «были специальные школы гестапо, обучавшие инвалидов и подростков для работы в пользу немцев и пущены в места расположения бригад и отрядов, как например: школой гестапо в г. Гдыня было подготовлено 400 человек инвалидов и подростков, которые были пу-

щены в разные стороны для проникновения в пункты расположения партизан, шпионской работы и отравления колодцев. С указанной школы в ноябре 1943 г. задержано 4 человека» [22, л. 240].

Аналогичная работа велась немецкими спецслужбами и в разведывательно-диверсионных школах, созданных на оккупированной территории РСФСР. Уже в конце 1942 года в одно из партизанских формирований был принят некто Власенко, который с первых дней начал проявлять большой интерес к делам отряда. За ним было установлено наблюдение, и вскоре он был арестован при попытке ухода из партизан. На допросе Власенко показал, что «окончил спецшколу полиции в г. Клинцы и проник в наш отряд с целью разведки». Разоблачённый агент был расстрелян [26, л. 20 об.].

Одной из крупнейших школ, открытых немецкими секретными органами на территории России, была Смоленская. Она была создана в декабре 1941 года абверкомандой-203. Школа готовила агентов для диверсий и организации повстанческого движения в тылу Советского Союза, а также проводила засылку своей агентуры в партизанские соединения. Срок обучения в ней составлял два месяца [27, с. 149]. В разведывательной сводке штаба партизанского движения на Калининском фронте от 18 марта 1943 года указывалось, что в «Смоленской школе обучаются лица, отобранные в лагерях русских военнопленных из числа бывших командиров РККА по званию от лейтенанта и выше... Летом 1942 года из этой школы было выпущено 32 человека... Некоторые были посланы в партизанские отряды...» [15, л. 37 об.].

В июне 1943 года в докладной записке начальник Особого отдела Первомайской бригады Диаков сообщал, что «в настоящее время очень много прибыло беженцев из Минска и Смоленска, которые специально засланы для шпионской работы в партизанские отряды. Особенно девушки и мужчины под видом нищих» [21, л. 140]. Ещё одним направлением деятельности Смоленской спецшколы была подготовка лжепартизанских отрядов для засылки на сопредельные территории с целью дискредитации партизанского движения. Один из таких отрядов, численностью около 100 чел., в июле 1943 года был направлен на территорию Витебской области. В результате проведённой операции сотрудником органов госбезопас-

ности П. Голокозом этот лжеотряд практически полностью перешёл на сторону партизан [9, с. 219–226].

В сентябре 1943 года, в связи с наступлением Красной армии, школа передислоцировалась сначала в Борисов, а затем в Курганы под Минском, где продолжала свою профильную деятельность до конца июня 1944 года. Интересно, что теперь в Беларуси школа готовила диверсантов для засылки на территорию Смоленщины. В мае 1944 года партизанской бригадой «Смерть фашизму» был разоблачён агент С.П., который в своих показаниях отметил, что «он окончил школу диверсантов-террористов в дер. Курганы», а в конце мая с Минского аэродрома планировалось организовать выброску 130 диверсантов этой школы в смоленские леса [19, л. 122].

Ещё одной крупной разведывательно-диверсионной школой на территории РСФСР, которая готовила агентуру для действий против белорусских партизан, была Спас-Деменская. 27 мая 1943 года начальник разведывательного отдела БШПД полковник Скрынник направил докладную записку на имя Наркома государственной безопасности В. Меркулова, в которой указывал, что «по сведениям, полученным партизанской разведкой, в г. Спас-Деменск работает школа гестапо, подготавливавшая секретных агентов для борьбы с партизанским движением и засылкой на нашу территорию с разведывательными заданиями. Школа комплектуется в основном за счёт молодёжи, жителей Выходского, Семлевского и Спас-Деменского районов Смоленской области. Школа рассчитана на 3-месячный срок обучения. За период с ноября 1942 по 25 января 1943 года было выпущено большое количество секретных агентов, часть которых через линию фронта направлены в расположение действующих частей Красной армии в район Масальск – Сухиничи, остальные – в зону партизанских отрядов, в частности, на территорию Минской области» [11, л. 1]. Руководителям БШПД также было известно, что в январе 1943 года из данного учебного заведения было выпущено 60 чел., которые были целенаправленно заброшены с разведывательными заданиями на территорию Минской области [18, л. 18–19].

Значительную часть засылаемой агентуры составляли молодые девушки и женщины. Так, в марте 1944 года во многие отряды и бригады была разослана радиogramма из

ЦШПД, в которой отмечалось: «В последнее время немецкая разведка усиленно забрасывает в партизанские зоны агентов-женщин, заражённых сифилисом. В некоторых бригадах заболело большое количество партизан. Женщины заражаются сифилисом путём прививки, после выполнения задания немцы им гарантируют лечение, прививки делают также молодым девушкам. Заражение партизан сифилисом стало возможным только благодаря потери бдительности, половой распущенности, недисциплинированности» [12, л. 158]. В апреле 1943 года в разведывательной сводке представительства БШПД на Калининском фронте отмечалось, что 2 апреля отделением гестапо из Пустошки (Гатчинский район) направлено в партизанские отряды 170 человек диверсантов и шпионов, окончивших месячные курсы, преимущественно женщины, с задачей внедриться в отряды, вести разведку и убивать командный состав» [15, л. 50]. В сентябре 1943 года сообщалось, что «в Опочка в начале августа 1943 года 20 девушек окончили школу шпионажа, которой руководил офицер гестапо Карлхерн и направлены для собирания данных о дислокации партизанских бригад с целью вступления в отряды» [15, л. 141–142].

Интересные сведения в БШПД передали сотрудники Особого отдела соединения партизанских отрядов Минской области. В отчёте за июнь–июль 1943 года они отмечали, что «гестапо в последнее время усиливает контрреволюционно-шпионскую деятельность, засылая в партизанские отряды своих агентов и диверсантов. В большинстве случаев вербует нашу молодёжь, насильно эвакуированную из восточных областей Белоруссии и Украины, а также Смоленской и Орловской областей». В этом же документе указывалось, что засылкой агентуры в советский тыл и партизанские формирования занимаются немецкие спецшколы в Гатчина и Пскове. Основной контингент агентуры в них – советские военнопленные [16, л. 2–7].

Также в архивных документах партизанских формирований можно встретить упоминания о деятельности школы в Брянске и Орле [14, л. 19; 20, л. 41, 47–48].

Засылая свою агентуру на оккупированную территорию Беларуси, немецкие спецслужбы значительно усложняли деятельность партизан по разоблачению данных агентов, так как в основном это были жители отделённых областей и республик. Для подтверждения тех или иных биографических

данных необходимо было отправлять запрос в БШПД, а затем далее в соответствующую инстанцию и учреждение. Этот процесс занимал много времени. Кроме того, практически исключалась возможность быть опознанным знакомыми или соседями, что давало агенту время для внедрения в партизанские формирования.

Подводя итог, отметим, что белорусскими партизанами была проведена значи-

тельная работа по выявлению и разоблачению немецкой агентуры, которая готовилась в спецшколах на территории России. Результатом этой деятельности было не только обеспечение собственной безопасности, но и получение ценных разведывательных и установочных данных на немецкую агентуру. Эти сведения затем передавались либо по линии БШПД – ЦШПД, либо по линии НКВД – НКГБ для дальнейшего уточнения и работы.

Источники и литература

1. **Доморад К. И.** Разведка и контрразведка в партизанском движении в Белоруссии 1941–1944 гг. – Минск: Навука і тэхніка, 1995. – 256 с.
2. **Иоффе Э. Г.** Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 гг. – Минск: Харвест, 2007. – 384 с.
3. **Киселев В. К.** Партизанская разведка. Сентябрь 1943 – июль 1944 гг. – Минск: Изд-во БГУ, 1980. – 128 с.
4. **Козак К. И.** Германские и коллаборационистские потери на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1944): анализ и итоги. – Минск: Логинов И. П., 2012. – 373 с.
5. **Коровин В. В.** Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. – М.: Русь, 2003. – 310 с.
6. **Кулинок С. В.** Борисовские разведывательно-диверсионные школы и курсы в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы // Раманаўскія чытанні – XI: зборнік артыкулаў Міжнар. навук. канф. – Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2016. – С. 139–140.
7. **Кулинок С. В.** К вопросу о деятельности немецких разведывательно-диверсионных и шпионских школ в Минске в годы Великой Отечественной войны // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф.: у 2 т. – Мінск: МДЛУ, 2015. – Т. 1, вып. 13. – С. 141–148.
8. **Кулинок С. В.** К вопросу о количестве разведывательно-диверсионных, полицейских, казачьих и других школ на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф. – Мінск: МДЛУ, 2016. – Вып. 14. – С. 135–142.
9. **Кулинок С. В.** Разведывательные документы БШПД о деятельности лжепартизанских отрядов на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны // Великая Победа: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Минск: А. Н. Вараксин, 2015. – С. 219–226.
10. **НАРБ** (Национальный архив Республики Беларусь). – Ф. 4п. – Оп. 33а. – Д. 400.
11. **НАРБ.** – Ф. 1405. – Оп. 1. – Д. 192.
12. **НАРБ.** – Ф. 1406. – Оп. 1. – Д. 357.
13. **НАРБ.** – Ф. 1450. – Оп. 1. – Д. 4.
14. **НАРБ.** – Ф. 1450. – Оп. 1. – Д. 854а.
15. **НАРБ.** – Ф. 1450. – Оп. 1. – Д. 857.
16. **НАРБ.** – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 27.
17. **НАРБ.** – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 36.
18. **НАРБ.** – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 53.
19. **НАРБ.** – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 56.
20. **НАРБ.** – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 57.
21. **НАРБ.** – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 60.
22. **НАРБ.** – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 62.
23. **НАРБ.** – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 65.
24. **НАРБ.** – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 1301.
25. **НАРБ.** – Ф. 1450. – Оп. 3. – Д. 115.
26. **НАРБ.** – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 254.
27. **Органы государственной безопасности СССР** в Великой Отечественной войне. Т. 3: Крушение «Блицкрига». Кн. 1. 1 января – 30 июня 1942 г. – М.: Русь, 2003. – 691 с.
28. **Соловьев А. К.** Они действовали под разными псевдонимами... – Минск: Навука і тэхніка, 1994. – 200 с.

УДК 94(100)(571:510)
ББК ТЗ(0)622(2Рос-5Кит)

Виктор Владимирович Кузнецов,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Советско-китайские отношения в период Великой Отечественной войны (1941–1945)

Содержание статьи затрагивает отношения между Советским Союзом и Китайской Республикой в важнейший для двух государств период: борьбы советского народа против агрессии фашистской Германии и борьбы китайского народа против японских милитаристов. Статья демонстрирует двойственность политики лидеров двух государств в данный период и даёт возможность представить причины подписания советско-китайского договора 1945 года.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, противоречия между Гоминьданом и КПК, Японо-китайская война, военная помощь Советского Союза китайскому народу, советско-китайский договор 16 августа 1945 года

Viktor V. Kuznetsov,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Soviet-Chinese Relations During the Great Patriotic War (1941–1945)

The content of the article concerns the relations between the Soviet Union and the Republic of China to the most important for the two countries period: struggle of the Soviet people against the aggression of Nazi Germany and of the struggle of the Chinese people against the Japanese militarists. The article demonstrates the duality of policies of the leaders of the two States in a given period and gives you the opportunity to present the reasons for the signing of the Sino-Soviet Treaty of 1945.

Keywords: Great Patriotic war, the contradiction between the Kuomintang and the CCP, Sino-Japanese war, military aid to the Soviet Union to the Chinese people, the Sino-Soviet Treaty of 16 August 1945

В 30-е годы прошлого века события в Восточной Азии постоянно привлекали пристальное внимание всей мировой общественности. Гражданская война в Китае, необъявленная агрессия «милитаристской» Японии против Китая, появление очага международной напряжённости на Востоке – всё это делало данный регион весьма тревожным для определения будущей перспективы мирового развития. Столь сложная международная ситуация у самых восточных границ нашей страны автоматически повышала статус советско-китайских отношений, делая их как никогда актуальными. Несмотря на сложность и противоречивость отношений между Советским Союзом и Китайской Республикой, в августе 1937 г. между двумя соседними государствами был подписан договор о ненападении, который вошёл в истории как

«пакт Сталина – Чан Кайши». Договор был подписан на пять лет с возможностью пролонгации, если ни одна из сторон за полгода до истечения срока его действия не заявит о своём желании его денонсировать, и давал гарантии народам двух соседних государств несовершения взаимной агрессии [1, с. 386].

Вероломное нападение войск фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года и начало Великой Отечественной войны на четыре года отодвинули советско-китайские отношения на второй план. Однако это не означает, что они были хоть на миг приостановлены. При этом в отношениях продолжала чётко прослеживаться та двойственность, которая отличала их в довоенный период. По-прежнему главной причиной дипломатических недомолвок и недоверия между двумя сторонами были острые

противоречия внутри Китая. Несмотря на заключённый в 1937 году компромиссный договор о создании единого национального антияпонского фронта, два антагонистических политических противника республиканского Китая – партия Гоминьдан и партия коммунистов – никак не могли поступиться собственными идеалами и хотя бы на военное время прийти к общему знаменателю.

Советская сторона, активно поддерживавшая республиканское правительство в войне с японским агрессором, со слов одного из ярких представителей отечественного дипломатического корпуса Андрея Мефодьевича Ледовского, в ходе время от времени вспыхивающих конфликтов между воинскими подразделениями Гоминьдана и КПК, неизменно принимала сторону китайских коммунистов и, приостанавливая оказание материальной помощи, заставляла более боеспособные и лучше вооружённые части правительственных войск идти на уступки. Яркими аргументами такой позиции советского государства стали предвоенные события декабря 1939 года в провинции Шаньси и конфликт конца 1940 – начала 1941 года, связанный с 4-й армией КПК. В годы Великой Отечественной войны наиболее острый конфликт между двумя противоборствующими сторонами вспыхнул летом 1943 года. Однако даже тяжёлая военная ситуация 1943 года не позволила советским дипломатам отступить от установленной позиции.

Летом 1943 года гоминьдановские войска предприняли попытку вооружённого захвата части Особого района КПК. Советским политикам пришлось обратиться за помощью к правительству США. Американский президент Ф. Д. Рузвельт также не был заинтересован в возобновлении гражданской войны в Китае, а потому целиком и полностью поддержал позицию СССР. Через американских дипломатов и военных посредников он предпринял эффективные меры и убедил своих китайских союзников прекратить развитие конфликта [2, с. 255]. В то же время советские дипломаты активно добивались начала переговорного процесса между лидерами Гоминьдана и КПК, полагая, что за столом переговоров обе стороны быстрее выработают общую позицию в антияпонской борьбе. Так, в июне 1942 года полномочный посол Советского Союза в Китае А. С. Панюшкин на одной из встреч с Чжоу Эньлаем настоятельно рекомендовал воспользоваться визитом Чан Кайши в г. Сиань, располо-

женный недалеко от Особого района, и организовать там встречу двух лидеров Китая. Однако встречу организовать не удалось. Мао Цзэдун опасался провокаций со стороны гоминьдановцев. «А о чём с ним говорить, когда он твёрдо решил действовать», – ответил Чжоу Эньлай советскому послу, однозначно давая понять нежелание китайских коммунистов вести какие-либо переговоры с правительством [3, с. 257].

Тем не менее, с постоянной настойчивостью представители советского дипломатического корпуса в военные годы защищали практически все политические инициативы китайских коммунистов, несмотря на то, что некоторые из них были изначально невыполнимы или могли привести к серьёзному осложнению внутривнутриполитической ситуации в стране. Примером в большей степени демагогических инициатив лидеров КПК является предложение выработки и принятия новой конституции, а также проведение в условиях военного времени с учётом оккупации части китайской территории японским агрессором всеобщих парламентских выборов. Подобная неоднозначная позиция советского руководства, на что обращали внимание не только лидер гоминьдановского Китая Чан Кайши, но и дипломаты стран – союзников по антигитлеровской коалиции, объяснялась не только идентичностью коммунистических идеалов ВКП (б) и КПК, но и стремлением своей полной и всесторонней поддержкой побудить командование вооружённых формирований КПК активизировать боевые действия против Квантунской армии. Однако ни в предвоенные годы, ни в тяжёлые годы Великой Отечественной войны советскому правительству так и не удалось убедить руководство КПК организовать какие-либо серьёзные наступательные операции против японских агрессоров. В послевоенной отечественной исторической литературе преобладает мнение, что у лидера китайских коммунистов была своя стратегическая позиция в Японо-китайской войне. Главной задачей, с точки зрения председателя КПК, являлось следующее – «ведя активную войну с японцами преимущественно партизанского характера, не ввязываться в слишком крупные сражения с ними, сохранять и копить силы для решающих схваток с Гоминьданом в целях захвата власти» [2, с. 256].

Не меньшая двойственность позиций чётко прослеживалась и во внешнеполитическом курсе гоминьдановского руководства

Китайской Республики. С самого начала ещё не объявленной японской агрессии против Китая, ещё с конца 20-х годов правительство Чан Кайши более энергично пыталось добиться вмешательства в японо-китайский конфликт американской или британской дипломатии. В ожидании этого практически до инцидента у моста Лугоуцяо 7 июля 1937 года, устроенного японской стороной, и объявления Японией войны Китаю республиканские правители не оказывали активного сопротивления агрессору, идя на постоянные уступки. И только убедившись в продолжение «изоляционистской» политики американского конгресса и выжидательного курса британского правительства Н. Чемберлена, Чан Кайши активизировал переговоры с советской стороной. Стремление китайского лидера вовлечь в японо-китайский конфликт третью сторону в виде Советского Союза было логичным и объективным на фоне индифферентности позиции США и Великобритании. Однако его сдерживало опасение вмешательства будущего союзника во внутренние дела страны и поддержка главного внутривластного противника – китайских коммунистов.

Некоторое снижение внимания сталинского руководства в период Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков к событиям в Китае, переброска с восточных рубежей под Москву «сибирских» дивизий осенью 1941 года, с одной стороны, придали силы китайскому руководству, что позволило набрать ему определённый внешнеполитический авторитет. Китайскому правительству в январе 1943 года удалось подписать ряд важных, но не влияющих на военную конъюнктуру соглашений с США и Великобританией, исходя из которых, Китаю официально возвращался статус «великой державы». А глава республики – Чан Кайши – даже был приглашён на встречу политических лидеров в Каир в ноябре 1943 года. Этому способствовал и факт вступления США в войну против Японии в декабре 1941 года, что реанимировало веру китайских политиков в скорое возвращение интереса американских дипломатов к «китайскому вопросу». Однако, с другой стороны, ожесточенные боевые действия на советско-германском фронте и шок американской военной и политической верхушки от трагических событий в Перл-Харборе не давал Чан Кайши и его окружению надежду на оказание скорой по-

мощи республике и, тем более, вовлечение их в военные действия на китайском театре Второй мировой войны.

Акцентируя внимание на приоритете собственных целей и задач и двойственности политики всех сторон, прямых или косвенных участников Японо-китайской войны, необходимо остановиться и на позиции ещё одной воюющей державы – Соединённых Штатов Америки, столь желаемого и наиболее приемлемого для Чан Кайши союзника. До декабря 1941 года, то есть до вступления в войну, США являлись лишь сторонними наблюдателями событий в Азии, оказывая порой моральную поддержку китайскому правительству. Однако, став воюющей державой, сражающейся против общего врага, американское руководство, как и советское правительство, пыталось побудить гоминьдановских лидеров активизировать сопротивление общему врагу, привлечь в материковый Китай как можно больше воинских соединений и сковать их действия, остановив их продвижения в Азии. Однако ни материальная, ни военная помощь США, ни подписанные с Китайской Республикой равноправные договоры 1943 года не стали катализатором для военных действий республиканской армии. Видимо, выжидательная платформа Чан Кайши, его переоценка собственной значимости для будущей перспективы развития восточноазиатского региона и стали причиной недоверия к нему со стороны лидеров стран антигитлеровской коалиции. Лидер Китая был очень обижен на то, что его не только не пригласили в качестве участника Ялтинской конференции, где рассматривались вопросы будущего Китая, но и даже не поставили в известность об её итогах. Ф. Рузвельт говорил, что если о материалах конференции узнают в Китае, то через 24 часа об этом станет известно всему миру [2, с. 259]. Молниеносное наступление советских войск в августе 1945 года, продолжавшееся меньше месяца и закончившееся полным разгромом квантунской армии и освобождением Китая, доказали разумность сверхсекретности Ялтинских соглашений.

Апофеозом отношений между Советским Союзом и Китайской Республикой в годы Великой Отечественной войны стал договор о дружбе и союзе, подписанный 14 августа 1945 года. В то время, как советские войска ещё громили японских агрессоров, освобождая территорию Китая, в Москве

начались переговоры между советскими дипломатами и китайской делегацией, возглавляемой министром иностранных дел Китая Сун Цзывэнем. И глава китайского мида, и прибывший в Москву с неофициальным визитом сын Чан Кайши Цзян Цзинго должны были убедить советское руководство дать гарантии невмешательства в дела Китая в послевоенное время. Советская сторона в итоге дала обещания не вмешиваться во внутренние дела Китая, уважать его территориальную целостность и неприкосновенность, оказывать Китаю моральную и материальную поддержку, а также начать эвакуацию своих войск не позднее, чем через 3 недели после капитуляции Японии и провести её в течение трёх месяцев [4, с. 164–165]. Китайская сторона вынуждена была согласиться с включёнными в текст договора немного из-

менёнными пунктами ялтинских соглашений. Китай признавал независимость Внешней Монголии, право на совместную эксплуатацию Китайской Чанчуньской железной дороги, Порт-Артура в качестве военно-морской базы и порта Далянь в качестве свободной и беспопыленной территории [Там же, с. 164]. Договор о дружбе и союзе вместе с различными дополнениями к нему заключался на 30 лет. Однако прежняя двойственность позиций, характеризовавшая отношения между странами в довоенный и военный период, с наступлением Холодной войны не дала возможность просуществовать ему и года. Гражданская война, возобновившаяся в Китае летом 1946 года, фактически положила конец отношениям СССР и Китайской Республики, а через три года открыла дорогу новым отношениям – СССР и КНР.

Источники и литература

1. Галенович Ю. М. Россия – Китай: шесть договоров. – М.: Муравей, 2003. – 408 с.
2. Ледовский А. М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937-1952. – М.: Памятники ист. мысли, 1999. – 344 с.
3. Панюшкин А. С. Записки посла: Китай. 1939–1944 гг. – М.: Политиздат, 1981. – 352 с.
4. Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. – М.: Посев, 2009. – 440 с.

УДК 27

ББК Э372.24-362

Вадим Николаевич Якунин,

*Поволжский государственный университет сервиса,
г. Тольятти, Россия*

Экономическая и финансово-хозяйственная деятельность Русской Православной Церкви по положению 1945 года

Анализируется изменение экономического положения и упорядочение финансово-хозяйственной деятельности Русской Православной Церкви (РПЦ) в связи с принятием Положения об управлении Русской Православной Церковью в январе 1945 года на Поместном Соборе, а также реакция на эти изменения в центре и на местах. Анализируются причины и последствия этих изменений для РПЦ.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, духовенство, приходы, монастыри, налоги, верующие

Vadim N. Yakunin,

*Volga Region State University of Service,
Togliatti, Russia*

Economic and Financial Activity of the Russian Orthodox Church in the Situation of 1945

The changing economic conditions and the streamlining of financial and economic activities of the Russian Orthodox Church (ROC) in connection with the adoption of the regulations on the administration of the Russian Orthodox Church

in January 1945, the local Council, as well as the reaction to these changes in the centre and in the field are examined in the article. The causes and implications of these changes for the ROC are analyzed.

Keywords: Russian Orthodox Church, clergy, parishes, monasteries, taxes, believers

Важным документом, определяющим экономическое положение Русской Православной Церкви в послевоенные годы, стало «Положение об управлении РПЦ», принятое 31 января 1945 года на Поместном Соборе. Оно было разработано Московской Патриархией ещё осенью-зимой 1943/1944 года.

Главный разработчик Положения – архиепископ Саратовский Григорий (Чуков) предложил ликвидировать прежнюю практику полной зависимости священников от исполнительных органов и приходских общин (двадцаток), которые допускали превышение своих полномочий, вмешивались в сферу чисто богослужебных действий, бесконтрольно расходовали церковные средства, отстраняли настоятеля храма от участия в деятельности исполнительных органов. В своём проекте архиепископ Григорий предлагал «установить желательный строй взаимоотношений и деятельность всех органов, входящих в систему управления Русской Православной Церкви, и устранить указанные ненормальности, вкравшиеся в практику церковно-приходской жизни» [6, л. 12–14]. Предложения архиепископа Григория были одобрены Священным Синодом и представлены в Совет по делам РПЦ.

В то же время Совет по делам РПЦ ещё в начале 1944 года выступил с инициативой разработать проект Устава РПЦ. Однако в условиях военного времени Совет согласился с предложениями Священного Синода и архиепископа Григория ограничиться Положением об управлении РПЦ. Члены Совета по делам РПЦ принимали непосредственное участие в подготовке проекта положения [8, л. 6–7]. 28 января 1945 года предложения Совета по делам РПЦ по проекту «Положения об управлении РПЦ» были утверждены Постановлением СНК СССР № 162 [7, л. 2].

Согласно новому положению, приходская община должна была состоять не менее чем из 20 человек, регистрироваться гражданской властью, которая должна была предоставить ей храм по соглашению с епархиальным архиереем. В Положении было предусмотрено существование коллегиальных органов управления общиной: распорядительного – двадцатки, заменяемой

после учреждения прихода приходским собранием, исполнительного – церковного совета, контрольного – ревизионной комиссии. Право создать церковный совет и ревизионную комиссию имело приходское собрание. В состав церковного совета входили настоятель в качестве председателя и избираемые собранием староста, его помощник и казначей. Всё приходское хозяйство находилось на попечении церковного совета: забота о содержании, ремонте, освещении и отоплении храма, о снабжении храма богослужебными утварью и книгами, нательными крестами, ладаном и др. Церковный совет мог распоряжаться средствами прихода и вести их учёт, делать отчисления в Патриархию и епархиальное управление. Ревизионная комиссия, согласно положению, состояла из 4 членов прихода и постоянно наблюдала за церковным имуществом, проводила ревизии имущества, денежных сумм и произведённых расходов [Там же, л. 353–354].

Официальное признание государством иерархической структуры Церкви сопровождалось некоторыми изменениями в её хозяйственной и просветительной деятельности. Основные начала имущественного положения Церкви: лишение её права собственности и прав юридического лица, предоставление ей богослужебных зданий со всеми их принадлежностями лишь в «пользование», с уплатой, однако, за это значительные налоги – остались неизменными. Но несколько изменился круг источников доходов Церкви [11].

Признавая по-прежнему, что «церковные суммы составляются из добровольных взносов верующих при тарелочном сборе за богослужениями» и «пожертвований вообще на нужды храма», положение относилось к числу добровольных взносов также «взносы на просфоры, свечи и пр.» (ст. 43). Продажа свечей по цене выше себестоимости давно была одним из видных источников доходов Церкви. Запретив церквам совершение каких-либо сделок коммерческого характера, советское законодательство должно было бы не допускать и продажи свечей в церквах, но явная трудность провести последовательно это запрещение привела к формально-

му обходу закона. И это несмотря на то, что специальным инспекторам по наблюдению и негласным осведомителям НКВД строжайше предписывалось выслеживать и регулярно доносить, «откуда религиозные общества приобретают просвирни и свечи, месячный их расход и куда распределяются полученные деньги за проданные просвирни и свечи» [2, с. 164].

Если заранее не устанавливалась определённая цена свечей, просфор и т. п., то взносы за них рассматривались не как плата за купленные вещи, а как добровольное приношение, размер которого устанавливается самим покупателем. Готовность верующих пойти навстречу нуждам храма обеспечивала церковные интересы при приобретении свечей и просфор. Ограничением жертвенности прихожан могло явиться лишь общее обеднение.

Организационная деятельность Церкви в особенности затруднялась запрещением образования каких-либо центральных касс для сбора добровольных пожертвований, хотя исполнительным органам религиозных съездов дозволялось получать добровольные пожертвования. Положение 1945 года внесло облегчение в содержание центральных и местных учреждений Церкви. Статья 41 возлагала на исполнительный орган приходской общины обязанность «вносить потребные суммы на содержание Епархиального Архиерея и его управления», а «также на общецерковные нужды: на Патриаршее управление» и «на содержание духовных учебных заведений при Патриархии», а равно вносить в Патриархию необходимые суммы для приобретения вещей для святого мира.

Как при Патриаршем управлении, так и при Епархиальном могли в связи с этим открыться специальные кассы, ранее не допускавшиеся. При этом взносы в пользу епархиальных и патриарших учреждений теряли уже по существу характер добровольности, так как отчисления этого рода из приходских средств относились статьёй 41 положения к кругу общих обязанностей исполнительного органа приходской общины наряду с заботами о сохранности здания и имущества храма, с выплатой жалования причту и с общим наблюдением за правильным учётом и расходованием приходских средств. Если даже и не устанавливался определённый размер этих взносов из центра, обязательность их не подлежала сомнению. И именно обяза-

тельность этих взносов практически вызвала потребность некоторых указаний из епархии или Патриархии в интересах более равномерного и справедливого распределения сборов с приходов.

Можно было говорить о лишении религиозных организаций имущественной правоспособности, когда имелось в виду вообще свести на нет самое существование Церкви. Но как только пришлось допустить её деятельность, возникла необходимость в том или другом оформлении её имущественных прав и прежде всего в отношении накопления и хранения «добровольных взносов и пожертвований». Вопрос этот особенно обострился во время Великой Отечественной войны, когда Церковь начала собирать большие суммы на военные нужды, например, на танковую колонну имени Димитрия Донского, в фонд обороны и пр. В условиях того времени правительство не могло отказываться от этих сумм, поступавших от имени отдельных церквей, от исполнительных органов приходской общины или от настоятеля какой-либо церкви, хотя сбор их производился в явное нарушение закона, ограничивавшего роль Церкви только религиозными задачами. В результате этой практики положение 1945 года узаконило отчисление приходских средств вместе с церковными нуждами также и на нужды «патриотические» (ст. 41) и разрешило помещать церковные средства «на хранение в банк или сберкасса на имя данного храма» (ст. 44).

Из статьи 44-й явствовало признание храма в качестве особого субъекта имущественных прав. Соответственно добровольные приношения верующих считались пожертвованиями на «нужды храма» (ст. 43), а отчисления из приходских средств на содержание причта назывались «жалованием от храма» (ст. 41). Совершенно последовательно ст. 44 устанавливала обязанность вести приходно-расходные книги приходских средств и создавала особые распорядителей банковского счёта храма. Суммы эти могли быть сняты со счёта только за подписью настоятеля прихода и казначея. Этим восстанавливалось до некоторой степени признание отдельного храма в качестве субъекта прав, имевшее место в дореволюционной России. Конечно, имущественные права Церкви тогда были гораздо шире. Характерно, что хотя договор о предоставлении храма заключался государственными органами с приходской общиной, церковные суммы вно-

сились не на её имя, а на имя храма. Этим не только отстранялось признание приходской общины в качестве юридического лица, но вместе с тем поднималось значение настоятеля храма в распоряжении приходскими суммами, так как без его подписи казначей приходской общины не мог снять деньги с банковского счёта. В этом проявилась общая тенденция положения 1945 года – поднять значение настоятеля храма не только в вопросах морального руководства, но и в хозяйственной области.

Одной из трудных проблем церковной жизни было снабжение церковью свечами, иконами, нательными крестами и другими предметами церковного обихода. Постановление от 8 апреля 1929 года прямо запрещало церковным организациям всякие сделки промышленного характера, хотя бы связанные с культом, в частности, аренду свечных заводов (ст. 11). Положение 1945 года несколько облегчило дело, допустив изготовление свечей, нательных крестиков, разрешительных молитв и т. п. «с разрешения местной гражданской власти» (ст. 33). Только спустя несколько лет эта возможность была использована. В период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы советское правительство удовлетворяло нужду религиозных организаций, вводя предметы церковного обихода в рамки государственного производства.

Переход на новое положение привёл к большему упорядочению управления церковным имуществом и суммами, наведению порядка в приходском хозяйстве, усилению борьбы с хищением денежных средств. Во всех церквях были заведены приходно-расходные книги, все поступающие средства вносились в Госбанк [5, л. 10]. В некоторых случаях при приёме дел настоятелями от прежних председателей церковных советов была обнаружена очень большая запущенность в ведении дел по церковному хозяйству. Представители местных властей во Владимирской области помогали разбираться в запутанных делах, в особенности в финансовых отчётах и документации [4, л. 19, 67]. Но такое взаимодействие наблюдалось далеко не везде. После решений Поместного Собора и принятия положения была сведена к минимуму текучесть духовенства, оно стало дисциплинированной, уменьшились случаи самозванства [5, л. 10].

Далеко не везде новое положение было встречено положительно. Там, где на-

стоятели церковей имели хорошие рабочие отношения с исполнительными органами, положение на приходских собраниях одобрялось, и его проведение в жизнь проходило без эксцессов. Там же, где исполнительные органы продолжали смотреть на священников как на наёмных лиц и проводили политику «твой алтарь – наш ящик», там возникало много ссор, а порой дело доходило и до открытой борьбы. Церковные старосты нередко заявляли, что ящика никому не отдадут, даже «через свой труп», «мы не для того открывали церковь, чтобы подчиняться настоятелю». В ряде церковей провести в полном объёме положение было просто невозможно. Некоторых настоятелей храмов ввиду их дряхлости водили под руки, службу они вели сидя. Многие старосты не отдавали финансовую деятельность под руководство настоятелей, а старые настоятели сами не брались за это дело [3, л. 59–88]. Были случаи жалоб прихожан в Совет по делам Русской Православной Церкви на излишне зарвавшихся настоятелей: «...Хапают и хапают, противно стало в церковь ходить...», «...торговался, торговался, сколько за соборование взять, а человек умер без покаяния...» [6, л. 68; 9, л. 31].

Несмотря на эти трудности, почти везде в 1945 году «Положение об управлении Русской Православной Церковью» было проведено в жизнь [10].

Уже после принятия положения, в августе 1945 года религиозным обществам, включая и монастыри, было предоставлено право юридического лица в части аренды, строительства и покупки в собственность для церковных нужд домов, строений, транспорта и утвари; снимались ограничения на колокольный звон; местным органам власти предлагалось не препятствовать деятельности монастырей. Вне сомнения, это существенно облегчило положение православных обществ, способствовало возрождению религиозной жизни в стране. Важность этих решений стала ощутимой, когда по окончании войны получили известность масштабы разрушений культовых зданий.

Известный знаток церковного права А. А. Боголепов писал, что «в этом положении было окончательно оформлено и закреплено многое из прежнего порядка, но, вместе с некоторыми дополнениями и поправками, вся схема церковного устройства приняла изменённый вид. Новым было признание правительством иерархии церковных

учреждений. «Служители культа» разных рангов перестали быть равными в глазах советского закона: за высшими было признано право предписания по отношению к низшим. За духовенством были признаны известные права в области приходского управления. Вся Церковь перестала быть с точки зрения советского закона рассыпанной храминой и в отношении к государству получила характер объединённой организации со своей административной [1, с. 32–49].

Значение положения 1945 года состояло прежде всего в том, что оно поставило на правовую основу положение Русской

Православной Церкви в советском обществе, регламентировало различные формы её деятельности. Его принятие на Поместном Соборе 1945 года явилось важной вехой в истории Церкви, послужило ещё одним шагом к признанию за ней права юридического лица.

Положение 1945 года с некоторыми изменениями, внесёнными в 1961 г. (изменения восстановили прежнюю практику зависимости священников от исполнительных органов и приходских общин), действовало вплоть до 1988 года, когда на Поместном Соборе РПЦ был принят постоянный Устав РПЦ.

Источники и литература

1. **Боголепов А. А.** Церковь под властью коммунизма. – Мюнхен: Ин-т по изучению СССР, 1958. – 202 с.
2. **Васильева О. Ю.** Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – М.: Ин-т рос. истории РАН, 1999. – 294 с.
3. **ГАРФ** (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. 6991. – Оп. 1. – Д. 27.
4. **ГАРФ**. – Ф. 6991. – Оп. 1. – Д. 40.
5. **ГАРФ**. – Ф. 6991. – Оп. 1. – Д. 41.
6. **ГАРФ**. – Ф. 6991. – Оп. 2. – Д. 2а.
7. **ГАРФ**. – Ф. 6991. – Оп. 2. – Д. 29.
8. **ГАРФ**. – Ф. 6991. – Оп. 2. – Д. 32.
9. **ГАРФ**. – Ф. 6991. – Оп. 2. – Д. 53.
10. **Петюкова О. Н.** Правовые формы отношений советского государства и русской православной церкви в 1917–1945 годах: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – М.: Моск. гос. юрид. акад., 2011. – 494 с.
11. **Петюкова О. Н.** Правовое регулирование деятельности русской православной церкви в 1917–1943 годах. – М.: Финакадемия, 2009. – 168 с.

УДК 27
ББК 3372.24-61

Алексей Геннадьевич Подмарицын,
Самарская духовная семинария,
г. Самара, Россия

Предложения архиепископа ярославского и ростовского Сергия (Ларина) об изменении налогообложения клириков и церковных работников от 25 и 26 января 1965 года

В статье впервые публикуются предложения архиепископа Сергия (Ларина) о пересмотре сложившейся в начале 60-х годов прошлого века налоговой практики, применявшейся в отношении духовенства и церковных работников. Приводятся контраргументы чиновника совета по делам РПЦ при СМ СССР, свидетельствующие о наличии оперативного мониторинга мнений верующих и духовенства.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, епископат РПЦ, церковно-государственные отношения, налогообложение духовенства и церковных работников, окладная форма доходов духовенства

Aleksei G. Podmaritsyn,
Samara Theological seminary,
Samara, Russia

The Proposals of the Archbishop of Yaroslavl and Rostov Sergius (Larin) on Change of the Taxation of the Clergy and Church Workers 25 and 26 January 1965

This article was first published proposal of Archbishop Sergius (Larin) on the revision developed in the early 60-ies of the last century, the tax practice was used against clergy and Church workers. Are the counter-arguments of the official Council of the Russian Orthodox Church in the CM USSR, indicating the presence of operational monitoring views of the faithful and the clergy.

Keywords: The Russian Orthodox Church, bishops of the Russian Orthodox Church, Church-state relations, taxation of the clergy and Church workers, the accountant form income of the clergy

В послевоенное время налогообложение клириков осуществлялось на основании ряда законодательных и подзаконных актов. Основным документом выступал указ ВС СССР от 30 апреля 1943 года о подоходном налоге с населения. С течением времени появилось несколько инструкций и постановлений, уточняющих размеры налоговых отчислений. Вплоть до середины 1950-х годов сохранялась возможность разделять доходы клириков (в том числе епископата) от преподавания и управленческой деятельности и полученных от выполнения культовых действий. Начиная с этого времени, государство взяло курс на увеличение подоходных налогов со всех категорий доходов духовенства и церковного обслуживающего персонала. В 1962 году всё духовенство РПЦ было переведено на систему окладов, с максимально возможной налоговой ставкой в 81 %. В результате допуска местных фискальных органов к прямому контролю над финансами религиозных организаций и служившего в них духовенства стали возникать конфликты. Подобные обстоятельства послужили поводом к написанию в январе 1965 года двух прошений на имя Святейшего Патриарха Алексия I от вновь назначенного на Ярославско-Ростовскую кафедру архиепископа Сергия (Ларина). Прошения эти датированы 25 и 26 января 1965 года и как видим, они появились уже после отставки Н. Хрущёва. Несмотря на формальную адресацию предстоятелю Русской Церкви, оба прошения предназначались функционерам из СДРПЦ. Уже 20 февраля 1965 года в наблюдательном деле архиепископа Сергия (Ларина) появились «Замечания по поводу письма архиепископа Сергия патриарху Алексию от

25/1-65 г.», подписанные старшим инспектором совета по делам РПЦ (далее – СДРПЦ) А. Костылевым [ГАРФ, л. 53–55]. Кроме того, бывший на приёме в СДРПЦ 19 февраля 1965 года архиепископ Сергий получил разъяснения, изложенные днём позже в указанной записке.

Преосвященный Сергий, обращаясь к Патриарху 25 января 1965 года, испрашивал, «не найдёте ли Вы возможным и своевременным ходатайствовать перед нашим Правительством о пересмотре налоговой системы в отношении церковных работников в сторону её смягчения» [Там же, л. 58]. В преамбуле он отмечал действующее постановление ЦМ СССР от 16 марта 1961 года, которое внесло «изменение в налоговую систему, касающуюся подоходного налога со служащих религиозного культа и прочих лиц, состоящих на церковной работе» [Там же, л. 53–55].

Далее он останавливался на практике налогообложения духовенства и технических церковных работников, действовавшей с середины 40-х годов до появления указанного постановления. Служители культа, получавшие доходы непосредственно от верующих, платили подоходные налоги по ст. 19 указа ВС СССР от 30 апреля 1943 года, а остальные технические работники (кроме членов церковных советов, псаломщиков и духовных лиц на твёрдых окладах от церквей) «облагались подоходным налогом по ст. 5 того же Указа, т. е. на тех же основаниях, как рабочие и служащие предприятий и организаций СССР» [Там же, л. 57].

Архиепископ указывал, что с изданием постановления ЦМ СССР от 16 марта 1961 года обе эти группы налогоплательщи-

ков были объединены в одну, с привлечением их к оплате подоходного налога по статье 19 указа. «Вначале было сделано исключение для лиц гражданских, работающих в церковных организациях (Инструктивное письмо Министерства финансов СССР от 25 апреля 1961 года за № 166, ч. II, § 3), но в 1962 году все лица, работающие в религиозных организациях, объединены как налогоплательщики по ст. 19 Указа. Исключение сделано лишь для уборщиц, сторожей и истопников, которые по-прежнему пользуются профсоюзным обслуживанием и платят налоги по ст. 5 Указа» [Там же, л. 57].

Архиепископ обращал внимание на то, что к моменту принятия постановления СМ от 16 марта 1961 года в положении налогоплательщиков обеих групп не происходило никаких перемен, которые могли бы повлечь за собою повышения размера подоходного налога для лиц второй группы. «Форма работы, система и размер оплаты их труда, трудовые отношения работников с церковным объединением оставались, остаются и сейчас прежними. Право на труд и на оплату труда является конституционным, работа в церковных организациях не исключается из понятия общественного полезного труда, и доход от этого труда не исключается из понятия заработной платы» [Там же, л. 57–58].

Статья 81 инструкции № 194 Минфина СССР от 27 марта 1947 года, по мнению архиерея, приводила перечень лиц, доходы которых являются случайными и зависят от различной конъюнктуры, они фактически трудноопределимые, трудно учитываемые и постоянно меняющиеся. Само собой, разумеется, заключает владыка, что под такое понятие нельзя отнести церковных работников, получающих от церковных организаций твёрдую заработную плату.

«Более того, сейчас вообще не существует церковных работников, в том числе и священнослужителей, доходы которых зависели бы от случайных обстоятельств, в смысле ст. 81 Инструкции Министерства финансов. Именно это обстоятельство говорит о несомненности и справедливости отнесения церковных работников, в смысле налогового обложения, к ст. 5 указа» [Там же, л. 58]. Здесь владыка напрямую намекал на перевод клириков на твёрдый оклад, повсеместно осуществлённый в РПЦ в течение 1962 года по принуждению государственных властей.

По мнению старшего инспектора СДРПЦ А. Костылева, право на труд и харак-

тер труда – далеко не одно и то же. Право на труд законодательно закреплено за всеми гражданами СССР, но одни, согласно этому праву, честно трудятся и приумножают общественные блага, а другие не хотят заниматься общественно-полезным трудом и предпочитают добывать себе средства существования иными путями. «Так причём же здесь право на труд! Не выдерживает критики и заявление Сергия о том, что не произошло перемен в системе и размере оплаты труда. Перемены эти как раз произошли и можно сказать, что они произошли в выгодную для духовенства и церковников сторону. Духовенство и церковники, как известно и прежде не были обижены в отношении доходов. С переводом же на твёрдые оклады содержания их окладам мог бы позавидовать любой советский работник. Кроме того, эти оклады с течением времени не снижаются, а имеют тенденцию роста. Почти повсеместно в связи с применением в налогообложении церковников ст. 19 они повысили себе оклады, чем не только компенсировали, но во множестве случаев перекрыли увеличение сумм налога» [Там же, л. 53–54].

Далее инспектор приводит примеры повышения окладов церковным старостам, певцам и самому духовенству в областях обслуживаемой им зоны (Ярославская, Воронежская, Белгородская, Курская, Липецкая, Горьковская) за два года, с 1962 по 1964. Приводимые им цифры свидетельствуют о росте доходов духовенства и обслуживающего персонала (на фоне продолжавшегося закрытия церквей в ряде епархий) от 6,4 % (минимум – в Ярославской области) до 63 % (максимум – в Воронежской области) [Там же, л. 54].

Замечания старшего инспектора СДРПЦ А. Костылева завершаются утверждением, что «почти на 400 тыс. р. возросла сумма денежного содержания обслуживающего персонала (не считая духовенства и хористов) в целом по Советскому Союзу. Таким образом, у духовенства и церковников нет никаких оснований ни с политической, ни с экономической точек зрения для постановки вопроса об изменении порядка обложения их подоходным налогом. Что касается обложения подоходным налогом фактического расхода, связанного с переездом на новое место службы, то это вряд ли можно признать правильным» [Там же, л. 55].

Последнее предложение замечаний содержит в себе краткий ответ на второе про-

шение (рапорт) архиепископа Сергия Ярославского, поданное им Патриарху Алексию I 26 января 1965 года. Фактически документ имеет название «рапорт» и адресован Святейшему патриарху, но так же, как и первый, реальными адресатами полагает чиновников СДРПЦ.

В своём рапорте архиерей излагал Патриарху очередной конфликт с органами советского фиска, произошедший у него во время переезда с места прежнего служения – Новосибирска, на новое, в Ярославль. Указывая на то, что переезд его был не своевольным, а на основании патриарших определения и указа архиепископ просил Святейшего Патриарха «поручить компетентным лицам Патриархии войти с общим ходатайством перед Министерством финансов РСФСР об отмене таких тяжёлых условий, создаваемых на местах финансовыми органами» [Там же, л. 56 об.].

Архиерей обращал внимание высшего иерарха Церкви на то обстоятельство, что органы фиска облагали подоходным налогом по ст. 19 указа священнослужителей при их перемещениях и перевозке их вещей. Таким образом, священник или диакон, получив новое назначение, иногда административное, должен был перевозить свои вещи за свой счёт. «Финансовые органы считают, что всякое получение средств на переезд или расходование фактически необходимой суммы есть получение т. н. “подъёмных”, кои подлежат обложению. Можно ли считать справедливым такое суждение и трактовку “подъёмных” средств? <...> Прибыл я сюда

не по собственной воле, а выполняя Ваше определение и указ, ни копейки не взял себе, но лишь было оплачено в указанной сумме фактические расходы. Однако мне начальника госдоходов Перекопского р-на г. Ярославля, гр-ку Праведникову К. С., убедить не удалось, она мне сказала, что такой же точки зрения придерживаются и все вышестоящие работники органов Фиска области и города Ярославля. Случай со мной явился лишь прецедентом, но и мне известны случаи, когда местное духовенство уже не раз попадало в подобные ситуации и облагалось дополнительно. Да позволено будет спросить: справедливо ли это? Гуманно ли это? И конечно не современно и жестоко!» [Там же, л. 56–56 об.]. Ответ чиновника из СДРПЦ уже известен, было ли, однако, это мнение спущено вниз по линии Минфина, из дела не ясно.

Таким образом, в середине 60-х годов прошлого века налоговая политика государства в отношении клириков и церковных работников ужесточилась, что вызывало нарекания со стороны отдельных иерархов. Последние отмечали, что с переходом духовенства на окладную систему с фиксированной оплатой труда законно и логично было бы применять к клирикам те же ставки, что и в отношении других трудящихся. Тем более, что ставка в 81 % применялась к лицам свободных профессий, чьи доходы были аккордными. Известно, что указанные тарифы налогообложения клириков и церковных работников просуществовали практически без изменений до конца советского периода.

Источники и литература

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. Р-6991. – Оп. 7. – Д. 108.

УДК 271.2-1
ББК Э372.24

Павел Сергеевич Солоницын,
Самарский юридический институт,
Федеральной службы исполнения наказаний,
г. Самара, Россия

К вопросу об истории Самарской епархии

В статье анализируется история становления и развития Православия в Самарском крае с момента основания г. Самары в 1586 году до наших дней. Утверждается, что превращение Самары к середине XIX века в духовный центр обширного края под определяющим влиянием Русской Православной Церкви позволило образовать самостоятельную Самарскую епархию.

Доказывается, что наличие уникальных памятников религии, истории и культуры Самарской епархии оказывает благоприятное влияние на развитие религиозного туризма в наши дни.

Ключевые слова: Самарская епархия, Русская Православная Церковь, религия, храмы, соборы, церкви, монастыри, духовенство, архиереи, подвижники, мученики, святые

Pavel S. Solonitsyn,
Samara Institute of Law of the
Federal Penitentiary Service,
Samara, Russia

On the History of the Samara Diocese

The article analyzes the history of formation and development of Orthodoxy in Samara region since the founding of Samara as the city in 1586 to the present day. It is argued that the transformation of Samara into the spiritual center of a vast territory under the decisive influence of the Russian Orthodox Church to the mid-nineteenth century allowed to form an independent Samara eparchy. It is proved that the presence of unique monuments of religion, history and culture of the Samara eparchy has a beneficial effect on the development of religious tourism in our days.

Keywords: Samara eparchy, Russian Orthodox Church, religion, temples, cathedrals, churches, cloisters, clergy, bishops, ascetics, martyrs, saints

Первая церковь, получившая имя Пресвятой и Живоначальной Троицы, была построена вместе с основанием крепости Самара – в 1586 году. Деревянная, с приделом Николая Чудотворца, она на долгие годы стала главной соборной церковью города. В 1685 году в Самаре появилась первая каменная Преображенская церковь. Остатки Преображенской церкви были снесены в 1952 году при возведении моста через реку Самару. На известном рисунке Адама Олеария в Самарском городке прежде всего выделяются звонницы и купола церквей и монастырей. К. де Бруин также удивился количеству самарских монастырей и церковных зданий.

Самарские монастыри появились уже в конце XVI – начале XVII века. Первым – мужской Спасо-Преображенский, позднее с тем же названием – женский. Мужской монастырь вскоре был приписан к Патриаршему дому, монастырские власти смогли обзавестись вотчиной на Самарской Луке. Старицы женского монастыря жили на государево жалование и на подаяния прихожан. Монастыри служили приютом для немощных посадских и служилых людей. С такой целью создавались монастырские обители при многих новопостроенных крепостях, в том числе Сызрани и Кашпире.

В 1851 году императорскими указами были образованы Самарская губерния и территориально совпадавшая с ней Самарская епархия. Для этого были основания: к сере-

дине XIX века на территории края получила доминирующее влияние православная культура, в каждом селе, почти в каждой деревне были построены православные храмы, а в городах – по несколько церквей [4]. До Революции 1917 года церкви были своеобразными центрами образования и культуры на селе, принося укрепление истинных христианских традиций, даруя знания, помощь и поддержку в сложные периоды жизни всем жителям Самарского края. Храмы долгие годы были единственным архитектурным памятником в сёлах, символизируя собой идеи территориального и духовного единения сельчан.

К середине XIX века Самара постепенно превращалась не только в экономический, но и духовный центр обширного края под определяющим влиянием Русской Православной Церкви. Всё это дало повод правительству учредить в 1850 году Самарскую губернию с самостоятельной архиерейской кафедрой. Если за 265 предшествующих этому лет на территории Самарского края было открыто почти 500 церквей и 50 молитвенных домов и часовен, то всего за 66 последующих лет это количество удвоилось [6].

Вопросы образования, социальная защищённость духовенства, благотворительная деятельность осуществлялись посредством церковно-приходских, епархиальных и окружных попечительств и церковно-приходских советов, богаделен и приютов для их сирот [10, с. 92–101].

В канун 1917 года социально-церковная деятельность в Самарской епархии осуществлялась при поддержке государства и охватывала собой самые широкие сферы – образовательную; благотворительную (обеспечение и призрение нетрудоспособных, больных, раненых, сирот и престарелых); просветительско-миссионерскую; статистическо-демографическую (ведение метрик и исполнение некоторых нотариальных действий). Для достижения этих целей имелась стройная система духовного образования по подготовке соответствующих кадров, существовала и укреплялась материальная база [12, с. 127–129].

К началу XX века в Самарской губернии действовало более 1000 церквей (в том числе 13 соборных), 17 мужских и женских монастырей с количеством монашествующих и проходящих послушание более чем 3000 человек. В церквях губернии служило 56 протоиереев, 1155 священников, 465 диаконов, 800 псаломщиков. Почти при каждой церкви была своя библиотека, а при некоторых и церковно-приходская школа. При этом лиц православного вероисповедания мужского и женского пола в губернии насчитывалось почти 2,5 млн чел.

За 20 послереволюционных лет Русская Православная Церковь в Самарской губернии была поставлена на грань уничтожения: были закрыты почти все храмы, все монастыри, духовенство уничтожено либо репрессировано, а его оставшаяся часть была вынуждена бродяжничать, просить милостыню, заниматься нелегальным совершением треб и различными подработками, подчас унижительными. Сама Церковь оказалась разделена, в нашей епархии наиболее тяжёлые последствия для религиозной жизни причинил обновленческий раскол, поддержанный властью. Сами верующие подвергались насмешкам, унижениям, издевательствам, в советской России они неофициально считались людьми второго сорта, в силу своей «ограниченности» не желающими отречься от религиозных взглядов. К 1938 году Куйбышевская епархия осталась без правящего архиерея и духовенства, арестованных в конце 1937 года, большинство церквей было закрыто в предыдущие годы, а в тех, что остались, некому было служить. В этот период процесс закрытия православных храмов под различными предлогами привёл к тому, что из более чем 1000 церквей, действовавших в Самарской губернии до революции, к 1938 году продолжали действовать 2 [13, с. 133–135].

Только Великая Отечественная война смогла «легализовать» Церковь [15]. Впервые за долгие годы начали открываться храмы, священнослужители вернулись к исполнению своих пастырских обязанностей, восстановилось церковное управление как в центре, так и на местах [16]. При том, что Церковь признавалась отныне вполне легальным институтом советского общества, над ней по-прежнему осуществлялся строгий контроль всех сторон жизнедеятельности, за исключением чисто богослужебных, литургических вопросов. Но эти меры позволили Церкви сохранить себя для последующего возрождения уже в наше время [3, с. 67–74].

В годы Великой Отечественной войны в Куйбышевской епархии, как и во всей стране, началась активная патриотическая деятельность духовенства и верующих [17, с. 14–21]. Всего за годы Великой Отечественной войны верующие Куйбышевской области собрали свыше 12 млн р. на нужды фронта [7; 18]. Моральная и материальная помощь воинам и труженикам тыла, детям-сиротам и инвалидам войны; воспитание мужества, самопожертвования и веры в победу у верующих, участвовавших в боевых операциях и трудившихся в тылу; уход за больными и ранеными; утешение людей и помощь им в преодолении страданий от потерь войны; консолидация верующих, направленная на достижение единства тыла, – вот далеко не полный перечень патриотических мероприятий, проводившихся духовенством и мирянами Куйбышевской епархии за четыре военных года [12]. Государство изменило отношение к Русской Православной Церкви как в центре, так и на местах [14, с. 17–19]. Новая политика имела своим следствием то, что в епархии до конца войны открылось 5 ранее закрытых храмов, а из тюрем, лагерей, ссылок начали возвращаться уцелевшие священнослужители.

В послевоенные годы продолжался процесс укрепления позиций Русской Православной Церкви в Куйбышевской области. За 1945–1947 годы было открыто 12 церквей, заметно увеличилось их посещение [2, с. 95–100]. Это дало возможность Церкви пережить хрущёвские гонения и найти импульс для своего возрождения в конце 80-х годов XX века.

Хрущёвские гонения на Церковь явились новым испытанием для духовенства и верующих. В эти трудные времена правящие архиереи Куйбышевской епархии дела-

ли всё, чтобы последствия антирелигиозной пропаганды как можно менее болезненно ударили по Церкви и верующим. Была усилена проповедническая деятельность духовенства, проводилась работа среди верующих, духовенства. В результате хрущёвских гонений, когда некоторые епархии были лишены правящих архиереев, а нередко переставали существовать как самостоятельные единицы, церкви закрывались, в Куйбышевской епархии была закрыта только 1 церковь.

Торжества по случаю 1000-летия Крещения Руси дали мощный импульс православному возрождению, продолжающемуся и в наши дни. В 1987 году впервые за 40 лет в епархии началась регистрация новых приходов, к руководству приходами пришли молодые, образованные настоятели.

С приходом к власти в 1991 году нового политического руководства – как в России, так и в Самарской области – отношение власти к Церкви коренным образом изменилось. Власть стала оказывать помощь Церкви в восстановлении ранее разрушенных храмов, строительстве новых церквей, возвращении церковной собственности.

15 марта 2012 года из состава епархии были выделены Отраденская и Похвистневская епархия, которой поручено управлять епископу Никифору (Хотееву), а также Кинельская и Безенчукская, во главе с епископом Софронием (Баландиным). Одновременно все три епархии Самарской митрополии находятся в зоне ответственности правящего митрополита Сергия. Решением Священного Синода было выпущено положение о митрополиях. На основании этого документа был создан Самарский митрополичий округ.

На сегодняшний день Самарская епархия объединяет 23 благочиния, в которые входят более 350 приходов (200 храмов, 113 молитвенных домов, 32 часовни) и 7 монастырей, в которых совершают служение более 400 священников и 50 диаконов. В епархии строятся 78 храмов и 38 восстанавливаются, действуют 7 монастырей, Духовная семинария.

В епархии выходят православные печатные издания – как самостоятельные, так и вкладышами в светские издания, 11 православных программ на телевидении и 10 – на радио.

В епархии имеется свой журнал – «Духовный собеседник», другие издания, церковно-исторический музей, сеть духовно-просветительских центров, воскресные школы, организованы межвузовские кафедры

православной педагогики и теологии, православная классическая гимназия и Православный институт в г. Тольятти. В школьную программу вводятся курсы «Основы православной культуры», «Основы религиоведения», «История религий». На базе СИПКРО и Самарской духовной семинарии ведётся подготовка учителей курса по «Основам православной культуры». Епархией совместно с Минобрнауки Самарской области проводятся научные конференции, семинары, круглые столы, конкурсы как в Самаре, так и в городах и районах области. Благодаря взаимодействию Правительства Самарской области и Самарской епархии на территории области не только активно восстанавливаются культовые здания, но и образуется сеть социально ориентированных приходов, приоритетной задачей которых во внебюджетной деятельности является внешкольная работа с подрастающим поколением.

В Самарской области сосредоточены уникальные памятники религии, истории и культуры, что благоприятно сказывается на развитии религиозного туризма [1, с. 47–51]. У населения растёт потребность в духовных ценностях, усиливается интерес к памятникам религиозной культуры. Религия, всё глубже проникая в общественные отношения, открывает новые горизонты для туристских обменов.

Религиозный внутренний туризм вполне перспективен для регионов, в том числе и для Самарской области [8, с. 280–286]. Этой деятельности способствует наличие привлекательных для туристов религиозных объектов, туристских фирм и паломнических служб, занимающихся организацией религиозных маршрутов по территории области, а также наличие постоянного спроса.

Религиозный туризм помогает людям прикоснуться к традициям, восстановить связь времён [5, с. 282–283]. Сейчас создаётся уникальная ситуация для ряда российских регионов, включая и Самарскую область, по использованию своих богатых культурных ресурсов [10, с. 92–101]. Восстановить и возродить прежнюю традиционную культуру невозможно. Но действительность показывает, что лучшим способом удержания достижений прошлого является аккумуляция и превращение их в социальные ценности с целью создания принципиально новой культуры, сохраняющей через институты культуры внешнее подобие (фрактальность) своим прототипам [9, с. 124–126].

Источники и литература

1. **Ермишин С. П., Якунин В. Н.** Проблема повышения роли туризма в развитии Самарской области и г. Тольятти // Вестник Национальной академии туризма. – 2008. – № 2. – С. 47–51.
2. **Чирков М. С.** Православие и власть в Среднем Поволжье (середина 1940-х – начало 1980-х годов) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. – 2015. – С. 288–291.
3. **Якунин В.** Изменение государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны // Власть. – 2002. – № 12. – С. 67–74.
4. **Якунин В. Н.** Город Святого креста (церковная история города Ставрополя – Тольятти). – Тольятти: Изд-во ТГУС, 2007. – 285 с.
5. **Якунин В. Н.** Значение религиозного туризма для популяризации историко-культурного наследия // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2013. – № 1. – С. 282–283.
6. **Якунин В. Н.** История Самарской епархии. – Тольятти: Изд.-полиграф. центр Поволж. гос. ун-та сервиса, 2011. – 625 с.
7. **Якунин В. Н.** Патриотическая деятельность Русской Православной Церкви и изменение государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Самара, 1998.
8. **Якунин В. Н.** Развитие религиозного туризма как составляющей части историко-культурного наследия на современном этапе // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2011. – Т. 4, № 2. – С. 280–286.
9. **Якунин В. Н.** Современное состояние, проблемы и перспективы развития религиозного туризма в Российской Федерации // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2014. – № 1. – С. 124–126.
10. **Якунин В. Н.** Церковная жизнь и православная культура в Самарском крае в XVI–XX вв. // Балтийский гуманитарный журнал. – 2015. – № 1. – С. 92–101.
11. **Якунин В. Н.** Правовой статус, положение, деятельность, внешние связи Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Самара: Самар. гос. ун-т, 2002. – 444 с.
12. **Якунин В. Н.** Хозяйственная культура Самарской епархии: формирование доходов духовенства в 1850-е – 1950-е гг. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2011. – № 4. – С. 127–129.
13. **Якунин В. Н.** История Самарской епархии в 1851–2011 гг. // Наука и культура России: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. – 2011. – С. 133–135.
14. **Якунин В. Н.** Правовое положение Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // История государства и права. – 2003. – № 1. – С. 17–19.
15. **Якунин В. Н.** За веру и Отечество. – Самара: Духовный собеседник, 1995. – 174 с.
16. **Якунин В. Н.** Вклад Русской Православной Церкви в победу над фашизмом и изменение государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Тольятти: Современник, 2002. – 319 с.
17. **Якунин В. Н.** Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны // Московский журнал. История государства Российского. – 1995. – № 1. – С. 14–21.
18. **Якунин В. Н.** Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: учеб. пособие по курсу «Отечественная история». – Тольятти: Тольятт. гос. акад. сервиса, 2004.

УДК 37:94(517.3)

ББК Ч400.005.22:ТЗ(2)614-68

Игорь Вячеславович Сеченов,
поисковый отряд «Восточный рубеж»,
г. Иркутск, Россия

Военно-мемориальная работа поискового отряда «Восточный рубеж» в Монголии (данные о работе за 2010–2015 гг.)

Статья посвящена результатам мемориально-поисковой работы в Монголии иркутского поискового отряда «Восточный рубеж» и его партнёров. В исследовании нашли отражение только те виды деятельности, которые имеют видимый, осязаемый результат. Далеко не все формы работы с молодёжью, применявшиеся во время экспедиций в аймак Дорнод, представлены в нашей работе. Патриотическое и интернациональное воспитание молодёжи, как мощную составляющую экспедиционной работы, мы оставляем за рамками данного исследования. Главной темой статьи является тема подъёма и захоронения останков советских воинов, увековечения их памяти.

Ключевые слова: поисковый отряд «Восточный рубеж», Халхин-Гол, Монголия, мемориально-поисковая экспедиция

Igor V. Sechenov,
Search group “East line”,
Irkutsk, Russia

War Memorials Earch Group “Eastern line” in Mongolia (data for 2010–2015)

The following article describes the memorial-search operation in Mongolia in Irkutsk search group “East line” and its partners. The study included only those activities that have a visible, tangible result. Not all forms of youth work used during expeditions in the aimag of Dornod, are presented in this work. Patriotic and international education of youth, as a powerful component of the expedition, we leave outside the scope of this study. The main theme of the article is the theme of recovery and burial of the remains of the Soviet soldiers, to perpetuate their memory.

Keywords: Search group “East line”, Khalkhin Gol, Mongolia, memorial expedition

Можно много и неустанно говорить о любви к Родине, декларировать свою сопричастность к святому делу сохранения светлой памяти о её защитниках. Однако искренность таких слов всегда будет подвергаться сомнению, если за ними не следуют реальные дела с реальными, осязаемыми результатами.

И. В. Сеченов

Поисковый отряд «Восточный рубеж» был сформирован 9 октября 2009 года на базе Иркутского авиационного техникума. В первый состав отряда вошло 12 студентов 1-го и 2-го курсов. Пятеро наиболее подготовленных и целеустремлённых приняли участие в первой экспедиции отряда «Халхин-Гол – 2010» в июле–августе 2010 года.

Работа отряда начиналась с нуля, но строилась на прочном фундаменте. Решение о создании отряда не было спонтанным.

Создателем и бессменным руководителем отряда «Восточный рубеж» является Игорь Вячеславович Сеченов. К моменту создания в арсенале было две архивных экспедиции в Москву (2007 и 2008 гг.), в Российский государственный военный архив и три разведывательных поисковых экспедиции на Халхин-Гол (2008, 2009 гг.). Две первые поездки в Монголию в составе делегации Республики Бурятия носили ознакомительный характер, дали общее представление об условиях ра-

боты на востоке Монголии и тех трудностях, с которыми предстоит столкнуться при планировании, организации и проведении поисковой экспедиции. А вот третья экспедиция, организованная в августе 2009 года экспертом по авиации РККА в Монголии в 1932–1940 годы Юрием Михайловичем Свойским совместно с внуком генерал-полковника Равдана Р. Баяром, оказалась очень продуктивной и имела большое практическое значение.

Небольшая по численности международная группа произвела серьёзную поисковую разведку в различных районах аймака Дорнод, непосредственно связанных с событиями 1939 года. Осуществлялся поиск и обследование мест дислокаций полевых аэродромов, прифронтовых госпиталей и госпитальных кладбищ, разбросанных по необъятной монгольской степи остовов сбитых самолётов, останков советских солдат на высотах Ремизова. Благодаря участию в этой работе Равдангийн Баяра, удалось заручиться поддержкой Министерства обороны, Главного управления пограничной охраны и Управления по чрезвычайным ситуациям Монголии, а также привлечь к работе сотрудников музеев и местных жителей. Все партнёры оказали неоценимую помощь в поисковом деле.

Результатом работы малочисленной, но мобильной и профессиональной поисковой группы (всего 6 человек) стало обследование мест падения 10 сбитых самолётов (6 советских и 4 японских), обследование обломков истребителя И-15бис и останков советского лётчика. На высотах Ремизова были обнаружены останки 11–13 красноармейцев в поверхностном залегании. От местных жителей была получена информация о самолёте в озере Буйр. Были осознаны масштабы проблемы и возможные результаты поисковых работ на Халхин-Голе. Весомую помощь в поиске нам оказали монгольские пограничники 24-го Сумбэрского и 27-го Мэнэнского погранотрядов. На основе результатов экспедиции 2009 года планировалась первая международная мемориально-поисковая экспедиция «Халхин-Гол – 2010».

Первая международная мемориально-поисковая экспедиция «Халхин-Гол – 2010» была реализована 18 июля – 8 августа. В экспедиции принял участие сводный поисковый отряд Иркутской области в составе 20 чел., под руководством И. В. Сеченова. Монгольскую сторону представляли: руково-

дитель негосударственной организации «Эх орны дайчид» Р. Баяр, 5 военнослужащих в/ч 327 и пять сотрудников МЧС Монголии.

Международной поисковой группой проделана работа:

1. Совместно с сапёрами в/ч 327 сабраны по окопам и с воинскими почестями преданы земле останки 16 советских воинов (15 бойцов и 1 командир). Личности не установлены. Захоронение произведено на мемориальном кладбище в районе сомона Халх-Гол 27 июля в 17.30. Местная в/ч ПВО Монголии выставила отделение почётного караула.

2. Проводились поиски самолёта в озере Буйр. По объективным причинам поиски результатов не принесли.

3. Подняты и перезахоронены с надлежащими воинскими почестями останки пилота истребителя И-15бис на мемориале советских лётчиков в г. Чойбалсан. По обломкам самолёта, содержащим бортовой номер 3934, лётчик идентифицирован. Это помощник командира 3-й эскадрильи 70-го ИАП капитан Виталий Иванович Юрецкий, сбитый в воздушном бою 22 июня 1939 года. Церемония захоронения останков пилота состоялась в г. Чойбалсан 2 августа 2010 года, в/ч 327 выставила взвод почётного караула (30 чел.).

4. Приняли участие в уничтожении сабранных на полях боёв боеприпасов. Подорыв производили 26 июля в 18.00 сапёры в/ч 327.

5. На озере Буйр проведены совместные учения российской и монгольской водолазных групп с привлечением к погружению российских школьников и студентов.

6. Записан 9-часовой видеоматериал, смонтирован фильм «Экспедиция «Халхин-Гол – 2010», автор – участник экспедиции Олег Бережных.

Эксгумационными работами на месте руководил В. А. Щелин, командир поискового отряда «Память», г. Черемхово Иркутской области.

Всего за время экспедиции были подняты и торжественно, с воинскими почестями, захоронены останки 17 советских воинов.

Ввиду безуспешности поиска самолёта в озере Буйр было принято решение организовать экспедицию по поиску самолёта в зимний период и вести поиск с использованием специального оборудования со льда озера.

Экспедиция состоялась 21 марта – 4 апреля 2011 года. От российской стороны

в проекте участвовало 7 человек, руководитель экспедиции – И. В. Сеченов. От монгольской стороны в экспедиции участвовали Р. Баяр и 6 сотрудников МЧС аймака Дорнод, из них 2 водолаза. Большую помощь в проведении этой экспедиции оказали отделы МЧС аймаков Хентий и Дорнод, а также пограничники 27-го Мэнэнского погранотряда.

В ходе экспедиции проделана следующая работа:

1. Обследован полевой аэродром и памятник советским лётчикам в г. Ундурхан.

2. Осуществлялся поиск самолёта в озере Буйр. Безрезультатно.

3. Обследованы обломки истребителя И-15бис в степи. По заводским номерам 4398 установлена личность лётчика мл. лейтенанта Николая Акимовича Соловьева, сбитого в воздушном бою 22 июня 1939 года. Определены точные координаты места гибели и захоронения лётчика для установления обелиска.

4. Обследована территория 456-го мотострелкового полка 2-й гвардейской танковой дивизии Советской армии, дислоцировавшегося в г. Чойбалсан в 1970–1980-е годы прошлого века. По информации, полученной от местных жителей, во второй половине 80-х годов на территории полка захоронили останки советских танкистов.

5. Собрана информация о 4 самолётах, сбитых в воздушных боях 1939 года.

6. В ходе экспедиции отснят материал для документального 2-серийного фильма «Мы вас никогда не забудем», автор – участник экспедиции Дмитрий Слободчиков, вышел в эфир 8 и 9 мая 2011 года.

Несмотря на то, что основная задача экспедиции не была выполнена, самолёт в озере так и не найден, её результаты учитывались при планировании задач для последующих экспедиций.

В августе 2011 года состоялась очередная международная мемориально-поисковая экспедиция «Халхин-Гол – 2011». В экспедиции приняли участие 8 бойцов поискового отряда «Восточный рубеж» из г. Иркутска и 2 бойца поискового отряда «Искатель» им. Засухина из г. Усолье-Сибирское, а также два ветерана пограничных войск СССР, представители общественной организации ИООО «Комитет пограничников» Иркутской области. Принимающей организацией от монгольской стороны выступила «Эх орны дайчид», руководитель – Р. Баяр.

Одна из главных задач экспедиции – установление памятника советским по-

граничникам, погибшим во время боевых действий на Халхин-Голе, на котором увековечены имена всех 30 военнослужащих одной воинской части.

Монтажными работами по установлению памятника руководил председатель ИООО «Комитет пограничников» М. В. Самохвалов. Эксгумационными работами на высотах Ремизова руководил опытный поисковик из отряда «Искатель» им. Засухина А. Акулов.

Всего за время поисковых работ были подняты останки 10 советских воинов, две фамилии, вырезанные на подсумках под патроны, удалось прочесть – О. С. Силин и Черных. Идентификацию солдат осуществил А. Акулов. Поднятые останки были временно прихоронены на мемориальном кладбище советских воинов на г. Хамар Дабан. Церемония захоронения была запланирована на 2012 год.

4 августа 2011 года состоялась торжественная церемония открытия памятника советским пограничникам. Командование 24-го Сумбэрского погранотряда выделило отделение почётного караула.

Примером плодотворного сотрудничества поисковых организаций с государственными структурами России стало установление Посольством России в Монголии памятников капитану В. И. Юрецкому в г. Чойбалсане и 16 советским воинам на братской могиле на горе Хамар Дабан. В 2011 году в аймаке Дорнод появилось сразу три новых памятника советским воинам, погибшим в 1939 году, два из них – именные.

Кроме того, в ходе мемориально-поисковой экспедиции «Халхин-Гол – 2011» была проделана следующая работа:

1. Обследован аэродром и памятник советским лётчикам в г. Ундурхан.

2. Обследованы памятник советским лётчикам и обломки самолётов на базовом полевом аэродроме ВВС РККА в районе сомона Баян-Обо.

3. Обследована структура укрепрайона обороны базового аэродрома в районе сомона Баян-Обо.

4. Обследованы обломки 2 самолётов на полевом аэродроме в районе озера Буйр.

Результаты экспедиции учитывались при планировании мемориально-поисковых работ в Монголии на 2012 и последующие годы.

С 26 по 30 мая 2012 года в составе делегации г. Иркутска (всего 7 человек) поисковый отряд «Восточный рубеж» и пред-

ставители ИООО «Комитет пограничников» приняли участие в мемориально-поисковых мероприятиях в Монголии. Возглавил иркутскую делегацию командир поискового отряда «Восточный рубеж» И. В. Сеченов. Организовали торжественные мероприятия монгольские пограничники по инициативе командующего Пограничной охраны Монголии генерал-майора Ц. Сэргэлэна.

В ходе краткосрочной поездки в аймак Дорнод (Восточный) сделано:

1. Совместно с монгольскими и российскими пограничниками, представленными заместителями начальников Пограничного Управления ФСБ России по Забайкальскому краю и Пограничного Управления ФСБ России по Республике Бурятия и представителем ФСБ России при Посольстве РФ в Монголии, приняли участие в праздновании первого в истории Пограничной охраны Монголии Дня российского пограничника.

2. 28 мая 2012 года состоялась торжественная церемония захоронения останков 10 советских воинов, поднятых летом 2011 года поисковой группой сводного поискового отряда Иркутской области. В ней приняли участие пограничники 24-го пограничного отряда, представители полиции, армии, местных властей. Церемония прошла со всеми полагающимися духовными и воинскими почестями.

3. Участником экспедиции, оператором ИГТРК Дмитрием Грабовским снят материал и смонтирован фильм «О чём молчит степь».

При содействии командования Пограничной охраны Монголии в период с 7 по 27 сентября 2012 года состоялась международная поисковая экспедиция «Халхин-Гол – 2012». В экспедиции приняли участие 10 граждан России, в том числе 6 бойцов поискового отряда «Восточный рубеж». Принимающей организацией от монгольской стороны выступила «Эх орны дайчид», руководитель – Р. Баяр.

Результаты поисковых работ:

1. Был тщательно обследован полевой аэродром в районе оз. Буйр. Собрано большое количество авиационных деталей, а именно, фрагментов фюзеляжей бомбардировщика СБ и истребителя И-16. Найдены детали истребителя И-16 с заводским номером 1021648, установлено имя лётчика. Лётчик ст. лейтенант П. И. Афанасьев (56-й ИАП) сбит в воздушном бою 25.07.1939 года, лётчик погиб.

2. 15–18 сентября проводились поисковые работы – подъём останков солдат в районе высот Ремизова. Всего подняты останки 24 человек, в том числе 23 советских воина и 1 японский солдат. Руководил эксгумационными работами И. В. Сеченов.

17–19 сентября командир отряда «Восточный рубеж» И. В. Сеченов и руководитель Негосударственной организации Монголии «Эх орны дайчид» Р. Баяр осуществили поездку в гористую местность (р-н Нумруг). Были обследованы обломки двухмоторного самолёта, разбросанные по склону горы. Изучение обломков показало, что это японский двухмоторный самолёт-разведчик Ki-46 упал на монгольской территории не ранее 1943 года.

Останки 23 советских воинов были временно прихоронены на воинском кладбище на горе Хамар Дабан. 20 сентября бойцы отряда «Восточный рубеж» приняли участие в праздничных мероприятиях по случаю 75-летнего юбилея 24-го Сумбэрского пограничного отряда.

Экспедицию «Халхин-Гол – 2012» можно считать самой результативной экспедицией поискового отряда «Восточный рубеж». Причём это была первая экспедиция, проведённая небольшой по численности поисковой группой и исключительно собственными силами. Поисковые экспедиции «Халхин-Гол – 2010» и «Халхин-Гол – 2011» реализовывались сводными поисковыми отрядами Иркутской области.

18 июля 2013 года Главному управлению пограничной охраны Монголии по случаю 80-летия образования пограничной охраны Монголии передана в дар выставка «Отдельный пограничный батальон» на монгольском языке. Автор выставки – И. В. Сеченов, перевод текстов на монгольский язык осуществил Р. Баяр.

9–26 сентября 2013 года состоялась международная мемориально-поисковая экспедиция «Халхин-Гол – 2013».

От российской стороны в экспедиции приняли участие: представитель Иркутской области в Монголии Е. И. Лиштованный, эксперт войны на Халхин-Голе Ю. М. Свойский, бойцы поискового отряда «Восточный рубеж» под руководством И. В. Сеченова, всего 7 человек. От монгольской стороны – 5 чел. под руководством Р. Баяра.

Задачи экспедиции:

1. Участие в международной научно-практической конференции по истории войны на Халхин-Голе (1939 г.).

2. Подъём останков советских воинов, погибших в ходе боевых действий 1939 года.

3. Проведение торжественной церемонии захоронения останков 23 советских воинов, поднятых бойцами поискового отряда «Восточный рубеж» в ходе поисковых работ в 2012 году и останков 3 красноармейцев, поднятых бойцами поискового отряда «Рысь» Республики Бурятия в 2013 году.

Результаты работы:

1. В ходе полевых работ бойцами поискового отряда «Восточный рубеж» были обнаружены и подняты останки красноармейца. Кроме того, был найден череп японского военнослужащего, предположительно офицера, в районе командного пункта японской обороны. Череп передан представителям японской делегации.

2. 19 сентября состоялась торжественная церемония захоронения останков 27 советских воинов на воинском мемориале в районе горы Хамар Дабан. Были оказаны все полагающиеся воинские почести.

3. Собрана информация о наличии обломков советских самолётов в разных секторах боевых действий 1939 года. Она была учтена при планировании международной поисковой экспедиции «Халхин-Гол – 2014».

Юбилейная международная мемориально-поисковая экспедиция «Халхин-Гол – 2014» состоялась 11–29 августа 2014 года. В экспедиции приняли участие 26 чел., в том числе 23 гражданина России и 3 гражданина Монголии. Для реализации проекта на базе поискового отряда «Восточный рубеж» был сформирован сводный поисковый отряд Сибирского федерального округа из поисковиков г. Иркутска и г. Дивногорска Красноярского края. Принимающей организацией от монгольской стороны выступила «Эх орны дайчид», руководитель – Р. Баяр.

Результаты экспедиции:

12 августа в Посольстве России в Монголии состоялась презентация книг «Отдельный пограничный батальон в боях на Халхин-Голе, 1939 год» (2014, автор – И. В. Сеченов) и «Военнопленные «Халхин-Гола»» (2014, автор – Ю. М. Свойский).

15 августа провели эксгумацию останков советских танкистов на территории 456-го мотострелкового полка, похороненные в гильзе от артиллерийского снаряда в июне 1987 года. Подготовили к установлению памятные знаки советским лётчикам, погибшим во время воздушных боёв на Халхин-Голе (капитан Юрецкий, ст. лейтенант Стародубцев, мл. лейтенант Соловьев).

17 августа в районе озера Буйр был установлен памятный знак на месте гибели капитана В. И. Юрецкого. Работа производилась совместно с представителем инициативной группы «Прерванный полёт» В. В. Рыбьяковым (г. Москва). Обелиск был изготовлен студентами Иркутского авиационного техникума, бойцами ПО «Восточный рубеж» А. Попляновым и Е. Николаевым под руководством преподавателя Иркутского авиационного техникума О. В. Иноземцева. Дизайн мемориальной доски выполнен А. Е. Елисеевым, участником проекта «Прерванный полёт».

21 августа на высоте Ремизова были подняты останки красноармейца. Руководил эксгумационными работами С. Харламов. По найденному при останках котелку с выцарапанной фамилией боец идентифицирован как Голышев.

22 августа было обследовано место падения советского истребителя. Найдены обломки самолёта И-15бис с заводским номером 5285. Самолёт 70-го ИАП был сбит в воздушном бою 27 июня 1939 года, лётчик – лейтенант Савин – погиб, подобран и похоронен наземными войсками на месте падения самолёта.

23 августа на высоте Зелёная подняли останки 2 чел.

25 августа на городском кладбище, именуемом местными жителями «Мемориалом Кукушкина» в г. Чойбалсан были временно прихоронены останки 3 красноармейцев.

26 августа состоялась церемония перезахоронения останков танкистов на мемориале Кукушкина.

Большинство задач экспедиции «Халхин-Гол – 2014» было выполнено. К 75-летию победы на Халхин-Голе Посольство России в Монголии установило памятник 37 советским воинам на двух братских могилах, захоронения 2012 и 2013 годов.

В 2015 году поисковый отряд «Восточный рубеж» реализовал две экспедиции в Монголию.

30 апреля – 11 мая в составе сводного поискового отряда СФО осуществлена мемориальная экспедиция в Монголию. «Восточный рубеж» представляли 6 человек, руководитель экспедиции – И. В. Сеченов. В ходе экспедиции на воинском кладбище в Чойбалсане захоронены останки трёх красноармейцев, поднятые во время экспедиции «Халхин-Гол – 2014», установлен памятник. Церемония захоронения состоялась 4 мая

2015 года. Памятник изготовлен и доставлен в Монголию партнёрами из г. Читы под руководством А. И. Лыцуся, установлен 4 мая 2015 года.

6 мая 2015 года в Посольстве России в Монголии состоялась презентация передвижной фотовыставки «Солдаты Халхин-Гола – герои Великой Отечественной войны».

21 июля – 10 августа 2015 года в составе сводного поискового отряда Российской Федерации поисковый отряд «Восточный рубеж» принял участие в международной поисковой экспедиции «Халхин-Гол – 2015». В экспедиции приняли участие поисковики из Забайкальского края, руководитель – А. И. Лыцусь, из Великого Новгорода – Ю. Ю. Кун и А. В. Хитущенко – из Санкт-Петербурга. Руководитель экспедиции – И. В. Сеченов.

В ходе экспедиции были подняты и временно прихоронены на Кладбище воинов РККА на горе Хамар Дабан останки 17 советских воинов, в том числе одного командира и одного политрука. Была обнаружена и вскрыта позиция японской обороны, на которой подняты останки 15 японских военнослужащих, в том числе 6 человек с именными печатями и 6 человек с солдатскими жетонами. Эксгумационными работами руководил А. В. Хитущенко. Посольство России в Монголии, а также Посольство Японии в Монголии были проинформированы. Останки японских воинов собраны в мешки и прикопаны на месте обнаружения. Данная экспедиция оказалась самой результативной по общему количеству найденных солдат обеих воюющих сторон. Всего были обнаружены останки 32 воинов.

В 2016 году деятельность поискового отряда «Восточный рубеж» была приостановлена в связи с полным отсутствием финансирования. В июне 2016 года поисковая команда Российской Федерации под руководством Ю. М. Свойского, основываясь на результатах полевых работ прошлых лет, проводила поисковые и исследовательские работы на Халхин-Голе. В результате были обнаружены и подняты останки 6 советских воинов. Руководил эксгумационными работами А. В. Хитущенко. Останки временно прихоронены на Кладбище воинов РККА на горе Хамар Дабан. Группой Ю. М. Свойского обнаружены три утраченных воинских захоронения советских воинов в районе боевых действий. Российская поисковая группа работала автономно при тесном взаимодей-

ствии с монгольскими пограничниками. Ею был установлен памятный знак (obelisk) на месте гибели мл. лейтенанта Н. А. Соловьева, изготовленный бойцами отряда «Восточный рубеж» А. Попляновым и Е. Николаевым и доставленный в Монголию в 2014 году. Дизайн мемориальной доски выполнен А. Е. Елисеевым, участником проекта «Прерванный полёт», г. Москва.

Всего за период с 2010 по 2015 годы поисковым отрядом «Восточный рубеж» было организовано 8 поисковых экспедиций в аймак Дорнод (Восточный), результатами которых стали:

1. Подъём и захоронение останков 53 советских воинов на Кладбище воинов РККА на горе Хамар Дабан, сомона Халх-Гол. Акты захоронения составлены.

2. Подъём и захоронение останков 4 советских воинов на воинских мемориалах в г. Чойбалсане (трое на Мемориале Кукушкина, один на Мемориале советских лётчиков). Акты захоронения составлены.

3. Эксгумация и перезахоронение останков советских танкистов в г. Чойбалсан. Акт эксгумации и перезахоронения составлен.

4. Подъём и временное захоронение останков 17 советских воинов на Кладбище воинов РККА на горе Хамар Дабан, сомона Халх-Гол.

5. Появление в аймаке Дорнод 7 новых памятников и обелисков. Три из них установлены Посольством России в Монголии, четыре других установлены участниками экспедиций. Ещё один обелиск предназначен для установления на месте гибели у захоронения лётчика-истребителя мл. лейтенанта А. Г. Стародубцева. Памятный знак изготовлен и доставлен в Монголию в 2014 году, но по объективным причинам установлен не был.

6. Обретение большого практического опыта по организации поиска в Монголии.

7. Формирование большого массива информации для организации эффективной поисковой работы. Речь идёт как о внушительной базе архивных документов, так и об информации, собранной методом опроса местного населения.

8. Составление «Программы мемориально-поисковых работ на Халхин-Голе в 2017–2019 годах», выполнение которой может поставить точку в вопросе потерь и захоронений советских воинов в Монголии в 1936–1940 годы.

Стоит признать, что поисковые работы на местах боевых действий велись бессистемно, но с учётом опыта и наработок предыдущих лет. Ярким примером этому может служить история подъёма, идентификации, захоронения и увековечения имени лётчика-истребителя В. И. Юрецкого. В 2009 году его останки были обнаружены и подняты. В 2010 году идентифицированы и захоронены. В 2011 году Посольство России в Монголии установило памятник на его могиле. В 2014 году был установлен памятный знак (обелиск) на месте гибели лётчика. И только в 2016 году из личного дела капитана В. И. Юрецкого мы узнали, что родился Виталий Иванович в 1907 году в г. Иркутске. Не менее наглядной является история эксгумации и перезахоронения останков советских танкистов в г. Чойбалсан. Три года потребовалось для документального подтверждения факта захоронения танкистов в 1987 году, чтобы принять решение о проведении эксгумации. Решение принималось с учётом того, что территория, на которой находится захоронение, передана в частное владение и готовится снос разрушенного постаментов советского танка БТ-7, в основании которого оно и находится. Тем не менее, задача была выполнена.

Большую организационную помощь в этой работе нам оказали Посольство России в Монголии и Федеральная пограничная служба в лице Пограничного управления ФСБ России по Республике Бурятия. Без полноценного содействия этих государственных органов её результаты были бы гораздо скромнее. Безусловно, залогом успеха проекта «Халхин-Гол» служит всемерная поддержка и неоценимая помощь местного населения аймаков Хентий, Дорнод и сомона Халх-Гол, местных и аймачных органов власти, помощь Министерства обороны Монголии, Главного управления пограничной охраны Монголии и Управления по чрезвычайным ситуациям. Отдельно стоит отметить слаженную работу в проекте «Халхин-Гол» поискового сообщества России. Всё, что было сделано за эти годы – результат большой совместной работы в рамках междуна-

родного сотрудничества Монголии и России. 23 февраля 2017 года поисковый отряд «Восточный рубеж» прекратил свою деятельность и был распущен. Механизм реализации «Программы мемориально-поисковых работ на Халхин-Голе в 2017–2019 годах» предполагает более широкое участие в проекте регионов и серьёзное материально-финансовое обеспечение проекта на уровне Российской Федерации. Для получения желаемого результата необходима системная, плановая работа.

Список личного состава поискового отряда «Восточный рубеж», участников поисковых экспедиций на Халхин-Гол в 2009–2015 годы:

1. Сеченов Святослав (2009, 2010).
2. Харламов Тимофей (2010, 2011, 2012, 2014, 2015).
3. Харламов Степан (2010, 2011, 2014).
4. Воробчук Александр (2010, 2011, 2012).
5. Кутасин Иван (2010, 2011, 2013).
6. Приходько Андрей (2010, 2011, 2013).
7. Шульга Александра (2011).
8. Гришакова Анна (2011).
9. Корнилов Юрий (2012, 2013, 2014, 2015).
10. Абуздин Иван (2012, 2013).
11. Григорьев Иван (2012, 2013).
12. Иващенин Полина (2012).
13. Сеченов Родион (2014, 2015 дважды).
14. Старцев Иван (2014, 2015 дважды).
15. Климов Никита (2014, 2015).
16. Охлопков Николай (2014).
17. Посельский Михаил (2014).
18. Кравченко Татьяна (2014).
19. Будагаев Ян (2014).
20. Николаев Евгений (2014).
21. Коногорский Марк (2014).

Журналисты, участники экспедиций проекта «Халхин-Гол»:

1. Бережных Олег (НУК «ИНТЕРБАЙКАЛ», 2010, 2011).
2. Слободчиков Дмитрий («АИСТ», 2011).
3. Грабовский Дмитрий («ИГТРК», 2012).
4. Рыбакова (Арсентьева) Лада («НТС», 2014).

УДК 377.031(517.3)

ББК Ч40(5Мон)

Ганжуурдалайн Цолмон,
Администрация Дорнод аймака,
г. Чойбалсан, Монголия

Период становления и развития образовательной системы Монголии. Достижения в профессионально-техническом образовании

В статье рассматривается история образовательной системы Монголии. Приведены данные о размере инвестиции в профтехобразование их связи с качеством профтехобразования. Политика правительства Монголии в сфере профтехобразования и достижения последних лет.

Ключевые слова: профтехобразование, Цинская династия, народное просвещение, инвестиция, профессиональная компетентность

Ganjuurdalai Tsolmon,
Governor's office of Eastern province,
Choibalsan, Mongolia

Period of Formation and Development of Mongolia's Education System. Achievements in Technical Vocational Education and Training

The article considers the development of the Mongolia's educational system. It's shows the amount of donors organization to strengthen the country's technical vocational education and training. The state policy in the sphere of vocational education and reform in recent years.

Keywords: technical vocational education and training, Qing dynasty, public education, investment, professional competence

Образование отражает общецивилизационные закономерности, но каждая страна вырабатывает и свои особенности и формы реализации общих закономерностей. Исследование истории народного просвещения даёт возможность проследить на всех этапах развития процесс духовного пространства, определить рост, смены форм и содержания образования, оценить возможность применения опыта прошлого в современной жизни общества.

Идущая ныне реформа системы образования в Монголии касается всех сфер жизнедеятельности страны и обусловлена потребностями времени и ускоряющимися темпами развития образования. Современная система образования, испытывая глобальные воздействия информатизации, коммуникационной революции в целом, приобретает развитую систему региональных образовательных подсистем, обеспечивающих удовлетворение образовательных потребностей региональных административных образований и населения, каждого человека.

Некоторые события из истории образования Монголии в хронологическом порядке.

1. I век до н. э.: хунну – предки монголов имели собственную письменность на основе древнетюркского алфавита, лунного календаря и оркестра народных инструментов [10].

2. IV век – 330–555 годы н. э: при повелении хана улуса Нирун опытные ламы-наставники обучали детей философии и богословию, началось обучение ремёслам плотника и каменщика. Лама Дармаприя был назначен государственным учителем. При тюркском каганате были восприняты рунический алфавит (Орхонский вариант). В XII веке в учебных заведениях делались переводы киданских и уйгурских авторов, переписывались рукописи. В период киданской империи за знаниями языка приезжали из Кореи [13].

3. 1204 год: Тата-Тунга был первым учителем монгольской элиты. После разгрома найманов, писаря Тата-Тунгу монголы обя-

зали обучать своих детей уйгурской грамоте [8]. Чингисхан пригласил знаменитого учителя из Ирана для внука Мункэ, сына Тулуя.

4. 1229 год: преемник Чингисхана Угэдэй-хан в летнем дворце вблизи реки Керулен, принял китайского религиозного деятеля, затронув вопросы, касающиеся постижения знания. Позднее, в 1233 году, при Ведомстве по делам секретных сведений Алтан Улуса «государство Джурдженей» была создана школа для монгольских мальчиков, где обучались первые 18 монгольских учеников [2].

5. 1240 году: сокровенное сказание монголов – древнейший литературный памятник монголов. Считается, что оно было создано в 1240 году в период правления Угэдэй-хана. Пагва-лама (1234–1280) составил на основе тибетской письменности монгольский алфавит, который стал известен как «квадратное письмо». В 1269 году монгольский язык стал государственным языком династии Юань, всё официальное делопроизводство велось на нём. В 1272 году была создана «Школа монгольских юношей».

6. XV–XVII века: с 1700 года в Монголии домашнее обучение было доминирующим способом получить образование. Учителя обладали высочайшим моральным авторитетом, складывались особые отношения между наставниками и учениками. Обучали детей монгольской, китайской и маньчжурской письменностям и языкам, астрономии (составление календарей), астрологии (зурхай) и в науке исцеления травами. Для обучения счёту использовали китайский соробан, также появились инструменты для резьбы по дереву [Там же].

7. 1767 год: в период Цинской династии велись три формы получения образования: традиционное домашнее обучение, школы по подготовке писарей и чиновников и религиозные школы при монастырях. В духовных школах преподавалось буддийское богословие и медицина. В 1767 году Цинский император повелел каждому хошуну выбрать из сыновей тайджей, чиновников и аратов-простолюдинов сообразительных юношей, поставить для каждого двоих по одной юрте со всеми принадлежностями и обучать маньчжурскому, монгольскому и китайскому языкам, сроком на 3–5 лет. Также выдать ежегодно 600 лянв серебром на содержание учеников и оплату жалованья учителям. В школе в качестве главного учебника применялся «Дөрвөн зүйлийн үсэг хавсарсан толь бичиг» (Словарь четырёх языков).

8. 1789 год: в 48 почтовых станциях (уртонная служба) были созданы школы, издавался монгольский букварь «Цагаан толгой» в переводе «Белая вершина» (составитель Юндэндорж, буквы алфавита *выгравированы на дощечке Шанзодао Дашчойравжаа*) и были розданы для нужд 361 ученика Засагт-Ханского, Цэцэн-Ханского и Тушээт-Ханского аймаков. Не имеется сведений о Сайн ноён – Ханском аймаке. *Уртонная служба-перегон между станциями (равный 30–40 км). Для беспрепятственного продвижения гонца с вестью держали лошадей в постоянной готовности. Срочная весть доставлялась в течение трёх суток на расстояние в 6000 км, Угэдэй-хану принадлежит заслуга по оптимизации работы уртонных станций и организации её в системном виде почтовой службы.*

9. 1852–1864 годы: некоторые хошуны создавали на свои средства школы под названием «Мэргийг хүмүүжүүлэх сургууль», что в буквальном переводе на русский язык «Школа воспитания к мудрости». Засак ноён Тогтохтур из Цэцэн-Ханского аймака (ныне Халхын-Гол сомон Дорнод аймака) создал школу при хошунной администрации, где обучались порядка трёхсот юношей, он сам составил поучение.

В 1861 году создали в Урге (тогда столица Монголии) русско-монгольскую школу. По инициативе русского посла Я. П. Шишмарева была организована в 1864 году Ургинская школа переводчиков.

10. 1910 год: при маньчжурском местничестве в Хобдо создали китайскую школу, куда набрали 20 мальчиков из племенной олётов и мингатов, для подготовки переводчиков с русского, тибетского и маньчжурского языков. *Переводчиков с тибетского и монгольского языков отправляли на практику в Тибет в сопровождении специально назначенных чиновников. Переводчики с русского языка, как правило, отправлялись для общения с христианскими монахами в Пекин, в некоторых случаях проходили практику в Кяхте.*

11. 1912–1915 годы: согласно архивным данным, по инициативе интеллигенции в 1912 году была создана школа в Урге, которая финансировалась из государственной казны. В русско-монгольской школе, открытой в Урге в 1912 году, учили монгольскому, русскому, китайскому, маньчжурскому и английскому языкам. Среди других детей учились и будущие революционеры Х. Чойбал-

сан и Ц. Дамбадорж. В 1914 году при МИД Монголии начинает функционировать школа русского языка, где преподают учителя из России, и обучается 46 монгольских детей. В 1913 году открыли школу военных дел. Монгольских юношей впервые послали учиться за границу: Иркутск (9), Кяхта (5). В 1915 году разработан устав школы Ц. Жамсрано.

12. 1921 год: После победы народной революции создавались многочисленные школы, и впервые девочки начали учиться. В 1921 году открыли первую среднюю школу (2 учителя, 60 учеников).

При Министерстве внутренних дел был учреждён отдел по вопросам образования во главе чиновника парткомитета бэйса Дугаржава. (Постановление Народного Правительства № 14 от 31 августа 1921 г.). Нами приведён текст письма:

*Нийслэл хүрээний
Эрдэнэ Шанзудбо Яамны бичиг
(Письмо в Министерство
Эрдэнэ Шанзудбо Да Хүрээ)*

В соответствии с приказом Министерства внутренних дел нами было дано поручение подведомственным зурхайчам (астролог) о выборе благоприятного дня для обоснования школы по обучению и воспитанию многих девочек и мальчиков школьного возраста. По предначертанию рекомендовано выбрать в час обезьяны, дня земляного дракона т. е. второй день третьего осеннего месяца (десятого) для начинаний и совершения благодетелей, обучения азбуке.

Об изложенном имею честь представить на благоусмотрение Министерства внутренних дел Монгольского Народного Правительства. 21 число девятого месяца всевозвышенного четырнадцатого года – год синей крысы 15-го шестидесятилетия.

13. 1924–1940 годы: в феврале 1924 года было учреждено Министерство народного просвещения (Постановление Народного Правительства № 31 от 31 января 1924 г.).

Первый министр Онход рода Сангаравын Жамъян-Гүн (1864–1930), уроженец Булган сомона Дорнод аймака, первый учитель революционного лидера Д. Сухэ-Батора.

Второй министр – Эрдэнэ Батхаан в монгольском варианте (Никита Федорович Бутухано, 1888–1942) – бурятский и монгольский государственный деятель, министр просвещения Монголии в 1925–1929 годы, автор школьных учебников.

В 1926 году 35 учеников первой монгольской средней школы отправили на дальнейшую учёбу в СССР, Германию (31) и Францию (4) в сопровождении министра Эрдэнэбатхаана. По прибытии в место назначения студенты выучили латинский алфавит. В Италии Эрдэнэбатхаан встретился с писателем М. Горьким, брал советы по вопросам организации образования в Монгольской Народной Республике. Всего же за период с 1949 по 1991 годы в советских вузах прошли обучение более 60 тыс. монгольских студентов.

В 1930 году был основан первый детский сад.

14. В начале 1930-х годов был введён латинский алфавит, но не был признан. В 1946 году было принято решение о переходе с монгольской письменности на кириллицу. С 1992 года в школе начали изучать старомонгольские буквы. Кириллица сохранилась как основная письменность страны, монгольская письменность официально используется в государственных печатях.

1926–1929 годы: при главной больнице открыли краткосрочные курсы для сиделок и медсестёр. При центре «Монгол Транс» функционировали курсы по подготовке водителей, слесарей и токарей.

1930–1948 годы: открыли курсы на 50 учащихся для подготовки наборщиков и телеграфистов, ветеринарных санитаров, сортировщиков немытой шерсти.

1950–1963 годы: в Сэлэнгэ, Түв аймаках создавались учебный комбинат для подготовки сельскохозяйственных механизаторов. Новые профессионально-технические школы открылись в Завхан, Баянхонгор и Дорнод аймаках. С 1975 года программа ПТУ включает профессиональное и базовое образование. К концу 1960-х годов в стране действовало несколько школ для обучения бухгалтерскому делу, раскрой и пошива одежды и мастерству по ремонту мебели.

Профессионально техническое образование – это подсистема образования, осуществляющая трудовую подготовку специалистов и рабочих кадров, которая направлена на приобретение знаний, умений, навыков и формирование компетенций, необходимых для выполнения определённых трудовых, служебных функций.

Особенностью данной системы образования является ориентация прежде всего на перспективные потребности рынка труда, содействие на занятости и увеличение роста

доходов населения и формирование межличностных отношений молодёжи в трудовых коллективах.

Общая задача профтехобразования опирается на приоритетных принципах:

– ориентация на личностные интересы, потребности занятости, способности учащихся;

– развитие прочных знаний, умений, навыков, обеспечивающих качественное выполнение профессиональных работ в соответствии международными нормами и стандартами;

– регулирование хода учебного процесса, чтобы трудность познавательных и учебно-производственных программ соответствовала возможностям учащихся, воспитанию у студентов стремления к рационализации и изобретательству, новаторству;

– формирование умения освоить новую технику и технологию, овладеть высокопроизводительными способами труда, научиться производить продукцию, отвечающую современным требованиям к её качеству;

– обеспечение студентов всесторонним физическим и духовным развитием, чертами предпринимательства, новаторства, патриотизма.

Процесс глобализации неизбежно вёл к существенным изменениям мировоззрения по отношению к знаниям и процессам их получения. Со сменой общественно-политического устройства страны в Монголии появилось новое поколение людей, новые ценности, новые технологии и стала создаваться новая модель профтехучилищ и предприятий для совместной подготовки рабочих кадров – учебно-производственные центры профтехобразования.

По состоянию 2017 года в Монголии подготовка квалифицированных рабочих осуществляется в 91 государственных и частных учебных заведениях профессионального образования по 192 профессиям и специальностям. В учебных заведениях обучаются 40,1 тыс. юношей и девушек, трудятся 4703 преподавателя и обслуживающего персонала.

В 2002 году был утверждён закон «Об профессиональном образовании» Верховным Государственным Хуралам, в результате чего любое образовательное учреждение имеет самостоятельность в разработке и утверждении образовательных программ, текущего контроля успеваемости, в выборе системы оценок, формы, порядка и периодичности промежуточной аттестации обучающихся.

В соответствии с Постановлением правительства № 326 «О некоторых мерах по получению профессионального образования» разработан мастер-план на 2012–2016 год, где рассматривали систему профессионального образования как совокупность ценностей, методов, технических навыков и средств в рамках указанного периода времени и создание условий высокого уровня педагогических кадров, постановки учебно-воспитательного процесса, прежде всего производственного обучения, в ходе которого формируются профессиональные умения и навыки учащихся.

Всё это поставило перед учреждениями профтехобразования новые задачи по повышению качества обучения, воспитания и развития будущих квалифицированных рабочих и специалистов. Также педагогам предоставлены широкие возможности для проявления инициативы, педагогического творчества, для эффективного использования передового педагогического опыта.

В условиях рыночной экономики особенно актуальным становится вопрос конкурентоспособности продукции, техники и технологии и кадровых ресурсов, где человек выступает активным субъектом на рынке труда, имеющим возможность свободно распоряжаться своим главным капиталом, своей квалификацией. После ликвидации Совета экономической взаимопомощи соцстран и распада СССР монгольская экономика перешла к рыночной экономике. Система обучения и техническое оборудование профессионального образования подвергались критике как устаревшие, дисфункциональные. Учебные программы в значительной степени сосредоточены на теории, выпускники не отвечали современным требованиям. В 2008 году, наряду со стимулированием иностранных инвестиций, отмечался стремительный рост в строительных, горнодобывающих, транспортных и туристических секторах Монголии, в связи с чем значительно возрос спрос квалифицированных работников. В ответ на высокий спрос квалифицированных рабочих был разработан проект модернизации технического образования.

За 2012–2016 годы на финансирование профтехобразования из государственного бюджета выделены средства на сумму 49,7 млрд тугриков. Затраты бюджетных средств на строительство – 77,9 %, на капитальные ремонты – 7,6 %, на приобретение оборудования – 14,5 % .

С целью повышения экономического роста страны за счёт иностранных инвестиций в октябре 2007 года было заключено соглашение между правительствами США и Монголии о реализации проекта «Вызовы тысячелетия» (Millennium Challenge Account) в размере 285 млн долл. США сроком на пять лет. Проекты успешно реализовались в следующих

направлениях: медицина, права на собственность, профессиональное образование, энергетик, охрана окружающей среды и транспорт.

Учебные заведения профтехобразования (ПТО) Монголии достигли значительных результатов благодаря реализации проектов с иностранной инвестицией, что отображено в таблице [11].

Реализация проектов с иностранной инвестицией

<i>Название проекта</i>	<i>Объём финансирования (млн долл. США)</i>	<i>Период</i>
Безвозмездный проект «Вызовы тысячелетия» по направлению ПТО (Millennium Challenge Account Mongolia – Правительство США)	49,3	2008–2013
Методика разработки программ компетентного подхода (Предприятие ОЮУ ТОЛГОЙ – Oyulgoi LLC, Ivanhoe Mines)	2,2	2010–2012
Развитие ПТО западных регионов Монголии (Швейцарское агентство по вопросам развития и сотрудничества – Swiss Agency for Development and Cooperation)	3,6	2012–2014
Партнёрство ПТО с горнорудной отраслью	14,2	2013–2015
Проект по укреплению политехнических колледжей (Корейское агентство международного сотрудничества – KOICA)	5,8	2010–2015
Проект по укреплению политехнических колледжей (Правительство Индии)	2,8	2013–2015
Проект по совершенствованию системы качества учреждения профессионального образования» (European Union – Евросоюз)	0,7	2013–2015
«Навыки жизни» (Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА – United Nations Population Fund)	0,21	2014–2015
«Подготовка сельскохозяйственных кадров» (благотворительный фонд Каритас, Чешская гуманитарная организация “People in Need”)	0,42	2011–2012
«Поддержка профессионального образования» (Швейцарское агентство по вопросам развития и сотрудничества – Swiss Agency for Development and Cooperation)	4,1	2013–2015
«Образовательные стандарты ПТО», Национальный фонд Сингапура (Temasek Holdings)	3,6	2010–2015
«Содействие в обучении по добыче полезных ископаемых» (Германское общество по международному сотрудничеству)	13,7	Действует с 2013 г
«Инвестиция на усовершенствование ПТО» (Предприятие ОЮУ ТОЛГОЙ – Oyulgoi LLC, Ivanhoe Mines)	126,0	Действует с 2009 г.
«Поддержка профессионального образования» (Всемирный банк развития)	25,1	2010–2011, 2015–2016

Проект Millennium Challenge Account по модернизации профессионально-технического образования включал пять основных компонентов:

1. Реформа в государственной политике в профессиональном образовании.

2. Реализации программ профессионального развития педагогов профтехобразовательного учреждения.

3. Разработка и обновление учебных программ с внедрением концепции, обоснованной на профессиональной компетентности стандартов обучения, ориентированного на учащихся.

4. Создание информационной системы и программирование рынка труда.

5. Обеспечение современным оборудованием.

В рамках проекта были успешно проведены следующие работы:

– За период реализации проекта свыше 1600 преподавателей профессионально-технического образования повышали квалификацию в Австралии получили сертификат “Certificate IV Training and Assessment (TAA40104)”, более 12 000 студентов окончили практические курсы.

– Созданы 54 новых технологических лабораторий, 106 учебных сайтов были обновлены и усовершенствованы.

– В рамках содействия инициативам по развитию государственно-частного партнёрства в 26 учебных заведениях выдано грантов на сумму 2 млн долл.

– В целях обеспечения устойчивой мотивации к продолжению образования преподавателей в г. Улан-Баторе создан Центр подготовки учителей. Этот центр будет разрабатывать и внедрять программы профессиональной ориентации и непрерывную профессиональную подготовку учителей сферы профтехобразования. Оказано содействие установлению партнёрских отношений с иностранными коллегами.

– В пяти учебных заведениях открыли современный учебный центр общей площадью 3000 м², отремонтировали 12 учебно-мастерских цехов.

– С целью создания условия для получения образования студентам с ограниченными возможностями здоровья предоставлены швейные машины общей стоимостью 140 000 долл.

– Проведены курсы для улучшения управленческих навыков директоров, менеджеров по учебной и финансовой работе учреждений профтехобразования, было охвачено около 420 чел.

– Организованы интенсивные курсы по повышению технического английского языка для 200 преподавателей широкого технического профиля.

В рамках проекта «Инвестиция на усовершенствование ПТО» (Предприятие – Oyulgoi LLC) 90 преподавателей, 30 директоров повышали квалификацию в Австралии, 228 студентов обучались в производственном центре «Оюу Толгой» и получили сертификат Холмесглен ТАФЕ (Holmesglen TAFE).

С целью повышения престижа рабочих профессий и развития профессионального образования молодые квалифицированные рабочие, студенты из Монголии регулярно участвуют в чемпионате по профессиональному мастерству – World Skills.

В настоящее время идёт подготовка к участию в 44-м международном чемпионате, который пройдёт в октябре 2017 года в г. Абу-Даби, столице Объединённых Арабских Эмиратов. В чемпионате примут участие представители 76 стран по 50 наиболее востребованным, новым и перспективным профессиям.

В 2012 году в системе профессионально-технического образования Монголии произошли структурные преобразования, в

результате чего Управление профтехобразования вышло из состава Министерства образования науки и культуры. Преобразованное управление по политике профобразования и обучения и заведения профтехобразования перешли в подчинение Министерства труда и социальной защиты.

«Национальная программа развития профессионально-технического образования на 2016–2021 годы» была разработана в соответствии с законами «О профессионально-техническом образовании», «О труде», «Об образовании» и «О бюджете». Основной целью государственной политики является обеспечение качественной подготовки, переподготовки по основным направлениям общественно-полезной деятельности, отвечающей требованиям рынка труда.

Однако уже возникла потребность во внесении изменений закона «О профессионально-техническом образовании». Проводится общественная дискуссия по рекомендации о необходимых изменениях в соответствии законодательными актами и документами стратегического планирования, такими как: «Концепция устойчивого развития Монголии – 2030», «Государственная политика по образованию (2014–2024 гг.)», «Национальная программа развития профессионально-технического образования на 2016–2021 годы», «Программа деятельности Правительства Монголии на 2016–2021 годы».

В ходе дискуссии общественностью предусматривается ряд вопросов и задач, требующих совершенствования и тщательного изучения:

– учебные планы должны быть составлены с учётом корректировки часов по всем элементам образовательной программы;

– обеспечение условий для присвоения или повышения квалификационного разряда (класса, категории) рабочим, их продвижения по работе с учётом производительности труда, получение зарплаты по имеющимся склонностям, способностям, навыкам;

– открытая форма процессов перехода с профессиональной подготовки и переподготовки кадров на доступ к рынку труда;

– модернизация структуры содержания учебного плана;

– со стороны работодателей удовлетворение текущих и перспективных потребностей в квалифицированных, конкурентоспособных рабочих, обладающих широким техническим кругозором, общей культурой;

– обеспечение переподготовки рабочих кадров, повышение их квалификации применительно к современным требованиям, быстро меняющимся потребностям производства;

– внедрение новой технологии оценки качества системы профессионального образования, аккредитации и качества процесса обучения;

– вовлечение работодателей в процессы обучения и оценку качества;

– повышение качества и доступности исследований, обеспечения для электронной обработки статистических данных, расширение количественных и качественных исследований.

Источники и литература

1. **Боловсролын тухай хууль** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pmis.gov.mn/> (дата обращения: 08.05.2017).

2. **Буянбадрах Ч.** «Монгол орны лавлах» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.touristinfocenter.mn/cate14_more.aspx?ItemID=30 (дата обращения: 26.04.2017).

3. **Манжийн дарангуйллын үеийн монгол сургууль (1776–1911)** // Монгольские школы периода маньчжурского господства 1776-1911 / под ред. Ц. Шархүү. – Улан-Батор, 1965. – 45 с.

4. **Монгол-орос бичгийн сургууль** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mongolcom.mn/entertainment/id/9490> (дата обращения: 02.05.2017).

5. **Монголия, происхождение, история монгольских народов** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.forum-eurasica.ru/index.php?/topic/273> (дата обращения: 10.05.2017).

6. **Нийслэл хүрээ** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mongolcom.mn/entertainment/id/9490> (дата обращения: 03.05.2017).

7. **Сборник летописей Рашид-ад-дина** (род. около 1247 г. н. э., ум. 17.VII.1318 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.academia.edu/.../Фазлуллах_Рашид-ад-ди (дата обращения: 25.04.2017).

8. **Сокровенное сказание монголов** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gumvi.com/products/ebook> (дата обращения: 25.04.2017).

9. **Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В.** Монголия и русско-монгольские отношения первой половины XX века: проблемы истории и историографии. – Иркутск: БГУ, 2016. – 318 с.

10. **Учебник по философии образования** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.virtlabe.narod.ru/in.html#philos> (дата обращения: 25.04.2017).

11. **ХЯ болон МБ Стүншлэл 6 ТББ-ын судалгааны тайлан, мэдээлэл** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zasag.mn/news/view/2845> (дата обращения: 02.05.2017).

12. **Freire P.** Pedagogy of the Oppressed. Chapter 1–2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.webster.edu/~corbetre/philosophy/education/freire> (дата обращения: 25.04.2017).

13. **Sc. D. Н., Бэгз Ph. D. Д.** Ванчигсүрэн «XX зууны Монголын боловсрол судлал». – Улан-Батор, 2001. – С. 57–59.

РАЗДЕЛ 2. Регион как объект изучения

SECTION 2. Region as the Object of Research

УДК 3239(5-191.2)

ББК Ф3(54),13

Замира Тулкуновна Мураталиева,

*Кыргызско-Российский Славянский университет,
г. Бишкек, Киргизия*

Специфика политических процессов в Центральной Азии

Статья посвящена рассмотрению понятия «Центральная Азия». Подробно изложены характерные черты региона и основные подходы к его интерпретации. Проведён анализ и значение географической составляющей региона.

Ключевые слова: специфика, Центральная Азия, политические процессы

Zamira T. Muratalieva,

*Kyrgyz-Russian Slavic University,
Bishkek, Kyrgyzstan*

The Specificity of the Political Processes in Central Asia

The article is devoted to the concept of Central Asia. Detailed description of the characteristic features of the region and the main approaches to its interpretation. The analysis and significance of the geographic component of the region are analyzed.

Keywords: specificity, Central Asia, Political processes

В настоящее время аналитики продолжают считать Центральную Азию одной из самых хрупких частей мира, несущую в себе огромную неопределённость. По их мнению, «сложно найти ещё один такой регион, как Центральная Азия, где подрыв любого из пяти государств способен спровоцировать обвал всей пирамиды» [6]. «Исторически Средняя Азия, – считают они, – регион исключительно нестабильный и эклектично-раздробленный, в лучшем случае периферия мировых империй Александра Великого, арабов, татаро-монголов [11].

Более того, ряд авторитетных аналитиков и экспертов занимают радикальную позицию, отвергающую существование государств Центральной Азии в рамках единого региона. Так, например, эксперты в ходе ситуационного анализа, проведённого на базе Центра перспективных исследований (Бишкек), посчитали аксиомой, что «не существует Средней Азии – как совокупности политических, экономических и даже общественных институтов. Более того, сама история попыток интеграции в мифическом регионе “Центральной Азии” говорит скорее

о размежевании, нежели об объединении» [12]. Известный кыргызстанский политолог В. Б. Богатырёв утверждает: «Весь опыт постсоветского развития показывает, что регион в тех рамках, в которых он воспринимался миром до сих пор, а именно как бывшие республики советской Средней Азии и Казахстана – это явный симулякр, виртуальное образование, которое существует лишь в головах экспертов» [4]. Развивая этот вывод, он пишет: «Чем больше проходит времени, тем яснее становится, что центрально-азиатская региональность – не более чем желание, модель, которая на самом деле не имеет реального содержания. Можно трезво и реалистично сказать себе, что на самом деле региона нет».

Мы считаем, что вывод аналитика об «очевидном отсутствии общих оснований для региональности бывших советских республик Центральной Азии» в определённой степени исходит из исторического прошлого проживавших там, в древний и средневековый периоды, народов. Ряд российских исследователей также считают, что существование Центральной Азии в качестве региона, в политологическом плане, продолжает оставаться достаточно условным [9].

В целом следует отметить, что и по настоящее время определение региона Центральной Азии продолжает оставаться одним из вопросов, не нашедших пока что адекватного ответа. Для многих исследователей она по-прежнему продолжает оставаться своего рода «серой зоной», частью мира, плохо поддающейся теоретическому анализу и практике взаимоотношений с внешними акторами. По сути дела, основные участники внешнеполитических процессов вкладывают в его определение свой собственный смысл, зачастую не совпадающий и даже противоречащий другим определениям.

Сравнительно стабильным продолжает оставаться географическая составляющая названия «Центральная Азия», ставшая общеупотребительным со времён А. Гумбольдта [10]. Последователи великого учёного, Н. В. Ханыков и Ф. П. В. Рихтгофен применили к этому определению принцип бессточности гидросистем. По их определению региона его границы по северу ограничивались Алтайским хребтом, на юге – Тибетским нагорьем, на западе – Памиром и на востоке – Большим Хинганом.

В то же время часть исследователей, в том числе и российских, считают, что

«фактически контуры международно-политической подсистемы Центральной Азии совпадали и сегодня совпадают с её географическими очертаниями не полностью». Такой же позиции придерживаются и некоторые авторитетные политологи Кыргызстана, доказывающие, что «политическое содержание понятия “Центральная Азия” (Средняя Азия и Казахстан) некорректно и неадекватно физико-географическому названию» [13, с. 26].

Фактически факторы дезинтеграции центрально-азиатского пространства, не преодоленные и до настоящего времени, во многом коренятся в специфике его многовекового развития. Говоря иначе, современные политические процессы, происходящие в современной Центральной Азии, детерминированы её историческим прошлым. Это положение обосновывается концепцией «обусловленного пути», позволяющей объяснить тесную взаимосвязь прошлого и настоящего в истории Центральной Азии. Она исходит из того, что именно предыдущее развитие страны или региона во многом обуславливает и его последующее развитие, задаёт ему определённые рамки [5].

В то же время нельзя, придерживаясь этой оценки, не учитывать как позитивные, так и негативные стороны геополитического положения и географических факторов, влиявших и продолжающих влиять на политические системы и политические процессы в этой части земного шара. Центрально-Азиатский регион, занимая географически центральное положение, в значительной степени изолирован от остального мира естественными преградами, окружён неблагоприятными для жизни средой. На западе это пустыня Каракумы, на севере – пустыни Кызылкум и Муюнкум, на востоке – пустыня Такла-Макан, на юге – Памирское нагорье и пустыни Бактрианской низменности.

Положение одной из наиболее изолированных частей Евразии во многом способствовало изоляции этого региона от мировых хозяйственных и политических связей, тормозило его развитие. Важнейшим источником связей и контактов с окружающим миром в подобной ситуации явились караванные пути, которые способствовали превращению Центральной Азии в мост, связывавший между собой запад и восток Евразии. Через Центральную Азию шли также волны завоеваний и мощные миграционные потоки. Следствием этих процессов явилось смешение народов, взаимодействие культур и цивилизаций.

Важные причины неустойчивого развития региона исследователи видят в дефиците природных ресурсов – земли и воды. Именно это в первую очередь, считает М. Суюнбаев, приводит к нестабильности и неустойчивому развитию. Борьба кланов и племён, которыми богата «дуга нестабильности» за дефицитные природные ресурсы, приводит к конфликтам. Дефицит природных ресурсов приводит к примитивной экономике и высокой рождаемости, что, в свою очередь, способствует нестабильности и политическим кризисам [13, с. 34, 36].

Следует отметить, что и на нынешнем этапе развития народов Центральной Азии дефицит воды и земли продолжает носить чрезвычайно актуальный характер. Более того, по мнению отдельных экспертов, не экстремизм и сепаратизм и не угроза, исходящая из соседнего Афганистана, а именно нехватка воды и земли, рост населения являются главными причинами конфликтов в центрально-азиатских странах.

Характерной чертой политических процессов в Центральной Азии, в её историческом прошлом, не без оснований следует считать внешние воздействия, проявившиеся в древний и средневековый периоды её истории, в первую очередь в форме подчинения внешним силам региона в целом либо отдельных его частей. Так, в VI–IV веках до н. э. значительная часть Центральной Азии входила в состав державы Ахеменидов, а в конце IV века до н. э. стала частью империи Александра Македонского. До конца VI века н. э. народы региона находились в подчинении персидской империи Сасанидов. В течение VII века длился процесс завоевания Центральной Азии арабами, сопровождавшийся также исламизацией её народов. В это же время усилилось проникновение в регион и Китая. В первой половине XIII века народы Центральной Азии вошли в состав империи Чингисхана, а во второй его половине стали частью государства Тимура. По сути дела, с распадом его огромной империи закончился период вхождения региона в состав крупных государств, который продлился до середины XIX века.

Очевидно, что волны завоеваний не проходили бесследно для центрально-азиатских народов, оказывая существенное воздействие на их экономическое и культурное развитие. Вместе с тем они тормозили укрепление национальной государственности, способствовали росту этнической пестроты

населения региона и сохранению цивилизационного разнообразия. В XVI веке начался более чем трёхсотлетний период существования Центральной Азии в составе феодальных ханств и эмиратов, в течение которых она оставалась *terra incognita* для народов мира.

Таким образом, важным выводом, непосредственно влияющим на специфику политических процессов в Центральной Азии, следует считать отсутствие с древнейших времён региональной идентичности, которая и по настоящее время не осознаётся населяющими его народами как единый регион. По мнению исследователей, «Центральная Азия если и является регионом, то регионом цивилизационного разлома». На отсутствие подобного осознания, по мнению В. Богатырёва, влияют и факторы субконтинентального геополитического разлома. Среди них – линия разлома *цивилизационная*, связанная с сосуществованием двух цивилизаций: оседлой, земледельческой, исламской, и кочевой, животноводческой [3]. Другая линия разлома – *ресурсная*, когда три страны (Туркменистан, Казахстан и Узбекистан) обладают топливными ресурсами, а две страны (Кыргызстан и Таджикистан), не имея топливных ресурсов, регулируют ресурсы водные. Третья линия разлома – *социально-политическая*, при которой две страны (Кыргызстан и Казахстан) тяготеют к демократическим институтам, остальные три – к традиционным авторитарным формам управления обществом [1].

Несмотря на длительное сосуществование народов, делает вывод аналитик, нынешний конгломерат стран, политических и экономических систем, этнокультурных общностей, проживающих на территории Центральной Азии, не обладает свойствами и даже мотивациями на какое-либо общее региональное основание, не говоря уже о региональном единстве. За короткие сроки суверенного развития они не сумели преодолеть кризиса идентичности и не получили возможности сформироваться в единое геополитическое пространство [2]. Говоря о кыргызах, он констатирует, что «проблема этногеографической идентификации осложняется тем, что кыргызская цивилизация граничит, как минимум, с пятью другими: китайской, монгольской, кыпчакской, славянской и ирано-персидской. Все государства – соседи Кыргызстана – в той или иной степени представляют образования цивилизационных эт-

носов по отношению к кыргызам, что формирует основания для существенных различий и противоречий, конкуренции и конфликтов».

Подчёркивая историко-культурную неоднородность Центральной Азии, историки обращают внимание на то, что большая часть населявших её народов сформировались на базе разных цивилизаций. «Таджикистан, – отмечают они, – развивается на “культурном плато” Бактрии и Тохаристана, Узбекистан – Мавераннахра и Согдианы, Туркмения – Маргианы и Парфии».

В этой связи нельзя не сказать о другой линии разлома Центральной Азии – на *оседлость* и *кочевничество*. Она на протяжении многих веков отделяла оседлую часть населения нынешних Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана от кочевников Казахстана и Кыргызстана. Исследователи связывают возникновение такого разлома с тем, что «этносы Центральной Азии расселялись на пространствах региона неравномерно. Жители концентрировались на небольших “островах”, обеспеченных источниками пресной воды и плодородной земли. Между такими “островками” оставались огромные пространства – незаселённые и малопригодные для хозяйственной деятельности». Эти пространства способствовали широкому распространению кочевого образа жизни. Фактически, для региона сопутствующей чертой его многовековой истории стало явление сосуществования двух взаимодействующих цивилизаций – оседлых земледельцев и кочевников.

Оказывая сильное взаимное воздействие друг на друга в сферах экономики, политики и культуры, они, вместе с тем, обладали массой отличий, тормозящих процессы формирования региональной идентичности. Речь, прежде всего, идёт об отличиях в политической и социальной организации. Если земледельческие народы жили территориальными общинами, то у кочевников доминировала родоплеменная организация. Они отличались образом жизни, характером традиций, способом ведения хозяйства, духовными и религиозными традициями. Одним словом, нужно сказать о том, что идентификационные различия между ними носили устойчивый характер и не утратили своей роли и по настоящее время [7].

Если земледельцы Центральной Азии после арабского завоевания стали исповедовать ислам, то кочевые народы заимствовали исламскую идеологию гораздо позже. В

целом культура оседлости постоянно сталкивалась с культурой кочевников, что самым существенным образом влияло на содержание и характер политических процессов центрально-азиатских народов. Слабому уровню региональной идентичности в значительной степени способствовала оазисная структура расселения, оказавшаяся благоприятной предпосылкой для формирования регионально-территориальных субэтнических, которые не подавляли этнических различий. Это также усиливало картину этнической пестроты региона.

Таким образом, природные факторы, многочисленные завоевания, миграционные потоки способствовали не только консервации, но и укреплению этнического разнообразия в Центральной Азии, сохранившегося и по настоящее время. Крайне важным выводом, вытекающим из этого обстоятельства, следует считать то, что «плавильного котла» в процессе взаимодействия многочисленных народов, населявших регион, не получилось. Они сохранили субэтническую уникальность, культуру, социальную организацию, что способствовало укреплению мозаики в их отношениях друг с другом и отсутствию единства в процессе взаимодействия с внешними силами. Подобная мозаичность со всеми вытекающими из этого последствиями сохранилась в регионе и по настоящее время.

Сохранению чрезвычайно сложной этнической картины в Центральной Азии способствует также существование субрегиональных и родоплеменных отличий. Как известно, для Таджикистана и Узбекистана характерно наличие региональных объединений, соперничающих между собой за власть и ресурсы, казахи, кыргызы и туркмены делятся на племена и роды. Исследователи обращают внимание на то, что «внутри Центральной Азии современные границы определены в результате становления новых независимых государств при сохранении сложной и противоречивой этнической и субэтнической структуры».

Как известно, границы существующих государств и их идентичность были во многом искусственно сформированы в ходе национально-территориального размежевания 1920–1930 годов, получившего название “топорного разделения”. При этом игнорировались жузово-племенные (у казахов, туркмен), региональные (у киргизов, таджиков, узбеков), старые политико-административные, лингвистические границы, а также есте-

ственные границы оазисов. Всё это вызвало к жизни серьёзные кланово-племенные и кланово-региональные разногласия в новых независимых государствах, продолжающих оказывать значительное негативное воздействие на политические процессы и в наши дни. Нет никаких оснований считать, что их удастся окончательно преодолеть даже в течение десятилетий» [8].

Это, по нашему мнению, свидетельствует о незавершённости процесса образования единых наций в государствах региона, что также значительно усложняет задачу создания национальной и региональной идентичности. Наконец, нельзя не учитывать и воздействие на этническую карту Центральной Азии и интенсивных процессов переселения в неё выходцев из России, начиная со второй половины XIX и на протяжении XX веков.

Таким образом, приведённый выше материал способствует оценке понятия реги-

она Центральной Азии, что самым непосредственным образом влияет на происходящие в нём политические процессы. Для понимания их специфики следует учитывать то обстоятельство, что до сих пор в научной среде не сложилась парадигма, объединяющая в единое целое множество оценок и определений региона Центральной Азии. Исследователи сходятся лишь в том, что её отличает преобладание черт отличия от сходства по основным параметрам политического, экономического, этнического, социального и культурного развития. Региональная идентичность государств региона крайне низка и носит неустойчивый, изменчивый, непостоянный и неопределённый характер. В целом продолжает сохраняться крайне противоречивая идентификационная структура региона Центральной Азии. Центральная Азия и сегодня – один из наиболее конфликтных регионов мира.

Источники и литература

1. **Богатырёв В.** Вместо сотрудничества – геополитический разлом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bpc.kg/perspective/132-14-05-09> (дата обращения: 15.03.2017).
2. **Богатырёв В.** Развитие политической ситуации в Центральной Азии: проекты и сценарии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ipp.kg/ru/analysis/873> (дата обращения: 12.03.2017).
3. **Богатырёв В.** Три основания для конфликтов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rus.gateway.kg/2581-2/> (дата обращения: 15.03.2017).
4. **Богатырёв В.** Центральная Азия: новый регион // Ориентир: аналит. бюл. – 2003. – № 4. – С. 5.
5. **Борисов Н. А.** Постсоветская трансформация политических систем Республики Узбекистан и Кыргызской Республики: сравнительный анализ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2006. – 350 с.
6. **Грозин А.** Евразийские Балканы // Центральная Азия в системе международных отношений. – 2004. – С. 22.
7. **Гумилёв Л.** Этносфера: история людей и история природы. – СПб.: Кристалл, 2002. – 578 с.
8. **Казанцев А.** Пять сценариев будущих границ Центральной Азии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/news.A.php?st=136631712> (дата обращения: 10.03.2017).
9. **Лазаревич К. С.** Так всё-таки Средняя или Центральная? Ещё раз о районировании и географической терминологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.geo.1september.ru/article.php?ID=200303004> (дата обращения: 15.03.2017).
10. **Международные отношения в Центральной Азии: события и документы.** – М.: Аспект Пресс: МГИМО МИД России, 2011. – С. 36.
11. **Новая шоковая терапия – вступление Киргизии в ТС** (ситуационный анализ) (26 марта 2013) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1364270340> (дата обращения: 15.03.2017).
12. **Новая Большая игра в большой Центральной Азии: мифы и реальность.** – Бишкек, 2005. – С. 20.
13. **Суюнбаев М.** Геополитические основы развития и безопасности Кыргызстана. – Бишкек: Изд-во ИИМОП КНУ, 2005. – С. 26, 34, 36.

УДК 327.7:323.285
ББК Ф4(5),61,304

Игорь Викторович Халанский,
Кыргызско-Российский Славянский университет,
г. Бишкек, Киргизия

ШОС и безопасность Центральной Азии

Статья посвящена рассмотрению роли Шанхайской организации сотрудничества в противодействии международному терроризму, сепаратизму и политическому экстремизму, для чего создана определённая правовая база сотрудничества государств-членов. Также автор говорит о том, что пока Организация ещё не овладела всеми интеграционными механизмами обеспечения региональной безопасности и безопасности государств-участников, и существующие в её рамках форматы взаимоотношений пока не могут в полной мере гарантировать достаточного противодействия растущим вызовам и угрозам.

Ключевые слова: Центральная Азия, Шанхайская организация сотрудничества, безопасность, Конвенция ШОС по борьбе с экстремизмом

Igor V. Khalansky,
Kyrgyz-Russian Slavic University,
Bishkek, Kyrgyzstan

SCO and Security of Central Asia

The article is devoted to consideration of the role of the Shanghai cooperation organization in combating international terrorism, separatism and political extremism, which creates certain legal base of cooperation of the member States. The author also says that while the Organization had not yet mastered all of the integration mechanisms of regional security and the security of States parties and existing within its framework, the formats of the relationship are not yet able to fully ensure sufficient respond to the growing challenges and threats.

Keywords: Central Asia, Shanghai cooperation organization, security, SCO Convention on fighting extremism

Несмотря на небольшой срок своего существования, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) как новая геополитическая реальность привлекает к себе пристальное внимание мирового сообщества. С подачи КНР одним из системообразующих элементов ШОС становится противодействие международному терроризму, сепаратизму и политическому экстремизму. Сформирована определённая правовая база сотрудничества государств-членов в этой области.

Недовольство Запада независимой внешней политикой России и Китая на международной арене, рост их экономической и военно-технической мощи бросают вызов доминирующему положению США в мире, что заставляет Вашингтон активизировать усилия по дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в странах, являющихся их ближайшими соседями. Так, иницииро-

ванные масштабные беспорядки в Киеве и студенческие волнения в Гонконге (так называемая «революция зонтиков») показали, что угроза со стороны Запада существует не только для России, но и для Китая. Эти события были срежиссированы по одному и тому же сценарию, основывающемуся на манипулятивных техниках, до этого применявшихся во время «революции роз» в Грузии (ноябрь 2003 г.), «оранжевой революции» на Украине (декабрь 2004 г.), «тюльпановой революции» в Киргизии (март 2005 г.) [12], которые организовывались при прямой финансовой поддержке Запада. Особая роль при этом отводится НПО.

В случае недостаточной социальной базы для быстрой дестабилизации ситуации в отдельных странах СНГ США сделали ставку на использование национального фактора, поскольку разжигание националистических конфликтов внутри страны позво-

ляет очень быстро обострить внутривосточную обстановку. Показательно, что во многих межнациональных столкновениях, произошедших, например, в последнее десятилетие в Центральной Азии, чётко прослеживается иностранный след. Это касается и столкновений в Андижане (Узбекистан) в 2005 году, и межнациональных погромов в 2010 году в Оше (Киргизия), активными «наблюдателями» которых были сотрудники известного своим вмешательством во внутренние дела других стран Агентства США по международному развитию (USAID) и подконтрольных США НПО.

Используются любые доступные возможности воздействия на центральноазиатские СМИ. Так, USAID [9] запустило в Казахстане, Таджикистане и Киргизии новый проект «Поддержка доступа к информации» на общую сумму 3,8 млн долл. сроком на 3 года. Его цель – оказание содействия негосударственным СМИ региона в процессе их перехода на цифровое вещание, совершенствование законодательной базы медийной сферы, а также активизация регионального сотрудничества независимых СМИ. Как ожидается, аудитория независимых телекомпаний к 2017 году увеличится на 40 % [11]. Так готовятся лояльные кадры, выращивается новая оппозиция, закладываются основы для возможного использования в будущем сетевых информационных технологий. По мнению специалистов, в регионе Центральной Азии складываются достаточно благоприятные условия для применения современных схем информационного воздействия по типу сценариев, ранее отработанных в странах Северной Африки и Ближнего Востока [8].

Новая угроза для стран – членов ШОС – связана с гражданской войной в Сирии, которая стала стимулирующим фактором и инструментом саморекламы для адептов идеи джихада, особенно в Центральной Азии. Выходцы из этого региона воюют в рядах сирийской оппозиции против законного правительства. По оценкам экспертов Университета Дж. Вашингтона (США), на стороне запрещённой в России террористической группировки «Исламское государство» (ДАИШ) в боевых действиях предположительно участвуют около 250 граждан Казахстана, 150 – Киргизии, 200 – Таджикистана, 500 – Узбекистана, 360 – Туркмении [15]. Однако эксперты Международной кризисной группы называют несколько иную цифру: от 2 до 4 тыс. чел. [6].

Граждане Центральной Азии в основном воюют в составе трёх группировок – «Джебхат ан-Нусра», «Исламское государство», «Джейш аль-Мухаджирин валь-Ансар», причём входят они в них отрядами, сформированными по этническому принципу. В частности, к «Исламскому государству» присоединились узбекский отряд «Джамаат имама Бухари» и таджикско-узбекская группировка «Джамаат Сабири» [2]. Также известно, что в составе террористических формирований есть две казахские группировки: «Казахский джамаат» и «Старый Туркестан» [7]. По данным председателя Комитета национальной безопасности Казахстана Н. Абыкаева, в воюющем в Сирии «Казахском джамаате» числятся более 300 уроженцев республики, половина из которых – женщины [4].

Мобилизация исламских террористов в сирийском конфликте происходит гораздо активнее, чем в других подобных конфликтах последнего времени, причём соответствующая идеологическая обработка «контингента» ведётся во всех без исключения республиках Центральной Азии. Облегчает отправку боевиков в Сирию безвизовый режим, установленный Турцией со странами Центральной Азии и Россией.

Увеличивается число жителей Центральной Азии, которые проходят военное обучение и поднимаются вверх по карьерной лестнице ДАИШ. Есть сведения, что несколько старших должностных членов в его структуре являются казахами [14]. В августе 2014 года Абу Бакр Аль-Багдади назначил таджика возглавлять сирийскую провинцию Ракка [5].

Власти постсоветских республик пытаются препятствовать отъезду своих граждан в Сирию. В странах региона были приняты новые нормативные акты. Однако возвращение граждан на родину после участия в боевых действиях в Ираке и Сирии – главный источник тревоги для властей Центральной Азии. Есть опасения, что радикально настроенные боевики вернуться домой с намерением распространить джихад у себя на родине. О том, что эти опасения не беспочвенны, свидетельствуют несколько предотвращённых силовыми структурами терактов. Так, была арестована группа боевиков, отправленная из Сирии террористической организацией «Союз исламского джихада» в Ош и Бишкек для совершения терактов во время сентябрьского саммита ШОС 2014 года [3],

также планировался подрыв стратегически важных дорожных туннелей в горах Таджикистана. По некоторым данным, для планирования и организации терактов на территории Ферганской долины Узбекистана в 2015 году ДАИШ выделило 70 млн долл. [10].

Участие радикалов из Центральной Азии в боевых действиях в Сирии свидетельствует не только о недостаточной работе местных спецслужб по профилактике и предотвращению выезда граждан своих стран в «горячие точки», но и о существовании мощной сети салафитского подполья в регионе. На территории бывших советских республик действует ряд радикальных группировок и движений, которые будут усиливаться пропорционально росту влияния ДАИШ в мире, в частности, в Афганистане, откуда исходит непосредственная угроза экстремизма и терроризма. К ним следует отнести «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ), в зонтичную структуру которого входят такие группировки, как «Джамаат Ансарулла», «Союз исламского джихада», «Джунд аль-Халифат», а также казахстанская «Лашкар-е-Тайба Казахстан» и др. В этом контексте существующая потенциальная угроза переформатирования региона с традиционного ислама на радикальный с появлением исламистов, получивших боевое крещение в Сирии, становится более реальной.

Есть сообщения и о китайских боевиках в Сирии. Базирующаяся в Пакистане Исламская партия Туркестана (ИПТ) подтвердила свою вовлечённость в сирийский конфликт. В издаваемом ею онлайн-журнале «Islamic Turkistan» в марте 2013 года заявлялось, что «если Китай имеет право на поддержку Б. Асада, то мы имеем право на поддержку сирийских мусульман». В результате в Сирии сражается «Востоочноазиатский исламский батальон», в составе которого 100 граждан Китая, 60 индонезийцев, 50 малайзийцев и 100 филиппинцев [13].

Китайские власти связывают нарастание напряжённости в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая (СУАР) с войной в Сирии. Они полагают, что уйгурские экстремисты проходят там подготовку, а затем перебрасываются в СУАР для организации беспорядков и терактов. В настоящее время за пределами КНР существует ряд уйгурских организаций, формально правозащитных или культурно-исторических. Это Восточно-Туркестанский союз (ETUE) в Германии, Международная Такла-маканская ассоциация прав человека (ITHRA),

Восточно-Туркестанский национальный освободительный центр (ETNFC) в Вашингтоне. В Центральной Азии действуют Уйгурстанская организация свободы, межреспубликанская ассоциация уйгуров «Иттипак». В начале 1990-х годов в Алма-Ате были созданы Уйгурская освободительная организация (ULO) и Объединённый национальный революционный фронт Восточно-Туркестанской организации (UNRFETO). Действует также несколько уйгурских сепаратистских организаций крайне экстремистского толка. Наиболее серьёзными из них являются Восточно-Туркестанская Исламская партия (ВТИП) и ШАТ («Шаркытуркестан Азатлик Ташкилати» – Организация Восточного Туркестана), боевики которых проводили террористические акты на территории Китая и ряда других стран, воевали на стороне движения «Талибан» в Афганистане. К числу наиболее влиятельных уйгурских экстремистских организаций относятся «Фронт освобождения Восточного Туркестана» и «Исламское движение Восточного Туркестана» (ИДВТ). На территории Афганистана в годы правления в Афганистане талибского режима действовал так называемый «китайский батальон», насчитывавший около 300 человек, преимущественно из числа уйгуров, лидеров которой ИДВТ считали прообразом будущей «Армии освобождения Восточного Туркестана». Так, в 2014 году в СУАР произошли несколько терактов: взрывы на железнодорожном вокзале в апреле и на рынке в мае в Урумчи, а также в июле в Кашгаре – вооружённое нападение на мирных жителей. Это говорит о хорошей организации и подготовке экстремистского подполья в Синьцзяне.

Из вышесказанного следует, что современная ситуация в мире характеризуется тем, что международный терроризм стал брать на вооружение такие методы и принимать такие масштабы, что эффективно парировать его угрозы и акции бывает крайне сложно без адекватного подключения военного потенциала. В связи с этим остро встаёт вопрос о необходимости создания военной структуры ШОС.

Это особенно актуально на фоне вышеупомянутых обострений ситуации в Центральной Азии, которые ясно продемонстрировали недостаточный уровень взаимодействия членов ШОС, что не позволило им в кризисный момент принять согласованные решения. Данное обстоятельство дало повод экспертам говорить, что сотрудниче-

ство государств – участников ШОС в сфере безопасности в значительной степени свелось к декларациям и политико-пропагандистской риторике.

По-видимому, главной причиной подобного положения стал краеугольный принцип ШОС о невмешательстве во внутренние дела и уважении суверенитета всех стран-участниц. Этот принцип в сочетании с хронической региональной разобщённостью серьёзно ограничивает возможность коллективных действий Организации. Поэтому военное сотрудничество является одним из наиболее противоречивых аспектов в её деятельности. С одной стороны, среди основных приоритетов ШОС такое сотрудничество не значится. С другой – оно представляет большой практический интерес для всех стран-участниц. Россия здесь является лидером этого трека, поскольку присутствует во всех сферах глобальной безопасности, участвует в разрешении основных региональных конфликтов в мире.

Дело в том, что военная составляющая не предусматривается базовыми документами ШОС, и Организация, соответственно, не обладает какой-либо необходимой для такого случая совместной оборонной структурой. В результате до сих пор нет ясности, как странам-членам реагировать на широко-масштабные внутривосточные конфликты и как действовать в случае перетекания таких конфликтов в плоскость этнического или религиозно-этнического противостояния. О необходимости создания более совершенной системы сотрудничества в области региональной безопасности на основе укрепления потенциала оперативного реагирования ШОС говорил ещё на саммите в Астане в 2011 году председатель КНР Ху Цзиньтао [1].

Пока же работа ограничивается консультациями и совещаниями представительств МО и Советов безопасности стран ШОС, а в практическом плане – проведением командно-штабных и оперативно-тактических учений, проводимых как минимум 1 раз в год под эгидой Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС. Судя по всему, в настоящее время в ШОС с подачи России в сфере безопасности акцент делается на сотрудничестве с ОДКБ, которая уже имеет в своём составе коллективные силы оперативного реагирования.

На совещании глав военных ведомств государств – членов ШОС в Петербурге в июле 2015 года было принято решение о создании аппарата национальных военных советников под эгидой Организации. Такая структура может служить «генератором идей» для руководства при выработке рекомендаций по использованию возможностей стран-участниц в области безопасности.

Таким образом, в настоящее время в ШОС активно усиливается антитеррористическая составляющая. На саммите Организации в Уфе в июле 2015 года утверждена программа по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2016–2018 годы. На повестке дня стоит задача разработки Конвенции ШОС по борьбе с экстремизмом. Вместе с тем следует признать, что Организация ещё не овладела всеми интеграционными механизмами обеспечения региональной безопасности и безопасности государств-участников. Очевидно, что существующие в её рамках форматы взаимоотношений пока не могут в полной мере гарантировать достаточного противодействия растущим вызовам и угрозам.

Источники и литература

1. Барский К. М. Шанхайская организация сотрудничества: новое слово в мировой политике // Стратегия России в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества: сб. ст. / под ред. А. В. Лукина. – М.: МГИМО – Университет, 2012. – С. 8–22.
2. Боевики из Центральной Азии объединяются в новые этнические группировки в Сирии: политолог [Электронный ресурс] // REGNUM: информ. агентство. – 2014. – 16 сент. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1848264.html> (дата обращения: 30.06.2017).
3. В Киргизии задержана группа террористов из Сирии [Электронный ресурс] // Новости@mail.ru. – Режим доступа: <http://www.news.mail.ru/incident/> (дата обращения: 18.06.2017).
4. В составе ИГИЛ создан «Казахский джамаат» [Электронный ресурс] // АПИ-Урал. – Режим доступа: <http://www.apiural.ru/news/incidents> (дата обращения: 02.06.2017).
5. Комиссина И. Н. Размышления после саммита ШОС: новые реалии, новые перспективы // Проблемы национальной стратегии. – 2016. – № 1. – С. 71.
6. Международная кризисная группа насчитала до четырёх тысяч выходцев из стран СНГ в рядах ИГ [Электронный ресурс] // NEWSru.com. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/21jan2015/isng.html> (дата обращения: 11.05.2017).
7. Пак М., Амирханова Г. Детский сад – АК на лямках. Откуда в «Исламском государстве» казахские дети [Электронный ресурс] // Лента.ру. – Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2014/11/28/igilkz> (дата обращения: 24.06.2017).

8. **Попов Д. М.** Цифровая дипломатия США [Электронный ресурс] // Российский институт стратегических исследований. – Режим доступа: http://www.riss.ru/analitika/4122-5789#.VLi4V_bWhC8 (дата обращения: 03.06.2017).

9. **Почему США сокращает финансирование USAID** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sputnik-georgia.ru/radio/20170427/235772809/Pochemu-SShA-sokrashhaet-finansirovanie-USAID.html> (дата обращения: 27.04.2017).

10. **Спецслужба Узбекистана:** ИГ готовило в стране ряд терактов [Электронный ресурс] // Военное обозрение. – Режим доступа: <http://www.topwar.ru/68189-specsluzhba-uzbekistana-ig-gotovilo-v-straneryad-teraktov.html> (дата обращения: 14.06.2017).

11. **США предоставят неправительственным** организациям стран Средней Азии 3,8 миллиона долларов [Электронный ресурс] // Время Востока. – Режим доступа: <http://www.easttime.ru/news/tsentralnayaaziya/ssha-predostavit-nepravitelstvennym-organizatsiyam-stran-srednei-azii-38-mil> (дата обращения: 21.06.2017).

12. **«Тюльпановая революция»** в Кыргызстане обошлась в 52 миллионов долларов [Электронный ресурс] // Время Востока.– Режим доступа: <http://www.easttime.ru/news/kyrgyzstan/tyulpanovaya-revolutsiya-v-kyrgyzstane-oboshlas-v-52-milliona-dollarov/8288> (дата обращения: 14.06.2017).

13. **East Turkestan separatists training with ISIS, plan to return to China** [Электронный ресурс] // Want ChinaTimes.com.– Режим доступа: <http://www.wantchinatimes.com/news-subclass-cnt.aspx?cid=1101&id=20140922000077&MainCatID=11> (дата обращения: 14.06.2017).

14. **Snow Sh.** ISIS looks for foothold in Central Asia [Электронный ресурс] // The Diplomat. – Режим доступа: <http://www.thediplomat.com/2015/01/isis-looks-for-foothold-in-central-asia> (дата обращения: 09.06.2017).

15. **This month's special: ISIL and Central Asia: Potential risks and responses** [Электронный ресурс] // The PULS of Central Asia – Режим доступа: <http://www.pulsofcentralasia.wordpress.com/2014/10/30/thismonth-special-isil-and-central-asia-potential-risks-andresponses/#ednref5> (дата обращения: 16.06.2017).

УДК 327:008(510:575.2)

ББК Ф4(0),4(5Кит:5Кир)

Елена Геннадьевна Гарбузарова,

*Кыргызско-Российский Славянский университет,
г. Бишкек, Киргизия*

Культурный аспект «мягкой силы» Китая в Кыргызстане

Статья посвящена анализу «мягкой силы» Китая в Кыргызстане, которая реализуется по принципу привлекательности китайской культуры. Акцентируется внимание на истоках появления «мягкой силы» Китая, её целях и задачах. Автор показывает в статье, как успешно достигаются внешнеполитические интересы Китая в Кыргызстане «ненасильственными» методами.

Ключевые слова: «мягкая сила», «умная сила», внешняя политика, «гармоничное общество», китайская культура, «китайская мечта», Китай, Кыргызстан

Elena G. Garbuzarova,

*Kyrgyz-Russian Slavic University,
Bishkek, Kyrgyzstan*

Cultural Aspect of China's "Soft Power" in Kyrgyzstan

The article is devoted to the soft power of China in Kyrgyzstan which is implemented on the principle of attraction of Chinese culture. The origins of the "soft power" of China, its goals and objectives are pointed. The author shows in the article how using "non-violent" methods China achieves the foreign policy interests in Kyrgyzstan.

Keywords: "soft power", "smart power", foreign policy, "harmonious society", Chinese culture, "Chinese dream", China, Kyrgyzstan

В XXI веке широкое распространение в международном и политологическом дискурсах получила концепция «мягкой силы», то есть способ достижения стратегических целей государства не военным путём, а культурным, экономическим, либо политическим превосходством. Основоположником данной концепции считается американский политолог Дж. Най. Во время интервью в Пекине Дж. Най отметил успех идеи «китайской мечты», связанной с национальным возрождением, и подчеркнул, что «мягкая сила» Китая зависит от чётко продуманной культурной стратегии. По мнению политолога, ядром китайской культуры являются Конфуций и Лао-цзы, которые «стали вдохновителями многих концепций» [4].

В соответствии с традиционной китаецентристской моделью, Китай – это Среднее государство, которое противопоставлялось понятию «вайго», т. е. чужеземному государству. Среднее государство являлось центром Поднебесной, где всё живое генерировалось силами «инь» и «ян», находящимися в гармонии друг с другом. На примере концепции равновесия «инь» и «ян» Дж. Най показывает разницу между «жесткой» и «мягкой» силой. Для того чтобы достичь равновесия между «инь» и «ян», необходимо рационально применять «жесткую» и «мягкую» силу [Там же]. Умение синтезировать «жесткую» и «мягкую» силу – это есть суть «умной силы». В 2003 году Дж. Най разработал концепцию «умной силы», чтобы показать, что одна только «мягкая сила» не сыграет значительной роли в обеспечении эффективной внешней политики [9]. Власть – это способность влиять на других людей, чтобы получить желаемое. Существует три способа получения влияния: принуждение, вознаграждение и привлекательность. «Жесткая сила» – это сила принуждения и вознаграждения. «Мягкая сила» – это способность получить результаты через привлечение. Если государство будет определять повестку дня для других и формировать их предпочтения, то оно сможет доминировать в мировой политике. Однако, подчёркивает Дж. Най, возможности «мягкой силы» ограничены. Ввиду этого появляется необходимость выработки «умной» стратегии на основе «жесткой» и «мягкой» силы.

Рассуждая о «мягкой силе», Дж. Най приводит в пример английского реалиста Э. Х. Карра, который в 1939 году разделил международную силу на три категории: во-

енную силу, экономическую силу и власть над общественным мнением. Несмотря на то, что речь идёт о более толерантном или либеральном подходе к достижению поставленных на международной арене целей, концепция «мягкой силы» в любом случае рассматривается как разновидность силы в целом. В свою очередь, это говорит о том, что в определённой степени в данной концепции уже изначально заложена идея о целенаправленном действии одного субъекта над другим. Сила – это политический ресурс для реализации широких внешнеполитических амбиций.

В 2005 году в рамках исследования корпорации RAND были разработаны способы измерения страновой силы (*nation power*), включая «мягкую силу». Были выделены потенциальные параметры «мягкой силы»: инновации, распространение языка и культурных ценностей, система союзов, доступ к международным коммуникациям, туризм. В конечном итоге авторы проводимого исследования предложили использовать простейший субъективный критерий – ответ на один-единственный вопрос: «В какой стране, если не в вашей собственной, вы хотели бы жить?» [7, с. 24].

В 2012 году мировой общественности было представлено исследование, проведенное совместно компанией “Ernest and Young” и Московской школой управления «Сколково» [Там же]. Исследование касалось «мягкой силы» государств, эффективность использования которой рассчитывали, опираясь на статистику международных организаций и рейтинги в прессе. Первый рейтинг был составлен из быстроразвивающихся стран, его возглавил Китай, а второй – из стран «Большой семёрки», который возглавили США.

Культурное влияние Китая в Центрально-Азиатском регионе неуклонно возрастает. Китайское руководство уделяет значительное внимание разработке специальных программ по совершенствованию имиджа страны на международной арене. В период председательства в Китае Ху Цзинтао была выдвинута идея создания «гармоничного общества», которая первоначально была нацелена на решение внутренних проблем китайского социума, а в дальнейшем синтезировалась с целями внешнеполитической повестки дня. В апреле 2005 года в Джакарте Ху Цзинтао выдвинул идею «совместного построения гармоничного мира». В сентябре

2005 года, выступая на саммите ООН, посвящённом 60-летию создания организации, Ху Цзинтао предложил четыре пункта по созданию «гармоничного общества». Первый пункт касался вопросов безопасности, обеспечение которой возможно только через коллективное сотрудничество при главенствующей роли ООН. Китайский лидер подчеркнул необходимость разработки новой концепции безопасности. Во-вторых, подчёркивалась необходимость «пробудить развивающиеся страны к ускорению развития» и повышения ответственности развитых стран «за обеспечение всеобщего, гармоничного и равноправного развития планеты». В-третьих, отмечалось, что «надо уважать права всех стран мира на самостоятельный выбор социального строя и пути развития..., защитить многообразие цивилизации в духе равноправной открытости..., совместно создать гармоничный мир, в котором будут сосуществовать разные культуры». В-четвёртых, акцент делался на реформировании ООН и необходимости «увеличить представительство развивающихся стран, особенно африканских, с тем, чтобы ещё больше государств, в первую очередь средних и малых, имели ещё больше возможностей для участия в принятии решений в СБ ООН» [1]. Руководство Китая хотело показать всему миру, что Китай заинтересован в продвижении идей сотрудничества, мира и процветания на всей планете и у страны есть притягательная сила, способная изменить мнение международного сообщества о государстве с социалистическим строем.

15 октября 2007 года Ху Цзинтао выступил на XVII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая с докладом «Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, бороться за новую победу в деле полного построения среднезажиточного общества». Одно из положений доклада было посвящено укреплению «мягкой силы» Китая через продвижение китайской культуры. В частности, китайский лидер подчеркнул: «В современную эпоху культура становится всё более важным источником цементирующих и творческих сил нации и одновременно всё более важным фактором конкуренции в совокупной государственной мощи» [6].

В Кыргызстане активно реализуется концепция «китайская мечта», которая открывает новые горизонты сотрудничества между двумя странами. Председатель Ки-

тая Си Цзиньпин выдвинул концепцию «китайская мечта», состоящую из трёх частей: государственное могущество, процветание нации и счастье народа. Для успешной реализации идеи «китайская мечта» необходима стабильная обстановка в соседних с Китаем республиках. Кыргызстан граничит с Китаем на юге и юго-востоке. Общая протяжённость границы составляет 1049 км. Кыргызско-китайское сотрудничество развивается в различных сферах: транспортные проекты, телекоммуникация, энергетика, горнодобывающая промышленность, строительство инфраструктуры, сельское хозяйство, культура, образование.

Китай заинтересован в развитии своей проблемной северо-западной территории – Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) – и в течение нескольких лет планирует превратить автономный район в центр подготовки специалистов, включая молодых людей, приезжающих сюда из Центральной Азии. В 2010 году руководство Китая приняло решение открыть в Урумчи, административном центре СУАР, специальное ведомство по распространению китайского языка в Центральной Азии. В задачи ведомства входят: 1) оказание помощи в создании институтов Конфуция, прежде всего в странах-членах ШОС; 2) издание новой учебной литературы по китайскому языку; 3) поощрение китайских преподавателей к работе за рубежом и привлечении иностранцев в Китай для изучения китайского языка [8].

Одним из инструментов «мягкой силы» Китая в Центральной Азии являются Институты Конфуция. В 2004 году была запущена программа создания Институтов Конфуция, которая содержит такие виды деятельности, как преподавание китайского языка для иностранцев, подготовка и аттестация преподавателей этого языка, поддержка научных исследований в области китаистики, проведение научно-просветительских и образовательных мероприятий, направленных на продвижение китайского языка и культуры [2]. Изначально ареал открытия Институтов Конфуция включал страны постсоветского пространства и Восточную Европу. Позднее Институт Конфуция появился в США и ряде европейских государств. На сегодняшний день в Кыргызстане открыто четыре Института Конфуция: в Кыргызском национальном университете им. Ж. Баласагына, в Бишкекском государственном университете им. К. Карасаева, в Ошском государственном

университете и в Джалал-Абадском государственном университете. 26 июня 2014 года в Кыргызско-Российском Славянском университете был открыт Центр китайской культуры на основе Соглашения о взаимном сотрудничестве между Кыргызско-Российским Славянским университетом и Институтом Конфуция при КНУ им. Ж. Баласагына. Кроме китайского языка, в Институтах проводят занятия, связанные с китайской культурой, это: кун-фу, каллиграфия, китайская живопись и игра на традиционном китайском музыкальном инструменте гучжэн. Институт Конфуция реализует проекты по отправке студентов в Китай с целью близкого знакомства с китайской самобытной культурой. У студентов растёт интерес к изучению китайского языка, что способствует динамичному культурному обмену. Каждый год Китай предоставляет Кыргызстану места на правительственные стипендии. В 2013 году количество китайских студентов в Кыргызстане составило примерно 2000 чел. Такое же количество студентов Кыргызстана насчитывается в Китае. В 2016 году кыргызстанцы, получившие образование в Китае, открыли в Бишкеке школу китайского языка «Билим экспорт». С одной стороны, это придаёт дополнительный импульс культурному сотрудничеству между Кыргызстаном и Китаем. С другой – Кыргызстан может столкнуться с проблемой «утечки мозгов», когда студенты с многообещающим потенциалом проявляют желание остаться в стране-реципиенте, т. е. в Китае.

В последние годы Китай прилагает значительные усилия, чтобы создать о себе хорошее впечатление и делает всё для того, чтобы максимально распространить культурные ценности своей страны. В 2015 году в Национальной библиотеке Кыргызстана был открыт Центр китайского образования и культуры, целью которого является продвижение китайской культуры. Центр послужит базой для ознакомления граждан Кыргызстана с достижениями Китая в различных областях, его духовными ценностями, богатым научным потенциалом. В 2016 году в рамках ШОС был организован летний лагерь в Китае для школьников из Кыргызстана в возрасте 14–18 лет. В данном мероприятии приняли участие 139 учащихся школ, 23 преподавателя, директора, учителя школ. По завершении поездки было отмечено, что «особые впечатления учащиеся получили от знакомства с культурной программой, где каждый участник стал частью китайской культуры» [3]. В 2017 году в

Бишкекском государственном университете им. К. Карасаева планируется открыть мультимедийную библиотеку при финансовой поддержке Информационного бюро Госсовета Китая. Стоимость проекта оценивается в 300 тыс. долл. Библиотека будет оформлена в китайском стиле, а книжный фонд будет состоять из 60 тыс. книг и учебных пособий на китайском, английском и русском языках. Данный проект позволит студентам изучить язык, историю и культуру Китая.

В Кыргызстане организуются китайские выставки, проходят фестивали китайского кино, дни культуры. 2016 году был насыщен культурными мероприятиями, организованными китайскими представителями в Кыргызстане. Первая выставка «Лучшие товары Хайдуна провинции Цинхай КНР» открылась в столице Кыргызстана в г. Бишкек. Более 70 китайских предприятий демонстрировали свою продукцию – изделия из ткани, украшения и т. д. В том же году в кинотеатрах столицы Кыргызстана провели показ пяти китайских фильмов. В рамках проведения дней культуры Китая в Бишкеке была организована «чайная церемония», китайские игры и развлечения, представлены картины китайских художников, искусство, театральные маски, традиционная китайская одежда.

Китай оказывает существенную поддержку г. Ош, второму по величине городу Кыргызстана, как одному из важных стратегических и культурных перекрёстков на Великом Шелковом пути. Город Ош является побратимом нескольких китайских городов, таких как Урумчи, Синин, Ланьчжоу и Фошань, с которыми поддерживаются тесные контакты и развивается плодотворное сотрудничество.

Известный китайский поэт Ли Бо, знаменитый стилем ушу «пьяный мастер», родился на территории современного Кыргызстана в столице Суяб, Западно-тюркского (561–656) и Тюркешского (699–766) каганатов. Это город в долине реки Чу, расположенный близ современного города Токмок. Сегодня на этом месте, именуемом Ак-Бешим, образован историко-культурный центр «Суяб». Представители боевых искусств Китая проявляют большой интерес к центру. Кроме того, планируется проведение форума боевых искусств и съёмка документального фильма о Ли Бо, готовится к изданию книга «Суяб: вчера, сегодня, завтра» [5]. В скором времени запланировано открытие памятника Ли Бо в Кыргызстане.

Таким образом, Кыргызстан рассматривается Китаем как значимый и стратегический партнёр, что доказывает тесное гуманитарное сотрудничество между двумя странами. При этом можно заметить, что культурный аспект «мягкой силы» Китая является ключевой составляющей китайской внешней политики. В Кыргызстане находят поддержку культурно-просветительские проекты Китая, что говорит об особой привлекательности китайской культуры и её значительной популяризации. Китай, опираясь на

культурную стратегию во внешней политике, повышает свой имидж и делает свою страну привлекательной для других стран международного сообщества. В целом руководство КНР «ненасильственными» методами получает преимущество от своей культурной привлекательности, расширяя своё влияние в Кыргызстане. Роль Китая в мире будет возрастать, культивироваться и подпитываться «мягкой силой», возможности которой, как показала практика на примере Кыргызстана, не являются ограниченными.

Источники и литература

1. **Выступление председателя КНР Ху Цзиньтао** на саммите ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russian.china.org.cn/russian/195668.htm> (дата обращения: 10.03.2017).
2. **Институт Конфуция** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bhu.kg/structure/institutes/confucius-institute> (дата обращения: 07.03.2017).
3. **Летний лагерь** кыргызских школьников в Китайской Народной Республике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edc.kg/moin-kr/letnij-lager-kyrgyzskih-shkolnikov-v-kitajskoj-narodnoj-respublike.html> (дата обращения: 07.03.2017).
4. **Най Дж.** «Мягкая сила» Китая в китайской мечте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20131221/215796739.html> (дата обращения: 07.03.2017).
5. **Основатель стиля** «Пьяный мастер» великий китайский поэт Ли Бо родился в Кыргызстане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rsbi.kz/index.php/news/162-osnovatel-stilya-ryaniy-master-velikii-kitaiskii-poet-li-bo.html> (дата обращения: 10.03.2017).
6. **Основные положения доклада Ху Цзиньтао** на XVII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (15 октября 2007 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/10/23/print:page,1,osnovnye_polozheniya_doklada_khu_czintao_na_xvii_vsekitajskom_sezde_kommunisticheskoy_partii_kitaja_15_oktjabrja_2007_g.html (дата обращения: 10.03.2017).
7. **Паршин П.** Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады. – 2013. – Вып. 1. – Март.
8. **Плотников Д.** Между мировыми и региональными державами разворачивается борьба за влияние и создание притягательных образов своей культуры в Центральной Азии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ia-centr.ru/expert/23412> (дата обращения: 13.03.2017).
9. **Nye J. Smart G.** Combining Hard and Soft power [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2009-07-01/get-smart> (дата обращения: 07.03.2017).

УДК 339:327(510:5-191.2)

ББК У012.4:Ф4(0),03(5Кит:54)

Айнура Майрамбековна Акматалиева,

*Кыргызско-Российский Славянский университет,
г. Бишкек, Киргизия*

«Один пояс – один путь» и Экономический пояс Шёлкового пути КНР для Центральной Азии: стратегия господства и изменения мирового порядка

Одна из самых амбициозных стратегий, предложенная руководством КНР, – «Один пояс – один путь» – на сегодняшний день является инициативой, способной изменить геополитические и геоэкономические правила игры в евразийском континенте, предполагает пересмотр нынешнего мирового порядка. С одной стороны, ЭПШП – это вызов России и её интеграционным инициативам, таким как ЕАЭС и Таможенный союз, а с другой стороны, США в широком евразийском и Азиатско-Тихоокеанском периметре.

Ключевые слова: КНР, Экономический пояс Шёлкового пути, Центральная Азия, инфраструктурные проекты

Ainura M. Akmatalieva,
Kyrgyz-Russian Slavic University,
Bishkek, Kyrgyzstan

“One Belt – One Road” and Economic Belt of the Silk Road Strategy of China for Central Asia: Strategy of Dominance and Changing the World Order

One of the most ambitious strategies proposed by the leadership of the PRC – “One Belt One Road” to date is an initiative capable of changing the geopolitical and geo-economic rules of the game not only in the Eurasian continent, but also involves a revision of the current world order. On the one hand, EPS is a challenge to Russia and its integration initiatives like the EEA and the Customs Union, and on the other side of the US in a wide Eurasian and Asian-Pacific perimeter.

Keywords: China, economic belt of Silk road, Central Asia, infrastructure projects

Ежегодный товарооборот между КНР и пятью государствами Центральной Азии за 25 лет сотрудничества вырос с 500 млн долл. до внушительных 30 млрд долл. в год [2]. Самые высокие показатели были зафиксированы в 2013 году, составив 50 млрд долл. Китай значительно активизировал свою деятельность в государствах Центральной Азии за последние годы в качестве инвестора, кредитора и торгового партнёра, значительно отодвинув Россию.

В 2013 году китайский лидер Си Цзиньпин, находясь в университете им. Н. Назарбаева в Казахстане, озвучил инициативу Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП) стоимостью по разным оценкам от 800 млрд долл. до 1 трлн долл. Позже была озвучена инициатива «Морского пути 21-го века», две инициативы были объединены под общую стратегию – «Один пояс – один путь». С тех пор, два института в рамках стратегии получили своё развитие – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций начал свою работу с 16 января 2016 года с уставным капиталом в 100 млрд долл. и Фонд Шёлкового пути с 2014 года с капиталом в 40 млрд долл. Была запущена самая длинная в мире грузовая железнодорожная перевозка товаров по маршруту Харбин – Гамбург 13 июня 2015 года, занимающая 15 дней пути.

Одна из самых амбициозных стратегий, предложенная руководством КНР – «Один пояс – один путь» – на сегодняшний день является инициативой, способной изменить геополитические и геоэкономические правила игры в евразийском континенте, пересмотреть нынешний мировой порядок. Согласно официальной риторике Пекина ЭПШП – модель для устранения недостатков существующего мирового порядка.

С точки зрения самой инициативы – это геоэкономическая и геополитическая стратегия выдвижения КНР в глобальное господство, которая не имеет конкретных сроков исполнения или перечня проектов. Скорее, это модель, меняющая свою наполненность и способная вбирать в себя новые идеи и инициативы уже в период своей реализации, что обеспечивает ей гибкость, адаптивность, способность аккумулировать новые идеи и предложения. В официальном документе КНР говорится что «Строительство “Одного пояса – одного пути” – это открытый и толерантный процесс» [4]. Таким образом, КНР предлагает модель с более «справедливым и инклюзивным процессом» совместного решения глобальных вопросов.

Пять принципов были провозглашены в рамках проекта ЭПШП:

- укрепление политических контактов;
- создание сети автомобильных и железных дорог, трубопроводов и коммуникаций;
- свободная торговля и расширение экспорта;
- увеличение валютных потоков за счёт перехода на расчёты в национальных валютах;
- сближение народов региона.

С одной стороны, ЭПШП – это вызов интересам России и её интеграционным инициативам, таким как ЕАЭС и Таможенный союз, а с другой – США в широком евразийском и Азиатско-Тихоокеанском периметре. Экономический пояс Шёлкового пути и Морской путь 21-го века – две программы в рамках одной инициативы, способные обеспечить не только Китай, но и государства вдоль маршрута новыми возможностями,

благодаря инфраструктурной логистике и торговым преобразованиям. Именно этот аспект инициативы является для государств Центральной Азии наиболее привлекательным. Режимы государств региона, используя китайские инвестиции, могут легитимировать своё правление, предоставляя новые возможности своим гражданам. Преимуществом инициативы является акцент на экономике и экономических побудителях интеграции, что снимает политизированность многих проектов на данном этапе. Однако в случае успешной реализации инициативы КНР будет оспаривать геополитическое доминирование и увеличит политическое присутствие вдоль стран маршрута.

Следует отметить, что в Центральной Азии не региональные акторы стали активно уделять внимание моделям экономической интеграции как ЕАЭС – РФ или Новый Шёлковый путь – США и наконец, Экономический пояс Шёлкового пути – КНР. В случае ЕАЭС мы наблюдаем больше политических инструментов интеграции в условиях экономических санкций Запада против России, снижения экономического развития и низких цен на нефть. Существует инициатива о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП, подтвержденная соглашением между РФ и КНР от мая 2015 года. Преимущественно под сопряжением подразумевается согласованная деятельность по инфраструктурным проектам и другим инициативам. Так, 39 проектов были согласованы по строительству и модернизации существующих дорог [1].

Вместе с тем необходимо отметить, что ухудшение отношений России и западных стран во главе с США толкает Москву искать союзников в Азии. В российских источниках эксперты склонны преувеличивать общие интересы Москвы и Пекина, но с точки зрения их геополитических противоречий, Россия еще не готова «отпустить» постсоветскую Центральную Азию из орбиты своего влияния. Поэтому на практике мы видим, что Россия пытается укрепить институты своего активного присутствия, такие как ОДКБ, ЕАЭС, Таможенный союз. А КНР в свою очередь пытается расширить ШОС и использовать её как в качестве инструмента экономического объединения, увеличения её геополитического веса в международных отношениях. Таким образом, в дискурсивной практике Пекин и Москву объединяет желание самим решать внутренние вопросы сепаратизма отдельных регионов и стремление

не допускать иные державы в сферу своих интересов в Центральной Азии. Однако очевидными стали неготовность Пекина расширять политический вес в регионе Центральной Азии, в большей степени – стремление не оспаривать традиционную роль России по крайней мере на данном этапе.

Инициатива США – Новый Шёлковый путь больше предполагает не только политическое участие, но и финансовые ресурсы самих государств Большой Центральной Азии и Южной Азии, что больше воспринимается как «стратегия ухода» (*exit-strategy*) из Афганистана. Тем более роль Индии в качестве потенциальной доминирующей державы в регионе сомнительна, прежде всего, из-за нежелания самой Нью-Дели взять на себя такую ответственность, также из-за позиций Москвы и Пекина.

Из всех этих интеграционных моделей наиболее перспективным представляется именно китайская инициатива, с точки зрения финансирования и масштабов преобразований, предусмотренных в инфраструктурном отношении.

ЭПШП предполагает создание трёх экономических коридоров:

– Китай – Центральная Азия – Россия – Европа;

– Китай – Центральная и Западная Азия – Персидский Залив и Средиземное море;

– Китай – Юго-Восточная Азия – Южная Азия – Индийский океан.

Эти коридоры позволят увеличить скорость перевозки товаров и услуг из Китая в Европу морским путём с 45–60 сут. до 10–13 дней сухопутным путём; откроют новые рынки сбыта китайских товаров и услуг для стимулирования темпов экономического роста КНР; окажут помощь китайским железнодорожным и строительным компаниям в завоевании мирового рынка.

Безусловно, КНР выдвинул инициативу «Один пояс – один путь», руководствуясь потребностями внутренней политики. С одной стороны, на локальном уровне ЭНШП позволит дать толчок для развития слабо развитым центральным и западным провинциям Китая – СУАР, Ганьсу, Нинксия, Юннань, – что будет способствовать экономическому выравниванию регионов [3]. За годы интенсивной модернизации именно западные провинции оказались менее развитыми, чем остальные регионы. Среди других причин, вызвавших ЭПШП, эксперты

называют стимулирование роста внутреннего потребления, переизбыток промышленных мощностей, разрешение проблем с экстремизмом и сепаратизмом в СУАР [5]. С другой стороны, на международном уровне ЭПШП позволит КНР расширить получение доступа к энергоресурсам Центральной Азии и постепенно стать в геополитическом отношении доминирующим игроком, не только сухопутной державой, но и морской на мировой арене. Китай выдал кредиты Казахстану и Туркмении, Кыргызстану и Таджикистану в объёме 30 млрд долл. на реализацию сырьевых и инфраструктурных проектов на начало 2016 года. На сегодняшний день Китай импортирует из Центральной Азии не только газ и нефть, но и нарастил импорт металлов. Туркменский газ преимущественно направляется в КНР по газопроводу Туркменистан – Китай как возможность погашения полученных кредитов; китайские кампании имеют доступ к четверти казахстанской нефти по нефтепроводу в 20 млн т в год, а также Казахстан экспортирует уран и покрывает 75 % спроса КНР.

Постепенно успешная реализация Стратегии «Один пояс – один путь» позволит КНР добиться глобального превосходства. Для государств Центральной Азии ЭПШП – это возможность получить инфраструктурное развитие и новые торговые возможности. Уже построенные дороги и мосты стали визитной карточкой китайских строителей. Так, среди важных проектов можно назвать:

- Автомагистральную дорогу «Западный Китай – Западная Европа»;
- Автодорогу «Китай – Кыргызстан – Узбекистан»;
- Шоссе «Бишкек – Нарын – Торугарт»;
- 19-километровый железнодорожный тоннель через перевал Камчик на железной дороге «Ангрен – Пап»;
- Железнодорожный тоннель на участке Вахдат – Яван;
- Высоковольтные линии электропередач в Таджикистане и Кыргызстане;
- Хоргос – центр приграничного сотрудничества.

Вместе с тем существуют скептики в отношении реализации стратегии, указывающие на следующие недостатки.

Во-первых, вопросы безопасности, которые могут поставить под сомнение реализацию стратегии в целом [6]. Например,

в государствах Центральной Азии и Южной Азии, коррумпированные чиновники не только могут тормозить процесс реализации инфраструктурных проектов, но и периодически создавать ситуации, когда местные жители будут протестовать и требовать для себя лучших условий. К примеру, китайские компании нанимают на работу преимущественно собственных рабочих, местное население выражает желание тоже быть вовлечённым в процесс. Помимо этого существует тенденция отторжения и боязни китайских инвесторов и бизнесменов у местного населения. Так, в Казахстане инициатива сдавать землю иностранцам на длительное пользование вызвала социальные протесты; в Кыргызстане премьер-министр Т. Сариев ушёл в отставку из-за обвинений в коррупционных сделках с китайской компанией Longhai. Помимо этого экстремистские и террористические организации могут создавать препятствия для реализации проектов.

Во-вторых, существуют открытые препятствия, создаваемые геополитическими конкурентами, такими как Россия и Индия в Евразии, США и Япония в Азиатско-Тихоокеанском измерении. Насколько Пекин сможет вовлечь третьи страны в орбиту своего влияния, остаётся открытым вопросом.

В-третьих, культурно-языковой аспект, например, в Центральной Азии русский язык остается языком межнационального общения на межгосударственном уровне. Так или иначе, либо местным, либо китайцам со временем необходимо выучить язык взаимного общения, но это потребует времени. И наконец, насколько Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Фонд Шёлкового пути могут создать альтернативу Всемирному банку и Международному валютному фонду, остаётся также открытым вопросом [7].

Таким образом, с одной стороны Стратегия КНР «Один пояс – один путь» – является на сегодняшний день в Евразии, и в частности в Центральной Азии, наиболее жизнеспособным проектом с точки зрения экономических инвестиций и инфраструктурных возможностей. Но с другой – геополитические противоречия между Россией и КНР, США и КНР могут тормозить вопросы практической реализации, создавая препятствия, связанные с вопросом безопасности и культурно-языкового характера.

Источники и литература

1. **ЕАЭС и Экономический пояс** Шёлкового пути свяжут транспортные маршруты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.knews.kg/2017/03/eaes-i-ekonomicheskij-poyas-shelkovuj-put-svyazhut-transportnye-marshruty> (дата обращения: 10.03.2017).
2. **За 25 лет товарооборот** Китая со странами Центральной Азии вырос в 60 раз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.inform.kz/ru/za-25-let-tovarooborot-kitaya-so-stranami-central-noy-azii-vyros-v-60-raz_a2987699 (дата обращения: 20.03.2017).
3. **Лихуа Х.** Перспектива стыковки стратегии «Один пояс – один путь» и ЕАЭС // Управленческое консультирование. – 2015. – № 11. – С. 66–70.
4. **Прекрасные перспективы** и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века от 16 марта 2015 года [Электронный ресурс] // Госкомитет по делам развития и реформ, МИД и Министерство коммерции КНР. – Режим доступа: <http://www.uz.chineseembassy.org/rus/slfy/sczljjd> (дата обращения: 15.03.2017).
5. **Фролова И. Ю.** Китайский проект «Экономический пояс Шелкового Пути»: развитие, проблемы, перспективы // Проблемы национальной стратегии. – 2016. – № 5. – С. 47–67.
6. **Ghiasi R., Zhou J.** The Silk Road Economic belt: Considering security implications and EU. – China cooperation prospects: SIPRI, 2017.
7. **Wong E., Chi K., Tienjun W.** One Belt, One Road. China's Strategy for a New Global Financial Order // Monthly Review. – 2017. – Vol. 68, Is. 8.

УДК 908:001.1:572.9
ББК 26.89:Ч2:Т5

Риф Исмагилович Якупов,
*Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра РАН,
г. Уфа, Россия*

**Регион как объект изучения:
научно-этнологический и этнологический взгляд
на проблему. Россия-Евразия, Урал, Сибирь,
Дальний Восток**

В статье поднимается проблема развития регионоведения как важного пространственного объекта изучения общества в условиях ломки, под влиянием глобальных процессов, всех прежних социальных, политических, культурно-исторических маркёров и границ. Одновременно регион, обладающий естественными природно-ландшафтными границами, становится феноменом, в рамках которого так же, как в прошлом и настоящем, очевидно, будут происходить новые процессы культурогенеза и новых геополитических реалий.

Ключевые слова: этнос, нация, краеведение, регион, регионоведение, социум, культурогенез, субэтнос, Евразия, историко-этнографическая область, хозяйственно-культурный тип

Rif I. Yakupov,
*The Institute of history language and literature
of Ufa science centre of RAS,
Ufa, Russia*

**Region as an Object of Studies: Scientific (Scienceological)
and Ethnological View of the Problem. Russia-Eurasia,
the Urals, Siberia, the Far East**

In the article the problem of development of regional studies as an important spatial object of the study of society under conditions of breaking, under the influence of global processes, all previous social, political, cultural and

historical markers and boundaries, is discussed. At the same time, a region that has an objective natural-landscape borders, becomes a phenomenon, within the framework of which, as in the past and present, new processes of cultural genesis and new geopolitical realities will evidently occur.

Keywords: ethnos, nation, regional studies, region, regional studies, socium, culture-genesis, sub-ethnos, Eurasia, historical and ethnographic region, economic and cultural type

Россия многообразная страна. Как государство, она уникальна во многих своих проявлениях¹. Особенно своей многонациональностью и поликонфессиональностью. На это, правда, любой исследователь, может возразить, что в современном мире практически нет моноэтнических или моноконфессиональных стран. И будет прав. Однако мы имеем в виду не этноконфессиональную монолитность или, напротив, пестроту, как таковые, а их количественные и качественные показатели.

В России поликультурность в сравнении с другими странами максимальна. Здесь, по данным последней переписи, проживает более 190 разных этнических общностей, хотя в «Официальном списке национальностей» Госкомстата их значится меньше. Известно, что во Всероссийской переписи 2010 года более 5 % респондентов национальность свою не «показали» совсем. Так что можно, видимо, предположить, что реальное число этнических общностей в России ещё больше и может достигать 200 и более. Но и это не главное. Важно отметить качественную характеристику. Полиэтничность, например, Франции, Великобритании, Германии, Италии или Испании, которую (полиэтничность) подчёркивают некоторые этнологи, всё же иная, нежели российская. Культура этих *наций*² более монолитна, чем российская, а такие общности, как провансальцы, фламандцы, баварцы, севильцы, даже уэльсцы с шотландцами (несмотря на то, что их собственная идентичность тоже вполне очевидна), тяготеют к общностям, вполне вмещаемым в понятие этнические или *этнографические группы*, или *субэтнос*³. Имеет-

ся в виду только культурно-языковой контекст. Следует понимать, что и конфессионально страны и народы «классической» Европы в принципе ближе друг к другу, чем народы в России. В этих странах господствует в различных вариациях общая доктрина католицизма. В XX веке в них стали очень популярны различные культы, в основе которых лежит буддизм. И сегодня он занимает значительное место в европейской конфессиональной структуре. Что касается ислама, совершенно очевидно, что это явление для Европы довольно новое⁴, хотя и стремительно набирающее инерцию развития и влияния. Аналогична по качеству и культурно-конфессиональная характеристика народов классической Азии. С той только разницей, что здесь культурно-цивилизационную основу представляют буддизм и индуизм (как собирательное название множества различных культов)⁵.

В России ситуация иная. Здесь как минимум в течение тысячелетия взаимодействуют три известные мировые (или авраа-

и этноним. Этническая группа более самостоятельна и по языку, и по культуре, а главное (уже или еще, в зависимости от вектора развития) – обладает собственным самосознанием, претендующим на исключительность и обычно с двойным этнонимом (например, русские-казаки, татары-кряшены, сибирские татары и др.).

⁴ Мы, конечно, не забываем о том огромном – эффекторном значении, которое имела исламская цивилизация на Европу и её культурную жизнь в эпоху расцвета Арабского халифата, посредством входящих в него территорий Испании, о. Сицилии и Мальты, а также в результате интенсивных контактов католической Европы и мусульманского Востока в период крестовых походов. Но тогда это влияние практически не имело демографических последствий, а арабское население Кордовского халифата и Сицилии было быстро ассимилировано после распада Большого Халифата. Теперь же мы наблюдаем принципиально иные, можно сказать, противоположные процессы. Это значительное, всё возрастающее численное увеличение исламской общины в странах Европы, при незначительном пока влиянии её (общины) на науку и культуру. Да и Европа теперь занимает совсем другие, чем в средние века, позиции на шкале мировой цивилизации.

⁵ Буддизм в России предстаёт в его каноническом варианте, несколько адаптированном в вековые этнические традиции исповедующих его народов: калмыков, тувинцев, бурят а также более поздних мигрантов – корейцев, китайцев, вьетнамцев (представленных небольшими общинами в основном в городах).

¹ И это будет точной, вполне научной и аргументируемой характеристикой.

² Здесь и далее курсив используются для выделения слов употребляемых в качестве терминов.

³ Понятия «этнографическая группа» и «субэтнос» – исключительно этнологические. Они были введены для обозначения внутренней неоднородности любого этноса, состоящего обычно из нескольких субэтнических групп. Но и они различаются по степени отдалённости или приближённости к ядру этноса (его основной массе). Этнографическая группа не выходит далеко за рамки общей культуры и языка, обладая своеобразием (в отдельных элементах материальной и духовной культуры), она сохраняет общие с ядром этноса – самосознание

мические) религии и одна религиозно-философская доктрина (буддизм), к тому же десятки традиционных верований «коренных» народов Севера, Сибири, Дальнего Востока и азиатского Юга. Расовая пестрота в Евразии, соответственно в России, вторая – после Америки (речь только о *больших расах*).

Теперь о масштабах территории. На сегодня после присоединения Крыма площадь России составила 17 124 442 км². И это вновь первое место в мире. Важно, что Россия занимает значительные части и Европы, и Азии, следовательно, одновременно находится в разных цивилизационных кругах влияния, оставаясь при этом самой большой страной как Европы, так и Азии.

Перечисление и обоснование других уникальных характеристик России можно было бы продолжить. Но это не цель. Сказанным выше мы лишь стремились показать, что Россия являет собой исключительно интересный и важный объект – модель для изучения и познания законов развития общества во времени и в пространстве. Речь идёт исключительно о фундаментальных исследованиях и о познании закономерностей общественного бытия и движения *социальной материи*, как сказали бы философы прежней эпохи¹.

Россию же, как феноменальное во всех отношениях пространство, можно изучать с различных сторон: и в целом, и выделяя сначала более мелкие объекты анализа. Здесь и понадобится нам понятие *регион*. Это вывод важный в целом, во-первых, для гуманитарной науки, во-вторых, для этнологии, в-третьих, для *науковедения*.

Об этом подробнее. Науковедческий аспект. Если мы ставим вопрос о выделении понятия регион для обозначения нового объекта изучения, тем более пытаемся придать ему уже статус направления или отрасли познания (...-ведение), то, очевидно, необходимо ясно определить границы этого понятия, его смысл и необходимость его изучения в отдельности от других пространственных явлений. В любом научном дискурсе полезно начать разговор с обсуждения главных понятий. Это тем более важно, что уже давно существует в системе

¹ Причём, чем более мы отдаляемся от той эпохи, тем явственнее проявляется инструментальная ценность «старых» категорий, если конечно отбросить всю идеологическую подоплеку. Сегодня гуманитарным наукам недостаёт именно обществоведческого и объективистского подхода в исследованиях исторических и культурных процессов.

историко-географических исследований понятие *краеведение* – привычное и потому не вызывающее вопросов².

А вопросы нужны. Если задуматься, давность понятия *краеведение*, тем более его бытование в обиходном лексиконе, создаёт иллюзию его абсолютной понятности. Но на проверку оказывается, что каждый исследователь вкладывает в него свой смысл и отнюдь не всегда готов дать точное определение этому термину. Тем не менее, это не мешает краеведению существовать как отрасли гуманитарных наук уже более 300 лет.

В целом *краеведение* – это одна из ранних ступеней развития Российской научной географии, этнографии, да и историологии, кроме того – импульса, который дало краеведению развитию названных наук, само оно впоследствии сохранилась в двух форматах. Первый – не вполне научный, а публицистический, популярный, можно сказать, общественный – «народный». Но и в этом качестве тон местным краеведческим исследованиям всегда задавали такие научные институты, как Императорская АН, Вольное экономическое общество, Императорское Русское географическое общество, Учёная архивная комиссия, через их региональные (губернские) отделения и филиалы³. Эта история в целом известна. Второй формат профессиональный, в нём можно выделить два вектора.

Укрепление *краеведения* в качестве общественного движения произошло в земский период (1865–1917) истории Отечества. Именно тогда получило развитие местное музейное дело, а краевые (губернские) Учёные архивные комиссии (УАК), основывали на местах первые научные архивы и способствовали созданию периодических

² В советские времена краеведение относили к «вспомогательным историческим дисциплинам».

³ Эти общества, в частности, будили краеведческую инициативу местных чиновников, публицистов и вообще интеллектуалов, рассылая в губернии и волости специальные анкеты для сбора исторических географических и этнографических сведений. Одним из первых, кто начал подобную работу, был Г. Ф. Миллер, путешествовавший по России в составе большой экспедиции АН в 1733–1743 гг. Затем этот метод использовал М. В. Ломоносов, возглавивший в начале 1750-х годов Исторический департамент в Академии наук и получивший статус историографа вместе с поручением начертания «Истории государства Российского». Впоследствии разработка и рассылка анкет в регионы стала традицией для научных обществ. Этим занимались практически все научные ассоциации и учреждённые государством структуры: и РГО, и ВЭО, Этнографическое бюро Тенишева, ОИДР при МГУ, ОЛЕАЭ при Казанском университете и др.

краеведческих изданий: путеводителей, адрес-календарей, справочников, сборников статистических сведений, краеведческих сборников, а также обильной монографической литературы, включая художественную. Это в целом и есть первый вектор, – когда изучением *родного края* занимаются профессионально образованные люди, не обязательно историки, но люди, владеющие основными понятиями науки.

В советскую эпоху предпринимались попытки придать *краеведению* исключительно научный или организованный характер, посредством создания в 1920–1930-е годы местных, республиканских, областных и краевых (адм. термин) *краеведческих* обществ. Повсеместно открывались Краеведческие музеи (именно с таким, «типовым» названием). В 1965 году было создано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, стать членом которого было почётно для каждого «сознательного коммуниста». Тогда же началось издание всесоюзной серии «Организация, методика и содержание краеведческой работы». Даже в постперестроечное время краеведческая работа не ослабевает, а в 1990 году была создана ассоциация – «Союз краеведов РФ».

В то же время, за годы советской власти, благодаря развитию широкой сети созданных в основном после войны региональных университетов, институтов и научно-исследовательских структур (НИИ) гуманитарного профиля, «на местах» сложились кадры квалифицированных историков, филологов, этнографов, литературоведов, архитекторов. Главным следствием этого процесса стало два факта: возникновение региональных *научных школ* и складывание традиции специализации местных учёных исключительно на местных же проблемах науки (в то время, как «центр» всегда сохранял за собой прерогативу изучения мировой и общероссийской истории на концептуальном уровне). Так в регионах возникли кадры исследователей, не претендовавших на фундаментальные научные открытия, но профессионально работающих в области исторической, географической и прочей фактологии. Их часто называют профессионалами-*краеведами* в отличие от тех, кто изучает местные сюжеты истории географии, этнографии или фольклора в контексте общероссийской истории или с претензией на теоретические обобщения¹.

¹ И в этой связи нам трудно согласиться с мнением Д. С. Лихачёва, которое сохраняет своё влияние

Употребление понятия *наука* в отношении *краеведения* представляется нам неуместным в контексте, понижающем статус и смысл научной деятельности. Слишком много в «классическом» – общественном *краеведении* обыденных допущений, эмоций и субъективизма. *Краеведение*, несомненно, должно (призвано) воспитывать, и в этом качестве его стоит приветствовать. То, что есть профессиональные учёные, сознательно ограничившие сферу своих интересов какой-то местностью, полезно для *краеведения*. По отношению к ним мы можем употреблять понятие *учёный-краевед* (историк, географ, литературовед, фольклорист, зоолог, биолог). Но, в отношении же самого *краеведения* (как и *страноведения*) нам представляется полезным употреблять термин, более точно отражающий их суть. Это не науки, а комплексные *интегральные направления научной деятельности*, научных исследований. Поэтому *краеведение* и может быть географическим, историческим и пр.

К сказанному в качестве аргумента, добавим, что наука (конкретная отрасль) должна иметь не только чёткий объект и предмет анализа, но и свой категориальный аппарат, и открытые законы бытия своих объектов анализа. *Краеведение* в этом смысле лишь констатирует факты. Это чистая эмпирика. А «*научное краеведение*» – эмпирика, подчинённая научным критериям и правилам.

На этом фоне мы и противопоставляем понятия *краеведение* и *регионоведение*. Кажется, что они стоят в одном ряду, но всё-таки они не одно и то же. Потому что понятие *край* не имеет точно определённых границ². Понятие *регион* гораздо более определённое, более обширное, с точки зрения пространственного охвата. И учёному сообществу ещё предстоит это осознать³. В

благодаря авторитету академика, о том, что: «есть ещё одна чрезвычайно важная и исключительно редкая особенность краеведения как науки. В ней нет “двух уровней”. Одного уровня – для учёных-специалистов и другого – для “широкой” публики. Краеведение само по себе популярно. Оно существует постольку, поскольку в его создании и его восприятии (потреблении) участвуют широкие массы» [7, с. 159–173]. Как видим, это не совсем так, по крайней мере теперь.

² Лучше всего о смысловой широте термина говорит словарь В. Даля: «Край – м. начало и конец; предел, рубеж, грань, кромка; бок, сторона или полоса, ближайшая к наружности; берег, страна; земля, область и народ; калуж. – Лес...» [2].

³ Попутно можно отметить, что в России в каждом из данных направлений науки есть свои герои – «первопроходцы»: в страноведении – Афанасий Никитин, в краеведении – П. И. Рычков, в регионоведении – С. П. Крашенинников и, пожалуй, Г. Ф. Миллер.

современном глобальном мире понятие *регион* становится инструментально важным для науки, «употребительным», востребованным, что уже заметно в политическом, публицистическом и, конечно, в научном лексиконе. Почему?

Само понятие рождено в уже эпоху расцвета научного знания, начало которой мы относим к рубежу XVII–XVIII веков, когда в мировой истории практически завершается процесс эмпирического самопознания¹ и наблюдается переход к осмыслительной, аналитической (фундаментальной) науке вместе с возникновением первых предпосылок к глобализму во всех сферах общественного бытия. Кульминацией этого процесса становится конец XX века. Мир перестаёт быть «тридевятым». Он становится «единым» и со временем – «тесным».

Реальностью в этом едином мире стало постепенное, но неуклонное разрушение всех прежних границ: культурных, социальных, политических, экономических и даже административных. Взамен возникают новые реальности. В основном они носят характер ассоциаций, то есть характер добровольных неформальных союзов, хотя в результате своего развития ассоциации часто оформляют отношения и юридически. Например, ООН, ЕС, СНГ, ОИС, ШОС, НАТО, ВД, ОСН и многие другие международные союзы, рождённые в XX и XXI веке. К такому же типу организаций (ассоциаций) можно отнести транснациональные корпорации, субкультуры (байкеры, вегетарианцы), субконфессии, политсоюзы (пацифисты, «зелёные»). Даже в мире – по ту сторону закона (что, кстати, есть серьёзный маркёр правоты предлагаемых тезисов), возникают транснациональные объединения и вне-территориальные (пока) союзы: картели, террористические организации, сообщества и, как показала практика, даже подобия государств.

Размываются *этнокультурные границы*. Всё большее количество традиционных явлений этнической культуры становятся всеобщими: пицца, суши, шашлык, танго, сальса, ирландский степ, индийская йога, ушу, бунгало, гамак, «хэллоуин», «День Святого Валентина». Мы не говорим уже о международных явлениях культуры, рождённых временем: «8 Марта», «Первомай», рок, поп-арт (по направлениям), профессиональный спорт (по отраслям), феминизм, всё набирающий популярность – «флешмоб» (и в целом сетевые ассоциации) [9].

¹ В первую очередь в связи с окончанием Эпохи великих географических открытий XV–XVIII веков.

Ярким примером формирования *этнических сообществ* нового, «осознанного» типа стали – *экстерриториальные национально-культурные автономии*. И этот феномен порождён исключительно эрой глобализации.

Всё выделенное выше уже находится «на поверхности», бросается в глаза. Гораздо больше процессов, скрытых пока от общего обзора, вызревающих и потому малозаметных. Но они идут и требуют более специального, пристрастного изучения.

Причём даже отмечаемая рядом исследователей и действительно объективно существующая *глокализация* [5, с. 111–115] как ответная реакция *этничности* и *традиционных сообществ* (термин наш – Р.Я.) на вызовы глобализации, в реальности не оборачивается возрождением традиционной культуры малых *этнических общностей*, или субконфессиональных групп, а зачастую ведёт к формированию новых, «новационных», «модифицированных», «стилизированных», в любом случае – заметно адаптированных к современным реалиям культурных традиций, идеалов и ценностей.

Особое явление современной культуры представляет собой *интернет-пространство*, где происходят совершенно не познанные ещё культурные процессы, как минимум формируются сообщества невиданного до сих пор типа – *виртуальные культурные общности* (термин наш – Р.Я.) [11, с. 152–160].

Названные процессы вызывают к необходимости усиление теоретической базы *регионоведения*, как интегральной научной отрасли (возможно, в будущем, науки), инструментально полезной в условиях разрушения всех вышеназванных формальных и субъективно обусловленных границ. Почему именно *регионоведение*? Потому, что в самом объекте – *регионе* – заложены объективные пространственные границы. Аргумент в том, что регионы уже играли (и, видимо, будут ещё играть) в истории роль объективных факторов генезиса культурных общностей, геополитических союзов – этносов, наций, государств, цивилизаций.

Лучше всего понятие *регион* разработано в геополитологии. Это и естественно, потому, что регионы являются едва ли не главными объектами изучения в этой научной отрасли. Во всяком случае, понятия *регион* и *регионоведение* входят в число основных в её активной лексике [3]. Восполь-

зуемся формулировкой из интернет-энциклопедии, из статьи, видимо, сформированной ведущими геополитологами: «*Регионоведение* – аналитическая вузовская дисциплина, изучающая внутренние и внешние факторы развития территориальных сообществ (геополитические, географические, экономические, социокультурные, конфессиональные и др.), региональные группировки, страны и их регионы как субъекты международных отношений и глобальной конкуренции. В отличие от географического страноведения широко использует системный подход. Базовый учебный курс регионоведения в РФ лежит в основе вузовской специализации 350 300 *Регионоведение*, по которой ведётся подготовка регионоведов – специалистов в области государственного управления и региональной политики» [1].

Почти полностью солидаризируясь с данным определением, обратим особое внимание на то, что *регионоведение* уже конституировалось как учебная дисциплина, жаль, что пока в сфере политологии («управления»), экономики и туризма. Мы же здесь пытаемся акцентировать внимание на историко-культурологических аспектах этой проблемы и на объективных исторических процессах, которые в современных условиях будут легче поддаваться анализу через понятия *регион* и *регионоведение*.

Близко к этому пониманию подходит, на наш взгляд, этнология, в которой уже давно бытует понятие *историко-этнографическая область* (*историко-культурная провинция, историко-культурное пространство, историко-культурный регион*). Последний из вариантов бытования этой категории более точно отражает её суть. До сих пор понятие использовалось в этнологии для выделения пространственных границ изучения проблем взаимодействия и взаимовлияния этносов и культур. Теоретическая база выделения ИЭО или ИКП, а точнее – ИКР, подразумевает объективное формирование в замкнутых естественными границами пространствах, общего, *надэтнического*, экологически обусловленного слоя культуры. Культура же, в свою очередь, становится мощнейшим фактором политической *комплиментарности*, ведущей (мы бы сказали: неизбежно) к интеграции в рамках естественных регионов, пространственных субъектов (термины наши – *Р.Я.*) разной природы, формы, вида, в первую очередь *этнических общностей*.

Особенно важным в выделении понятия *регион* является именно объективная обособленность самого объекта изучения, ведущая к объективным же процессам и их следствиям и в пределах регионов, и во всех соседствующих с ними. Потому и данное понятие для научного анализа весьма полезно.

Доказательством к сказанному может послужить, на наш взгляд, даже незамысловатое перечисление *регионов*, выделяемых этнологией и вошедших в номенклатуру научного лексикона этой науки: Россия – Евразия (*макрорегион*), Центральная Россия (далее *средние регионы*), Волго-Уральский регион, Уральский регион (Средний и Северный Урал), Сибирь, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток, Приморье, Северный Кавказ, Закавказье. Выделяют и более мелкие единицы (*микрорегионы*): Поволжье, Приуралье, Зауралье, Южная Сибирь, Прикаспий, Причерноморье, Крым, Заполярье, Поморье. На востоке России в частности выделяют: Западносибирскую ИКО, Ямало-Таймырскую, Алтае-Саянскую, Восточносибирскую, Камчатско-Чукотскую, Амуро-Сахалинскую. Внутри каждого *региона* можно находить и ещё более компактные. Главное, что критерием выделения остаются всё те же естественные границы.

Тесно связана с теорией историко-культурных регионов хозяйственно-культурная типология (ХКТ), привязывающая этнические кросс-культурные явления к экологическим нишам. Вместе они помогают точнее осмысливать региональную специфику с одной стороны, межэтнические культурные взаимодействия и политические процессы, их причины и перспективы – с другой.

И, хотя развитие новых систем коммуникации и связи позволяет быстро преодолевать те естественные рубежи, которые в прошлом веками служили факторами изоляции от внешних культур и консолидации всех общностей внутри регионов, историко-культурное наследие прежних эпох и сегодня заметно и будет, судя по всему, определять характер взаимодействия региональных обществ впредь на уровне их *генетической памяти*. Да и происходящие сегодня процессы, по некоторым наблюдениям, не утрачивают тех закономерностей, которые действовали в прошлом.

Заметно и то, что в разных науках и научных направлениях границы выделяемых регионов в целом совпадают, и смежные науки, часто без особого сомнения (с дове-

рием), пользуются и критериями выделения регионов, принятыми в других отраслях, и результатами «смежных» регионоведческих исследований. Потому что во всех вышеназванных вариантах выделения регионов, общим мотивом является наличие естественных и потому объективных границ. Лучше всего это иллюстрируется на примере *России-Евразии*.

Россию от Западной Европы отделяют Карпаты на юге, а на севере – Балтика. В промежутке между ними естественных преград будто бы нет, но это не так. Отсутствие морей крупных рек или горных массивов восполняется здесь климатическими и ландшафтными особенностями, «преградами» неявного свойства, что и стало, видимо, той причиной, которая в новой эре ограничила европейский миграционный поток лишь двумя волнами перемещения восточных славян, а с востока – достаточно слабым потоком миграции финнов в Северо-Западную Европу и ещё более слабым движением в Юго-Западную угров и тюрков (*мадьяры и болгары*).

Климатическая граница здесь обеспечивается влиянием Гольфстрима, а что касается ландшафтов, то речь, прежде всего, идёт о почвенной разнице, которая и служила, видимо, условием развития разных типов земледелия в Европе и в России. А отсутствие более серьёзных географических препятствий было, кстати, для России всегда большой геополитической проблемой (в военном смысле), в то же время, тем *культурным коридором* (термин наш – Р.Я.), который открывал пути культурного влияния на Россию «Запада».

На севере и востоке всё просто. Здесь границей является Мировой океан. Южная граница самая сложная, но и мощная. Это южные моря (Чёрное и Каспий), горные системы Кавказа, Саян, Алтая, Памира, Тянь-Шаня, плюс каменные пустыни. Здесь, как и на Западе, также есть «слабое звено» – скудные степные пространства на границе с Монголией, которую, видимо не случайно во времена СССР называли «16-й Союзной Республикой». Но и эта территория – зона климатических границ. Впрочем, ведь и степь – это давняя граница оседлых и кочевых цивилизаций.

Наличие указанных рубежей есть главный объективный фактор генезиса российской цивилизации. В том, что Россия-Евразия – это самостоятельная цивилизация, подобная Европе и Азии отдельно взятым, у

нас нет никаких сомнений и это доказательно даже простейшим культурологическим анализом. Об этом уже достаточно сказали в своих трудах идеологи *Евразийства* [4; 8, с. 5–20; 12, с. 67–73]. Хотелось бы подчеркнуть, что обозначенное пространство представляет собой *регион*, в котором общий историко-культурный контекст оказывает главное влияние на особый характер взаимоотношений народов, конфессий, социальных структур не только в рамках России (Империи, СССР, РФ отдельно и вместе с СНГ), то есть не только во втором тысячелетии новой эры [10, с. 110–119].

Это единство и взаимодействие имеет место как минимум уже четыре тысячелетия. Даже возникавшие в прошлом противоречия и военные коллизии носили здесь специфический и кратковременный характер. Это глубочайшая генетическая память – *культурный код*. Он и обеспечивает, на наш взгляд, тот особый характер взаимодействия и взаимовлияния народов и культур, который мы наблюдаем сегодня. Данный феномен признан и изучается многими учёными-гуманитариями, политиками и публицистами.

Знакомство, тесное культурное взаимодействие народов и культур, осознание ими исторического единства в ограниченном пространстве Россия-Евразия, усиливалось крупными миграционными потоками, периодически покрывавшими её территорию в направлении: Восток-Запад – Запад-Восток. За 4–5 тысячелетий более 10 «великих» миграций сотрясали это пространство, «накладываясь одна на другую». Наиболее крупные из них (все названия условные – Р. Г. Кузеева): уральская (финно-угорская), индоиранская (в том числе сарматская), гуннская, печенежская, огузская, угро-мадьярская, кыпчакская, монгольская, славянская, русская. На фоне названных, «великих», были миграции и более мелкие, но и они имели свои локальные следствия. Например, исход *ногаев* с Южного Урала в Прикаспий и на Северный Кавказ (в XVI в.) или *джунгарское (калмыкское)* движение (в XVII в.) из Южной Сибири на Нижнюю Волгу в Прикаспий [6, с. 15–25].

Можно сказать и о массе локальных перемещений, вызванных последней из названных «великих» миграций внутри нарождающейся Российской империи. Это переселение массы чувашей, татар, марийцев, удмуртов к востоку в Закамье, в Приуралье, на Урал и далее на восток в Сибирь (XVI–

XIX вв.). Позже, в основном в XIX – начале XX века, к ним присоединились украинцы, белорусы, казахи, латыши, эстонцы, немцы, евреи, армяне, поляки, расселявшиеся в городах и отдельными сёлами в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Кавказе и в Средней Азии. В этом контексте и сформировалась российская веротерпимость, *этнокультурная толерантность, комплиментарность* как общая культурная традиция.

Однако эти общекультурные характеристики и ментальные идеалы и традиции не должны вводить общество в состояние беспечности и спокойствия в вопросах геополитического и стратегического планирования. Главную проблему здесь составляет, как ни парадоксально, опять *региональный фактор*, только *средне- и микроуровневый*. Этническая пестрота не способна, мы дума-

ем, сама по себе нанести ущерб уже существующему и исторически обусловленному единству России-Евразии. Но при условии усиления центробежных тенденций (от чего не застрахована ни одна цивилизация) наличие микроочагов консолидации – регионов, подчинённых тем же внутренним законам интеграции, потенциально является фактором их противоречий между собой. Здесь сталкиваются общности уже более высокого порядка, чем только *этнотыпы*, причём, большей *этносоциальной критической массы* (термин наш – Р.Я.) [13, с. 157].

Поэтому развитие специальных и систематических исследований в сфере *регионоведения*, особенно изучения *средних и микрорегионов*, – актуальная и серьёзная задача фундаментальной части гуманитарной науки.

Источники и литература

1. **Государственный образовательный стандарт** высшего профессионального образования. Специальность 350300 *Регионоведение*, квалификация «регионовед». – М.: МОН РФ, 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.old.rsue.ru/doc/standart/gosvpo/032301.65.pdf> (дата обращения: 01.03.2017).
2. **Даль В.** Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. Современное написание. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2006. – 348 с.
3. **Дергачев В. А., Вардомский Л. Б.** Регионоведение: учеб. пособие для студ. вузов. – М.: Юнити-Дана, 2010. – 519 с.
4. **Евразийство.** Проблемы осмысления: сб. науч. тр. / ред.-сост. Р. И. Якупов. – Уфа: Вост. ун-т, 2002. – 300 с.
5. **Кожевников Н. Н., Пашкевич Н. Л.** Глокализация: концепции, характерные черты, практические аспекты // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2005. – Т. 2, № 3. – С. 111–115.
6. **Кузеев Р. Г.** Введение (Историческая ретроспектива: великие миграции) // Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. – Уфа: Информреклама, 2002. – С. 15–25.
7. **Лихачёв Д. С.** Краеведение как наука и как деятельность // Русская культура. – М.: Искусство, 2000. – С. 159–173.
8. **Ражинский М.** «Евразия»: власть идеи продуманной до конца // Вестник Евразии. – 1999. – № 1–2. – С. 5–20.
9. **Транснациональные политические пространства:** явление и практика / отв. ред. М. С. Стрежнева. – М.: Весь Мир, 2011. – 376 с.
10. **Якупов Р. И.** Как осмысливалась этническая история Евразии: памяти Р. Г. Кузеева // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 2. – С. 110–119.
11. **Якупов Р. И., Кузеев И. Э.** Интернет и социология историко-культурологический анализ // Вестник ВЭГУ. – 2015. – № 6. – С. 152–160.
12. **Якупов Р. И.** О концепции Евразийства // Вестник АН РБ. – 1998. – № 4. – С. 67–73.
13. **Якупов Р. И.** Тепляри: историко-этнографические очерки. К проблеме генезиса этничности. – М.: Старый сад, 2002. – 270 с.

УДК 323.174(71)
ББК Ф033.12(7Кан)

Наталья Александровна Казанцева,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Понятия «регион» и «регионализм» в канадском политическом дискурсе

Отмечено, что канадский регионализм является неотъемлемой частью канадской федерации и её отличительной особенностью. Несмотря на то, что феномен регионализма прочно укоренился в канадской политической системе, до сих пор отсутствуют общепринятые определения понятий «регион» и «регионализм». В статье анализируются основные подходы к определению данных понятий в политической мысли Канады.

Ключевые слова: регион, регионализм, региональные различия, провинция, провинциализм, транспровинциальный регион, субпровинциальный регион

Natalya A. Kazantseva,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Concepts of “Region” and “Regionalism” in Canadian Political Discourse

It is noted that Canadian regionalism is an integral part and a distinctive feature of the Canadian federation. Despite the fact that the phenomenon of regionalism has firmly entrenched into the Canadian political system, there are still no universally accepted definitions of the concepts of “region” and “regionalism”. The article analyzes the main approaches to the definition of these concepts in Canadian political thought.

Keywords: region, regionalism, regional differences, province, provincialism, trans-provincial region, sub-provincial region

Канадский регионализм – отличительная особенность политической системы страны, представляет собой объект повышенного внимания многих учёных как в самой Канаде, так и за её пределами. Как отмечает канадский исследователь Джеймс Бикертон, регионализм достаточно прочно укоренился в политических институтах, партийной и избирательной политике, в системе федерально-провинциальных отношений, в политике правительства и, наконец, в составе самого федерального правительства [1, с. 209]. Канадские исследователи Р. Гиббинс и Э. Гиденгил, в свою очередь, указывают на региональные различия в процессах голосования; Р. Симеон, Д. Элкинс и Н. Вайсман отмечают различия в политической культуре; М. Орнштейн и Л. Стивенсон говорят об идеологических различиях; Р. Брем, Ф. Катлер и М. Шварц – о показателях развития экономики и т. д. [2, с. 830]. Однако всё существующее разнообразие подходов не даёт од-

нозначного объяснения тому, что вызывает внутриканадские региональные различия и где можно провести чёткие линии регионального разделения.

Джеймс Бикертон в работе «Регионализм в Канаде» говорит о том, что понятие «регион» часто представляется не больше, чем «инертное физическое пространство, внутри которого функционируют социальные, культурные, психологические и экономические силы. Однако, по его мнению, понятие “регион” далеко не инертно, а напротив динамично развивающийся феномен человеческой истории, представляет собой продукт комплексного взаимодействия внешней среды региона, его экономической, политической и институциональной жизни и, с другой – его внутренней жизни» [1, с. 209].

Разнообразный и динамичный характер региона и проблемы его определения лучшим образом иллюстрируются множеством подходов к определению количества

регионов в Канаде. Самое распространённое определение понятия «регион» рассматривает официальные границы провинций в качестве линии разлома региональных различий в Канаде. Дж. Бикертон констатирует, что политический регион, в котором преобладают настроения по применению права «вето» над конституционными изменениями, отличается от региона, который создаёт предпосылки для экономического развития; регион, призванный осуществлять планирование и руководство над сферой здравоохранения и социального обеспечения, вряд ли совпадет с регионом, отстаивающим уникальное электоральное поведение и модель особого гражданства и т. д. Именно в этом смысле, по мнению исследователя, регион и регионализм отличаются от провинции и провинциализма. В отличие от региона каждая провинция имеет чёткие границы, характеризуется высокой степенью институционализации, тесными связями с правительственными структурами, действующими в сфере своей исключительной компетенции [1, с. 210].

Изучая проблему определения понятия «регион», исследователи Д. Элкинс и Р. Симеон считают, что региональные различия должны стать официально оформленными для того чтобы иметь в будущем институциональную направленность. В Канаде таким центром являются именно провинциальные правительства. Дж. Уилсон рассматривает границы провинций как символ линий регионального деления. М. Орштейн считает каждую провинцию, за исключением Квебека, отдельным регионом. Квебек, по мнению исследователя, должен подразделяться на французский и нефранцузский компоненты. М. Шварц также ставит знак равенства между провинциями и регионами, при этом придерживается подхода, который был предложен географами и экономистами, в соответствии с которым 10 провинций Канады делятся на 5 регионов: Атлантический, Квебек, Онтарио, Степной/Прерийный регион и Британская Колумбия.

Дж. Броди и Э. Гиденгил отрицают теоретическую и практическую возможность использования провинций как отдельных регионов. Согласно мнению Дж. Броди, проблема отождествления провинций и регионов заключается в том, что «данный подход обязательно нивелирует реально существующие широко распространённые проявления транспроvincialной географической

политики» [2, с. 832]. К так называемым 5 регионам Канады относятся такие транспроvincialные регионы, как Атлантическая Канада и Степной регион и три провинциальных региона: Квебек, Онтарио и Британская Колумбия. При этом существуют подходы (Дж. Ф. Годбоут и Э. Беланджер), в которых Британская Колумбия и Степной регион рассматриваются как единый Западный регион.

В контексте рассматриваемой проблемы многие исследователи указывают на существование региональных различий, которые делят провинции изнутри. К региональным различиям данного уровня относят федеральные избирательные округа (Д. Блейк), переписные районы и участки, почтово-сортировочные районы (Ф. Катлер). А. Хендерсон также рассматривает федеральные избирательные округа в качестве базовой единицы анализа в решении данной проблемы. Исследователь объединяет районы в «регионы» на основе демографического состава, предположив отсутствие территориальной смежности региональных делений. Тем не менее, обнаруживаются доказательства в поддержку значимых транспроvincialных и субпровинциальных регионов, которые убеждают в существовании региональных различий независимо от политических границ.

Изучив множество подходов к определению понятия «регион», К. Кокрейн и А. Перелла в работе «Регионы, регионализм и региональные различия в Канаде» делают вывод о том, что ключевая проблема в определении границ региона не решается уходом от равенства регион – провинция.

В свою очередь они определяют регион в целом как любую пространственную единицу, которая окружает человека. Вместе с тем они считают, что существующее разнообразие подходов говорит в пользу одновременного изучения всех региональных категорий. Люди принадлежат одновременно нескольким сообществам. Жизнь канадцев встраивается в индивидуальные хозяйства, соседствующие районы, избирательные округа, города, субпровинциальные регионы и провинции. По их мнению, региональные границы должны быть осмыслены как совокупные единицы, от меньших непосредственных единиц анализа до больших [Там же, с. 834].

Разногласия в отношении определения понятия «регион» отражают разногласия о природе феномена регионализма. По мне-

нию многих исследователей, понятие «регионализм» даёт описание, но не объясняет причин существования региональных различий в Канаде.

Канадский исследователь Р. Симеон не считает важным формулировать точное определение региона. Он полагает, что регионализм сам по себе «не является пояснительной переменной: сам он ничего не объясняет; ничего не происходит из-за регионализма. Если мы находим какие-то различия между регионами, нам остаётся выяснить, почему они существуют; регионализм не является ответом» [Там же, с. 4]. Исходя из этого, исследователь считает, что «регионы – это просто оболочки, содержимое которых может отличаться или нет. Способ очертания границ между ними целиком зависит от наших целей, определяемых теоретическими или политическими потребностями. Мы можем иметь регионы в пределах провинций или регионы, состоящие из групп провинций или регионов, пересекающих границы провинций» [Там же, с. 832].

Р. Брем также считает, что если регионализм является лишь описанием межрегиональных различий в соответствии с некоторой переменной, тогда границы региона могут меняться в зависимости от одной зависимой величины к другой.

Но если регионализм – просто описание, тогда что является объяснением?

Исследователи Д. Элкинс и Р. Симеон подошли к решению данной проблемы, предложив теории «о влиянии населения» (*composition effect*) и «влиянии ситуации» (*contextual effect*). По их мнению, решение проблемы заключается в том, относятся региональные различия к вопросу структуры населения или сложившейся ситуации. Например, если в одном регионе проживает большее количество иммигрантов, чем в другом, то средний уровень поддержки иммиграции может варьироваться в этих регионах благодаря «эффекту влияния населения», в данном случае, различные пропорции проживающих в регионе мигрантов. «Эффект влияния ситуации», напротив, возникает в том случае, когда определённая характеристика региона формирует мнение людей в этом регионе [Там же, с. 833]. Ф. Катлер разделяет мнение своих коллег, считая, что люди используют своё местное окружение как источник информации о мире. Считается, что аполитичные граждане используют свои знания о местном окружении для того,

чтобы сделать вывод о более широком национальном контексте, о котором тоже знают немного. Социальные связи людей также в значительной степени формируются географическими условиями, в которых они проживают. «Люди привязаны к месту своего проживания. Это определение актуализирует политически значимую группу. При прочих равных условиях они больше заботятся о местных жителях, чем о тех, кто живёт далеко от них» [Там же, с. 834].

К. Кокрейн и А. Перелла определяют регионализм как психологическую привязанность к людям, институтам и характеристикам региона, которые возникают в силу близкого географического положения. В сочетании с множеством региональных категорий, к которым принадлежат люди, социально-психологическое определение регионализма представляет собой попытку заменить географические названия регионов на ценности ситуационных переменных, которые представляют интерес. Многоуровневый анализ без названий, по их мнению, не только лучше подходит для осмысления понятий «регион» и «регионализм», но и позволит прийти к выводам вне времени и пространства.

Канадский исследователь Дж. Бикертон иначе подходит к проблеме изучения регионализма. По его мнению, «регион и регионализм – то же что нация и национализм. Регионализм может быть совмещен с другими идеологиями для создания отличительных политических форм, например популистский или националистический регионализм. В Канаде институциональная структура, осуществляемая провинциями, является логическим и убедительным следствием регионализма. Это не означает, что политическая элита провинций – лишь пассивные наблюдатели внутрирегиональных событий и явлений. Наоборот, эти политические элиты довольно часто активно вовлечены в процесс придания регионализму политической формы и содержания [Там же, с. 210].

Изучая причины становления и развития внутриканадского регионализма, многие исследователи, в первую очередь, уделяют внимание причинам неравномерного регионального экономического развития.

Первый подход объясняет неравномерность экономического развития провинций наделённостью их территорий природными ресурсами. Г. Иннис, сторонник подхода, связанного с основными предме-

тами производства (*staples approach*), объяснял неравномерность экономического развития специфической системой взаимоотношений между внутренними и промышленными районами Канады. Он утверждал, что отношения между внутренними районами, производящими основные предметы потребления, и промышленно-развитыми городскими территориями сопровождались искажением цены, особенно в отношении внутренних районов. Сфера этих отношений развивалась под влиянием множества факторов. Первоначальное неравенство и зависимость, которые характеризовали данные отношения, в течение времени лишь углубились в результате несбалансированного развития, узкой специализации, истощения ресурсов и искажённого развития социальных и политических сфер жизни общества [1, с. 211].

Исследователь В. Фоук, в свою очередь, обращал внимание на влияние национальной политики на внутренние регионы страны, особенно на Прерийный регион. Он говорил о том, что данный регион рассматривался восточной политической и деловой элитой как граница вложения капитала для получения личной выгоды. Национальная политика создала для этого соответствующую структуру и систему преференций, подчинив экономические интересы жителей Прерийного региона интересам промышленников Востока страны, на что незамедлительно последовала реакция населения этого региона. «Западные фермеры занялись политикой, развивая сильную региональную идентичность и популистскую идеологию» [Там же, с. 211–212].

Многие теоретики также разделяют точку зрения о том, что свободный рынок

действовал предвзято в отношении различных территорий, и политическая власть стала ключевым фактором в создании неравных отношений на рынке.

Другой подход анализа отношений по оси Центр – провинции рассматривает организационную структуру канадского федерализма как ключевой фактор в формировании федерально-провинциальных отношений и региональной политики (Дж. Меллори). В общем виде его можно представить следующим образом, федеральное правительство неукоснительно выполняет одну из основных функций, прописанных в Конституционном акте 1867 года – защищать права на собственность и капиталистическую экономическую систему. В стране, где финансовая власть и капиталистический класс были сосредоточены в центральной Канаде, федеральное правительство действовало исключительно в защиту интересов центра и против интересов обездоленных и непопулярных групп на периферии [Там же, с. 213–214]. Отсюда возникло и знаменито выражение «Что хорошо для Онтарио, хорошо для Канады».

Рассмотрев множество подходов к определению понятий «регион» и «регионализм», можно сделать вывод о том, что при изучении данных явлений необходимо применять комплексный подход, который учитывал бы историю освоения и географическое положение региона, его национальный состав, культуру и идеологию, особенности управления и политическую культуру. Именно комплексное изучение, на наш взгляд, поможет дать ответ на основные вопросы и раскроет причины роста региональных настроений по защите своей региональной идентичности.

Источники и литература

1. **Bickerton J.** Regionalism in Canada // Canadian Politics edited by Bickerton J. and Gagnnon A. G. Broadview Press. – 2000. – P. 209–238.
2. **Cochrane C., Perella A.** Regions, Regionalism and Regional Differences in Canada [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.individual.utoronto.ca/cochrane/research/Regions.pdf> (дата обращения: 26.04.2017).

УДК 327
ББК Ф4(0),03

Чжан Цзинчуань,
Цзилинский университет,
КНР

Парадоксы регионализации и безопасности, анализ периферийной безопасности

В статье анализируются проблемы, связанные с межрегиональным сотрудничеством и региональной безопасностью. Выявляются причины парадокса регионализации и безопасности. Под парадоксом регионализации и безопасности подразумевается то, что по мере продвижения регионализации за одинаковый промежуток времени региональная безопасность может как улучшиться, так и ухудшиться.

Ключевые слова: международное сотрудничество, региональная безопасность, регионализация, антиглобализация

Zhang Tsinchuan,
Jilin University,
China

Paradoxes of Regionalization and Security and the Idea of Peripheral Security

The article analyzes the problems associated with interregional cooperation and regional security. The reasons for the paradox of regionalisation and security. Under the paradox of regionalisation and security means that as you move the regionalization, for the same period of time, regional security can improve, and get worse.

Keywords: international cooperation, regional security, regionalization, ant globalisti

Основные требования регионального сотрудничества – содействие регионализации, интеграции, развитие приграничных отношений, а также приграничной регионализации. Однако развитие регионализации не является единственным условием для укрепления региональной безопасности, так как есть вероятность того, что региональное сотрудничество может привести к проблемам в сфере региональной безопасности. Автор называет это парадоксом региональной безопасности.

Под парадоксом регионализации и безопасности подразумевается тот факт, что по мере развития процессов регионализации региональная безопасность не обязательно предполагает усиление, напротив, существует вероятность её ослабления. Всё в большем количестве регионов обсуждается проблема региональной безопасности. В настоящий момент большинство региональных проблем соотносят с вопросами безопасности, несмотря на то, что они вовсе не связаны с процессом регионализации. Проблемы

регионализации развитых регионов Европы и Восточной Азии действительно можно связать с вопросами безопасности¹.

Разумеется, автор попытался ответить на вопрос «Откуда возникает парадокс регионализации и безопасности?» Причины могут быть разными: Убывающая доходность региона и престиж особых районов рожают негативные прогнозы. Именно поэтому необходимо рассмотреть проблемы безопасности в контексте существования парадокса регионализации и безопасности:

1. Незрелая и зрелая регионализация.

Регионализация подразделяется на зрелую и незрелую, одно может превращаться в другое, безопасность регионов может укрепляться, это является причиной возникновения парадокса регионализации и безопасности. Под незрелой регионализацией понимают отсутствие систематических и устойчивых механизмов распределения

¹ Финансовый кризис в Европе, ситуация на Украине, ситуация с беженцами, терроризм, ядерный кризис и т. д.

ресурсов, что зависит от власти и реального положения вещей. На этом этапе в правительстве региона проявляются явные противоречия. Незрелая регионализация сопровождается отсутствием систематических устойчивых механизмов распределения ресурсов, а это в свою очередь зависит от принципа власти и реального положения вещей. Для того чтобы занять более выгодное положение, регион должен стать ключевым в государстве. У него должно быть больше возможностей участвовать в обсуждениях вопросов безопасности, однако незрелые регионы идут по пути конфликтных отношений во власти. Именно поэтому регионы, находящиеся в состоянии незрелой регионализации, являются «взрывоопасными», в таких регионах более вероятно возникновение конфликтов или даже войн.

Под зрелой регионализацией понимают систематические и устойчивые механизмы распределения ресурсов, которые основываются на принципе либерализма и порядка. Когда регион находится на стадии зрелой регионализации, борьба в его аппарате управления ослабевает. Это происходит потому, что при зрелой регионализации присутствует систематизированный и устойчивый механизм распределения ресурсов, основанный на принципе либерализма и порядка. На регион оказывают влияние стандартизация и упорядочение, и постепенно прибыль начинает приносить больше пользы, чем борьба. Сейчас многие регионы вводят системы упорядочения и стандартизации. Например, когда США лидировали в Транстихоокеанском партнёрстве, многие американские учёные говорили о том, что укрепляются дружественные отношения между ТТП и США, а сохранение лидерства США в ТТП способствует росту авторитета, а также усиливает политику США в области всеобщей безопасности и делает безопасность главным приоритетом. ТТП – это стратегический инструмент США, созданный с целью сдерживания развития Китая посредством налаживания новых норм международной торговли, а также для того, чтобы укрепиться в АТР в качестве экономического лидера. Находясь на стадии зрелой регионализации, из-за связанности системы распределения ресурсов и из-за буферного действия выпуска сигнала системы безопасность региона и его иерархичность намного ниже, чем при незрелой регионализации, однако, из-за ограниченности района в ресурсах и возникает проблема, которая выглядит парадоксально.

Существует актуальная проблема взаимопревращения зрелой и незрелой регионализации. Сегодня региональное распределение ресурсов происходит на основе разных принципов, непрерывно возникают противоречия, становится очевидной частота и интенсивность изменения региональной безопасности. Однако происходит не только взаимопревращение зрелой и незрелой регионализаций, но и метаморфозы региональной безопасности. По мере того как убывающий доход региона приводит к снижению ожиданий дохода, находящийся на стадии зрелой регионализации район разочаровывается в системе распределения ресурсов, она заменяется или вовсе отвергается. С одной стороны, это может дать системе толчок к ликвидации, однако с другой – существует вероятность падения уровня безопасности. Практика показывает, что в XXI веке влияние взаимопревращения регионализации на региональную безопасность не меньше, чем само взаимопревращение регионализации, так как, если было бы известно, влечёт ли за собой взаимопревращение регионализации изменение в региональной безопасности, тогда это взаимопревращение несло бы с собой только разочарование и реальную угрозу.

Чтобы лучше понять суть взаимопревращения регионализаций, нужно рассмотреть её явления в мировой истории. Процесс регионализации стал стимулироваться ещё в XX веке, самой первой его ощутила на себе Европа после Первой и Второй мировых войн. Первыми участниками регионализации стали Франция, Германия и Англия – три традиционно сильнейших европейских державы того столетия. В итоге, какой же была Европа: французской, немецкой или англо-саксонской? Если можно объяснить возникновение двух мировых войн на европейском континенте, используя парадокс регионализации и безопасности, то мы бы выяснили, что в тот период европейская регионализация находилась на стадии незрелости. Это привело к тому, что европейские регионы стали сражаться за ресурсы, применяя силу, что вызвало конфликты в регионе, возросла угроза безопасности, обострились региональные противоречия, вспыхнула война. По мере того как регионализация стала принимать мировой характер, вопрос безопасности приобрёл мировые масштабы, а региональные войны превратились в мировые. Теперь Европа вступила в период зрелой регионализации, регион использует

принцип систематизации и стандартизации, несмотря на то, что вопрос безопасности всё ещё стоит остро, он ограничивается рамками систематизации и стандартизации или подгоняется под определённые стандарты для разрешения конфликтов.

Если взять в пример большой регион, то, например, субрегион Восточная Азия находится в незрелом состоянии. Субрегион Юго-Восточная Азия уже вступил в фазу зрелости, однако регион Северо-Восточная Азия всё ещё находится в незрелом состоянии. Методы и планы регионализации, используемые в Восточной Азии, в корне отличаются от европейских. Кроме того, между странами Восточной Азии существуют разногласия по поводу лидерства в регионе. Также существуют споры относительно выбора принципа регионализации между силовым и либеральным. С момента окончания «холодной войны» Восточная Азия не может определить, какой дорогой ей пойти: военной или мирной. Кроме того, существует мнение, что процесс превращения незрелой регионализации в зрелую болезненный, даже если незрелая регионализация копирует тенденции зрелой. Развитый регион, обладая опытом и высоким уровнем развития, может сам навязать свои «учения и эталоны». Менее развитым регионам это не под силу и может привести к несамостоятельности и неконтролируемости направления развития. Вместе с тем, от развитого региона можно перенять и его недостатки, в результате чего возникнет парадокс регионализации и безопасности.

В настоящее время превращение незрелых регионов в зрелые и наоборот приводит к так называемым процессам «антиглобализации». В процессе регионализации могут быть утрачены успехи, достигнутые в прошлом, а также, в противовес регионализации, возможно возникновение антиглобалистских тенденций. Распределение ресурсов в регионе по принципу систематизации может быть изменено на принцип силы, что приведёт к антиглобализации, которая в корне противоречит регионализации. По всему миру возникает «феномен Трампа»: государство чётко придерживается позиции преимущества, имеет тенденцию противостоять свободной торговле, отвергает мигрантов. Всё большее количество стран начинают относиться с осторожностью к международному сотрудничеству. В процессе взаимопревращения регионов под ударом оказывается зрелая регионализация, однако еще больше

страдает незрелая. Именно поэтому парадокс регионализации и безопасности становится всё более ощутимым.

2. Цели и результаты регионализации.

В определении результативности парадокса зрелой и незрелой регионализации цели региона и реальные результаты не всегда совпадают на практике. Цели регионализации и их воплощение, а также взаимопревращение способствуют появлению противоречий в пределах региона, а также за его пределами. Помимо этого появляются проблемы региональной несинхронности, что приводит к регулярному возникновению вопросов региональной безопасности. Независимо от того, как мы определяем регионализацию, всегда возникает ряд проблем, что усложняет определение чёткого понятия региональных целей и результатов. По словам автора, цели регионализации возникают в процессе её развития. Под такими целями понимается субъективное отношение актора к интеграции ресурсов и особого положения (относится к государствам, неправительственным организациям и отдельным индивидуумам), собственное осознание региона и его элементов, пути развития и идентификация своей собственной системы. Можно сказать, что все регионы, существующие сегодня, являются регионами со своими целями. Например, Ближний и Дальний Восток в глазах Европы, Европа и Америка в глазах Восточной Азии, мир в глазах США рассматриваются друг другом, исходя из собственных суждений. Это способствует развитию самосознания регионов. Когда у региона есть субъективный взгляд на его цели, он становится более мощным. На основе самосознания и самопризнания регион определяет свои цели. Любой актор, будь он в составе группы или сам по себе, основывается на своём сознании и всячески пытается его осуществить. Это ещё одно базовое определение регионального намерения.

Тогда что же такое результаты регионализации? Это трудный вопрос. С научной точки зрения, это понятие соответствует понятию региональной цели. Если цели региона составляют большую часть его субъективной оценки, то региональная реальность – наоборот. Региональная реальность – это систематизация закономерности, отвечающей региональным характерным особенностям и элементам. Очень многие государства напрямую связаны с региональными целями и их воплощением, это стимулирует регионы

обсуждать вопрос безопасности. На самом деле, это ещё и способность формировать и демонстрировать субъективное мышление страны, а также выявлять региональные цели. Председатель совещательного комитета Восточноазиатского сообщества Ито официально признал, что в субрегионе существуют противоречия относительно лидирующего положения США в ТТП, в японской части субрегиона Восточная Азия существует следующая цель: «С точки зрения экономики Восточная Азия зависит от США. Нельзя и думать о том, чтобы обеспечить стабильность Восточной Азии без армии США. Хотя Америка не является частью этого региона, она не сможет стать членом Восточноазиатского сообщества. На самом деле, если мы не будем принимать к себе США и другие страны за пределами региона, Восточноазиатское сообщество не сможет окрепнуть. Необходимо определить особую позицию США в регионе, так как это и не «государство-член», и не «обычное государство за пределами региона», а также не «партнёр».

Этот акт является результатом осуществления региональных намерений. США глубоко вовлечены в деятельность Восточной Азии, но у них свои собственные цели, в настоящее время цели не совпадают. США начали менять свои региональные цели, исходящие из геополитики, стратегии «двух океанов (намерение осуществлять Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство и Транстихоокеанское партнёрство)». Фактически все региональные проекты являются результатами региональных целей. Региональные цели и результаты многократно повторяют друг друга. В этом процессе мы видим, что межрегиональные противоречия существуют вместе, обращаем внимание на несинхронное укрепление регионализации и т. д.

Региональные цели и противоречия привели к совместному существованию межрегиональных противоречий и противоречий внутри регионов, это вынуждает регионы чаще обращаться к вопросам безопасности. Действительно, регионализация несёт с собой идею объединения, но вместе с тем, из-за того, что каждый актор видит и осуществляет регионализацию по-своему, возникают конфликты, как в рамках данного региона, так и межрегиональные. Фактически, из-за повторяющегося смешения и разделения региональных целей, наряду с постоянными межрегиональными и внутренними про-

тиворечиями, наиболее ярко проявляется парадокс регионализации и безопасности. Каждый член региона заинтересован в получении выгоды для себя. Достигать консенсуса при решении вопросов очень трудно, рождаются региональные противоречия. Ещё больше парадокс проявляется во время решения вопроса об отстранении члена региона.

Например, во время решения вопроса об АТЭС, в которое входят страны АТР, возникло множество споров об эффективности его работы, причём предложения не были реализованы. США исходили из своих собственных целей, поэтому между ними и Восточной Азией возникло противоречие. После исключения нескольких членов в регионе соответственно, начался хаос, торгово-экономические механизмы ТТП нанесли мощный удар по безопасности региона, в Восточной Азии парадокс проявился наиболее ярко. Из-за несовпадения целей, усиления несинхронности, разных точек зрения относительно выгоды может вырасти угроза безопасности. Объективно существует проблема несинхронности регионов. С одной стороны в рамках одного региона может быть множество различий: в экономике, торговле, сообщении, обществе – всё это ведёт к несинхронности региона. С другой, из-за этих различий уровень развития и этапы регионализации могут различаться. Таким образом, распределение интересов и дохода в рамках одного региона или между регионами непропорционально, такого рода региональная несинхронность существует уже долгое время. И всё-таки из-за различия в региональных целях и реальных результатов происходит несинхронность развития каждого члена региона, это приводит к колебанию валют, различию в торгово-экономических стандартах, осознанию несправедливости системы, ощущению ненужности и взаимным обвинениям.

Очевидно, что региональная несинхронность играет отрицательную роль, но регион может с лёгкостью ускорить своё развитие во имя безопасности. Так формируется парадокс регионализации и безопасности.

3. Почему парадокс регионализации и безопасности так влияет на приграничную безопасность?

Вслед за региональным содействием и интеграцией парадокс регионализации и безопасности проходит через кризис самоопределения примыкающих территорий и региональных субъектов, они сталкиваются

с нетрадиционными угрозами их безопасности, разница и совмещение систем периферии и центра оказывает влияние на безопасность.

Во-первых, регионализация влечёт за собой интеграцию и взаимодействие, одновременно с этим проходит кризис самоопределения. Регионализация устанавливает связи, влечёт за собой торгово-экономический и социальный подъём, «наложение» периферии и центра оказывает влияние на безопасность. Положение и ценность акторов, находящихся в пределах региона, вызывают небывалое сближение и ускоряют ритм взаимодействия. Это положение и ценность включают в себя следующие вопросы: «Кто я?», «Кто вы?», «Кто мы?», «Кто они?» и т. д. Положение и ценность укрепляются рядом элементов. С тех пор, как в международных отношениях начали изучать понятие «конструктивизм», начал изучаться общественный характер положения региона и безопасности. На самом деле, приграничный регион – это особый район, который также подвержен влиянию регионализации, он «существует среди других связей». Поэтому во время изменения «своих» и «чужих» связей социальное положение тоже может изменяться. Все знают, что положение влияет на выгоду, изменения положения приносят выгоду, меняются деятельность актора, изменения впоследствии возникают и в самой регионализации и безопасности.

Здесь следует обратить внимание на то, эволюция положения – это процесс трансформации положения всего общества, она имеет самостоятельную и зависимую ориентацию. В целом когда актор стремится к новому положению, чем сильнее зависимость эволюции, тем больше актор видит угроз; чем сильнее автономия, тем большую безопасность ощущает актор. Превращение зависимости актора в его автономию оказывает огромное влияние на безопасность. Автор признаётся, понятие безопасности подразумевает самостоятельность акторов, полноту их функций, непринятие угроз и в то же время готовность бороться с ними. Опираясь на значение положения и ценность, решается вопрос о самостоятельности, функциональной законченности и ценности. Однако реальность такова: сейчас содействие периферии даёт импульс, чтобы менять положение, различные нации, культуры, режимы начинают взаимодействовать совершенно иначе, изменять самих себя и других. Мы все влия-

ем на безопасность, её создают как старые, так и новые акторы региона, но необходимо обращать пристальное внимание на инициативу тех акторов изменить своё положение.

Во-вторых, регионализация периферии несёт с собой содействие и интеграцию, она также несёт с собой массу нетрадиционных угроз. Традиционная безопасность приграничного региона включает в себя безопасность территории, суверенитета и т. д., ведь согласно традиционной геополитике, географическое положение и расстояние способны влиять на деятельность государств. Так как соседние государства контактируют очень тесно, шанс взаимодействовать также велик, не удивительно, что в период с 1816 по 1992 годы в мире около 50 % военных конфликтов было между соседствующими государствами. Длительное время традиционная безопасность играла большую роль в этих приграничных конфликтах. По мере интеграции в торговле и экономике, связи, финансах и т. д. для решения вопросов традиционно используются ресурсы и механизмы. Необходимо понимать, как функционирует система сотрудничества между соседними государствами в рамках данного региона.

В то же время, из-за существования парадокса регионализации и безопасности самостоятельность приграничного региона, его функциональность усиливаются ещё больше, становится трудно осуществлять административный контроль за разногласиями и динамикой в приграничном регионе. В приграничном регионе есть место и сотрудничеству, и противоречиям, происходит восстановление её положения и функций, всё больше активизируется традиционная безопасность. «Соседние государства всегда влияют на восприятие страной угрозы. Соседнее государство не обязательно может быть мировой державой, но в контексте данного региона оно может быть реальной угрозой». Эти архаичные геополитические определения не используются в мирное время, но применяются в случае угрозы. В настоящее время уделяется всё больше внимания нетрадиционным угрозам безопасности. Изменение общества происходит одновременно с развитием регионализации. Также меняются окружающая среда и аспекты экологии, общество и экология крайне чувствительны к любым переменам. Поэтому, как бы не поддерживался хрупкий баланс между человеческими запросами и экологическими возможностями, влияние интегра-

ции будет ощутимо. Она способна принести в регион патогены, эпидемии, а также оптимизацию. Таким образом, регионализация создаёт угрозу здоровью и безопасности, при этом страдает приграничный регион. Поэтому необходимы превентивные меры, а также действия по ликвидации. Интеграция также даёт простор для активности терроризма, национал-экстремизма, религиозного радикализма. Конечно, соседние страны договариваются о совместных действиях в случае возникновения таких угроз, однако система безопасности остаётся хрупкой.

По-видимому, процесс интеграции и регионального взаимодействия усложняется, традиционная безопасность и нетрадиционные угрозы возрастают в приграничных районах. «Плотность» проблем увеличивается. Под «плотностью» понимается количество и важность проблем, возникающих во внутренней политике. В общем плотность проблем означает, что во взаимодействии по взаимосвязанным вопросам возможно повторное возникновение, при взаимной стратегии развиваются возможности, тем самым поддерживается возможность повторения в сотрудничестве. Но это лишь одна сторона применения плотности проблем, по мнению автора, у неё есть два применения: первый – способствовать многократному сотрудничеству, второй – поднять веру в повторное сотрудничество, так как плотность вопросов также позволяет повысить интенсивность решения возникающих проблем. Если в сложном регионе возникает какая-либо проблема, плотность вопросов способна снизить хрупкость региона. В этом заключается особый смысл парадокса регионализации и безопасности. От нас также требуется создавать безопасность вокруг самих себя, это требуется для поддержания системы, безопасности экономики, традиционной безопасности.

В-третьих, эффект существования систем приграничного региона и центра оказывает значительное влияние на безопасность. Формирование системности центра – это сложный процесс, который распространяется далеко за его рамки, и начинает формироваться системность приграничного региона. Это, в свою очередь, имеет очень большое значение, так как позволяет понять общие тенденции развития приграничного региона, систему взаимодействия приграничья и центра, а также проблемы приграничного региона.

Когда приграничный регион начинает соответствовать центру, в большинстве

государств наступает период глобальных перемен. Даже развитые страны, такие как Европа и Америка, ощущают на себе этот процесс. Кроме изменений в государстве, меняются мировые центры геополитики и экономики, это изменение длится долго и может носить комплексный характер. «В мире наступает период геополитического дисбаланса, многие регионы пользуются этим для достижения собственной выгоды». «Происходит революционное перераспределение мировых богатств и могущества, они направляются в Азию». На самом деле, несмотря на то, что внутренне государственная регионализация тоже является частью всемирной, продолжается новое распределение ресурсов, выгоды и могущества, это распределение ощущается особо остро в приграничных регионах. Поэтому, систематизация центра, выходящая за его границы, может вызвать волнения в систематизации приграничья, что влечёт за собой регламенты систематизации, неоднородность распределения ценностей и попытки гомогенизировать процесс систематизации. Пока ещё идёт процесс изменения в центре, в приграничных регионах может и не быть каких-либо изменений.

Конечно, устойчивость порядка центра – определённо одно из важных условий устойчивости порядка приграничья, а нестабильность приграничья может нарушить стабильность центра. Из-за эффекта разницы часовых поясов и эффекта совместного действия центр становится более устойчивым, посредством предоставления общественных благ возможно непрерывно активно взаимодействовать с порядком приграничья, продолжая ликвидировать региональные различия, вызванные разницей во времени между центром и периферией, к тому же, для обеспечения стабильности порядка необходимо начать благоприятную равномерную материализацию центра и периферии, тогда порядок периферии станет порядком центра. В случае если порядок периферии не может получить от центра сильную поддержку, тогда возникает нежелательное взаимодействие между периферией и центром, периферия начинает терять свой порядок, возникают отрицательные последствия для региональной безопасности.

Кроме того, центральный порядок является воплощением воли одной страны, а порядок периферии имеет тенденцию быть более полным отражением национальной воли, которая также связана с признаками

концептуальной системы регионализации. Целью регионализации является системная конфигурация внутренних элементов региона. Что касается международной системы создания регионализации, то она «является носителем государственной власти, но не её альтернативой. Тем не менее, система может быть использована для ведения переговоров и торговли, может обеспечить прозрачные отношения, не всегда, но часто с её помощью можно легко добиться реализации соглашения». Поскольку областная система является носителем системы государственной власти, она передаёт и отражает государственную власть, а не замещает её, как правило, порядок периферии отчасти отражает, отчасти осуществляет волю государственного порядка, добавим к этому множество акторов по периферии, всё большее количество стран оказывают влияние на порядок периферии, поэтому очень сложно устранить эффект разницы во времени между центром и периферией, а динамичность порядка периферии существует в течение длительного времени. Это напоминает нам о том, что в процессе строительства безопасности периферии мы должны укрепить потенциал периферии в снабжении области общественными благами, а также подписать договор в области предоставления общественных благ.

В-четвёртых, созданные регионализацией элементы приведут к диверсификации форм элементов, вслед за продвижением регионализации будут появляться элементы вида «состояния суперпозиции», «состояние суперпозиции» может вызвать помутнение между центром и периферией, влияя на безопасность периферии.

Мы считаем, что «состояние суперпозиции» – это феномен международной политики. Как явление и феномен, не могут быть точно определены его позиция или состояние, его форма или состояние совмещаются, тогда оно может быть политическим вопросом, а также экономическим, может быть традиционным и нетрадиционным вопросом безопасности, а положение или статус региона могут быть как периферийными, так и центральными. В региональном контексте реконфигурация различных элементов может привести к тому, что «состояние суперпозиции» станет явлением более многочисленным и сложным. Например, когда общество сосредоточено на природной среде и распределении природных ресурсов, в тра-

диционном смысле, кто обладает ресурсами и выгодным положением в окружающей среде: периферия или центр? Когда общество больше ценит аутентичную культуру и новые экономические возможности, данные опытом, в традиционном смысле кто обладает народными культурными особенностями и «преимуществом отсталости»: периферия или центр? Более того, следует отметить, что с развитием регионализации мир вступает в период «децентрализации», который является явлением «состояния суперпозиции», приводящим в результате к размытию положения и форм центра и периферии.

Кроме того, «состояние суперпозиции» периферии и центра также находит своё отражение в истории и реальности, а периферия также часто всеобъемлюща, как и центр. Когда международная ситуация и региональная ситуация претерпели значительные изменения, периферия сможет быстро избавиться от стабильности и инерции центра, в такой изменчивой обстановке принимаются инновации, а многообразие становится всеобъемлемостью. Будучи одними из варваров, находящихся на центральной равнине, царство Цинь прошло через политические реформы Шан Яна, став центром государства Хуася. Япония, граничащая с конфуцианской культурой Восточной Азии, прошла через реставрацию Мэйдзи, став одним из самых современных государств Азии в новой истории. Находящаяся в пустыне на западе Калифорния прошла через золотую лихорадку и приток технологий, став одним из самых выдающихся штатов Америки по научно-техническому развитию, достигнув мирового уровня. Конечно, процесс «состояния суперпозиции» периферии и центра, часто сопровождается острыми социальными изменениями, темы установления и решения вопросов безопасности становятся более актуальными.

Таким образом, «состояние суперпозиции» приграничного региона и центра в процессе создания безопасности приграничного региона даёт импульс для развития центра, в таком случае центр будет копировать направление приграничного региона; в то же время, существующее «состояние суперпозиции» часто приводит к проблемам безопасности приграничного региона, что создаёт проблемы безопасности центра и может привести к усилению взаимных проблем. В этом контексте вопрос безопасности приграничного региона является очень важным. По-

этому для минимизации угроз необходимо не просто полное копирование системы центра в приграничный регион, но и установление механизма «состояния суперпозиции».

В процессе включения приграничного региона в регионализацию, путём кризиса самоопределения региональных субъектов приграничного региона, существования традиционных и нетрадиционных угроз безопасности приграничного региона, устранение разницы между системами центра и приграничного региона, использования «состояния суперпозиции» центра и приграничного региона, парадокс регионализации и безопасности, влияющий на безопасность приграничного региона, становится всё более значимой проблемой в осознании процессов регионализации. Парадокс регионализации и безопасности влияет на безопасность приграничного региона. Основываясь на реальной обстановке, необходимо в первую

очередь предугадывать возможные негативные последствия, а также предотвращать экономические проблемы в вопросах безопасности, и минимизировать традиционные угрозы безопасности. Помимо этого необходимо предотвращение полного копирования системы центра приграничным регионом и установление механизма «состояния суперпозиции».

Таким образом, парадокс регионализации и безопасности оказывает прямое влияние на систему безопасности в приграничном регионе и влияет на его развитие. По мере развития процессов интеграции и регионализации в приграничных регионах парадокс регионализации и безопасности будет усиливаться, оказывая негативное влияние на состояние безопасности в регионе. Именно поэтому необходимо проводить исследования теории парадокса регионализации и безопасности.

Источники и литература

1. **Hugh White.** The New Security Order [Электронный ресурс] // East Asia Forum, June 24, 2013. – Режим доступа: <http://www.eastasiaforum.org/2013/06/24/the-new-security-order> 最后访问日期: 2015年12月5日。(дата обращения: 25.05.2017).
2. **Robert J. Art,** America's Grand Strategy and World Politics. – New York: Routledge, 2009. – P. 363.

张景全,
吉林大学, 中国

区域化与安全化悖论及其视域下的周边安全思考

区域合作的诉求之一是区域的便利化与一体化, 周边外交也谋求周边区域的便利化与一体化。然而, 区域化发展并不必然带区域安全改善的出现, 在这个过程中, 存在着一个始料不及的问题, 即随着区域合作的发展导致区域安全恶化, 笔者称之为区域化与安全化悖论。

区域化与安全化悖论指的是, 随着区域化推进, 在一定时期内并不会必然出现区域安全改善的预期, 相反, 往往会出现区域安全议题增多, 区域中许多议题更多地以安全的面目出现, 区域中越来越多的议题被贴上安全的标签。尽管许多安全议题并非完全起因于区域化, 但区域化与安全化同步。区域化较为成熟的欧洲以及东亚等区域的许多议题正处于安全化之中¹, 这为区域化与安全化悖论提供了最为现实的注脚。

区域化与安全化悖论何以产生, 此前笔者进行了一定的尝试。如下这些动因值得思考: 区域成员对绝对收益与相对收益的权衡导致对相对收益及其使用的担心; 区域收益递减以及

特定区域成员的多组织成员身份产生对未来收益的消极预期; 在相互依赖持续增强的背景下可能使在特定区域内使用威胁的收益更高而成本下降; 将特定区域内安全议题外包给经贸议题导致商业上的讨价还价而非战略与安全思维界定双边与多边关系; 特定区域内议题叠加产生问题密度和问题持久性放大了安全规模效应²。在区域化与安全化悖论存在的背景下, 我们有必要进一步探讨周边安全问题。

一、不成熟区域化与成熟区域化

区域化分为不成熟区域化与成熟区域化, 两者存在相互转化, 致区域议题被贴上安全标签的可能性增强, 这促进了区域化与安全化悖论的形成。

¹ 欧洲争挣扎之金融危机、乌克兰危机、难民危机、恐怖主义等系列危机之中, 东亚也正在受困于核危机、海洋危机之中。

² 张景全、吴昊: 《区域化与安全化悖论: 东北亚区域的国家与同盟角色》, 《东北亚论坛》2017年第1期。

不成熟区域化是指，区域资源配置缺乏系统与持久的制度性安排，区域资源配置主要依赖权力与现实主义的逻辑。不成熟区域化的区域与阶段，区域主导权之争一直非常明显。这是因为，不成熟区域化伴随着区域资源配置缺乏系统与持久的制度性安排，此时的区域资源配置主要依赖权力与现实主义的逻辑，为了使自已处于更为有利的位置，区域主导权就成为区域大国谋求的目标，区域议题被区域成员视为安全议题的可能性更大，区域博弈依然沿着权力冲突的现实主义路径推进。因此，不成熟区域化的阶段与区域，更容易爆发冲突或战争。

成熟区域化是指，区域资源依赖系统与持久的制度性安排，区域资源的配置主要基于区域制度与自由主义的逻辑。成熟区域化的区域与阶段，区域主导权之争有所弱化。这是因为，成熟区域化伴随着区域资源系统与持久的制度性安排，区域资源的配置更多依赖于区域制度与自由主义的逻辑，区域成员对通过制度与规范的力量获取收益的预期逐渐大于通过权力与战争的预期，区域成员主导权之争更多的体现在对制度与规范的制定权之争。例如，对于曾经由美国主导的TPP，一些美国学者也坦言，TPP存在着强化美国与亚太地区盟友的关系，维持美国在亚太地区的影响力，以及增进美国的安全等多重政治与安全目的；¹ TPP是美国通过重新调整国际经贸规则来制约中国发展的战略工具，也是美国锁定在亚太地区安全与经济主导地位的主要切入点²。成熟区域化的区域与阶段，由于配置区域资源的制度网格化，由于制度信号释放与力量缓冲作用，区域议题的安全化烈度与层级会低于不成熟区域化的区域与阶段，但由于区域资源的有限性这一根本问题的存在，区域化与安全化悖论依然存在。

存在不成熟区域化与成熟区域化，便存在着两者转化的问题。事实上，人们更多看到与关注的是不成熟区域化向成熟区域化的转化，此时，区域资源配置由依托权力沿着现实主义路径推进向依托制度向自由主义路径转向，矛盾与冲突不断，区域议题向安全议题转化的频率与烈度可想而知。然而，不仅仅存在不成熟区域化向成熟区域化的转化，也存在着成熟区域化向不成熟区域化的转化，后者也会导致区域议题向安全议题的转化。随着区域化收益递减导致区域化收益预期降低³，一些处于成熟

区域化区域与阶段的成员也会对资源配置的现有制度安排产生失望，修正或抛弃现有区域制度的动议与行为会显现出来，这些修正或抛弃现有区域制度的冲动会一方面直接通过制度脉络本身将不安释放给区域甚至区域之外，另一方面也会促使区域成员重拾权力与现实主义逻辑，区域化与安全化悖论恶化。实践将证明，成熟区域化向不成熟区域化的转化，对区域安全状况恶化的影响在21世纪的冲击会不亚于不成熟区域化向成熟区域化的转化，因为，如果说不成熟区域化向成熟区域化的转化给区域带来了未知的希望与未知的安全，那么，成熟区域化向不成熟区域化的转化给区域带来的则是现实的失望与现实的不安全。

不成熟区域化与区域化及其转化，为我们提供了重新诠释世界历史演化的新视角。如果我们把区域化的历程推进到20世纪的历史，恰恰是最早出现区域化的欧洲经历了第一次世界大战与第二次世界大战。欧洲区域化一直伴随着法、德、英三个欧洲传统大国的世纪性拷问，究竟是法兰西的欧洲，还是德意志的欧洲，亦或是盎格鲁-萨克逊的欧洲？如果以区域化与安全化悖论解释何以在欧洲最先爆发了两次世界大战，我们会发现，欧洲区域化最早，彼时的欧洲属于不成熟区域化，这导致欧洲区域化伴随着对区域资源配置争夺的现实主义逻辑，诱发激烈欧洲主导权之争，刺激安全议题泛滥，不断激化区域矛盾，区域性战争爆发。随着区域化在世界的蔓延，安全化也在世界蔓延，区域性战争转化为世界性战争。现在的欧洲进入成熟区域化，区域主导权之争更多体现为制度与规范的制定权之争，区域安全议题尽管依然大量涌现，但这些安全议题更多地被限制在区域制度与规范之内，或者被预期会通过制度与规范加以规制或解决。就整个区域而言，东亚区域化处于不成熟区域化与成熟区域化的过渡，东南亚区域化已经进入成熟区域化，但东北亚依然处于不成熟区域化，东亚成员对区域主导权争夺的欲望与方式明显不同于欧洲，东亚成员更热切地且焦虑地关注区域主导权，更纠结于权力冲突的现实主义逻辑与制度分配的自由主义逻辑，东亚仍将长期处于热发展与冷和平，东亚仍徘徊在战争与和平的十字路口。

另外需要人们注意的是，不成熟区域化向成熟区域化的转化也存在着一个隐忧，即区域化存在一个不成熟区域化复制另一个成熟区域化的倾向。成熟区域化由于在经验与发展水平上的惯性，会自觉不自觉地成为不成熟区域化的“导师”与“范本”，不成熟区域化存在复制成熟区域化的隐忧，其结果是缺乏创新；与此同时，成熟区域化的弊端还会被传递下去，区域化的弊端与矛盾只是在另一个区域或更多区域的累积，区域化与安全化悖论一直沿着宿命前进。

笔者认为，目前成熟区域化向不成熟区域化的转化，导致了所谓的逆全球化。在区域化中失去或者可能失去利益的群体构成了促使

¹ Bernard K. Gordon. Trading Up in Asia: Why the United States Needs the Trans-Pacific Partnership // Foreign Affairs. - 2012. - Vol. 91, No. 4. - P. 17.

² Mireya Solís. The Trans-Pacific Partnership: Can the United States Lead the Way in Asia-Pacific Integration? // Pacific Focus. - 2012. - Vol. 27, No. 3.

³ 区域化收益递减，不仅仅体现在经济或者政治层面，而且体现在经济与政治的互动层面。例如，李晨阳以及高程便认为，“以经促政”战略核心是通过“让利”和“增加周边国家对中国经济上的依存度”促使中国与周边国家政治关系发展，但随着美国对东亚安全关系的介入加深，东亚中小国家在享受中国经济红利的同时不必考虑给中国以政治安全方面的回报，经济手段的政治效用出现递减。李晨阳：《对冷战后中国与东盟关系的反思》，《外交评论》2012年第4期。高程：《周边环境变动对中国崛起的挑战》，《国际问题研究》2013年第5期。

此种转化的力量，也构成了所谓的逆区域化-逆全球化力量。区域资源配置的制度信条开始遭受区域资源配置的权力信条冲击，逆全球化已经形成一种思潮与现象，对区域化的发展构成前所未有的冲击。坚持本国优先、具有反自由贸易倾向、排斥移民的“特朗普现象”在世界各地出现，越来越多的国家开始以更加谨慎的态度看待区域合作议题以及国家议题。在这种背景下，成熟区域化向不成熟区域化的转化在打击成熟区域化的同时，更加重创了不成熟区域化，支持区域化与反区域化的力量会折冲不断，区域议题更加复杂与尖锐，区域化与安全化悖论因而更加彰显。

二、区域化意向与区域化现实

不成熟区域化与成熟区域化构成了区域化与安全化悖论的一对概念，而区域化意向（*imagine*）与区域化现实则构成了区域化与安全化悖论的另一对概念。区域化意向与区域化现实及其转化，促使区域内与跨区域矛盾并存、区域化不同步，导致区域议题不断以安全的面目出现。

无论我们对区域化如何界定，似乎永远存在着这样的困境，我们所定义的区域化，究竟是区域化意向还是区域化现实？笔者认为，在区域化过程中，存在着区域化意向。区域化意向是指，行为体（包括国家、非政府组织以及个人）对特定空间及其资源配置一体化的主观臆断，是对自己认知的区域及区域要素进行自己认同的制度配置。对区域以及区域内要素的制度配置臆断受行为体既有认知与经历的影响，因此，行为体的既有认知与经历直接决定了区域化意向。可以确定的是说，我们现存的很多区域都是一种区域化意向。例如从总体而言，欧洲眼中的中东、远东，东亚眼中的欧美，美国眼中的世界，都是从各自视野出发所臆断的区域，如果我们多少承认这样的判断，即这些区域更多呈现的是发展水平以及以自己为中心的心理认知距离，那么，我们就会对这些区域是出于各自视野的臆断这一看法不那么抱有反对了。

如果说区域存在主观意向因素，那么，区域化的主观意向就更为强烈了。按照行为体所认知的特定区域与要素进行自己认同的制度配置，这个便构成了区域化意向，区域化意向的核心是，“自己认知”与“自己认同”。任何行为体在参与行动或集体行动，都是基于自己认知而尽量实现自己认同，这也是区域化意向成立的基本判断。

那么，什么是区域化现实呢？这是一个很难回答的问题。从学理的角度而言，区域化现实是对应于区域化意向的一个概念，如果说区域化意向的主观成分更多的话，那么区域化现实的非主观成分更多，区域化现实是按照区域的特质与要素进行符合区域客观规律的制度化配置。

尽管长期以来便被忽略，但很多国家一直纠结于区域化意向与区域化现实之间，这极

大的刺激了区域议题不断以安全的面目出现。事实上，越是有能力表达与展现主观意志的国家，越存在着强烈的区域化意向。抛开日本长期期盼的脱亚入欧、脱欧入美，二战后身处东亚区域化现实的日本时而想超脱于东亚区域化，例如一度谋求加入美国主导的TPP，对东亚区域化持拨测之心，持干扰之行；时而想加入并领导东亚区域化，例如一度谋求建立东亚共同体，对东亚区域化怀统合之心、掌控之行。东亚共同体评议会议长伊藤宪一对美国在东亚区域化中矛盾与摇摆的认知，说明了日本东亚区域化意向的存在：“从经济上看，东亚经济依赖于美国市场。东亚的稳定没有美军的存在是不能考虑的。美国虽然不是东亚的一部分，因此不能成为东亚共同体的一员。但现实是，即使不是其成员，如果将美国与其他区域外国家一样对待，东亚共同体本身就不能成立。对美国如何定位是很重要的。我认为有必要探索将美国作为特别的存在，既不是‘成员’也不是单纯的‘区域外国家’和‘伙伴’的特别的位置¹。”

这些行为均是其区域化意向发作的结果，自身所认知的特定区域与区域要素按照自己认同的制度进行配置时便参与其中，否则，则反对。美国也深深卷入东亚区域化之中，但它的区域化意向也是自己认知的与自己认同的，当东亚区域化现实无法与美国的区域化意向吻合时，它便开始重新构建区域化意向，即从自身的地缘出发、沿着传统的两洋战略打造跨大西洋与跨太平洋的区域化意向，跨大西洋贸易与投资伙伴协议（TTIP）与跨太平洋伙伴关系协议（TPP）横空出世。事实上，几乎所有的区域化方案都是区域化意向的结果。区域化方案的反复折冲与区域矛盾似乎永无停歇，即是区域化意向与区域化现实不断重叠又落差不断。在这个过程中，我们看到了区域内与跨区域矛盾并存、看到了区域化不同步强化等问题呈现出来。

区域化意向与区域化现实的存在，导致区域内与跨区域矛盾并存，这促使区域议题被视为安全议题的可能性增强。诚然，区域化带来了区域间主义，但同时，由于各个行为体几乎都按照自己的区域化意向来推进与构建区域化，各自区域化意向的叠加与冲突出现，区域内矛盾与跨区域矛盾并存。事实上，由于区域化意向的反复融合、分拆与折冲，跨区域常常在具备自身独特矛盾的同时，还具备若干叠加区域的矛盾，这导致了区域化与安全化悖论在跨区域有时表现得更加独特与鲜明。区域内成员与非区域成员出于各自的利益，对区域内与跨区域议题的判断很难达成一致，这也导致区域与跨区域矛盾相互激发，区域议题更容易漫过非安全的边境而被看作安全议题。在跨区域议题的解决方案排斥部分区域成员的时候，这种区域化与安全化悖论的爆发烈度就更加明

¹ [日]西口清胜：《东亚共同体的构筑与日本战略》，《南洋资料译丛》，2006年第3期，第4页。

显。例如，对跨区域议题解决的亚太经合组织（APEC），由于其涵盖了亚太区域的所有成员，因此，尽管它的运行效率饱受争议，但它依然推进。但是，美国出于按照自己的区域化意向来处理欧洲与北美、东亚与北美的跨区域议题，抛出跨大西洋贸易与投资伙伴协议与跨太平洋伙伴关系协议，由于其区域化意向与区域化现实存在巨大断裂，排斥了一些区域主要成员，在东亚区域造成了相当程度的混乱，作为经贸机制的TPP对东亚区域化带来了巨大的安全冲击，东亚的区域化与安全化悖论表现强劲。

由于存在不同的区域化意向，本已存在的区域化不同步会得以强化，区域议题在不同利益群体的视角里呈现出不同的样式，区域议题的安全化可能升高。

客观而言，区域化存在着不同步问题。一方面，在同一区域内，不同成员甚至同一成员的不同区域，经济、贸易、交通、社会发展都存在不同步现象。另一方面，在不同区域之间，各个区域的发展也存在着发展水平与阶段的参差不齐。这样，利益分配与收益在区域内或者区域间是不均衡的，这种区域化不同步是一种长期存在的现象。然而，由于区域化意向与区域化现实之间落差的作用，区域成员对客观存在的区域化发展不同步更容易采取更加主观的判断，对彼此以及彼此区域的经贸标准、汇率变动、制度构建认知为不公平、不必要、甚至不专业，更倾向于认为是对方而非己方消极影响了区域化。可见，区域化不同步所造成的负面冲击因区域化意向的存在往往被放大，区域议题很容易上升为安全议题，区域化与安全化悖论形成。

可见，不成熟区域化与成熟区域化相互转化，区域化意向遭遇区域化现实，区域矛盾冲突不断，区域化与安全化悖论产生。进入后区域化阶段。

三、区域化与安全化悖论何以影响周边安全

随着周边区域的便利化与一体化，在一定时期内，区域化与安全化悖论通过周边区域行为体的身份危机、周边区域传统安全与非传统安全的聚集、周边秩序与中心秩序的时差效应以及周边与中心的“态叠加”对周边安全产生影响。

第一，周边区域化带来的便利化与一体化，会在一段时期内带来周边区域行为体的身份危机。区域化的推进带来了周边区域交通、经贸与社会的提升，随之周边区域逐渐呈现便利化与一体化，这让生活在周边区域中的行为体其身份与价值产生前所未有的近距离接触与快节奏互动，这些身份和价值包括：我是谁，你是谁？我们是谁？他们是谁？等等，这些身份与价值凝结在服饰、饮食、语言与信仰，等等诸多元素之中。自从建构主义将身份这一概念带入国际关系研究，身份的社会性也为区域研究、安全研究提供了新的视角与路径。事实上，周边是一个独特的区域，随着区域化的发

展，周边区域社会在发生变化，身份“存在于同他者关系之中”¹，因此，当自我与他者互动关系变化时，具有社会性的身份会随着区域化而发生演化²，即周边区域行为体的身份面临着演化与重构议题，无疑，这种身份演化与重构的烈度与非周边是存在巨大差异的。而众所周知，身份影响利益，身份演化与重构引发利益演变与重塑，周边区域行为体的行为将发生变化，周边区域的安全也将发生变化。

在这里需要注意的是，身份演化既存在在所谓角色身份向集体身份转化的过程³，身份演化也存在着自主与被动的指向。一般而言，行为体追求的是身份的自主性演化，身份演化的被动性越强，行为体往往越是感到威胁；身份演化的自主性越强，行为体往往越是感到安全。身份转化以及身份转化的自主或被动指向，对安全构成了巨大的影响。

笔者认为，安全的概念是行为体的身份自主、功能完整与既有价值不受到威胁并且不怕受到威胁。在这里，依托于身份的功能与价值，决定了身份的自主、功能的完整以及价值的既有等指向。然而，我们看到的现实是：周边便利化正在展开对身份的冲击与重构，各种民族、文化、器物、制度开始在称之为周边的区域进行全新的交融，自我与他者在称之为周边的区域展开互构与重构，周边便利化正在冲击着人们的身份自主、功能完整与既有价值。周边区域交通、经贸便利化与一体化，促使区域内行为体的身份从未如此清晰，也促使区域内行为的身份从未如此模糊，区域内行为体的危机烈度增加，周边区域行为体的身份与价值互动与互构带了巨大的安全冲击。这提醒我们在周边安全构建中，既要进行既有成员身份与新的共有成员身份的双重构建，又要在身份构建中高度重视身份构建的主动性。

第二，周边区域化带来的便利化与一体化，会在一段时期内带来周边区域传统安全与非传统安全的集聚。一般而言，周边区域存在的传统安全议题往往包括领土、主权等问题，“传统的地缘政治学认为，地理位置和距离可以极大地影响国家的行为。因为邻居之间接触比较多，发生摩擦的机会也比较多，这就难怪在1816-1992年间，世界上大约有50%的军事冲突是发生在邻国之间”⁴，长期以来，传统安全议题便在这些周边冲突中扮演着重要的角色。

¹ 亚历山大·温特著，秦亚青译：《国际政治的社会理论》，上海：上海人民出版社2000年版，第285页。

² 关于身份的形成，请参见 Richard Ned Lebow. Identity and International Relations // International Relations. - 2008. - Vol. 22, No. 4. - P. 473-492.

³ 亚历山大·温特对认同概念的诠释让我们看到了这种身份的转化，“把自我和他者关系引向其逻辑得出的结论，即认同（identification）。认同是一个认知过程，在这一过程中自我-他者的界线变得模糊起来，并在交界处产生完全的超越”。亚历山大·温特：《国际政治的社会理论》，第287页。

⁴ [美]小约瑟夫·奈著，张小明译：《理解国际冲突：理论与历史》（第五版），上海：上海人民出版社2005年版，第41-42页。

随着周边区域在经贸、交通、金融等领域的便利化与一体化，为这些传统安全议题的解决提供了资源、动力与制度路径。地区主义应该被理解为在限定的地理区域内邻近国家之间连续的合作制度化行为¹。随着地区主义的不断发展，周边区域行为体就安全议题的多次博弈被纳入制度框架之下，这为解决曾经不断搅动周边安全的传统安全议题带来了希望。

与此同时，由于区域化与安全化悖论的存在，周边区域的身份自主、功能完整与既有价值的追求动力也更加强劲，这些问题在周边板块的异动与摩擦更加难以管控，周边成为合作与矛盾的汇聚区域，成为身份与功能的再造区域，这些处于周边的传统安全议题更容易被激活。“威胁的邻近性经常影响国家对威胁的认知。一个邻近的国家可能算不上是一个世界强国，但它对其所在的地区或当地来说，可能极具威胁性”²，这些古老的地缘政治谶语在周边区域依然蛰伏，当刺激因素足够时，它会将同样蛰伏在周边的传统安全议题召唤出来。

目前，周边区域的便利化与一体化也让非传统安全议题更加引人注目。区域化的发展在改变区域社会的同时，也在改变着区域的自然与环境状况，周边区域的社会与自然状况的原生态性具有极强的敏感性与脆弱性，任何改变其影响都是深远的。因此，如何保持人的需求与环境需求之间脆弱平衡，考验着便利化与一体化后的周边区域安全。区域便利化与一体化也带来了病菌、疫情以及物种流通的便捷化，对区域内人的健康与安全构成前所未有的威胁，作为周边这一前沿区域首当其冲，需要未雨绸缪，进行战略性应对。区域便利化与一体化还为暴力恐怖主义、极端民族主义、极端宗教主义打开了方便之门，为各种极端力量、思想、观念的在周边区域的快速流动提供了通道与平台，这既为周边国家提供了共同认知与共同行动的议题，但无疑又增加了周边区域安全的复杂性与脆弱性。

可见，周边区域便利化与一体化，让区域议题显性化与复杂化，将传统安全与非传统安全议题同时召唤并压缩在特定周边区域，周边区域的问题密度增强。问题密度指的是“在给定政策空间内发生的问题数量和重要性”³。一般认为，问题密度意味着在相关问题中的互动有可能重复发生，这为互惠性策略提供了发挥余地，从

而维系重复性博弈中的合作⁴。但这只是注意到了问题密度的一个方面，笔者认为，问题密度存在着两个效应：一个是促使重复博弈或者合作，另一个是让重复博弈或者合作的难度增大并降低重复博弈或合作的信心，因为问题密度也会增加解决问题的难度与克服问题的强度，后者往往不被注意。一旦在复杂的周边区域同时集聚性地发生安全议题，问题密度增强更可能使具有敏感性与脆弱性的周边区域承载力降低，区域化与安全化悖论在周边板块的意义更加独特。这也需要我们在周边安全构建中，既要根据实际情况遵循先易后难的议题推进路径，又要在议题推进中防止把经济议题外包给安全议题、把传统安全议题外包给非传统安全议题。

第三，周边区域化所构建的周边秩序与中心秩序存在着时差效应，这对周边安全构成了一定的影响。周边与中心相对应，周边相对于国家这个单位时，其中心是国家；周边相对于政治与经济重心区域这个单位时，其中心是地缘政治与地缘经济重心区域。我们需要注意的是，周边秩序与其对应单位秩序之间，存在着联系紧密且影响关键的时差效应。一般而言，首先是形成中心秩序，中心秩序更加复杂而有序，中心秩序外溢，然后在其边缘形成周边秩序，这个时差是决定性的，它塑造了周边概念与周边态势，决定了周边与中心的异质性与同质化过程，将周边议题凸显出来。

就当下主要的周边对应中心——国家而言，大多数单位国家正在经历各种巨变时期，无论是发达国家的欧美还是广大发展中国家都在参与其中；就当下次要的周边对应中心——地缘政治与经济重心区域而言，世界秩序也处于变动甚至失序时期。“世界进入了地缘政治力量结构相对失衡的多边分裂阶段，多个地区中心纵横捭阖，争夺优势”⁵。“全球财富和权力的重新分配推动了亚洲区域秩序的革命性变化”⁶。事实上，无论是国家内部的区域化还是跨国家的区域化，资源、利益与权力都在持续开展新的配置，都在加剧周边这一对应单位的调整与变动，因此，中心秩序的外溢会引起周边秩序的波动，中心秩序与周边秩序的规则、价值异质性与同质化过程会引发周边秩序的波动。只要中心秩序还处于重构过程，周边秩序的变动就依然会是一种常态。

诚然，中心秩序的稳定是周边秩序稳定的重要前提之一，周边秩序的波动也会释放给中

¹ Leszek Buszynski. *Alliances and Asia-Pacific Regionalism*, Report on the Regional Strategic and Political Development (RSPD) Forum. *Alliances, Alignment, and a Community: A New International Order of the Asia-Pacific?* – Singapore: The Institute of Southeast Asian Studies, 2008. – P. 49.

² [美] 小约瑟夫·奈著，张小明译：《理解国际冲突：理论与历史》（第五版），上海：上海人民出版社2005年版，第78页。

³ Robert Keohane. *The Demand for International Regimes* // *International Organization*. – 1982. – No. 36. – P. 339–340.

⁴ Robert Axelrod. *The Evolution of Cooperation*. – New York: Basic Books, 1984; Lisa L. Martin. *Heterogeneity, Linkage and Commons Problems in Robert Keohane and Ostrom E. (eds.), Local Commons and Global Interdependence*. – London: Sage, 1995. – P. 77.

⁵ [美] 伊曼纽尔·沃勒斯坦，路爱国译：《美国霸权的演变轨迹和未来发展的趋势》，《国外理论动态》，2007年第1期，第21页（дата обращения: 25.05.2017）。

⁶ Hugh White. *The New Security Order* [Электронный ресурс] // *East Asia Forum*. – 2013. – June 24. – Режим доступа: <http://www.eastasiaforum.org/2013/06/24/the-new-security-order/>. 最后访问日期：2015年12月5日。（дата обращения: 25.05.2017）

心秩序。由于周边秩序与中心秩序存在时差效应与联动效应，中心秩序稳定且强大时，可以通过提供公共产品的形式源源不断地与周边秩序产生积极互动，持续弥合周边秩序与中心秩序因时差引发的区位差异，为周边秩序提供稳定源，周边与中心开启良性匀质化，周边秩序向中心秩序转化。一旦周边秩序无法获得中心秩序持续而强大的供给，周边秩序与中心秩序会发生非良性互动，周边秩序开始失序，对区域安全构成更加消极的影响。

另外，作为周边主要的对应单位国家，中心秩序是单一国家意志的体现，而周边秩序往往是多个国家意志的综合体现，这也与区域化概念的制度症候有关。区域化追求的是区域内要素的制度配置。对于生成区域化的国际制度而言，“国际制度是国家权力的载体，而不是国家权力的替代。然而，制度可用于谈判、讨价还价，可提供透明的关系，虽不总是但可经常便于达成和执行协定¹”。既然区域中的制度是国家权力的载体，它传输和反映国家权力而不是国家权力的替代，周边秩序便往往部分体现与部分实现一个国家的秩序意志，加之周边行为体的多元，多个国家的部分意志都会对周边秩序塑造产生影响，因此，周边秩序与中心秩序的时差效应就很难消除，周边秩序的动态性就会在相当长的时期内存在。这提醒我们，在周边安全构建过程中，既要加强周边区域公共产品的自供给能力或者公共产品的自供给性，又要加强周边区域公共产品自供给的公约性。

第四，区域化所产生的要素聚集会导致要素形态多元化，随着区域化的进一步推进，会产生要素形态的“态叠加”，“态叠加”会导致周边与中心概念的模糊化，从而产生对周边安全构成影响。

笔者认为，国际政治中存在“态叠加”现象。即一个事物与现象在没有被确认其存在位置或状态时，它的形态或状态是叠加的，即它既可能是政治议题，也可能是经济议题；它既可能是传统安全议题，也可能是非传统安全议题；而一个区域的身份或状态，它既可能是周边，也可能是中心。在区域化背景下，各种要素的重新配置，会促使“态叠加”现象更为繁多和复杂。例如，当社会对自然环境与自然资源配置更为重视的时候，传统意义上更具有资源与环境优势的周边，究竟是周边还是中心呢？当社会对原汁原味文化与全新经济与体验机会更为珍视的时候，传统意义上更具有原生态文化特质与后发优势的周边，究竟是周边还是中心呢？更需要注意的是，随着区域化的

推进，这个世界正在进入一个“去中心”的时期，这也是“态叠加”现象所导致的中心与周边位置与形态模糊化的一个结果。

另外，周边与中心的“态叠加”也体现在历史与现实之中，周边也时常因其强大的包容性和创造力转化为中心。在国际格局与区域态势发生重大变动的背景下，周边因其能够迅速摆脱中心的稳定与惯性，在大变局中接纳新事物，将游离性、多元性转化为创造性与包容性。处于中原蛮夷之地的秦国经过商鞅变法，转为中原华夏核心之地。处于东亚儒家文化边缘之地的日本经过明治维新，转为近代亚洲最具现代化之国。处于西部荒原之地的加州经过淘金潮与科技潮，转为美国乃至世界科技翘楚之州。当然，在周边与中心的“态叠加”过程中，往往伴随着剧烈的社会变动，议题设置与解决议题的安全指向更加强烈。

可见，由于周边与中心“态叠加”的存在，在周边安全的构建中既存在将周边构建为中心的中心冲动，存在着上文提及的以中心复制周边的倾向；同时，也存在着周边与中心的“态叠加”往往会导致周边安全议题具有中心安全议题意义，会导致周边安全议题与中心安全议题的议题互动效应更强。在这种背景之下，周边安全状况的复杂化可想而知。因此，需要我们要防止周边完全复制中心，也要建立“态叠加”的减震机制。

结论

随着周边被纳入区域化过程，通过制造周边区域行为体的身份危机、聚集周边区域传统安全与非传统安全、释放周边秩序与中心秩序的时差效应、驱动周边与中心的“态叠加”，区域化与安全化悖论对周边安全构成的冲击更为独特而鲜明。应对区域化与安全化悖论对周边安全冲击的政策考量中，既要高度重视既有成员身份与新的共有成员身份构建的双重性，又要在构建中高度重视身份构建的主动性；既要根据实际情况遵循先易后难的议题推进路径，又要在议题推进中防止把经济议题外包给安全议题、把传统安全议题外包给非传统安全议题；既要加强周边区域公共产品的自供给性，又要加强周边区域公共产品自供给的公约性；既要防止周边完全复制中心，也要建立“态叠加”的减震机制，等等，值得思考。

总之，当我们将区域化与安全化悖论这一视野聚焦于周边安全之时发现，随着区域化带来的周边便利化与一体化，区域化与安全化悖论会给周边区域带来更为复合型的安全冲击，对这些安全议题的探讨依然存在巨大的空间，区域化与安全化悖论的

理论构建与检验在现实发展面前依然任重而道远

1. **Hugh White**. The New Security Order [Электронный ресурс] // East Asia Forum, June 24, 2013. – Режим доступа: <http://www.eastasiaforum.org/2013/06/24/the-new-security-order> 最后访问日期: 2015年12月5日。(дата обращения: 25.05.2017).

2. **Robert J. Art**, *America's Grand Strategy and World Politics*. – New York: Routledge, 2009. – P. 363.

¹ Robert J. Art, *America's Grand Strategy and World Politics*. – New York: Routledge, 2009. – P. 363.

УДК 332.1
ББК У050.2

**Вера Александровна Парамонова,
Екатерина Олеговна Беликова,**
*Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Россия*

Социальное пространство региона: к определению понятия

Глобальный мир на рубеже XX–XXI веков породил массу проблем регионального уровня. Решение социальных и иных задач в пространстве регионов невозможно без чёткого понимания научно-понятийного аппарата. Рассматривается понятие «социальное пространство региона». В статье представлено разнообразие подходов к определению понятий «регион», «социальное пространство».

Ключевые слова: глобализация, регион, научная проблема, территориальное образование, социальное пространство

**Vera A. Paravonova,
Ekaterina O. Belikova,**
*Volgograd State University,
Volgograd, Russia*

Social Space in the Region: the Definition of the Concept

Global peace at the turn of the 20th–21st centuries. spawned a lot of problems at the regional level. The solution of social and other objectives in the space regions is impossible without a clear understanding of the scientific and conceptual apparatus. Explains the concept of “social space of the region”. The article presents the diversity of approaches to defining the concepts of “region”, “social space”.

Keywords: globalization, region, scientific problem, territorial education, social space

Со второй половины XX века мир оказался под воздействием процесса глобализации, что обусловило появление мира «под копирку», т. е. глобального общества с единой экономикой и культурой [13]. Создалось впечатление, что мир «разнообразия» (региональный) безвозвратно «канул в лету», ведь «Мир Нового времени стремительно уходит в прошлое. Обозначился системный кризис архитектоники общества, основанного на определённости национальных культур и устойчивости ценностно-рациональных форм мироустройства» [8]. Однако социально-экономические и политические реалии (например, так называемые «региональные» конфликты и т. п.) последнего десятилетия XX – начала XXI века проявили роль регионов в глобальном мире, что обусловило потребность в выработке практических решений по решению региональных проблем, имеющих тенденцию при определённых ус-

ловиях становиться «головной болью» всего глобального сообщества, затрагивая всех и каждого в большей или меньшей степени. В результате это привело к необходимости социально-философского осмысления региона, ведь, как показала «практика» развития мировых процессов, преобразования в регионах, в конечном итоге, обуславливают и глобальные тенденции развития мирового сообщества.

Перед исследователем встаёт несколько насущных вопросов, без которых трудно выработать эффективные решения проблем отдельного региона как составной части глобального мира. И первой, с нашей точки зрения, значимой проблемой является отсутствие общепринятой трактовки понятия «регион»: это обусловлено, по мнению Г. А. Аванесова, тем, что разные специалисты (политологи, экономисты, историки, социологи и т. д.) обычно «руководствуются

различными основаниями и критериями» [1, с. 187]. В результате каждая отрасль научного знания, обращаясь к региональному аспекту, предлагает собственную трактовку данного понятия [6; 14, с. 112–116]. По мнению К. Арви, «расплывчатость термина означает, что он лавирует между несколькими школами, не интегрируя их» [10]. Анализ различных трактовок понятия «регион» позволил А. Макарычеву [9] выявить характерные черты, присущие различным определениям: во-первых, несхожесть определений, существенным образом отличающихся друг от друга, во-вторых, внимание акцентируется лишь на достаточно узком аспекте исследования, при игнорировании других. Пожалуй, третьей общей чертой разнообразных трактовок понятия «регион» является явное или не явное «указание» на значение региона как территориального образования в формировании условий для воспроизводства населения. Анализ основных характеристик региона позволяет А. Макарычеву [Там же] рассматривать его (регион) сквозь призму территориальной организации социокультурных, экономических, политических факторов жизнедеятельности социума. Следовательно «в регионе представлено несколько ключевых детерминант, формирующих единое пространство региона» [6], что предполагает обращение к понятию «пространство».

Изучение любого понятия предполагает обращение к его исходной точке – к его происхождению (этимологии). Именно попытка определить специфику пространства в различных культурах и заставило Ю. В. Гринкевич [4] обратиться к этимологии слова «пространства» в русском и западноевропейских языках. В русском языке, как отмечает исследователь, данное слово происходит от таких слов, как: «сторона», «страна», «отсыл в бок», «в ширь-даль». Это свидетельствует о зафиксированности в понятии различных пространственных характеристик: протяжённость; широта/долгота; бок/сторона. Исследование Ю. В. Гринкевич показало, что современное слово «пространство» в английском (*space*) и французском (*espace*) восходят к латинскому существительному – *spatium* (пространство), которое является производным от латинского глагола – *spatior* (шагать). Этимологический анализ свидетельствует о «зашифрованности» в современном понятии «пространство» – древнейшей измерительной системы (через глагол *spatior*) – ширина человеческого шага,

появившегося в результате ортоградности (прямохождения). В немецком языке существительное «пространство» (*Raum*) означает: «пусто», «чисто», а глагол – *raumen* указывает на уборку, очищение: убрать (комнату), очистить (улицу от снега), уносить (мусор), отодвигать, устранять, освобождать. Простейшая же измерительная система (шаг) присутствует в немецком глаголе *spazieren* (гулять) и также восходит к латинскому глаголу *spatior*. Исследование Ю. В. Гринкевич указывает, что, несмотря на различие в происхождении понятия «пространство» в русском, английском и французском языках, оно «вырастало» либо из характеристик, присущих данному явлению (протяжённость, широта и т. п.), либо из фиксации древнейшей системы измерения горизонтальной плоскости, доступной человеку (ширина шага). Причём в немецком языке, латинский глагол *spatior* (шагать) преобразовался в *spazieren* (гулять), что, в принципе, также предполагает «вышагивание», но понятие «пространство» в немецком языке отличается от французского и английского языков, обозначая пустоту: немецкая языковая картина мира скорее ориентирована на «устранение» чем на «рас-про-странение». В свою очередь Ж. Матор подчеркнул, что на современном этапе «словарный запас предоставляет для пространства достаточно места на всех уровнях человеческого мышления» [12], что и позволило сформировать как уникальную языковую картину мира отдельных этносов, так и человечества в целом. Отношение к пространству на языковом уровне в русской картине мира позволило включить («распро-странить») в свою орбиту различные, удалённые от центра Московии, районы: например, земли Нижнего Поволжья, Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера.

В целом эволюция взглядов на пространство представляет собой «поле битвы» дискуссий о сущности и интерпретации данного понятия. На пространство обратили внимание ещё античные мыслители (Аристотель, Эпикур и др.) [4], но интерес к нему сохраняется и по сию пору. Это обусловлено: с одной стороны, тем, что пространственные формы как и время являются «естественными предметами» размышления человека, который от рождения до тризны «погружён» именно в пространственно-временные отношения. С другой, пространство и время – универсальные формы освоения окружающего мира. Это, видимо, и определило формиро-

вание двух направлений изучения пространства: мировоззренческого, развиваемого философией, и объективно-теоретического, ставшего приоритетом для естественных и точных наук. Изучение пространства научной мыслью древнего мира было реализовано как в теории, так и на практике: в военных и мирных сферах жизнедеятельности человека. Средневековые предложили трёхуровневую модель миропорядка (божественное, земное, демоническое), что позволило структурировать пространство поселений по вертикали (небесное/земное/демоническое) и по горизонтали (центр/периферия). Десакрализация пространства позволяет, как указывает Николай Кузанский [8], вписать пространство в жизнедеятельность человека, сделав его более удобным в применении. На современном этапе, как подчёркивает Ж. Матор, пространство «воспринимается сквозь призму его понимания человеком и выступает как единый исторический процесс, в котором литература, искусство, социальные институты и язык являются его проявлениями» [12] и в процессе углублённого изучения дифференцируется, структурируется и обобщается. Исследовательский интерес к жизнедеятельности человека обусловлен определёнными сферами социальных отношений, соотносимых с этапами и уровнями развития социума, охватывая разномасштабные мировые пространства.

Всё разнообразие типов пространственных форм сгруппировано следующим образом: физическое (или естественное, т.е. природный ландшафт), освоение которого определяется уровнем развития техники/технологий (глубины мирового океана, галактическое пространство и пр.); естественно-социальное [7], в разной степени освоенное социумом, имеющее привязку к географической среде (географическое, региональное и пр.), и социальное, «одомашненное» человеком, но не всегда имеющее привязку к природному ландшафту (электронное пространство и пр.). Использование пространственной схемы при изучении естественно-социального пространства не предполагает сведение физического к нефизическому пространству и наоборот. П. Бурдьё указывает на разницу физического и нефизического (социального) пространств: физическое пространство «определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, в то время как социальное пространство – по взаимоисключению (или

различению) позиций, которые его образуют, так сказать, как структура рядоположенности социальных позиций» [2, с. 35]. Естественно-социальное пространство является универсальным контекстом жизнедеятельности вида *homo sapiens*, обеспечивая удовлетворение физиологических и социальных потребностей отдельного индивида, социальных групп и общества в целом. В. А. Тишкова [15, с. 289] отмечает, что среда обитания человека представляет собой конструкт, созданный физическим и ментальным выражением организации пространства. Из данной группы пространственных форм интерес представляет трактовка понятия «социальное пространство», ведь, как указывает З. А. Жаде [6, с. 116], природно-географические факторы, оказывая значительное влияние на жизнедеятельность человека, пассивны, активной стороной является сам человек, формирующий свою среду обитания, создавая на базе конкретной территории с её природно-климатическими характеристиками систему общественных отношений.

В научную лексику термин «социальное пространство» был введён на рубеже XIX–XX веков, оказавшись объектом исследований различных мыслителей: Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, П. Сорокина, О. Шпенглера и др. [2; 3; 15; 16–19]. Теоретическое осмысление социального пространства развивалось долгое время в двух направлениях: субстанциалистском и структуралистском. Э. Дюркейм заложил основы аналитического дуализма рассмотрения пространства, в рамках которого физическое и социальное пространства, хотя и различные, но взаимосвязанные феномены; Г. Зиммель полагал, что любое пространство социальное, т. к. оно не отделимо от созерцающего субъекта, причём таким субъектом является человек, а не общество. Каждый новый подход позволял увидеть и осмыслить иные грани социального пространства: так, идеи П. А. Сорокина [14] о многомерности социального пространства и использования социальной дистанции для измерения данной пространственной формы, позволили на основе стратификационного индикатора выделить экономическое, политическое и профессиональное пространства. Критика А. Лефевра и Э. Соджи [4, с. 20] «бинарного» взгляда на пространство выявила перцептуальное, концептуализированное и проживаемое пространство (пространство репрезентации образов). Трактовку П. Бурдьё социального простран-

ства как абстрактного образования, являющегося совокупностью пространств и полей (экономических, политических, интеллектуальных и др.), структура коего сформирована неравномерным распределением отдельных видов капитала, можно рассматривать как попытку по преодолению сложившихся противоречий в определении сущности данного феномена. Немаловажным фактом явилось понимание того, что при исследовании социального пространства значимую роль наравне со структурными факторами играют поведенческие, т. е. деятельность агентов. Именно под воздействием (действием) агентов происходит трансформация социального пространства в связи с изменением прежних структур, и, как чётко подметил В. А. Ядов, от того «какие “глупости” придут ему в голову (агенту – П.В.) и как он распорядится этим своим знанием, и зависит ход социальных событий» [4, с. 21].

Различие подходов и определило неоднозначность трактовки понятия «социальное пространство», что и является показателем его (социального пространства) сложности и многоаспектности. П. Бурдьё отмечает, что «повсеместно используемый для разговоров о социальном пространстве язык изобилует метафорами, заимствованными из физического пространства» [2, с. 39]. Анализ различных подходов на природу социального пространства «имеет характер базовой аксиомы, исходного постулата» [4, с. 16], а значит, не требует от исследователя дополнительных доказательств. Причём Н. В. Дулина указывает, что сделанный выбор в

пользу одного из подходов, «в дальнейшем приводит к очень значительным расхождениям в описании собственного социального пространства» [Там же]. Корни множественности подходов в рассмотрении социального пространства лежат в неоднозначности понимания как сущности самого феномена «пространство», так и его философско-социологической интерпретации. И при всём разнообразии взглядов на сущность данного феномена, анализ целостности пространства, позволяет «говорить о пространстве как о “месте” и совокупности “сред”» [7, с. 11]. П. А. Сорокин подчёркивал, что, несмотря на всё разнообразие определений, используемых учёными для характеристики «сущности социального, социокультурного или надорганического явления», всем им (определениям) присущ общий принцип взаимодействия, лежащий «в основе этих определений», а «различия наступают уже в дальнейшем – в определении характера и форм этого взаимодействия» [14]. Следовательно, взаимодействие является фактором создания или разрушения социального пространства. Анализ различных трактовок понятия «социальное пространство» позволяет его интерпретировать как систему взаимосвязей, в которых осуществляется взаимодействие агента со средой.

Социальное пространство региона – это результат сложных исторических процессов в обществе. Любое пренебрежение к данному феномену со стороны реформаторов приведёт к неожиданным для них, но вполне предсказуемым результатам.

Источники и литература

1. **Аванесова Г. А.** Ядро – периферия и процессы регионализации культуры. Обзор // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / под ред. Б. С. Ерасова. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 186–189.
2. **Бурдьё П.** Физическое и социальное пространство // Социология политики: пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 33–52.
3. **Григорьева И. В.** Интерпретация понятия «медиаобразовательное пространство»: к проблеме систематизации научной терминологии // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 315. – С. 198–201.
4. **Дулина Н. В.** Социальное пространство и социокультурное поле: к вопросу о соотношении понятий // Человек, культура, общество: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н. В. Дулина [и др.]. – Волгоград: Волгогр. гос. техн. ун-т: Волгогр. науч. изд-во, 2011. – Вып. 7. – С. 7–39.
5. **Дулина Н. В.** Социокультурное пространство региона: методология исследования / М-во образования РФ. – Волгоград: Волгогр. гос. техн. ун-т: Волгогр. науч. изд-во, 2011. – 131 с.
6. **Жаде З. А.** Этническое пространство как фактор геополитики // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – № 3. – С. 114–121.
7. **Заборова Е. Н.** Социологический анализ городского социального пространства: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.01. – Екатеринбург: [б. и.], 1997. – 38 с.
8. **Кузанский Н.** О предположениях // Сочинения: в 2 т. Т. 1 / ред., вступ. ст. З. А. Тажуризиной. – М.: Мысль, 1979. – С. 185–279.
9. **Макарычев А.** Влияние зарубежных концепций на развитие российского регионализма: возможности и пределы заимствования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prof.msu.ru/publ/book/round3.htm#Мак> (дата обращения: 01.03.2017).

10. Неклесса А. И. Конец истории, цивилизации, или Зигзаг истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.org/books/operaselecta/opera_selecta_29.pdf (дата обращения: 28.04.2017).
11. Силкина Л. В. Место пространства в культуре // Жизненное пространство человека и общества: сб. науч. тр. / под общ. ред. В. Б. Устьянцева. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1996. – С. 107–111.
12. Слинин Я. И. Наука, культура и будущее общества // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: сб. филос. ст. / под ред. Б. В. Маркова [и др.]. – СПб.: Петрополис, 2001. – Вып. 1. – С. 333–350.
13. Современный российский регион: оценка состояния и тенденции развития / Е. В. Каргаполова [и др.]. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2012. – 185 с.
14. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gumer.info/bibliotekBukd/Sociolog/Sorok2/02/php> (дата обращения: 11.04.2017).
15. Тишкова В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2003. – 544 с.
16. Филиппов А. Ф. Обоснование теоретической социологии: введение в концепцию Георга Зиммеля // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 65–81.
17. Филиппов А. Ф. Социология пространства. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 285 с.
18. Юдина Е. Н. Медиапространство как новая социологическая категория // Преподаватель XXI век. – 2008. – № 2. – С. 151–154.
19. Ярская-Смирнова Е. Р. Социальное и темпоральное измерение нетипичности // Пространство и время в современной социологической теории / под ред. Ю. Л. Качанова. – М.: Ин-т социологии РАН, 2000. – С. 128–145.

УДК 331.5
ББК У248

Татьяна Анатольевна Федотова,
*Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара,
г. Днепропетровск, Украина*

Регион в приграничном пространстве: влияние на развитие рынка труда

Определены отличия и особенности развития приграничного региона. Оценён потенциал развития трансграничного сотрудничества регионов Украины. Проанализировано влияние диспропорций в развитии трансграничных территорий на миграционные процессы между ними. Исследовано положение на рынках труда южных регионов России и определены влияющие факторы.

Ключевые слова: регион, приграничное пространство, трансграничные территории, рынок труда, трудовая миграция, миграционные потоки, трудоустройство

Tatyana A. Fedotova,
*Dnipropetrovsk national University. O. Gonchar,
Dnepropetrovsk, Ukraine*

Region in the Border Area: Impact on the Development of the Labour Market

The differences and peculiarities of the development of the border region. Assessed the development potential of cross-border cooperation regions of Ukraine. Analyzed the impact of disparities in development of border territories on the migration processes between them. Studied the situation on the labour markets of the southern regions of Russia and identifies influencing factors.

Keywords: region, cross-border space, cross-border area, labor market, labor migration, migration flows, employment

Регион – (от фр. *Region*, лат. *Regio* – «область, район») – территория, которая отличается от других территорий по ряду признаков и характеризуется определённой целостностью и взаимоувязанностью её составных элементов. Относительно исследования приграничного региона основной характеристикой, которая влияет на социально-экономическое развитие, следует выделить его место расположения. То есть для приграничного региона определяющим является наличие государственной границы и значительных возможностей межрегионального и трансграничного сотрудничества с соседними регионами и государствами. Экономика пограничного региона испытывает влияние внешних и внутренних факторов на её функционирование, а также влияние конкурирующих рынков товаров, труда и капитала других стран.

Исследование проблем развития приграничных регионов и создание эффективной региональной социально-экономической политики занимает весомую долю в современных научно-практических разработках. В то же время постоянные изменения в политических режимах, в национальных законодательствах, в расстановке сил на международной арене и т. п. актуализируют необходимость постоянного изучения данного вопроса.

Украина благодаря выгодному геополитическому положению имеет значительный потенциал развития трансграничного сотрудничества, поскольку 19 из 251 региона являются пограничными, а внешняя граница по протяжённости – самая длинная среди европейских стран. Отличительная черта приграничного пространства – сотрудничество Украины не только со странами Европейского союза (традиционный вектор), но и со странами, не входящими в состав ЕС, – Российская Федерация, Беларусь и Молдова. Ещё одной особенностью является большое влияние военно-политического фактора на становление современных трансграничных отношений Украины, в том числе и на процесс трудовой миграции.

Диспропорции в развитии трансграничных территорий предопределяют возникновение систематических и краткосрочных миграционных потоков с целью трудоустройства за рубежом, которые формируют трансграничный рынок труда. Украинские пограничные области образуют трансграничные рынки труда с государствами СНГ (49,2 %

общего количества трудовых мигрантов), с беспрепятственной возможностью въезда и выезда, и странами-членами ЕС (47,1 %), с которыми есть визовый режим [Цибульская... , с. 74]. В свою очередь, с большинством стран ЕС подписаны соглашения о малом пограничном движении, которое существенно стимулирует маятниковые трудовые миграции.

Города юга России тесно связаны с Украиной в экономическом, политическом и социальном аспектах. Политический кризис в Украине привёл к обострению факторов риска во всех этих сферах на юге России, которые возникли на фоне значительного роста миграционного потока из Украины в ЮФО. В связи с затянувшимся решением конфликта в Украине многие беженцы, покидавшие страну на незначительный срок, вынуждены и/или готовы остаться в России на неопределённое время либо на постоянное проживание. В этой связи возникает вопрос их трудоустройства и обеспечения жильём, что обостряет напряжённость в регионе. Она обостряется также разрывом существующих кооперационных связей и технологических цепочек между странами, что ведёт к сокращению рабочих мест, прибыльности предприятий, уменьшению поступлений в местные бюджеты и т. п.

Сегодня на юге России находится значительное количество мигрантов из Украины, которые проживают в неудовлетворительных условиях, не имеют работы и заработка, лишены прежних социальных связей и угнетены вынужденным переселением и неопределённостью ситуации. Эта социальная группа, которая в силу сложившейся ситуации люмпенизирована, может в определенных условиях привести к дестабилизации социально-политической обстановки в регионе. В то же время инфраструктура края не рассчитана на обслуживание такой численности населения, статьи бюджета не предусматривают финансирования переселенческих программ. Это ведёт к росту уровня региональной криминогенности.

Положение осложняется тем, что значительная часть мигрантов юга России от внутрирегиональных российских перемещений, не имея возможности легально трудоустроиться, и в силу исторических причин, клановости и ментальности кавказских этносов, существует за счёт криминальных доходов (перевозка и сбыт наркотиков, контрабанда, угон скота и захват пастбищ, похищения людей с целью выкупа и т. п.).

Экспертные интервью населения приграничья [Там же, с. 77] подтвердили, что трансграничная трудовая миграция носит краткосрочный характер, срок пребывания мигрантов часто совпадает с разрешённым периодом пребывания в иностранном государстве, которое не требует оформления документов прописки или регистрации по постоянному месту пребывания. Трудовые мигранты не изменяют своего местожительства, а приезжают на работу сезонно или в рабочие дни недели, пересекая границу ежедневно, в рамках малого пограничного движения, или еженедельно. Растёт также количество сезонных маятниковых мигрантов, которые характеризуются большей амплитудой отклонения от основного местожительства.

Для максимального использования возможностей трансграничной трудовой миграции, минимизации её негативных по-

следствий необходимо не препятствовать, а создавать все условия для формирования конкурентоспособного и взаимосвязанного трансграничного рынка труда, повышения свободы передвижения субъектов рынка, предоставления качественной и надёжной информации о ситуации на рынке труда, уменьшения барьеров входа на рынке труда из смежных регионов.

Для стабилизации ситуации в приграничных регионах и упорядочения миграционных потоков необходимо создание общих структур на трансграничных рынках труда, которые бы способствовали упрощению процедур трудоустройства в трансграничном регионе, осуществляли статистический учёт трансграничных трудовых мигрантов, исследовали процессы на трансграничных рынках труда с целью формирования разностороннего, комплексного понимания миграционных процессов и оптимального их регулирования.

Источники и литература

Цибульская Ю. О. Организационно-экономический механизм обеспечения развития трансграничных рынков труда: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Львов: НАН Украины, 2015. – 270 с.

УДК 323.173:343.325
ББК Ф094:Х400.532.2

Анна Александровна Маркелова,
*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия*

К вопросу о некоторых мерах противодействия сепаратизму в современной России

В мировой практике практически отсутствуют эффективные механизмы противодействия сепаратизму. В данной статье автор делает попытку определить основные пути противодействия сепаратизму в современной России. На данный момент для России приоритетной задачей должно стать сохранение целостности общероссийского политического, экономического, социального пространства за счёт взаимной увязки интересов регионов между собой, регионов и федерального центра на базе федеративных отношений.

Ключевые слова: сепаратизм, федерализм, Российская Федерация, федеративные отношения, регионы РФ

Anna A. Markelova,
*Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia*

To the Question of Some Measures to Counteract Separatism in Modern Russia

There are no effective mechanisms for countering separatism in the world practice. In this article, the author makes an attempt to determine the main ways of counteracting separatism in modern Russia. At the moment for Russia the priority task should be to preserve the integrity of the all-Russian political, economic, social space at the expense of mutual co-ordination of interests of regions among themselves, regions and the federal center on the basis of federal relations.

Keywords: separatism, federalism, Russian Federalism, federal relations, regions of Russian Federation

Стихийный «парад суверенитетов» этнотерриториальных образований в начале 1990-х годов стал представлять реальную угрозу не только территориальной целостности России, но и её суверенитету, что сделало необходимым применение жёстких методов преодоления сепаратизма и дезинтеграционных процессов. Предпринятые В. В. Путиным в начале 2000-х годов меры, направленные на усиление федерального центра и укрепление вертикали власти, способствовали ослаблению центробежных тенденций. Очаги сепаратизма были подавлены в том числе и при помощи применения военной силы в процессе контртеррористической операции на Северном Кавказе. Согласно решениям Конституционного Суда Российской Федерации, в 2000–2003 годах в конституциях республик РФ были отменены нормы, предполагавшие право на сецессию [3, с. 12]. Кроме того, республиканские конституции и нормативно-правовые акты были приведены в соответствие с федеральным законодательством. Однако, несмотря на достигнутые результаты, проблема сепаратизма окончательно решена не была. Поэтому в настоящее время всё большую актуальность приобретает предупреждение развития сепаратистских тенденций и устремлений на ранних стадиях.

Н. В. Остроухов рассматривает противодействие сепаратизму в качестве нейтрализации причин и условий, способствующих зарождению сепаратизма, борьбы с сепаратизмом, минимизации и (или) ликвидации последствий проявления сепаратизма [4, с. 136].

После распада СССР Россия столкнулась с проблемой совершенствования взаимоотношений между центром и регионами

в целях упрочения и стабилизации государственности. Доставшийся России в наследство от советского прошлого федерализм возник не как модель демократизации, а как способ решения национального вопроса [10]. После распада СССР Россия получила возможность сформировать принципиально иную концепцию федеративных отношений [8]. Однако на тот момент времени российская власть предпочла сохранить прежнюю модель федерализма, которая существовала при СССР.

Существенным недостатком действующей модели федерализма является огосударствление этничности. Все государства, допустившие в той или иной степени «этнизацию» федеративных отношений, испытывают самые серьёзные трудности в практике государственного строительства. Наиболее оптимальным вариантом модели государственного устройства России был бы «внеэтнический» федерализм. Однако упразднение национальных образований в составе Российской Федерации с большой долей вероятности станет причиной резкого обострения этнополитической ситуации.

Процесс укрепления вертикали власти в России, по сути, элиминировал все основные принципы федерализма: были введены не предусмотренные Конституцией Российской Федерации федеральные округа, а функционал глав субъектов свёлся к региональному менеджменту. На наш взгляд, в рамках современных реалий необходимо отказаться от стратегии дальнейшего укрепления властной вертикали и перейти к развитию основ «мягкого» федерализма, который должен представлять собой прежде всего эффективный механизм согласования интересов, так как «федерация возможна только

там, где народу присущи искусство соглашения и дар политического компромисса» [1].

В настоящее время главной задачей федеральной политики в отношении регионов должно стать выравнивание способностей регионов к самообеспечению и устойчивому развитию на основе использования имеющихся у них региональных ресурсов, факторов, условий и предпосылок для стабилизации своего социально-экономического положения. В процессе модернизации бюджетного федерализма должна быть сформирована качественно новая схема межбюджетных отношений, базирующаяся на сбалансированном разграничении доходных и расходных бюджетных полномочий между федеральным бюджетом и бюджетами регионов РФ, нацеленных на преодоление центробежных сил в субъектах, при сохранении их относительной экономической обособленности и укреплении системы устойчивого федеративного устройства страны, тесного взаимодействия федерального центра и регионов между собой [6, с. 146].

Долгосрочная стратегия федерального центра при совершенствовании экономической политики должна состоять прежде всего не в формальном построении бюджетного выравнивания положения регионов через налоговые ставки и трансферты, а в обеспечении более широких условий для мобильности рабочей силы через реформу трудовых отношений, создании доступного общероссийского рынка жилья, отмене административных барьеров типа регистрации и т. д., а в целом эта стратегия должна быть нацелена на создание необходимых условий, стимулирующих наращивание и рациональное использование каждым регионом собственного социально-экономического потенциала [2].

Кроме того, процесс межбюджетных отношений должен быть ограждён от влияния различного рода сепаратных соглашений, нарушающих принцип конституционного равенства всех регионов. Подобные соглашения предоставляют недостаточно обоснованные преференции отдельным субъектам в ущерб другим.

Однако самое слабое звено российской государственности – информационно-идеологическая сфера. Проводимая в конце XX века масштабная деидеологизация стала причиной утраты Россией собственной идейной основы и стратегического целеполагания [7]. Идейный вакуум, вызванный

распадом СССР, обусловил фрагментацию элиты, отдельные сегменты которой стали жить исключительно в рамках собственных узконаправленных интересов. Поэтому для дальнейшего упрочения и стабилизации российской государственности необходимо восстановление целевых и идейно-смысловых основ функционирования российской политической системы, а также формулирование базовых принципов дальнейшего государственного развития.

Попытки модернизации государственного управления не будут успешными, если они не опираются на поддержку нации [5]. Строительство нации должно происходить на основе гражданской, а не этнической идентичности. Существует проект российской нации, но нет интегрирующей наднациональной идеи. Проблема формирования российской нации как гражданского надэтнического сообщества тождественна проблеме российской идентичности. Гражданская идентичность создаётся через многие механизмы и каналы: система воспитания и образования, государственный язык, армия, СМИ. Очевидно, что Россия нуждается в обновлении доктринально-идеологической сферы обеспечения гражданской солидарности и российской идентичности с целью профилактики и предупреждения национализма, экстремизма, сепаратизма и ксенофобии [9].

Важную роль в преодолении сепаратистской угрозы должно сыграть сотрудничество по этому вопросу России с мировым сообществом. Деятельность международного сообщества по предупреждению и профилактике сепаратизма должна сводиться к обеспечению защиты территориальной целостности государств. Для этого должны быть реализованы следующие задачи: закрепление общего определения сепаратизма в едином международном документе; разработка международных договоров по противодействию сепаратизму; создание общих подходов государств к противодействию сепаратизму; выявление и устранение причин и условий, способствующих сепаратизму; его предупреждение и пресечение; противодействие финансированию сепаратизма в любых формах; создание в мире атмосферы полного неприятия сепаратизма; недопущение применения практики «двойных стандартов» [4, с. 134].

Сепаратизм – многогранное явление, поэтому в каждом конкретном случае методы профилактики, преодоления и решения

данной проблемы обладают уникальной спецификой. Гарантией стабильной государственности может служить соблюдение принципа социальной справедливости. Кроме того, усилия правительства должны быть направлены на обучение политиков и общественных активистов тому, что люди, исповедующие различные религии и говорящие

на разных языках, должны жить в общем государстве и решать проблемы развития и разделения власти путем диалога и поиска компромиссов. Надо признать, что человечество пока не придумало ничего более эффективного для обеспечения общественного порядка и социального преуспевания людей, чем государство.

Источники и литература

1. **Бойко Ю. П.** Российские регионы в системе геополитических интересов государства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/m12-2012/17320-rossiyskie-regiony-v-sisteme-geopoliticheskikh-interesov-gosudarstva.html> (дата обращения: 07.05.2017).
2. **Зубаревич Н.** Социальное пространство России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2009/04/13/socprostranstvo> (дата обращения: 07.05.2017).
3. **Ковалев В. В.** Проблемные аспекты российского федерализма // Российский академический журнал. – 2011. – № 3. – С. 11–12.
4. **Остроухов Н. В.** Сепаратизм и противодействие ему: международно-правовые аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. – 2013. – № 4. – С. 131–136.
5. **Паин Э. А.** Вызовы времени и инерция традиций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2008-02-26/14_traditions.html (дата обращения: 08.05.2017).
6. **Савиных Т. С., Казаков В. В.** Совершенствование межбюджетных отношений в процессе формирования модели развития бюджетного федерализма в РФ // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 344. – С. 145–148.
7. **Сергеев А.** Российская государственность: экономический аспект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article33243.htm> (дата обращения: 08.05.2017).
8. **Сидоренко А. В.** Этнический вызов российскому федерализму [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/538/30> (дата обращения: 08.05.2017).
9. **Тишков В. А.** Российский народ и национальная идентичность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11152 (дата обращения: 08.05.2017).
10. **Халамханов К. Х.** Федерализм и вызовы этнократии в современной России [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 1. – Режим доступа: http://www.teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/1/s%D0%BEci%D0%BEI%D0%BEgij%D0%B0/holamhanov.pdf (дата обращения: 10.05.2017).

УДК 323.173:343.325
ББК Ф094:Х400.532.2

Сергей Борисович Лугвин,
Гомельский государственный технический университет
им. П. О. Сухого,
г. Гомель, Республика Беларусь

Регионы в контексте трансграничного сотрудничества постсоветских государств

В статье характеризуются особенности приграничных регионов, определяются основные направления их сотрудничества. В данном контексте рассматривается и понятие «еврорегион», которое определяется как сотрудничество приграничных регионов, действующих на основе принципа субсидиарности. Отмечается, что появление еврорегионов стало следствием кризиса нации-государства. В дальнейшем в статье рассматривается сотрудничество Гомельской, Брянской и Черниговской областей в рамках еврорегиона «Днепр», а также характеризуются двусторонние связи Гомельской и Брянской областей.

Ключевые слова: приграничный регион, еврорегион, сотрудничество Гомельской, Брянской и Черниговской областей

Sergey B. Logvin,

Gomel State technical University

named after P. O. Sukhoi,

Gomel, Belarus

Regions in the Context of Cross-Border Cooperation of the Post-Soviet States

In article features of border regions are characterized, the main directions of their cooperation are defined. In this context also the concept "euroregion" which is defined as cooperation of the border regions acting on the basis of the principle of subsidiarity is considered. It is noted that emergence of euroregions turned out to be consequence of crisis of the nation state. Further in article cooperation of the Gomel, Bryansk and Chernihiv regions within the euroregion Dnieper is considered, and also bilateral ties of the Gomel and Bryansk regions are characterized.

Keywords: border region, euroregion, cooperation of the Gomel, Bryansk and Chernihiv regions

В настоящее время в отношениях между государствами СНГ немалое значение придаётся трансграничному сотрудничеству, которое представляет собой совокупность двусторонних и многосторонних связей между органами власти, хозяйствующими субъектами, общественными организациями и населением приграничных регионов двух и более стран. Трансграничное сотрудничество обычно реализуется в рамках приграничных регионов, т. е. тех территорий, которые примыкают к государственной границе и обладают в этой связи определёнными особенностями. Основная специфика приграничных регионов заключается в их географическом положении: они существуют в рамках определённого дуализма границы, который проявляется в сочетании черт барьерности и контактности. В зависимости от текущей ситуации на первый план выходит либо контактная (развитие приграничного сотрудничества, создание СЭЗ и т. п.), либо барьерная черта (защита от нелегальной миграции, наркотрафика и пр.).

В прошлом нахождение регионов вблизи государственных границ СССР сдерживало их экономическое развитие. Барьерный характер советских границ (20–70-х гг.) побуждал размещать производство в глубинных областях страны. В результате большой удалённости от центра, неразвитости транспортно-логистической сети и длительного периода относительной изолированности государства окраинные регионы в большинстве своём развивались достаточно медленно. Однако со второй половины 80-х гг. по мере нарастания открытости страны положение приграничных регионов начинает меняться.

Перед ними открываются новые перспективы и возможности, которых они не имели в прошлом.

Распад СССР и появление на его территории новых государств существенно изменили геополитическое положение регионов Беларуси. Это выразилось, в частности, в резком увеличении числа приграничных регионов. Так, если до 1991 года к ним можно было отнести всего лишь две области – Гродненскую и Брестскую, то в настоящее время почти все области (за исключением Минской) являются приграничными. Приграничный статус областей предоставляет им новые возможности, которые тесно связаны с их трансграничным сотрудничеством. Как показывает современный опыт, такое сотрудничество позволяет, во-первых, укреплять хозяйственные, культурные и гуманитарные связи между приграничными территориями разных государств; во-вторых, способствовать созданию и эффективному использованию их экономической и социальной инфраструктуры; в-третьих, совместно решать их экономические, транспортные, энергетические, экологические и другие проблемы.

В последнее время большую популярность получил термин «еврорегион». Еврорегионом обычно называют тесное сотрудничество двух и более территориальных образований, которые непосредственно примыкают к государственной границе. Изначально еврорегионы создавались как новые схемы трансграничного сотрудничества, которые должны быть основаны на принципе субсидиарности и быть способными компенсировать неизбежный дефицит внимания центральных государственных ор-

ганов к проблемам местного значения. Идея еврорегионов зародилась на Западе, где она стала следствием политики Европейского союза (ЕС), направленной на децентрализацию политической и экономической власти, создание разнообразных экстерриториальных образований. Считалось, что дисперсия политической и экономической ответственности, её частичная передача в регионы будет сопровождаться укреплением ЕС как единого целого.

Формирование идеи еврорегионов явилось побочным следствием кризиса нации – государства, проявляющегося, с одной стороны, в углублении процессов глобализации экономики и всей общественной жизни, а, с другой – в пробуждении местной активности и обострении проблем локализма. Кризисные явления, порождённые глобализацией, вызвали к жизни центробежные тенденции и надежду на то, что лишь на уровне местных органов власти, максимально приближенных к гражданам, можно найти оптимальное решение существующих проблем. Последнее было закреплено, в частности, в Европейской хартии о местном самоуправлении, принятой ещё в 1985 году. В ней было сказано, что «органы местного самоуправления составляют одну из основ любого демократического строя. ...в пределах, установленных законом, они обладают полной свободой действий для осуществления собственных инициатив по любому вопросу, который не исключён из их компетенции...» [1, с. 616]. В целях содействия европейскому регионализму и усилению роли отдельных территорий в 1985 году была создана Ассамблея регионов Европы (АРЕ), объединившая к концу века свыше 300 территориальных общин с населением 400 млн чел. Первыми членами АРЕ на постсоветском пространстве стали Московская и Ленинградская области, Республика Карелия и Одесская область.

Признание широкой автономии и значительной свободы действий регионов привело к тому, в их административных структурах появились органы, сфера компетенции которых уже не ограничивалась исторически сложившимися территориальными рамками. Функционирование еврорегионов осуществляется на основе перераспределения полномочий между центральным правительством и приграничными территориями, которые получают возможность самостоятельно регулировать свою деятельность и заключать межрегиональные трансграничные со-

глашения в соответствии с существующим законодательством. В рамках еврорегионов создаются совместные экономические структуры, ведётся активная приграничная торговля, осуществляются различные проекты в области туризма, экологии, спорта и культуры, устраняются таможенные барьеры и препятствия для перемещения рабочей силы. Данное явление было отражено, в частности, в «Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей», подписанной ещё в 1980 году. Так, в типовых и рамочных соглашениях, уставах и контрактах о приграничном сотрудничестве между территориальными сообществами и властями было сказано, что «под приграничным сотрудничеством они понимают все согласованные меры административного, технического, экономического, социального и культурного характера, направленные на укрепление и расширение добрососедского сотрудничества между районами, находящимися по разные стороны границы... Такие меры должны *inter alia* быть направлены на улучшение условий для регионального и городского развития, охраны природных ресурсов, взаимной помощи в случае возникновения чрезвычайных ситуаций и улучшение обслуживания населения» [2].

После распада Советского Союза в качестве образца интеграции постсоветских государств была взята европейская интеграция в рамках ЕС, которая, имея более чем полувековую историю, создала благоприятные условия для инновационного развития стран Запада. Однако на постсоветском пространстве сформировалась во многом иная модель интеграции, при которой каждая страна в зависимости от своих потребностей принимает участие в той или иной форме межгосударственной интеграции. В результате развилась разноскоростная схема интеграции, которая проявилась в создании таких межгосударственных образований, как СНГ, Союз Беларуси и России, ЕАЭС и др.

В рамках данных интеграционных объединений развилось межрегиональное трансграничное сотрудничество. Так, например, в 2003 году представителями Брянской области Российской Федерации, Гомельской области Республики Беларусь и Черниговской области Украины было подписано «Соглашение о создании приграничного сообщества еврорегион «Днепр»», которое предусматривало не только экономическое

сотрудничество, но и взаимодействие в сфере экологии, охраны окружающей среды, в социально-культурной и образовательной сфере, а также сотрудничество на муниципальном уровне. Основными предпосылками его формирования стали: исторически обусловленная взаимосвязь и взаимодополняемость территориально-производственных комплексов трех областей, наличие общих культурных ценностей, стремление сопредельных регионов развивать сотрудничество, необходимость совместного решения экологических проблем, а также реализация туристического и рекреативного потенциалов. Представители еврорегиона участвовали в X Гомельском экономическом форуме (май 2013 года, г. Гомель) и XIV Международной универсальной выставке-ярмарке «Весна в Гомеле» (май 2012 года, г. Гомель); Международном молодёжном фестивале «Дружба-2013» (июнь, монумент Дружбы на границе Беларуси, России и Украины); «Свенской ярмарке», проводимой ежегодно в конце августа в г. Брянске, и других мероприятиях. Данные мероприятия способствовали росту взаимных инвестиций, расширению номенклатуры поставляемых товаров, созданию совместных предприятий, открытию филиалов и представительств. Еврорегион «Днепр» вошёл в Ассоциацию европейских приграничных регионов (АЕПР), которая имеет репутацию одной из авторитетных организаций Европейского союза, способствующей сближению народов и постепенному нивелированию государственных границ посредством развития трансграничного сотрудничества.

Существенным фактором, который тормозит сегодня дальнейшее развитие трехсторонних отношений, является конфликт между Россией и Украиной и неопределённость будущего формата их сотрудничества. Можно, однако, предположить, что со временем все нынешние трудности уйдут в прошлое и уступят место вполне рациональным и прагматичным отношениям без применения насилия. Об этом свидетельствует мировая практика взаимоотношений между соседними государствами.

В настоящее время Республика Беларусь тесно сотрудничает с 80 субъектами Российской Федерации в торгово-экономическом, научно-техническом и культурном направлениях деятельности. В рамках межрегионального взаимодействия заключено свыше 300 соглашений и договоров между белорусскими областями и российскими

муниципальными образованиями [3, с. 10]. Партнёрство с Российской Федерацией имеет свою достаточно длительную историю. Начиная с 1993 года было подписано более ста соглашений о торгово-экономическом и научно-культурном взаимодействии между Гомельским и российскими регионами, которые расположены от Брянской области до Республики Саха (Якутия).

Одним из ярких примеров такого сотрудничества являются отношения между Гомельской и Брянской областями. Межрегиональное сотрудничество с Брянской областью сегодня развивается в рамках 10 соглашений о побратимских и партнёрских связях. Брянская область наряду с Москвой и Московской областью традиционно занимает первые места по объёмам экспорта Гомельской области. В 2016 году в рамках V Славянского экономического форума было подписано очередное Соглашение о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической, гуманитарной и культурной сферах между Гомельским областным исполнительным комитетом и Правительством Брянской области. Данное соглашение, как и другие подписанные ранее договоры о сотрудничестве, было основано на взаимовыгодных интересах: предприятия Гомельской области поставляют в Брянскую область мясо-молочную продукцию, изделия из цемента и бетона, бумагу, картон, стекло, а закупают – чёрные металлы, соль, серу, камень, электрические машины и оборудование. Одним из ярких примеров такого сотрудничества стало совместное предприятие по производству сельскохозяйственной техники «Брянксельмаш», соучредителем и главным акционером которого является ОАО «Гомсельмаш» (в настоящее время кормо- и зерноуборочная техника этого предприятия занимает 40 % российского рынка сельхозтехники). За десять лет его работы коллектив предприятия увеличился с 35 до 250 чел. Есть положительные примеры и в других сферах реальной экономики. Так, например, в городе Клинцы Брянской области в 2009 году был открыт и успешно работает торговый дом «Молочное кружево», где реализуется молочная продукция гомельских предприятий.

В настоящее время двусторонние связи Гомельской и Брянской областей охватывают практически все сферы деятельности, включая образование, науку, культуру, туризм. Эти области являются соучредителя-

ми фестиваля, который ежегодно проходит у монумента «Дружба» на границе Беларуси, России и Украины. Значительным событием в культурной жизни последних лет стал международный фестиваль «Славянские театральные встречи», который поочередно проходит в Гомеле и Брянске.

Очевидно, что по мере дальнейшего развития интеграционных процессов между Республикой Беларусь и Российской Федерацией процессы межрегионального трансграничного сотрудничества будут не только углубляться, но и наполняться новым содержанием.

Источники и литература

1. **Европейская хартия о местном самоуправлении** // Международные акты о правах человека: сб. док. – М.: Норма-Инфра, 1998. – С. 615–620.
2. **Европейская рамочная конвенция** о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.docs.cntd.ru/document/901734774> (дата обращения: 25.03.2017).
3. **Рапота Г.** Беларусь и Россия – стратегические партнёры и ближайшие союзники. Их взаимодействие носит многоплановый и поступательный характер // Взаимодействие регионов: Союзное государство – локомотив евразийской интеграции: информационно-интеграционный проект / сост. Б. Залесский, М. Вальковский, А. Грешников. – Минск: Бизнесофсет, 2016. – 316 с.

УДК 004.056

ББК 32.81

Наталья Евгеньевна Ильина,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Влияние информационно-культурных процессов на безопасность Российской Федерации в условиях приграничья

Масштабное внедрение информационных технологий привело к трансформации структуры общества, освободив от пространственно-географических и государственных границ. Большинству граждан стала доступна информация, производимая и интерпретируемая за пределами их региона и страны, а значит, они открыты влиянию других культур. Автор отмечает, что изменения коснулись и теневых сторон жизнедеятельности современного общества. Сетевые структуры стали основой транснациональной преступности и терроризма. Соответственно, единое информационное пространство не только несёт с собой явные возможности и преимущества, но и создаёт потенциальные угрозы безопасности государств в различных сферах, в том числе и в пограничной. В данном случае актуализируется проблема обеспечения информационной безопасности Российского государства в пограничном пространстве. При этом к главным объектам информационной безопасности Российской Федерации следует отнести информационную среду населения приграничных территорий: информационные ресурсы, включающие как открытую информацию, так и информацию закрытого характера, содержащую государственную тайну, архивы, банки данных, а также механизмы обеспечения функционирования коммуникационных систем, в том числе средства защиты информации.

Ключевые слова: информационная безопасность России, угрозы безопасности, информационно-культурные процессы глобализации, приграничный регион

*Natalia E. Ilyina,
Zabaykalsky State University,
Chita, Russia*

The Impact of Information and Cultural Processes on the Security of the Russian Federation in Conditions of Borderland

Large-scale introduction of information technology has led to the transformation of the structure of society, freed from geographical and state borders. Most citizens became available information produced and interpreted outside of their region and country, meaning they are open to other cultures. The author notes that changes were made to the shadow sides of life of modern society. Network structures have become the basis of transnational crime and terrorism. Accordingly, a single information space not only carries with it clear opportunities and advantages, but also poses a potential threat to the security of States in various spheres, including in the border. In this case actualized the problem of ensuring information security of the Russian state in the boundary space. Thus the main objects of information security of the Russian Federation should include the information environment of the population of border areas: information resources, including public information and privileged information containing state secrets, archives, data banks, as well as mechanisms to ensure the functioning of communication systems, including means of protection of information.

Keywords: information security, security threats, information and cultural processes of globalization, cross-border region

В настоящее время наблюдается радикальная трансформация средств коммуникации, обмена научно-технической, культурной, политической информацией. В изменяющемся мире страны становятся зависимыми от виртуального информационного потока, и, что характерно, эта тенденция принимает необратимый характер. Информационное пространство предоставляет огромные возможности развитию различных сфер деятельности, причём, понятия пространственно-географических границ постепенно теряют своё значение. Наблюдается «размывание» языковых и культурных барьеров, происходит разрушение традиционной иерархической структуры обществ [6, с. 7–9]. Очевидно, что информационная площадка, являясь системно-образующим фактором современного общества, оказывает всестороннее влияние на состояние политической, экономической, социальной, военной и иных составляющих безопасности государств, причём с развитием научно-технического прогресса эта зависимость, вероятно, будет возрастать.

Стоит отметить, что, в современных условиях возможностью прямого воздействия обладают средства массовой информации. Контроль и использование СМИ позволяют манипулировать общественным сознанием, способствуют политической дезориентации общества, дискредитации институтов государства, провокации конфликтных ситуаций [1, с. 56].

Нормативно-правовое оформление проблем информационной безопасности обеспечивают Федеральные законы «О безопасности» [7], «О государственной тайне» [8], «О средствах массовой информации» [9], «Об участии в международном информационном обмене» и др. В данном контексте стоит отметить, что Концепция национальной безопасности Российской Федерации [3], направлена на создание комплексного подхода, обеспечивающего национальный контроль над источниками информационных угроз. Вопросы, связанные с информационной безопасностью, также нашли отражение в Доктрине информационной безопасности [2], отражающей логическое развитие основных положений Концепции национальной безопасности РФ и конкретизирующей возможные информационные угрозы.

Опираясь на положения вышеизложенных документов с учётом реалий информационной платформы, можно выделить перечень потенциальных угроз информационной безопасности России, возникающих на приграничных территориях: 1) угрозы, связанные с подавлением, а зачастую вытеснением российских СМИ с внутреннего рынка зарубежными информационными агентами; 2) угрозы информационному обеспечению реализации государственной региональной политики в условиях приграничья; 3) угрозы увеличения в российских СМИ потока

сообщений крупнейших информационных агентств и телевизионных компаний иностранных государств, пропагандирующих собственные стереотипы и ценности, в том числе в реализации вопросов государственной региональной политики приграничных территорий; 4) угрозы, связанные с отставанием российских специальных служб от аналогичных иностранных ведомств по уровню и качеству информатизации, использования современных информационных технологий в области обеспечения государственной безопасности пограничных районов и т. д.

Необходимо отметить, что приграничье в большей мере, чем иные (внутренние) регионы, подвержено центробежным тенденциям в политической, экономической и социокультурной жизни [10, с. 30]. Информационные и культурные процессы глобализации обеспечивают устойчивую, благоприятную платформу для манипулирования общественным сознанием, посредством интернета, радио, телевидения, прессы. Стоит отметить, что ни в одной стране мира радио и телевидение не выделяют столько времени пропаганде чужого образа жизни, языка, распространения элементов социокультурной жизни и т. п., как в России. Сегодня наблюдается процесс активного вытеснения России из Центральной Азии, что сказывается на охране внешних границ СНГ и пограничной безопасности страны.

Один из вариантов информационных угроз связан со стремлением определённых оппозиционных сил, в том числе контролируемых из-за рубежа, иметь полноценную, актуальную информацию о настроениях в обществе, посредством установления контроля над СМИ в приграничных регионах и использования влияния информационной власти в политической борьбе за сосредоточение в руках элиты властных полномочий.

Важно учитывать, что в информационном противостоянии в современном мире значительное внимание уделяется проведению так называемых «подрывных информационных операций» на приграничных территориях стран (речь в данном случае идёт о психологическом, информационно-психологическом воздействии) за усиление роли и влияния в мире. К примеру, в духовно-нравственном информационном срезе российского пограничного пространства нередко появляются идеи и установки, дезинформирующие население приграничных территорий и сотрудников пограничной

службы. Проникающая информация оказывает разрушительное воздействие на закрепление духовных ценностей, норм и идеалов, способствует формированию экстремистских взглядов и настроений жителей. Также возможны попытки манипуляции с целью оказания широкоформатного негативно-информационного влияния на сознание и деятельность сотрудников пограничной службы и мирного населения. Отметим, что манипулирование прицельно ориентировано на латентное формирование (или трансформацию) сознания и деятельности пограничников в ущерб национальным интересам РФ [5, с. 12].

Влияние информационно-культурных процессов глобализации оказывает деформирующее воздействие на духовно-нравственные традиции, зачастую приводит военнослужащего к возникновению проблемного нравственного выбора, сопровождающегося снижением сопротивляемости негативным факторам.

В качестве основных направлений противодействия формированию негативно-духовно-нравственного информационного восприятия современных реалий у сотрудников пограничной службы усматриваются следующие: 1) изложение пограничникам истинных задач, целей, подходов, приёмов, возможностей информационно-коммуникативных средств подрывного характера со стороны спецслужб сопредельных и иных государств, а также формирование критического восприятия негативной информации; 2) активная пропаганда видео- и печатных материалов СМИ патриотической направленности; 3) выявление источников негативного влияния на военнослужащих и жителей приграничных территорий с последующим принятием правовых, организационных и иных мер для их устранения; 4) готовность оказать информационно-психологическое воздействие на спецслужбы недружественных государств и иные деструктивные силы.

Таким образом, информационно-культурные процессы оказывают всестороннее влияние на безопасность российских пограничных территорий, обуславливая целый комплекс потенциальных информационных угроз. Отметим, что на безопасность пограничных районов оказывает прямое влияние политическая глобализация, обуславливающая следующие угрозы: 1) повышение открытости государственной границы с одновременным ограничением суверенитета;

2) активизация и провокация сепаратистских взглядов и настроений; 3) активизация деятельности спецслужб недружественных государств, международных экстремистских организаций по дестабилизации обстановки в приграничных районах.

Стоит подчеркнуть, что информационная глобализация в современном мире является одним из ярких, показательных интеграционных процессов, иллюстрирующих: развитие информационно-коммуникационных возможностей с использованием космического пространства с целью передачи информации, стремительный рост глобальных информационных сетей, повсеместную компьютеризацию человеческой деятельности. Информационная глобализация одновременно является носителем технологических преимуществ и создателем реальных, а также потенциальных угроз безопасности рубежей российского государства. Думается, указанная дихотомия связана с разнообразием участников информационной площадки, в том числе в приграничных районах, подпитанная зависимостью государственных (либо общественных) институтов страны от иностранной техники и информационных каналов, а также безграничными возможностями предоставления, получения и распространения информации в сети Интернет.

Культурная глобализация, основываясь на современных средствах коммуника-

ции, представляет собой многомерный процесс интеграции национальных (этнических) культур в единую мировую культуру. Развитие коммуникационных технологий способствует формированию и расширению информационных потоков, не имеющих пространственно-географических, государственных границ. Безусловно, повсеместное внедрение инновационных технологий, безграничное перемещение информации способствуют культурному обмену, устранению временных, языковых и иных барьеров в коммуникационных возможностях народов. Одновременно происходит проникновение в массовое и индивидуальное сознание жителей приграничья иностранных, а иногда и отечественных СМИ, не свойственных традициям и духовно-нравственному климату российского социума норм, ценностей, что впоследствии оказывает не лучшее влияние на духовный облик и морально-психологическое состояние сотрудников пограничных служб [4].

На современном этапе исторического развития угрозы безопасности Российского государства носят преимущественно латентный характер и пытаются оказывать негативное влияние на внутривнутриполитическую обстановку. И от того, насколько профилактическая деятельность окажется эффективной, во многом будет зависеть обеспечение безопасности страны на приграничных территориях.

Источники и литература

1. **Глобальная информатизация и безопасность России:** материалы круглого стола «Глобальная информатизация и социально-гуманитарные проблемы человека, культуры, общества» (г. Москва, окт. 2000 г.) / под ред. В. И. Добренкова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. – С. 56.
2. **Доктрина информационной безопасности** Российской Федерации // Российская газета. – 2016. – 5 дек.
3. **Концепция национальной безопасности** // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 2. – Ст. 170.
4. **Кулаков А. В.** О влиянии глобализационных процессов на пограничную безопасность Российской Федерации [Электронный ресурс] // Пространство и время: электрон. науч. изд. – 2013. – Т. 3, № 1. – Режим доступа: <http://www.e-almanac.space-time.ru/assets/files/Tom%203%20Vip%201/rubr3-politika-ekonomika-pravo-st1-kulakovav-2013.pdf> (дата обращения: 12.03.2017).
5. **Марков С. В.** Информационная безопасность военнослужащих пограничной службы Российской Федерации и меры по её обеспечению (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – М.: АФПС РФ, 2002. – 244 с.
6. **Национальная безопасность Российской Федерации:** проблемы укрепления государственно-правовых основ / В. Г. Вишняков [и др.] // Журнал российского права. – 2015. – № 2. – С. 7–9.
7. **О безопасности:** федеральный закон № 390 от 28.12.2010 г. // Российская газета. – 2010. – 29 дек. – № 295.
8. **О государственной тайне:** федеральный закон № 5485-1 от 21.07.1993 г. // Российская газета. – 1993. – 21 сент. – № 182.
9. **О средствах массовой информации:** федеральный закон № 2124-1 от 27.12.1991 г. // Российская газета. – 1992. – 8 февр. – № 32.
10. **Пантин В. И.** Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // Полис. – 2008. – № 3. – С. 30.

УДК 327
ББК Ф4(2Рос:2Укр)

Константин Николаевич Лобанов,
Белгородский юридический институт
МВД России им. И. Д. Путилина,
г. Белгород, Россия

Кризис украинской государственности: тревоги и надежды российского приграничья

В статье затрагивается широкий круг вопросов, связанных с нынешним состоянием российско-украинских отношений. Автор прослеживает взаимосвязь между кризисом украинской государственности и деградацией системы приграничного сотрудничества между двумя странами, сложившейся в предыдущие годы. Восстановление прерванных связей соответствовало бы долгосрочным интересам населения Украины и России и их сопредельных регионов.

Ключевые слова: Украина, Российская Федерация, политический кризис, приграничное сотрудничество, «еврорегион»

Konstantin N. Lobanov,
Belgorod Law Institute of MIA of
Russia named after I. D. Putilin,
Belgorod, Russia

Ukrainian State Crisis: Anxiety and Hope Russian Border

This article addresses a range of issues related to the current state of Russian-Ukrainian relations. The author traces the relationship between the crisis of Ukrainian state and the degradation of the system of cross-border cooperation between the two countries, established in previous years. Recovery interrupted relations would be consistent with the long-term interests of the population of Ukraine and Russia and their border regions.

Keywords: Ukraine, the Russian Federation, the political crisis, cross border cooperation, "euroregion"

Политическая ситуация на Украине развивается с калейдоскопической быстротой. Не успеваем мы привыкнуть к одному повороту событий, как обстановка резко изменяется, и нам вновь приходится привыкать к новым выражениям внутренней и внешней политики сопредельного государства. Казалось бы, ещё совсем недавно предыдущее руководство Украины вполне резонно отклонило «сырой» и крайне не выгодный для страны документ об ассоциации и создании зоны свободной торговли с Европейским союзом. Почти сразу же реакцией на этот шаг стало жёсткое противодействие со стороны экстремистских сил, развязавших насилие в столице, что привело к быстрому падению законной власти и захвату государственного аппарата путчистами ультранационалистического толка. Взрыв национализма в Киеве вызвал ударную волну, которая молниенос-

но накрыла регионы, и подобно клину стала раскалывать слабое тело украинской государственности по линиям соприкосновения различных этносов, проживающих на территории «незалежной державы». На этом фоне возникла крымская проблема, обострившая внутриукраинский конфликт и вынудившая Россию вмешаться, чтобы спасти русскоязычное население полуострова от неизбежного этноцида. Затем последовали донецкие и луганские события. Сегодня самозванная украинская власть не без помощи извне спешно создаёт новую политическую реальность, в которой нашей стране и народу отведено место врага, агрессора, виновника всех бед. Очевидно, что в условиях, когда вести из украинских пределов приходят одна тревожнее другой, а положение там часто и резко меняется, притом не в лучшую сторону, всё это особенно больно переживается

жителями приграничных с Украиной регионов Российской Федерации, которых с народом соседнего государства всегда связывали самые тесные и тёплые отношения. Чего ожидать жителям российского порубежья от дальнейшего развития событий на Украине? Возможно ли возрождение дружеских, добрососедских отношений если не со всей Украиной, то хотя бы с юго-восточной её частью, примыкающей к России?

В поисках ответов на эти вопросы мы должны обратиться к сути происходящих в соседнем государстве процессов. Вот уже четыре года Украина находится в состоянии острого внутривластного конфликта, который, как известно, всегда сопровождает процесс захвата государственной власти. Основными сторонами конфликта первоначально были, с одной стороны, политическая и экономическая элита, группировавшаяся вокруг бывшего Президента В. Януковича, а, с другой – недовольный авторитарными замашками последнего украинский олигархат, сумевший в этой первоначально сугубо внутрикорпоративной борьбе вывести на улицы часть населения, недовольного своим социально-экономическим положением и требовавшим смены высшего руководства страны. Затем в результате вооружённого переворота ситуация изменилась. И главными антагонистами стали различные группировки, узурпировавшие власть в стране. Одна из них, её условно можно назвать «оранжистой», представляла старо-новую элиту, побывавшую ранее во власти после «оранжевой революции» 2004 года. Эта группа пыталась взять реванш за своё поражение в 2010 году от команды Януковича и возглавляемой им «Партии регионов». Их противники – нарождающаяся элита (если вообще здесь уместно это понятие), поскольку она была представлена военизированными ультранационалистическими движениями наподобие «Спільної справи» (Общего дела) и «Правого сектора». Эта группа рвётся к монополюльной власти и стремится оттеснить «оранжистов» от контроля над государственными ресурсами. Противостояние обещает быть затяжным и малопредсказуемым по своим результатам. Главным образом, потому что ни у одной из противоборствующих политических групп нет решающего перевеса над своими конкурентами в борьбе за господство. Поэтому оппоненты сегодня втянулись в позиционную войну, пуская в ход друг против друга «грязные» методы ведения политической

борьбы – шантаж, дезинформацию, тайные спецоперации, уличный террор, наёмничество [2, с. 412].

Казалось бы, вся эта ситуация имеет мало отношения к тому, чем ежедневно живёт наша страна. В конце концов – это внутреннее дело суверенного государства. Возможно и так, если бы ни два важных обстоятельства.

Во-первых, внутривластные конфликты относятся к самым жестоким проявлениям нетерпимости и противоборства между людьми. Власть – это дефицитный социальный ресурс, который очень плохо делится на всех желающих. В силу этого большинство политических конфликтов новейшего времени, в том числе и проходивших в самой одиозной их форме – гражданской войны, велись только на уничтожение противника. А это значит, что, несмотря на временные затишья, схватка за власть на Украине будет вестись не на жизнь, а на смерть.

Во-вторых, выяснение отношений между украинскими элитами при ряде условий могли бы остаться локальным событием и не иметь такого широкого резонанса по всей стране, если бы эти самые элиты не призвали себе на подмогу из тёмных глубин массового сознания демона национализма. Националистическая идеология – это беспримысливая карта всех слабых и ничтожных политических сил, стремящихся удержать власть любой ценой. Для этого они переформатируют психику и ментальность населения, направляя их подальше от истинного объекта недовольства, на другой источник реальной или мнимой опасности. Делается это в основном руками подконтрольной власти медийного сообщества, через институты образования и науки, популистскими политиками, а то и просто площадными крикунами и юродивыми. В итоге граждане, заражённые вирусом националистической идеологии, становятся соучастниками в общем-то чуждой им борьбы далёких от народных нужд политических группировок. Склока кучки политиканов из-за властного пирога, таким образом, незаметно превращается в гражданское противостояние с привлечением больших масс людей. Именно всю мерзость этого «фокуса» мы сегодня наблюдаем на Украине. Мозги – промыты, фобии – раздуваются, враги – обозначены. Объектом ненависти и злобы националистов наряду со своими же гражданами, не говорящими на языке титульной нации, стало российское государство и его народ,

вступившиеся «за други своя» по ту сторону границы. И от этого результаты усилий львовско-киевских «майданократов» и идеологов выглядят ещё хуже. К великому сожалению стоит признать, что значительная часть украинцев в условиях информационной блокады со стороны Киева поддались массивной националистической пропаганде властей. Не только в западных и центральных регионах страны, но и на Юго-Востоке Украины находятся люди, убеждённые в том, что Россия не желает добра своему соседу, использует его трудное положение для проведения агрессивной империалистической политики, осуществила оккупацию Крыма и готовится к аннексии ещё доброй половины украинской земли.

Одновременно с оболваниванием населения самопровозглашённые власти проводят «зачистку» неблагонадёжных регионов страны. В южных и восточных областях Украины смещаются действующие губернаторы и на их место назначаются идейные националисты. С помощью силовиков и активистов из «Правого сектора» разгоняются местные рады. Методами насилия или угрозами применения такового запугиваются люди, симпатизирующие России и прежним украинским властям. Одним словом, если и существует сегодня агрессия на Украине, то это – агрессия националистических узурпаторов власти против части своего собственного народа, не желающей признавать их законность и жить в состоянии вражды с Россией.

Происходящее на Украине не может не отзываться тревогой и болью у российских жителей Слобожанщины (Белгородская область Российской Федерации). Белгородчина имеет самый протяжённый участок государственной границы (540 км) и сопредельна с тремя областями Украины – Харьковской, Сумской, Луганской. Территориальная близость приграничных регионов всегда предопределяла плодотворное и взаимовыгодное сотрудничество между ними. Особенно близкие отношения сложились с Харьковской областью Украины. С конца 90-х годов успешно развивалось уникальное трансграничное территориальное сообщество «Слобожанщина», в пределах которого действовал упрощённый режим транзита через границу основных факторов производства – людей, денежных средств, товаров и услуг [4]. Эта инновация благоприятно сказывалась, прежде всего, на развитии экономик Белгородской и Харьковской областей, так

как организация производства и условия ведения бизнеса становились заметно лучше. Хозяйственные комплексы двух регионов всё больше сближались и взаимно ориентировались друг на друга. Товарооборот Харьковской и Белгородской областей в 2010 году достиг рекордных 400 млн долл. [3, с. 148]. Например, для харьковчан это составляло 40 % от всего товарооборота области с Россией. При этом в 2011–2013 годы товарооборот соседей в среднем возрастал более чем на треть [Там же, с. 149]. Эту положительную и восходящую тенденцию решено было подкрепить сотрудничеством в сфере трансграничного научно-технологического и инвестиционного взаимодействия, что нашло своё отражение в учреждении в 2011 году Российско-Украинского технопарка «Слобожанщина» в составе ведущих вузов и предприятий Харьковской и Белгородской областей. Задачей технопарка было формирование среды активного взаимодействия учёных и предпринимателей Украины и Российской Федерации с целью коммерциализации научных разработок, создания условий для ускоренного развития высокотехнологичных направлений производства и превращения их в основную движущую силу экономического роста региона «Слобожанщина».

Развитию экономических связей всегда сопутствовали давние и прочные гуманитарные контакты между жителями двух областей. Эти взаимосвязи основывались на исторической, лингвистической и культурно-бытовой общности слобожан как особой этнической группы смешанного типа, состоящей из малороссов и русских, населяющих восточные земли нынешней Украины и территорию Брянской, Курской и Белгородской областей России. В рамках региона «Слобожанщина» создавались широкие возможности для культурного взаимодействия и повседневного общения людей «поверх барьеров» – от создания Приграничного Российско-Украинского университетского консорциума до организации пунктов упрощённого порядка пересечения границы жителями двух областей. Последнее нововведение было особенно положительно воспринято жителями сопредельных территорий и, как ко всему хорошему, к этому они уже успели привыкнуть.

Вместе с тем никакие экономические выгоды и насущные проблемы простых людей сегодняшние украинские власти, видимо не интересуют. Для Киева регионы страны,

примыкающие к России, – это так называемый «восточный фронт», а проживающие там русские и русскоязычные украинцы – «пятая колонна». В таких условиях в ближайшее время трудно рассчитывать на сохранение *status quo* не только в вопросах приграничного и межрегионального сотрудничества, но и во всех российско-украинских отношениях. Захваченные вихрем националистических настроений и «ура-патриотизма» киевские правители неуклонно будут проводить линию на ухудшение и постепенное сворачивание контактов с Россией по всем азимутам. Под ударом окажутся многие совместные проекты и наработки предыдущих лет, от ряда перспективных и грандиозных замыслов уже пришлось отказаться. Трудные времена наступили для малого бизнеса и частных домохозяйств, ориентированных на локальные рынки по обе стороны границы, поскольку перемещение через границу продукции местных производителей вновь облагается пошлиной. Возникли осложнения и в повседневном общении между жителями приграничных регионов. Украинские власти ввели визовый режим для россиян, часто закрывают границу. В итоге минимизируются обмены по культурной и образовательной линиям, рушатся родственные и приятельские связи. Проводниками этой губительной и, скажем прямо, самоубийственной для украинского общества и государства политики на местах становятся назначенные из Киева губернаторы юго-восточных областей. Их вступление в должность одобрено Майданом и «Правым сектором», поэтому у себя на местах они особенно рьяно соблюдают «державные интересы» в отношении России. Маловероятно, что в обозримом будущем у руководства сопредельных со Слобожанщиной украинских регионов возникнут русофильские симпатии и они будут расположены к поддержанию добрососедских отношений. А ведь в таком важном деле, как приграничное и межрегиональное сотрудничество, тесные рабочие контакты между лидерами граничащих регионов – одна из основ всего этого процесса и необходимая стартовая площадка одновременно.

Как бы то ни было, всё-таки стоит признать, что мы находимся в низшей точке отчуждения во взаимоотношениях с Украиной. Процесс этот, как мы видим, будет распространяться на региональный и локальный уровень. Однако, неужели всё так выглядит однозначно, и движение в обратном направ-

лении невозможно? Вовсе нет. Как ни покажется сейчас странным, но в развитии политической и экономической обстановки на Украине для нас по-настоящему безысходных и тупиковых сценариев нет.

Наиболее вероятный ход событий будет предполагать медленное, постепенное, нестабильное, но объективно неизбежное восстановление связей Украины с Россией, прежде всего, экономических. В условиях взаимозависимости наших хозяйственных комплексов иных альтернатив для развития экономики Украины на самом деле нет. Для наглядности приведём данные, озвученные советником по экономическим вопросам Президента России С. Глазьевым на I Съезде Российского общества политологов. В случае восстановления экономических связей с Россией и странами Евразийского экономического союза (ЕЭС) ежегодный прирост ВВП Украины будет составлять 17 % [1, с. 4]. В денежном выражении это не менее 300 млрд долл. до 2025 года. В то же время в результате полного отрыва от России/ЕЭС и открытого товарооборота с Европейским союзом Украина будет терять 1,5–2 млрд долл. в год [Там же]. Это означает скорый и неизбежный дефолт, т. к. ожидается, что гривна окончательно «просядет», и из-за этого государство не сможет отвечать по своим международным обязательствам. Рухнет и вся украинская экономика, оставшись без российских рынков (доля РФ составляет около 30 % экспорта товаров и услуг). Таким образом, остаётся надежда на то, что экономические выгоды и резоны уравновесят воинственный националистический пыл нынешних киевских правителей, и двусторонние хозяйственно-финансовые связи возобновят работу в нормальном режиме. Вслед за экономикой, как правило, выстраиваются политические и гуманитарные связи. Однако ещё раз оговоримся, что путь этот долгий и не линейный.

Другой вариант также исходит из возможности сохранения добрососедских отношений с Украиной или, по крайней мере, с определённой её частью. Развитие ситуации в этом случае зависит, скорее, не от экономических расчётов, а от политических действий. Здесь важно то, как поведут себя в ближайшее время киевские «майданократы», с одной стороны, и отчаянно сопротивляющийся им Юго-Восток Украины – с другой. Например, при условии, что нынешние власти возьмутся за голову и начнут немедленно спасать

свою страну от развала, шансы на скорое и безболезненное выравнивание отношений с Российской Федерацией достаточно высоки. Более того, если в новой Конституции Украины будут закреплены принцип федерализма и государственный статус русского языка в качестве основ конституционного устройства страны, пройдут выборы в региональные органы власти, предусмотренные «минскими соглашениями», юго-восточные регионы получат больше прав в выборе своих приоритетов во внешней политике и экономике. А это означает, что добрая треть Украины останется россцентричной (ориентированной на Россию), как и сейчас. Нас, россиян, этот путь в целом устраивает. Однако вопрос заключается в том, захотят ли в этом направлении идти киевские правители? Тут много неясного. Очевидно одно, если власть будет продолжать игнорировать законное стремление русскоязычных территорий к самоопределению в составе Украины, не остановит

агрессию в этой части страны, свой голос на политической арене юго-востока возвысят народные массы. Организовавшись вокруг демократически избранных властей Донецкой и Луганской Народных Республик, выборных рад местного уровня, активистских комитетов, люди, не принимающие власть националистов в Киеве, возьмут дело в свои руки. И поскольку выборная власть всегда более устойчива, ибо она опирается на поддержку народного большинства, то можно с уверенностью говорить, что направленность политики провозглашённых республик ДНР и ЛНР на союз с Россией станет ближайшей целью и долговременным фактором обеспечения стабильности и благополучия этих территорий. А значит – будет безопасно и комфортно жить и в порубежных с бывшими областями Украины российских регионах. В дружбе и согласии с братским народом. Так, как это было всегда, и так, как это, несомненно, будет и впредь.

Источники и литература

1. **Глазьев С.** Выступление на II Всероссийском форуме с международным участием «Политология – XXI век. Политический процесс в российских регионах: эволюция институтов власти и общественно-политических структур». – М.: Изд-во МГУ, 2013. – 546 с.
2. **Григорьев М.** Евромайдан. – М.: Кучково поле, 2014. – 464 с.
3. **Лобанов К., Погонина Е.** Слобожанский край и его политико-стратегические возможности в контексте развития российской государственности и евразийской интеграции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. – 2016. – № 1. – С. 143–151.
4. **Соглашение между Кабинетом министров Украины и Правительством Российской Федерации о порядке пересечения российско-украинской границы жителями приграничных регионов Украины и Российской Федерации [Электронный ресурс] // Консорциум «Кодекс»: электрон. фонд правовой и научно-технической информации. – Режим доступа: <http://www/docs.cntd.ru/document/902331501> (дата обращения: 27.05.2017).**

**УДК 502/504
ББК 28.080**

Виктор Николаевич Блохин,

*Белорусская государственная сельскохозяйственная академия,
г. Горки, Республика Беларусь*

Российско-белорусское приграничье: проблемы экологической безопасности сельских территорий

Статья рассматривает проблемы экологической безопасности в сельских территориях. Обращается внимание на экологические риски, характерные для сельских территорий российско-белорусского приграничья. Анализируются пути улучшения ситуации, приводится пример стратегии устойчивого развития, которая была разработана автором в 2016 году.

Ключевые слова: экологическая безопасность, сельские территории, проблемы, устойчивое развитие

Viktor N. Blokhin,

*Belarusian State Agricultural Academy,
Gorki, Belarus*

Russian-Belarusian Borderland: Problems of Ecological Safety of Countryside

The article examines the problems of ecological safety in countryside. It drawn attention to environmental risks, specific of countryside of the Russian-Belarusian borderland. Analyzes the ways to improve the situation, provides an example of sustainable development strategy, which was developed by the author in 2016.

Keywords: ecological safety, rural areas, issues, sustainable development

В последние десятилетия резко обострились проблемы экологической безопасности как на глобальном (мировом), так и на региональном уровнях. Невозможно назвать ни одной страны мира, которая бы не испытала на себе те или иные экологические потрясения. Нельзя не отметить, что последствия экологических катастроф, потрясений, кризисов для человечества становятся всё более обременительными, ощутимыми.

Экологическая безопасность (безопасность в экологической сфере) – это состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от потенциальных или реальных угроз, создаваемых последствиями антропогенного воздействия на окружающую среду, а также от стихийных бедствий и катастроф.

К источникам экологической опасности можно отнести субъекты хозяйственной, бытовой, военной и иной деятельности, функционирование которых содержит значимые факторы экологического риска.

В Стратегии-2020 стратегическими целями обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования определены:

- сохранение окружающей природной среды и обеспечение её защиты;
- ликвидация экологических последствий хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата [3].

Проблема экологической безопасности в российско-белорусском приграничье в настоящее время актуальна вследствие следующих причин:

- сформировались значительные зоны чрезвычайной экологической ситуации и экологического бедствия в результате длительного негативного воздействия человека на природные системы, и качество среды обитания в них представляет угрозу для здоровья людей;

- увеличиваются количество и масштабы техногенных катастроф;

- возрастает загрязнение продуктов питания, производимых в экологически неблагоприятных условиях;

- снижается биологическое разнообразие, актуальна проблема браконьерства;

- деградируют и выбывают из процесса пользования почвы, особенно вокруг вымерших деревень [7].

Сельские территории занимают наибольшие площади государств и имеют специфические экологические проблемы.

Развитие сельских территорий может называться стабильным, если обеспечивается достижение целевых параметров продовольственной безопасности государства и не допускается деградация социальной и природной среды. Достижение целей устойчивого развития предполагает системное повышение эффективности и конкурентоспособности сельскохозяйственного производства, обеспечение высоких социальных стандартов проживания сельского населения, а также сохранение экосистем сельских территорий для настоящих и будущих поколений.

Для сельских территорий российско-белорусского приграничья актуальна потребность в развитии экологического сознания населения, что вызвано объективными факторами, отражающими потребности современного общества [2, с. 133].

На большей части сельских территорий российско-белорусского приграничья сложилась негативная экологическая ситуация, чему способствовали природно-ресурсная направленность развития экономики, ее низкий технологический уровень, упущения в экологическом воспитании, тяжёлые последствия катастрофы на Чернобыльской АЭС [6, с. 6].

В российском приграничье от радиоактивного загрязнения пострадала Брянская

область, а с белорусской стороны границы наиболее тяжёлые последствия Чернобыльской катастрофы испытала Гомельская и Могилевская области. На территории Гомельской области образован Полесский государственный радиационно-экологический заповедник, площадью 216 тыс. гектаров. В Брянской области 170 тыс. гектаров леса расположено в зоне радиоактивного загрязнения. По причине отсутствия региональной программы устойчивого развития и финансирования, произошло накопление примерно 1 млн м³ сухостоя, что создает пожароопасную обстановку и угрозу вторичного радиационного загрязнения.

Вопросы преодоления последствий Чернобыльской катастрофы должны решаться совместно, на межрегиональном и межгосударственном уровне. Для Брянской и Гомельской областей, как наиболее пострадавших от радиационного загрязнения, необходима разработка специальной программы, которая бы предоставляла областям приоритетные возможности социально-экономического, научного, экологического сотрудничества.

Почти четверть сельскохозяйственных угодий в российском приграничье подвержены водной и ветровой эрозии, деградирует лесной фонд. Каждый пятый колодец, родник не пригоден для хозяйственно-питьевого водоснабжения из-за высокого содержания вредных и опасных для здоровья примесей и микроорганизмов [1]. Подобная ситуация наблюдается и с белорусской стороны границы.

В целом, экологическое состояние российской части приграничья является более стабильным, что обусловлено относительно низким уровнем освоённости территорий и меньшим антропогенным воздействием на окружающую среду по сравнению с белорусскими приграничными регионами.

Развитие экологического сознания связано со сложной задачей изменения общественного сознания, так как требуется переход от экологических установок к повседневной деятельности личности, которая бы учитывала экологический аспект.

Таким образом, в сельском сообществе в российско-белорусского приграничья актуальной задачей является формирование высокой экологической культуры, включающей экологическое мышление, фундаментом которого должно стать чувство общности интересов человека с интересами всех живых существ [2, с. 133].

Изучая изменения, происходящие в сельских территориях российско-белорусского приграничья, можно с уверенностью констатировать объективную необходимость в экологической модернизации.

Экологическая модернизация – это преобразования, которые проводятся с учётом современных экологических стандартов, выполнение которых ведёт к решению противоречий между человеком, обществом и природой. Из-за нарушения экологических норм обостряются не только экологические, но и социально-экономические проблемы [5, с. 100].

Вопросы экологической безопасности, несмотря на все усилия, часто остаются нерешёнными, что связано с экономическими трудностями и множеством социальных проблем в сельском сообществе российско-белорусского приграничья. По этим причинам среди сельского населения приграничья отсутствует готовность к практическим действиям природоохранного характера.

Для перехода сельских территорий российско-белорусского приграничья к устойчивому развитию необходима реализация следующих принципов:

- привлечение инвестиций, и прежде всего частных, для реализации перспективных проектов развития;
- координация направлений развития на национальном, региональном и международном уровнях, что принципиально важно для эффективного распределения ресурсов;
- повышение эффективности сельскохозяйственных организаций различных форм собственности, расширение возможностей реагирования на чрезвычайные ситуации;
- инвестирование в сельские территории с учётом долговременной стратегии развития;
- охрана природных ресурсов и развитие экологического сознания сельского социума [4, с. 22].

В современном обществе широкое распространение получили стратегические подходы к развитию территорий, разработка региональных и локальных стратегий устойчивого развития.

Автор в 2016 году являлся экспертом по разработке стратегии устойчивого развития для Ходосовского сельского совета (Мстиславский район Могилёвской области). Разработка стратегии осуществлялась в рамках проекта «Расширение экономических возможностей в сельской Беларуси» (проект зарегистрирован Министерством экономики РБ за № 2/14/000737 от 24.12.2014 г.).

Для создания стратегии устойчивого развития Ходосовского сельсовета автор в апреле 2016 года посещал агрогородок Ходосы для участия в выездной сессии с представителями местной власти, бизнеса, интеллигенции и общественными активистами.

В ходе выездной сессии в агрогородке Ходосы с местным населением были обсуждены вопросы, проблемы и перспективы территориального развития. Среди основных проблем, препятствующих переходу к устойчивому развитию (это актуально для всего сельского российско-белорусского приграничья), в том числе улучшению экологической ситуации, были отмечены:

- крайне ограниченные административные и финансовые возможности местной власти;

- низкий уровень доходов в государственном секторе экономики;

- проблемы с кредитованием малого бизнеса;

- отсутствие у большинства местного населения необходимых экономических, юридических, экологических и иных знаний для отстаивания своих интересов и развития бизнеса;

- бюрократизм чиновников;

- слабая активность общественных организаций.

Рациональное использование природных ресурсов, снижение энергетических затрат, улучшение экологической ситуации может быть достигнуто на основе развития и внедрения элементов органического (экологического) сельского хозяйства.

Роль органического сельского хозяйства, как в фермерстве, переработке, распространении, так и в потреблении, – это

поддержка и улучшение здоровья экосистем и организмов. Органическое сельское хозяйство подразумевает производство питательных высококачественных продуктов питания, которые способствуют как профилактике заболеваний, так и благополучию в целом. Согласно этому принципу необходимо избегать использования удобрений, пестицидов, ветеринарных препаратов для животных и пищевых добавок, которые могут иметь неблагоприятное влияние на здоровье [2].

Органическое сельское хозяйство должно достигать экологического баланса путём проектирования систем землепользования, создания мест обитания и поддержания генетического и сельскохозяйственного разнообразия. Производители, переработчики, торговцы, потребители органических продуктов, должны защищать и охранять окружающую среду, включая ландшафты, климат, среду обитания, биологическое разнообразие, воздух и воду.

Сельское хозяйство, организованное на органическом принципе, предоставляет каждому вовлечённому субъекту высокий уровень жизни и делает вклад в продовольственную суверенность стран, преодоление бедности. Оно направлено на производство достаточного количества высококачественных пищевых и иных продуктов.

Таким образом, современный мир испытывает угрозы экологической безопасности. Трудно предположить, что в ближайшие годы мы сможем наблюдать значительное уменьшение экологических опасностей. Серьёзное улучшение состояния экологической безопасности в ближайшей перспективе возможно только в условиях устойчивого развития.

Источники и литература

1. **Бондаренко Л. В.** Проблемы развития сельских территорий // АПК: экономика, управление. – 2009. – № 12. – С. 24–31.
2. **Васильева В. Н., Торгунакова М. А.** Современное экологическое сознание: пути и средства формирования // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Т. 10, № 3. – С. 132–142.
3. **Гостева С. Р.** Экологическая безопасность России и устойчивое развитие // Вестник ТГТУ. – 2010. – Т. 16, № 3. – С. 704–718.
4. **Ильина З. М., Миренкова Г. В.** Стратегия устойчивого развития локальных сельских территорий: методологические аспекты // Вестник НАН Беларуси. – 2014. – № 1. – С. 21–30.
5. **Кулясов И. П.** Экологическая модернизация: теоретические аспекты // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. 8, № 3. – С. 100–113.
6. **Организационно-экономические аспекты** развития инновационно-консультационной деятельности в агропромышленном комплексе России / под ред. И. С. Санду, Г. М. Демишкевич. – М.: ВНИИЭСХ, 2013. – 148 с.
7. **Яндыганов Я. Я., Власова Е. Я., Никулина Н. Л.** Экологическая безопасность региона (социально-эколого-экономический аспект) // Экономика региона. – 2008. – № 3. – С. 144–153.

УДК 908
ББК 26.89

Михаил Григорьевич Ганопольский,
Институт проблем освоения Севера СО РАН,
г. Тюмень, Россия

Драма регионализации: тюменский вариант¹

Слово «драма» имеет два основных значения: 1) род литературы, предполагающий сценическое воплощение; 2) событие, связанное с переживаниями личного или общественного характера. Данная работа представляет собой попытку рассмотреть процесс регионализации, происходивший в нашей стране в конце прошлого века, в обоих смыслах. Это и пространственные изменения на сцене общественной жизни страны, и драматизм её исторической судьбы. Особая роль принадлежит здесь приграничным регионам, которые стали основными действующими лицами этой драмы.

Тюменская область – своеобразный объект-представитель процесса регионализации. Её границы на севере и на юге совпадают с государственной границей России. Занимая площадь, сравнимую с Западной Европой, она простирается от Карского моря до Казахстана. При этом граничные синдромы вызваны не только и не столько внешними её границами, сколько границами входящих в неё округов. Во многом это обусловлено особенностями индустриального освоения области.

Ключевые слова: Тюменская область, индустриальное освоение, организационный комплекс, организационное проектирование, регионализация, межрегиональный вахтово-экспедиционный метод

Mihail G. Ganopolsky,
Institute of the problems of Northern development, SB RAS,
Tyumen, Russia

The Drama of Regionalization: Tyumen Version

The word «drama» has two meanings: 1) a scenically realisation of literary genre; 2) an emotional experience for personal or social events. This article presents an attempt to research the process of regionalization in both meanings. There are the space changes on social scene of the country and the drama of her historical destiny. Border regions play special character in this drama. Tyumen region is a special representative of regionalization's process and its borders are also state borders on north and south. Its land is like a Western Europe by size, covers the territory from Kara sea till Kazakhstan. Boundary's syndromes are based not only on state frontiers but on included counties inside the region and due to region's industrial exploration.

Keywords: Tyumen Region, industrial exploration, organizational complex, organizational projecting, regionalization, inter-regional rotational method

Тюменская область была образована в результате очередной административной «перекройки», завершившей «двадцатилетний период непрерывных изменений административно-территориальных границ в этой части Западной Сибири» [3]. Большая часть её была выделена из состава Омской области, а четыре южных района ранее входили в состав Курганской области. По территории новая область оказалась самой большой в

стране, но в экономическом и социальном отношении явно уступала своим соседям. В основном это была неудобь, казавшаяся непригодной для жизни и хозяйственной деятельности. Территория, географическое пространство – вот основное богатство области и предмет её гордости в ту пору.

Принято считать, что ликвидация Тюменской губернии в начале 20-х годов и возврат к Тюменской области уже в новой кон-

¹ Работа выполнена в рамках проекта № 0372-2015-0007 «Постколониальность Сибири: пространственная схема и социокультурная динамика» комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН «Интеграция и развитие».

фигурации осуществлялись в основном по политическим мотивам. Однако непосредственная политическая интерпретация подобных административно-территориальных шарханий не столь очевидна, как их организационная подоплека. Речь может идти о конфликте между оргструктурами различной топологии: властной и поселенческой. Конфликт этот имеет давнюю традицию. В его основе – колониционный фактор русской истории в сочетании с централизованной самодержавной властью. «Наша история, – писал по этому поводу П. Н. Милюков, – не выработала никаких прочных связей, никакой местной организации. Немедленно по присоединению к Москве присоединенные области распались на атомы, из которых правительство могло лепить какие угодно тела» [3, с. 197]. Послеревolutionарная история страны только трансформировала эту тенденцию. В условиях единства собственности и власти она приобрела форму конфликта ведомственности и местничества. Центр в качестве арбитра маневрировал между указанными позициями.

Что же до населения Тюменской области, то основная его часть в ту пору вряд ли задумывалась об этом конфликте, а могла, пожалуй, сказать словами П. Я. Чаадаева: «Мы лишь геологический продукт обширных пространств, куда забросила нас неведомая центробежная сила, лишь любопытная страница физической географии» [6, с. 480].

Эти слова справедливы хотя бы потому, что именно геологам принадлежит честь открытия области в её новом качестве. Так уж распорядились природа и административная практика, что Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция почти полностью уместилась в границах Тюменской области. Реализуя схемы поиска и разведки углеводородного сырья, геологи разметили территорию и подготовили её к дальнейшему послойному освоению, то есть последовательному возведению индустриальных подпространств. Но при этом они произвели ещё одну «разметку».

Геологические партии, экспедиции – это одновременно и производственные коллективы, и «кочевые» поселенческие микрообщности, а сами геологи в силу особенностей своей профессии – наиболее яркие представители утопического (безместного) сознания. Они не только задали региону первоначальный палаточный стандарт, окрашенный романтикой неустроенности, но и на

старте процесса освоения предопределили субординацию организационных структур – подчинили структуру расселения задачам производства. Затем эту эстафету подхватили строители, для которых безместность собственной жизни подчинена новоместности Великой стройки. Нефтяники, газодобытчики в профессиональном отношении ориентированы на менее мобильную организацию, но и они стали следовать заданному стандарту. Таким образом, в основу жизни людей закладывались, с одной стороны, геологическая разметка территории в сочетании со схемой административного подчинения её фрагментов, а с другой – динамичные индустриальные ритмы жизнедеятельности, которые требовали адекватных способов и структур расселения. В итоге образовалась организационно-технологическая матрица будущего региона. Она и стала первичной формой сцепления популяции.

Организационный комплекс, который превратил территорию в регион, можно назвать территориально-индустриальным. Это сочетание целого ряда организационных структур различного уровня сложности. Главным в этом комплексе было то, что в производственно-технологическом и территориальном отношении он представлял собой единое целое, а оргструктуры властного типа были в нём более дробными и обособленными. Это было обусловлено целым рядом факторов: преобладание добывающей промышленности, её привязка к конкретному месту, утилитарное отношение к ландшафту, проявившееся в тотальности объекта деятельности, многослойный индустриальный характер нефтегазового комплекса, прописанного в геолого-географических координатах единого объекта, особая практика проектирования и сооружения нефтегазовых промысловых предприятий и др.

Но тотальность технологии не сразу стала работать на единство популяции. Технологические цепочки производства и соответствующие им способы организации людей, вовлечённых в трудовой процесс (эскизно спроектированные на Большой земле), распространялись и на остальные сферы их жизнедеятельности. По образу и подобию производственных технологий создаётся система отбора и первоначальной адаптации мигрантов. Постепенная замена формальных (технических) уз сцепления живыми человеческими связями вначале происходит по месту работы, в трудовом коллек-

тиве и в значительно меньшей степени – по месту жительства. Да и место жительства – это вначале ведомственный поселок со спроецированной на него производственной иерархией.

Система, названная впоследствии административно-командной, повсеместно превратила трудовые коллективы и их организации в основные ячейки собственного воспроизводства. Но в обжитых районах доминирование производственного принципа отчасти нейтрализовалось развитой инфраструктурой, имеющей поселенческую топологию. Понятно, что в регионах, подобных Тюменской области, всё происходило иначе. Монофакторная, а затем и корпоративно-ячейчатая структура закладывалась в формы расселения изначально, на первом этапе освоения. Такая практика вряд ли была способна сформировать не то что общность, но даже целостную региональную популяцию. Радиальная привязка к инстанциям управления только усиливала разобщённость отдельных (ведомственных) фрагментов территории. Если и происходили в этих условиях общностные процессы, то лишь на уровне коллективов предприятий. Иногда почти *по Гумилёву*, то есть на основе крепкого профессионального ядра, прибывшего с Большой земли, или землячества, а то и родственных связей. Иногда почти *по Веберу*: то есть, когда такое ядро возникало вокруг руководителя, умеющего сплотить и вдохновить подчинённых, заражающего энтузиазмом и убеждающего личным примером. Последующая эволюция этих коллективов выдвигала нормы делового и внеделового взаимодействия, чем-то напоминающие *доктрину человеческих отношений*. А фирменно-отраслевой принцип распределения большинства социальных благ удерживал коллектив от других вариантов трансформации. Конечно, о полном превращении коллектива в «общину» говорить не приходилось. Но даже если гипотетически принять этот вариант развития, то он не стимулирует общностные процессы. Скорее, наоборот – автономизация локальных коллективов препятствует формированию региональной общности. Тогда возникает вопрос: как возможна в этих условиях общностная интеграция? Постараемся ответить на него хотя бы в первом приближении.

Период нового промышленного освоения 60-х годов был переходным с точки зрения роли властного типа организации. Его

явное доминирование над производственной оргструктурой было в прошлом, а технологизация и децентрализация процесса ещё не состоялись. Здесь необходимо небольшое пояснение. Из Великой Отечественной войны страна вышла, вооружённая совершенно новым организационным опытом. Он укрепился в период послевоенного восстановления хозяйства и в какой-то степени предопределил последующую децентрализацию административно-территориального и экономического управления (в 1957 году были существенно расширены права местных органов власти, а затем образованы совнархозы). И если в ряде экономических районов этот процесс тормозился из-за неразвитости периферийной (местной) организации производства, то в сибирских регионах все разворачивалось по иной схеме. Когда спустя несколько лет было восстановлено централизованное отраслевое управление, удельный вес периферийных производств в составе каждой из представленных здесь отраслей был настолько велик, что их формальная значимость сразу же приобрела союзный ранг и была близка к статусу экстерриториальности. В этом была опасность для центральных органов отрасли и, конечно же, для параллельной системы административно-территориального деления и подчинения. Итогом их давнего соперничества стал компромиссный вариант: создание территориально-отраслевых управленческих структур при относительной сбалансированности тенденций ведомственности и местничества в их региональном проявлении. На уровне конечных звеньев отраслевых систем также стали возникать концентрические связи. При общей ориентации на постоянное заселение подобная сбалансированность стимулирует урбанизацию региона [1; 4]. И хотя вначале города складываются из отдельных ведомственных посёлков, сливаясь в агломерацию, они превращаются в аванпосты будущей региональной общности. Безусловно, нечто подобное было и на предыдущих этапах индустриализации. Но тогда, как правило, либо город планировался в самом начале, либо посёлок становился городом при естественном разрастании одного или нескольких градообразующих факторов. В рассматриваемом случае большую значимость приобретает результат компромисса между факторами. Все это, так сказать, объективная сторона процесса. В ней человеческий фактор упрятан настолько глубоко, что поч-

ти не поддаётся реконструкции. Попытаемся тем не менее опосредованным образом наметить этапы его эволюции.

Освоение было спроектировано, однако уровень проработки различных фрагментов проекта был неодинаков. Там, где дело касалось объектов производственного назначения, существовали утверждённые и практикуемые нормы, подыскивались аналоги, включалась интуиция проектантов. Там же, где речь шла о размещении людей, устройстве их быта, в проектах зачастую оставались белые пятна. Да и к чему было создавать детальный социальный проект, если на месте всё как-то стихийно утрясалось. Конечно, без расчёта численности персонала не обходилось, но графа *численность* (да ещё помноженная на *коэффициент семейности*) – это, пожалуй, единственное место в проекте, где люди как-то упоминались. Вместе с тем не хотелось бы говорить здесь ни о крупных просчётах в социальной политике, ни о пренебрежении судьбами людей. В те годы такой укрупнённый проектный подход не считался пренебрежением. Это был очередной акт утопии, когда упрощённость и абстрактность схем действия была рассчитана на определённый состав исполнителей. Утопическое сознание успело к этому времени пережить своеобразную смену парадигм. «В классической утопии нравственный идеал трансцендентен, первичен, а социальная организация вторична, она служит только реализации этого трансцендентного идеала. В современной утопии главное – разумная организация. Она и есть нетрансцендентный утопический идеал», – отмечал по этому поводу Л. Сарджент [5, с. 8].

Именно в эти годы, а точнее с конца 60-х годов, в обиходный язык прочно входит слово *обустройство*. Раньше оно встречалось редко, считалось областным (сибирским), означало устройство нового места и по совместительству выполняло роль специального термина – *строительство на нефтяных и газовых месторождениях*. Теперь это был синоним устройства жизни, её благоустройства. С началом освоения Тюменских месторождений нефти и газа для всей страны в очередной раз началась жизнь на новом месте, и люди стали эту жизнь обустроить. И когда в 1990 году А. И. Солженицын накануне ещё неотчётливой угрозы новых переселений опубликовал свои посильные соображения «Как нам обустроить Россию», меньше всего возражений вызвало слово *обустроить*.

В соответствии с логикой обустройства происходило и решение так называемых *общих* вопросов (то есть входящих в компетенцию соответствующего *зама* руководителя предприятия). Человек мог чувствовать себя на своём месте, будучи в этих условиях *обустроенным*. Речь шла не только о месте жительства, но и обо всём комплексе минимального удовлетворения социальных потребностей. В качестве деривата производственной структуры стала оформляться социальная инфраструктура, включавшая жилищно-коммунальное хозяйство, службу быта, торговлю и общественное питание, здравоохранение и т. д. Понятно, что в обжитых районах она складывается естественно, постепенно, а поэтому неотделима от привычных условий жизни. В районах интенсивного промышленного освоения потребовалось специально её проектировать.

В определении стратегии такого проектирования столкнулись два крайних подхода (они словно разрывали матрицу первоначального заселения по двум её составляющим). Первый был нацелен на стационарный режим жизнедеятельности, на долговременное пребывание человека в суровых климатических условиях (о постоянной жизни на севере вначале ещё не говорили). Второй предполагал десантный способ освоения с использованием нетрадиционных методов труда: вахтового, экспедиционного или же их комбинации.

В споре между сторонниками различных подходов было сломано немало копий, но не было победителей. Ни одна из стратегий не осуществилась в чистом виде. У стратегии освоения-обживания было много аргументов, чтобы стать господствующей. И дело не только в трудности обратного хода, помноженной на крупные капитальные вложения. Дело в инерции оседлости, в необратимости той духовной ситуации, которая сформировалась усилиями первого поколения мигрантов и была усвоена и преобразована последующими. Поэтому, наверное, многие посёлки, спроектированные как вахтовые, превратились в стационарные, а затем и в города. Но и вахтово-экспедиционный метод, в том числе и в межрегиональном варианте (МР ВЭМ), несмотря на серию грозных запретов и категоричных постановлений, продолжал существовать. Существует он и поныне.

Данный метод заслуживает того, чтобы сказать о нём особо. Элементы его в той или

иной степени применялись в хозяйственной практике и раньше: на транспорте, в геологии, в линейном строительстве и т. д. Издавна существовали сезонные работы, привычными были поездки на заработки жителей перенаселённых районов. Бригады шабашников, студенческие строительные отряды работали в сходном трудовом ритме. МР ВЭМ явился индустриальным воплощением своих «предшественников», адекватным именно ситуации интенсивного освоения. Как известно, для метода характерны значительная удалённость места приложения труда от места жительства (до нескольких тысяч километров), длительные периоды экспедиций и межэкспедиционного отдыха (до полумесяца), чередование вахт с таким же по продолжительности отдыхом в непосредственной близости от места работы. Понятно, что в данном режиме вахтовики испытывали не только физические перегрузки. Резкая смена морально-психологического климата воздействовала на них не меньше, чем смена природно-климатических зон. Дополнительную нагрузку создавало и общественное мнение, настороженно относившееся к вахтовикам, где бы они ни находились.

Методы, подобные МР ВЭМ, называют нетрадиционными, и это достаточно точно отражает не только специфику организации труда, но и формы его нравственной регуляции. Традиция как хранитель и транслятор нравственного опыта работает здесь на излом. Некоторые нормы оказываются изъятыми из порождающих типичных ситуаций; жизнь вахтовиков протекает с определённым фазовым сдвигом относительно параметров социальной динамики как по месту жительства, так и по месту приложения труда. Дли-

тельное поддержание подобного ритма жизнедеятельности требует выработки особых форм регуляции поведения, общения, трудовых и бытовых взаимоотношений. Они отличаются высоким динамизмом, в большей степени индивидуализированы, чем у постоянных работников. Вахтовики превращаются в *летающую корпорацию* со специфическими приёмами *социальной сборки и демонстража*, с особым кодексом неагрессивного противостояния общественному мнению и социальному контролю.

Предприятия нефтегазового комплекса использовали труд вахтовиков не только потому, что это оказывалось дешевле создания постоянных рабочих мест. В некоторых случаях вахтовики были людьми совсем иной дисциплины и иной индустриальной закалки, чем постоянные работники. Они прошли выучку на крупных промышленных предприятиях, впитали дух индустриальных центров Большой земли. Для того чтобы попасть в летающие бригады, им порой приходилось пройти строгий отбор. Когда в середине 80-х годов вахтово-экспедиционный метод достиг своего апогея, это было уже не кочевничество и не странничество, это было даже не обустройство. Возник новый канал социальной коммуникации между Тюменской областью и всей страной. По нему не только циркулировала рабочая сила, но и происходил обмен социальным и нравственным опытом. Пожалуй, можно говорить о своеобразном динамичном канале взаимообмена между субкультурами различной степени мобильности. И вахтовики были при этом вовсе не временными агентами технологии, или же «разносчиками вольного образа жизни». Они были людьми на своём месте, и это место всегда было с ними.

Источники и литература

1. **Куцев Г. Ф.** Новые города. Социологический очерк на материалах Сибири. – М.: Мысль, 1982. – 269 с.
2. **Милюков П. Н.** Очерки по истории русской культуры. – СПб.: Изд. журн. «Мир Божий», 1901–1903. – 436 с.
3. **Очерки истории Тюменской области.** – Тюмень: Тюмень, 1994. – 272 с.
4. **Перцик Е. Н.** Город в Сибири. Проблемы, опыт, поиск решений. – М.: Мысль, 1980. – 320 с.
5. **Утопия и утопическое мышление.** – М.: Прогресс, 1991. – 405 с.
6. **Чаадаев П. Я.** Отрывки и разные мысли // Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1991. – 768 с.

УДК 32:33(292.516)

ББК Ф4(253.57)

Виктор Иванович Мерцалов,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Байкальский регион: исторические, геополитические и геоэкономические аспекты формирования

В статье раскрывается исторический процесс выделения Байкальского региона как нового территориально-экономического образования, возникшего после распада СССР под влиянием геополитических и геоэкономических изменений на Дальнем Востоке, а также консолидации внутрирегиональных интересов Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края.

Ключевые слова: Байкальский регион, Забайкалье, историческая площадка, внутри региональные интересы, Координационный совет

Victor I. Mertsalov,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Baikal Region: Historical, Geopolitical and Geo-Economical Aspects of Formation

Historical process of Baikal region formation as new territorial-economic entity resulting from the collapse of the USSR in response to geopolitical and geo-economical changes in the Far East, and consolidation of inner regional interests of Irkutsk region, Republic of Buryatia and Zabaikalsky Krai is considered in the article.

Keywords: Baikal region, Transbaikalia, historical platform, inner regional interests, Coordination Council

Одним из первых исследователей, обосновывавших создание Байкальского региона с учётом геополитического фактора, был профессор М. П. Рачков. Он рассматривал Байкальский регион в качестве исторической площадки России преимущественно с «монгольским» вектором влияния. Понятие «историческая площадка» он тоже ввёл в научный оборот впервые [10]. С того времени пройденная страной историческая дистанция позволяет снова обратиться к этой теме.

Как известно, Байкальский регион обладает одной феноменальной особенностью – наличием оз. Байкал, составляющим его природно-географическое ядро. Одновременно Байкал делит регион на две части, отличающиеся не только природно-климатическими условиями, но и устойчивым распределением в региональном историческом процессе отношений доминирования и зависимости. Иркутск как центр Восточной Сибири устойчиво преобладал с 20-х гг. XIX века во взаимодействии с Забайкальем в эконо-

мическом, культурном, политическом и административном отношениях. В свою очередь история Забайкалья обнаруживает одну фундаментальную особенность. Забайкальская территория находится на линии геополитического разлома, где начинается политическое влияние континентального фактора на приморские дальневосточные территории, и заканчивается влияние морского фактора на континентальное пространство вплоть до Байкала [7, с. 56]. Не случайно Забайкалье в своей истории дважды – в период присоединения Приамурья (1851–1858) и в период ДВР (1920–1922) – сыграло роль исторической площадки, т.е. окраинного региона с переданными ему политическими, военными и экономическими функциями для достижения поставленных государством целей [8, с. 230].

На протяжении последующего времени при всех существовавших внешних угрозах в XX веке Забайкалье и российский Дальний Восток сохраняли свою политическую устойчивость и целостность. Даже при распаде

СССР (1991) и ликвидации советской власти (1993) Забайкалье избежало в очередной раз превращения в историческую площадку, хотя идея второго издания ДВР и была запущена в общественно-политический оборот. С конца 1980-х годов трансформировалось геополитическое положение России на Дальнем Востоке, оказавшее влияние и на Забайкалье. Из МНР были выведены советские войска, урегулирован пограничный вопрос с Китаем. Но в то же время усиливалось политическое давление Японии, парламент которой в 2009 году в одностороннем порядке объявил четыре российских южно-курильских острова японскими. В ходе проведения военной реформы в России Чита утратила статус центра военного округа (2010). Под влиянием геополитических изменений положение Забайкалья всё больше стало приобретать геоэкономические черты, а сам геополитический разлом – латентный характер [8, с. 231].

Вместе с тем, ещё раньше изменения геоэкономического характера происходили в положении Иркутской области. Они рельефно проступают в сравнении с Восточно-Сибирским экономическим районом, который был выделен из крупного Восточно-Сибирского экономического района в связи с образованием в 1963 году укрупненного Восточно-Сибирского совнархоза с центром в Иркутске в составе Иркутской, Читинской областей и Бурятской АССР [5, с. 90; 6]. Его состав и территория совпадают с Байкальским регионом. Но в отличие от него он был полностью сосредоточен на решении проблемы освоения энергетических и других природных ресурсов преимущественно Приангарья, а Забайкалье входило в его зону влияния. По мере завершения создания ТПК в Восточной Сибири центр тяжести государственной промышленной политики перемещался на северо-восток за Байкал. Строительство БАМа в 1974–1984 годы стало отправным моментом изменения геоэкономического положения Иркутской области. Байкало-Амурская магистраль, берущая начало на её территории, предопределяла восточный вектор функционирования области, расширив её доминирующее положение в отношении Забайкалья. Не случайно забайкальский участок БАМа перешёл под управление Восточно-Сибирской железной дороги. Связанная со строительством БАМа возросшая возможность разработки Удоканского месторождения медных руд расширяла потенциал гео-

экономической позиции Забайкалья. В его юго-восточной части рядом с намечающимся Краснокаменским кластером ныне добавляется завязь нового индустриального узла. Все они являются точками роста региона.

Выделению Байкальского региона способствует изменение характера природоохранной проблемы Байкала. В 1959 году под влиянием негативных последствий создания Иркутско-Черемховского ТПК её решением вплотную занималось Правительство РСФСР с привлечением совнархозов [5, с. 150–154]. В современных условиях из-за намерения Монголии построить ГЭС на реках бассейна Байкала проблема приобретает трансграничный характер. Центральное место в её решении продолжает занимать Республика Бурятия, возрастает роль Иркутской области и Забайкальского края. Для последнего немаловажное значение приобретает природоохранная политика в бассейне р. Аргунь, пограничной с Китаем [16]. Все выше отмеченные моменты очерчивают и экономико-географические пределы Байкальского региона.

При распаде советской системы управления народным хозяйством с последующим разрушением экономических связей между предприятиями актуализированное значение приобрела внешнеэкономическая деятельность регионов. Ориентация многих из них на АТР стала их лейтмотивом. Но каждый субъект Байкальского региона действовал только в собственных интересах. Иркутская область оказалась в наиболее благоприятном положении. При всех её признаках сырьевой направленности она выглядела диверсифицированной сравнительно с Забайкальем. «Сырьевые» экономики Бурятии и Забайкальского края уступали ей и во внешнеэкономической сфере. В 2011 году во внешнеторговом обороте Сибирского федерального округа с КНР доля Иркутской области составляла 33,8 %; Республики Бурятия – 7,7 %; а Забайкальского края – 6,1 % [12, с. 274]. В постсоветский период в Иркутской области сформировался дополнительный фактор роста – нефтедобыча, прокладка нефтепровода, в перспективе – газопровода.

Доминирование Иркутской области подчас складывалось не в пользу её забайкальских соседей. Под влиянием политики Министерства путей сообщения в 1996 году создалась угроза ликвидации Управления Забайкальской железной дороги с разделом его функций между Иркутском и Хаба-

ровском. Но руководству Читинской области удалось отстоять Управление Забайкальской железной дороги с сохранением её центра в Чите [3, с. 39; 4, с. 65–67]. Несмотря на проявления внутрирегиональных противоречий, Байкальский регион, имеющий восточный вектор своего функционирования, представляет собой вполне определившуюся целостность, что обуславливает возможность формирования общих интересов субъектных участников региона. Важнейшим фактором их формирования стала актуализированная роль Дальнего Востока России как форпоста её выхода в АТР. Однако социально-экономическое положение дальневосточной территории России после распада СССР устойчиво ухудшалось. Это делало крайне уязвимым её геополитическое положение на восточных рубежах. Начиная с 90-х годов, Центр стал проводить политику, направленную на подъём социально-экономического развития Дальнего Востока. Для Байкальского региона открывалась перспектива стать участником начинавшегося процесса. Но произошло это не сразу. Сначала Правительство РФ, учитывая важность выхода России в АТР и опыт уже существовавшей Ассоциации экономического взаимодействия в составе Дальнего Востока и Забайкалья, включало только Забайкалье в разрабатываемые программы подъёма Дальнего Востока (1992, 1996). В это время реальная система управления его развитием ещё далеко не сложилась. Только в 2000 году учредили федеральные округа с полпредами Президента, да и статус Байкальского региона утвердился позже.

Период 90-х и первого десятилетия 2000-х годов был временем накопления первого опыта хозяйственного управления в совершенно новых социально-экономических и политических условиях с высоким уровнем различных рисков, сопровождаемых острой политической борьбой. О характере этого периода говорит и бурная общественно-политическая дискуссия о создании государственной корпорации по развитию Сибири и Дальнего Востока (2012), итогом которой стало решение ограничиться созданием корпорации по развитию только Дальневосточного региона. Кроме неё в 2012 году были образованы Министерство и Фонд по развитию Дальнего Востока. Современный вид эта система управления приобрела в 2013 году, после отказа от практики сосредоточения функций полномочного представителя Президента и министра по развитию

Дальнего Востока в одном лице [14]. Созданный в её рамках хозяйственный механизм позволил сформировать широкую сеть торгов на Дальнем Востоке. Но наиболее близким дальневосточным фактором развития для Байкальского региона является космодром «Восточный».

В новой государственной программе, утверждённой 15 апреля 2014 года, предусматривалось социально-экономическое развитие не только Дальнего Востока, но в отличие от прежних лет всего Байкальского региона. Из-за недостаточного финансирования его участие в ней характеризовалось декларативностью. В её преодолении происходила консолидация интересов субъектов, входящих в состав Байкальского региона. Ведущую роль в их формировании сыграл институт полномочного представителя Президента в Сибирском федеральном округе. Несмотря на персональную смену полномочных представителей, линия на консолидацию интересов Байкальского региона сохранялась. При полномочном представителе Президента в Сибирском федеральном округе Н. Е. Рогожкине 10 ноября 2014 года был учреждён Координационный совет по социально-экономическому развитию Байкальского региона, предназначенный для согласования деятельности федеральных исполнительных органов и государственных органов исполнительной власти субъектов РФ в Байкальском регионе [9]. На консолидацию региональных интересов влиял кризис 2008–2009 годов, который поставил в трудное положение регион. Иркутская область достаточно успешно справилась с ним [1, с. 27–34], но его негативные последствия сильнее сказались на Бурятии и Забайкальском крае, где кризис, в частности, отсрочил планировавшееся строительство 4 ГОКов [3]. Росло напряжение во взаимоотношениях Минвостокразвития с Байкальским регионом, который критиковал Министерство за отсутствие внимания к Бурятии, Забайкальскому краю и Иркутской области [2].

Следует отметить, что консолидация региональных интересов была важна и для федеральной власти, которая получала дополнительную возможность для всестороннего учёта складывающейся ситуации. СМИ фиксировали изменения в её намерениях. Но реальная корректировка её отношений к Байкальскому региону стала чётко проявляться только в 2016 году, когда стало ясно, что России удалось избежать тяжёлых по-

следствий кризиса и санкций Запада. Это дало возможность заняться непосредственно Байкальским регионом и, прежде всего, Забайкальским краем, где положение оставалось тяжёлым. Изменения начались со смены краевого руководства. Губернатором стала Н. Н. Жданова. Новое краевое правительство с осени 2016 года по указанию В. В. Путина приступило к разработке комплексного плана социально-экономического развития Забайкальского края до 2030 года. Правительство РФ Распоряжением от 28 декабря 2016 года включило в Концепцию развития дальневосточных приграничных территорий приграничные районы Байкальского региона [11]. При разработке комплексного плана социально-экономического развития края и публичном обмене мнений, включая

предложение ректора БГУ А. П. Суходолова [13], выявились три линии индустриального подъёма Забайкальского края. Это развитие сложившихся отраслей промышленности с использованием новых технологий; формирование четырёх новых горнопромышленных узлов; создание предприятий, связанных с развитием космодрома «Восточный». Данные линии следует рассматривать как результат наложения двух встречных направлений геополитического и геоэкономического влияния: континентального (западного) и морского (восточного), которые сходятся как раз в Байкальском регионе и определяют его роль во взаимодействии с Дальним Востоком. Однако в пределах современного исторического развития новые тенденции только наметились.

Источники и литература

1. **Андреянова Е. Л., Тараканов М. А., Черников А. П.** Экономика Иркутской области: современное состояние и проблемы развития // Иркутский историко-экономический ежегодник – 2016. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. – С. 25–36.
2. **Байкальский регион официально вошёл в зону экономического развития Дальнего Востока** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.baikalfinans.com/ekonomika/baykalskiy-region-ofitsialno-voshyol-v-zonu-ekonomicheskogo-razvitiya-dalnego-vostoka.html> (дата обращения: 16.03.2017).
3. **Власть и общество Забайкалья в историческом развитии** // Малая энциклопедия Забайкалья: Власть и общество: в 2 ч. Ч. 1. А–Л / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2012. – С. 14–51.
4. **Гениатулин Р. Ф.** Диалог со временем. – Чита: Экспресс-изд-во, 2008. – 312 с.
5. **Мерцалов В. И.** Реформа хозяйственного управления 1957–1965 гг.: предпосылки, ход, итоги (на материалах Восточной Сибири). – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. – 266 с.
6. **Мерцалов В. И.** Организационное развитие Восточно-Сибирского экономического района: история и современные проблемы // Проблемы развития экономики и социальной сферы: материалы 3-й Внутривуз. науч.-практ. конф. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. – Ч. 1. – С. 39–46.
7. **Мерцалов В. И.** Забайкалье в геополитическом пространстве Дальнего Востока (1851–1991 гг.) // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: история и современность: материалы междунар. науч. конф. (Чита – Маньчжурия, 11–15 окт. 2011 г.) / отв. ред. М. В. Константинов. – Чита: ЗабГГПУ, 2011. – С. 48–57.
8. **Мерцалов В. И.** Забайкальский край в условиях современной геополитической трансформации Дальнего Востока // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: исторический ракурс и современные оценки: материалы междунар. науч. конф. (Чита – Эргуна, 22–27 нояб. 2012 г.) / отв. ред. М. В. Константинов. – Чита: ЗабГГПУ, 2012. – С. 229–232.
9. **Положение о Координационном совете при полномочном представителе Президента в Сибирском федеральном округе по социально-экономическому развитию Байкальского региона** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sfo.gov.ru/polpred/orgs/sovet5/polozhenie> (дата обращения: 17.03.2017).
10. **Рачков М. П.** Байкальский регион как историческая площадка России в начале III тысячелетия // Вестник ИГЭА. – 2001. – № 1. – С. 99–102.
11. **Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2016 г. № 2883-р** «О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 28 октября 2015 г. № 2193-р» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.szrf.ru/doc.phtml?nb=edition00&issid=2017002000&docid=112> (дата обращения: 18.03.2017).
12. **Суходолов Я. А.** Анализ внешнеторговой деятельности России и регионов Сибирского федерального округа // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: исторический ракурс и современные оценки: материалы междунар. науч. конф. (Чита – Эргуна, 22–27 нояб. 2012 г.) / отв. ред. М. В. Константинов. – Чита: ЗабГГПУ, 2012. – С. 270–275.
13. **Суходолов А. П.** О развитии Забайкальского края как связующего звена между Дальним Востоком, Сибирью и всей Россией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2016/12/01/aleksandr-suhodolov-rasskazal-o-razvitiy-zabajkalskogo-kraia.html> (дата обращения: 02.04.2017).

14. Указ Президента РФ от 31 августа 2013 г. № 691 «Об Ишаеве В.И.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/media/events/files/41d48880d8c3a47c4e1.pdf> (дата обращения: 18.03.2017).

15. Черников А. П. Стратегия развития региона (структурный аспект). – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2000. – 166 с.

16. Чечель А. П. Международный речной бассейн Верхнего Амура // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: история и современность: материалы международного науч. конф. (Чита – Маньчжурия, 11–15 окт. 2011 г.) / отв. ред. М. В. Константинов. – Чита: ЗабГГПУ, 2011. – С. 139–142.

УДК 37.013(571.5)

ББК 4404(253.5)

Яна Викторовна Кулакова,

*Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия*

Развитие сибиреведческих исследований в педагогических институтах Восточной Сибири (30–80-е годы XX века)

В статье рассматривается процесс формирования сибиреведческих исследований в Восточной Сибири на примере научной деятельности педагогических институтов. Автором выявлены причины, которые обусловили возникновение исторического сибиреведения в педвузах, выделены основные исследовательские направления внутри него. Автор приходит к выводу о том, что историками пединститутов были изучены важнейшие вопросы политического и социально-экономического развития Сибири, созданы многочисленные научные работы, а также сформированы научные школы и направления, в рамках которых ведутся исследования по сегодняшний день.

Ключевые слова: историческое сибиреведение, педагогические институты, Восточная Сибирь, историческая наука

Yana V. Kulakova,

*Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia*

Development of Research on the History of Siberia in the Pedagogical Institutes of Eastern Siberia (the 30–middle of the 80th of the 20th century)

The article describes the process of the formation of the research on the history of Siberia, which took place in teacher training institutes in Eastern Siberia. The author identified the causes which have led to research on the history of Siberia. The author outlined the major directions for the study of the history of Siberia. The author believes that historians have studied the pedagogical institutes important political and socio-economic development of Siberia. They have created numerous research papers and scientific schools and directions formed that exist today.

Keywords: research on the history of Siberia, pedagogical institutes, Eastern Siberia, historical science

Историческое сибиреведение является одним из ведущих направлений в научно-исследовательской работе историков Восточной Сибири. Изучение региональной истории для большинства современных учё-

ных – это традиция, которая уходит корнями ко второй четверти XX века. В это время в стране активно шли процессы становления высшей школы, что привело к созданию сети высших учебных заведений, среди которых

особое место заняли педагогические институты. Открываясь, прежде всего, для решения кадровой проблемы в школах Восточной Сибири, педвузы были ориентированы на подготовку квалифицированных учительских кадров. Тем не менее, государство постепенно вовлекало в научный процесс все учебные заведения, так как одна из целей политики просвещения заключалась в проведении вузами «научно-исследовательской работы, способствующей разрешению важнейших задач социалистического строительства» [7, с. 2]. Историческое образование и наука в этих условиях развивались сообща, соответственно организация подготовки учителей истории в Иркутске, Улан-Удэ, Чите и Красноярске способствовала формированию центров исторической науки в пединститутах, которые появились в этих городах.

В целом, в развитии научно-исследовательских направлений по истории в ИГПИ, БМГПИ, ЧГПИ и КГПИ можно выделить два этапа: 1930-е – середина 1950-х годов и конец 1950-х – середина 1980-х годов. На первом этапе педагогические институты находились на стадии организации своей деятельности и формирования педагогического коллектива, от которого напрямую зависело становление научных исследований и развитие исследовательской тематики. Именно в это время в институтах был заложен фундамент будущих научных школ и направлений. На втором этапе научно-исследовательский потенциал преподавателей и студентов педагогических вузов активно расширялся, что отразилось на высоком уровне публикационной деятельности, участии в научных конференциях и создании научных школ.

Ведущим направлением в научной деятельности педвузов Восточной Сибири стало историческое сибиреведение, что объясняется рядом причин. Во-первых, регион, находящийся вдалеке от центра страны, не был обеспечен необходимым количеством библиотек и научной литературы. Во-вторых, здесь основным доступным источником для историка становились материалы местных архивов. В-третьих, огромная территория Сибирского региона в дореволюционное время практически не была исследована, вследствие чего было необходимо обратиться к её изучению.

Первые научные исследования по истории Сибири начали формироваться в Иркутском государственном педагогическом институте, который был открыт в 1931 году и

стал первым педвузом Восточной Сибири. В рамках сибиреведения здесь вели свою работу Моисей Андреевич Гудошников и Всеволод Иванович Дулов, которые занимались изучением сибирского областничества, революционного движения и гражданской войны в Сибири, социально-экономического развития сибирской деревни в начале XX века.

В годы Великой Отечественной войны исследовательская деятельность в педагогических институтах не прекратилась, но и интенсивно не развивалась, так как формирование педагогических коллективов было прервано войной. Большинство исследований в эти годы носило военно-патриотическую направленность. Среди всех работ этих лет следует отметить публикации В. И. Дулова и Ф. А. Кудрявцева, посвящённые героям-сибирякам и военному прошлому русского народа: «Боевые традиции сибиряков» и «Великая Отечественная война и Сибирь», а также преподавателя БМГПИ – З. Л. Шоткиной «Бурят-монгольский народ в Великой Отечественной войне».

Несмотря на трудности военного времени, были защищены первые кандидатские диссертации, связанные с историей Сибири: «Общественно-политические взгляды Н. М. Ядринцева» (1941 г., М. А. Гудошников); «Крестыянство Восточной Сибири» (1943 г., В. И. Дулов).

С окончанием Великой Отечественной войны педагогические институты вернулись к мирной жизни. В послевоенное время продолжилось формирование педагогических кадров, что, несомненно, способствовало развитию научно-исследовательской работы. В то же время жёсткий контроль со стороны государства над исторической наукой и лежащая в её основе марксистская методология, значительно ограничивали тематику исследований внутри самого сибиреведения. Как правило, она сводилась к изучению революционного процесса и социально-экономического развития в регионе.

Так, исследованием революционного движения в Сибири занимались В. Г. Изгачев и М. К. Ветошкин (ЧГПИ), В. И. Дулов (ИГПИ), М. Б. Шейнфельд (КГПИ). Виктор Григорьевич Изгачев был одним из первых преподавателей исторических дисциплин Читинского пединститута и крупнейшим учёным по истории Забайкалья. В середине 1950-х годов он являлся редактором-составителем сборников «Газета “Забайкальский рабочий” в 1905–1907 гг.», «Революционное

движение в Забайкалье в 1905–1907 гг.», а также автором ряда статей по развитию революционного движения в Забайкалье. В это же время в ЧГПИ работал Михаил Кузьмич Ветошкин – участник революционного движения, партийный деятель, который всю жизнь посвятил изучению революционного процесса в Сибири. Результатом его научного творчества в этот период стало издание монографии «Революция 1905–1907 гг. на территории Сибири и Дальнего Востока» [1, л. 14].

В 1948 году на кафедре истории Красноярского пединститута начал свою педагогическую и научную деятельность Михаил Борисович Шейнфельд, который обратился к изучению политической борьбы в Сибири на раннем этапе становления советской власти.

По-прежнему продолжалось изучение революционного движения в Сибири и в Иркутском пединституте. Здесь в 1955 году состоялось переиздание книги В. И. Дулова и Ф. А. Кудрявцева «Революционное движение в Восточной Сибири в 1905–1907 гг.».

Тем не менее, в исследовательской тематике историков пединститутов преобладали вопросы социально-экономического характера. Так, В. Г. Изгачев (ЧГПИ) и О. И. Кашик (ИГПИ) в рамках диссертационных исследований изучали историю Нерчинского уезда и нерчинских горнозаводских крестьян. Колонизация Сибири в разные периоды отечественной истории стала объектом исследования в работах В. И. Дулова (ИГПИ), П. И. Павлова и В. А. Степынина (КГПИ). Также, в поле зрения учёных попала история Тувы во второй половине XIX – начале XX века. (В. И. Дулов, ИГПИ), Бурят-Монголии в XIX века (И. А. Асалханов, БМГПИ).

Однако большая часть исследований в рамках исторического сибиреведения велась по отечественной истории советского периода. Так, популярностью пользовались вопросы промышленного и сельскохозяйственного развития региона. В большинстве своём пединституты занимались изучением процессов индустриализации и коллективизации (ИГПИ – П. А. Уваров, М. Ф. Архипова; КГПИ – М. И. Ефремова; БМГПИ – Н. П. Егунов, В. П. Тюшев, Е. Е. Тармаханов, М. Н. Бадмаева).

Под особым вниманием государства находилась историческая наука в национальных республиках, где необходимо было переписать историю с позиций марксизма и

тем самым показать правильность развития исторического процесса и движения страны «к светлому будущему».

В связи с этим в Бурят-Монгольской АССР активно шли процессы по изучению истории региона. В 1947 г. в Улан-Удэ состоялось совещание историков, на котором была поставлена задача написания «подлинно марксистско-ленинской истории Бурят-Монголии, которая воспитывала бы глубокое чувство советского патриотизма, укрепляла дружбу народов и явилась бы ценным вкладом бурятских историков в дело социалистического строительства» [8, с. 89]. В связи с этим все историки республики были объединены совместной работой над историей своего региона. В 1951 году вышел первый том «Истории Бурят-Монгольской АССР», охвативший период с древнейших времён до Великой Отечественной войны, в написании которого приняли участие Н. П. Егунов, В. П. Тюшев, М. Н. Бадмаева, И. А. Асалханов.

С конца 1950-х годов государственная политика в области образования всё больше сосредоточивала своё внимание не только на образовательной деятельности высших заведений, но и на вопросах их научно-исследовательской работы. Вузам рекомендовалось «обратиться к решению крупных задач, имевших практическое значение, направлять деятельность факультетов и кафедр на координацию научно-исследовательской работы, кооперирование вузовской науки с академической, укрепление творческих связей с ведущими вузами страны» [6, с. 354]. Также значительно улучшились условия для занятия научной работой: учёным предоставлялись творческие отпуска, оплачивались научные командировки, из года в год увеличивался допустимый объём печатных листов для выполнения планов издательской деятельности институтов.

На этом этапе в научной работе рассматриваемых педагогических институтов начинает складываться специализация по отдельным вопросам истории Сибири, что приводит к формированию научных школ и комплексных исследовательских тем.

Так, на кафедре истории СССР Красноярского пединститута большая часть исследований была посвящена дореволюционной истории Сибири, вследствие чего под руководством В. А. Степынина началось углублённое изучение Сибири в эпоху капитализма и её колонизации в этот период. В данном направлении продолжили свою деятельность П. Н. Павлов, который стал авто-

ром уникальных книг «Пушной промысел в Сибири в XVII – начале XVIII веков» и «Промысловая колонизация Сибири в XVII – начале XVIII веков». Также проблемы колонизации Приенисейского края были исследованы в работах доцента Г. Ф. Быкони.

В 1960–1970-е годы в КГПИ начинает формироваться комплексная тема исследования, посвящённая вопросам историографии и источниковедения истории Сибири XVII–XX веков. Основоположителем данного научного направления стал М. Б. Шейнфельд, который в 1973 году защитил докторскую диссертацию «Историография Сибири (конец XIX – начало XX в.)». Данная работа до сих пор является одним из ключевых комплексных исследований по историографии Сибири.

Важным научно-исследовательским направлением в КГПИ стала тема социальных отношений и классовой борьбы в сибирской деревне в годы Гражданской войны, разработкой которой занимался канд. ист. наук Юрий Васильевич Журов. В 1975–1980 годы большинство историков КГПИ работало совместно с СО РАН СССР по подготовке многотомной истории крестьянства Сибири [4, л. 23].

В Иркутском педагогическом институте основные исследования по истории Сибири велись по теме «Социально-экономическое развитие Сибири в XVII–XX вв.», основанной В. И. Дуловым ещё в начале 1950-х годов. В рамках данной темы часть исследователей занимались историей крестьянства Сибири, переселенческой политикой и социально-экономическим развитием сибирской деревни в разные периоды отечественной истории. Так, ученик В. И. Дулова – Виктор Григорьевич Тюкавкин в своих работах рассматривал положение крестьянства накануне Октябрьской революции, а его ученик А. С. Кузнецов обратился к истории переселения крестьянства Восточной Сибири первой половины XIX века.

Наряду с этим в ИГПИ продолжалось изучение сельскохозяйственного и промышленного развития Сибири в советский период. В рамках данного направления вел научную работу С. Ф. Хроленок, изучавший золотопромышленность Сибири; А. П. Косых, который обратился к исследованию совхозов Восточной Сибири. В 1970-е годы историки ИГПИ стали переходить от изучения промышленных отраслей и процессов в хозяйственном развитии к исследованию положения со-

циума – рабочих. Так, В. Е. Дударев в своих работах проанализировал количественный и качественный состав шахтёров Восточной Сибири, развитие их трудовой активности и технического творчества, а П. П. Ступин занялся изучением положения строителей новых городов Восточной Сибири.

В Читинском педагогическом институте исследования в области сибиреведения были сосредоточены на истории Забайкалья. В этом направлении по-прежнему работал В. Г. Изгачев, который продолжал вести исследования по истории нерчинских серебряно-плавильных заводов. Подробная разработка данной темы стала необходимой в изучении вопроса социально-экономического развития Забайкалья, Сибири и Дальнего Востока, так как нерчинские горные промыслы и заводы сыграли важную роль в развитии экономики и рабочего движения в Азиатской России. Наряду с изучением социально-экономического развития Забайкалья в дореволюционный период, сотрудники ЧГПИ обращались и к вопросам его развития в советское время. Так, объектом самостоятельных научных исследований Н. П. Димовой стала золотопромышленность Забайкалья в 1917–1937 годы, а Б. Д. Семашкина – промышленность Читинской области в послевоенные годы [2, л. 56].

Использование региона в XIX веке для политической ссылки обусловило появление в ЧГПИ такого научно-исследовательского направления как «История политической каторги и ссылки в Забайкалье», развитие которого происходило при участии доцентов Е. И. Глазатовой и А. Г. Патроновой.

Также в ЧГПИ продолжалось изучение революционного процесса. Над исследованием Революции и Гражданской войны в Забайкалье в 1917–1920 годы работала сотрудник кафедры истории ЧГПИ – О. М. Цыренова.

Бурятский государственный педагогический институт продолжал развивать научно-исследовательскую деятельность по комплексному изучению истории Бурятии. Одним из крупнейших специалистов по дореволюционной истории Бурятии был Н. П. Егунов. Никифор Петрович занимался колониальной политикой Русского государства в период империализма и связанным с ней национальным движением в республике. Итогом его многолетней работы в данном направлении стала защита докторской диссертации «Национально-освободительное

движение Бурятии в эпоху империализма». Также Н. П. Егунов занимался этнической историей бурят.

Большое место в научных исследованиях БГПИ отводилось изучению промышленного развития Бурятии. Активную деятельность в этом направлении продолжал вести Е. Е. Тармаханов. В конце 1970-х годов определилась комплексная тема исследования, связанная с историей формирования и развития рабочего класса в Бурятии, к исследованию которой были привлечены Е. Е. Тармаханов, Л. Н. Раднаева, С. В. Евдокимова, Е. А. Высотина [5, л. 7].

Благодаря активной научной работе в рамках исторического сибиреведения появились многочисленные как специально-научные труды по различным вопросам истории Сибири, так и научно-популярные работы по истории региона: «Очерки по истории Иркутской области» (Иркутск, 1966 г.), «Очерки по истории Сибири» (Иркутск, 1970 г.), «Крас-

ноярск и красноярцы» (Красноярск, 1978 г.) и др. О высоком уровне научной квалификации сотрудников пединститутов говорит и тот факт, что они принимали участие в написании крупных обобщающих трудов по истории Сибири. Например, В. И. Дулов являлся редактором, а В. Г. Тюкавкин – главным редактором третьего тома «Истории Сибири» [3, л. 18].

Таким образом, отдалённость региона от центральной части России и огромное пространство для проведения научных исследований обусловило появление в педагогических институтах Восточной Сибири такого научного направления как историческое сибиреведение. Оно объединило под собой различные темы, связанные, прежде всего, с революционным процессом и социально-экономическим развитием Сибири. Однако, несмотря на идеологический отпечаток этих исследований, они являются ключевыми в изучении истории Сибири и её отдельных регионов.

Источники и литература

1. **ГАЗК** (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. Р-177. – Оп. 1. – Д. 99.
2. **ГАЗК**. – Ф. Р-177. – Оп. 2. – Д. 841.
3. **ГАИО** (Государственный архив Иркутской области). – Ф. Р-842. – Оп. 5. – Д. 30.
4. **ГАКК** (Государственный архив Красноярского края). – Ф. Р-2217. – Оп. 1. – Д. 599.
5. **ГАРБ** (Государственный архив республики Бурятия). – Ф. Р-666. – Оп. 1. – Д. 1673.
6. **Петрик В. В.** Высшая школа Сибири в конце 50-х – начале 90-х гг. XX века. – Томск: Томск. гос. ун-т, 2006. – 648 с.
7. **Типовой устав высшего учебного заведения** // Учительская газета. – 1938. – № 124. – С. 2.
8. **Шунков В.** О разработке истории Бурят-Монголии // Вопросы истории. – 1949. – № 5. – С. 87–89.

УДК 314.15(571.51)
ББК С7(2Рос-4Чит)

Татьяна Петровна Урожаева,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия

Население Красноярского края и международная миграция в 1990-е годы

Миграционные процессы в Красноярском крае в 1990-е годы протекали активно и противоречиво. С одной стороны, постоянная потребность в рабочей силе вызвала приток трудовых ресурсов из ближнего зарубежья, с другой – из региона шёл постоянный отток жителей. Впоследствии произошло некоторое ухудшение качественного состава работающего населения.

Ключевые слова: международная миграция, беженцы, вынужденные переселенцы

Tatiana P. Urozhaeva,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia

The Population of the Krasnoyarsk Territory and International Migration in the 1990-s

Migration processes in the Krasnoyarsk region in the 1990s actively and contradictory. On the one hand, the constant demand for labor led to an influx of labor from neighboring countries, on the other – from the region was a constant flow of people. In consequence there was a deterioration of qualitative structure of labor resources.

Keywords: international migration, refugees, internally displaced persons

Форсированное освоение восточных районов РСФСР и, в частности, Красноярского края, было всегда неразрывно связано с миграцией. Однако особенностью советского периода было то, что мигрировали в поисках более выгодных для себя условий труда только граждане единой страны и, соответственно, как непосредственно трудовые мигранты они не учитывались, а учитывались в общей массе всех переселенцев. Однако с распадом СССР и образованием суверенных государств из бывших советских республик, а также открытием границ для свободного их пересечения с обеих сторон произошло изменение статуса мигрантов, приезжающих на территорию Красноярского края для работы. Они разделились на две категории: россияне, приезжавшие из других регионов страны, иностранцы и лица без гражданства, обладающие меньшим объемом прав в чужом для них государстве.

С 1992 года формировалась тенденция нарастания количества вынужденных переселенцев в Красноярском крае. Особенно выросла интенсивность межреспубликанской миграции. Число прибывших из стран СНГ в 1994 году преобладало над числом выбывших (исключая Украину и Беларусь). Основной поток мигрантов в край теперь формировался в Казахстане и Средней Азии. Количество вынужденных переселенцев составило 1200 чел. [12, с. 2].

В 1993 году миграционный поток продолжал нарастать. Количество вынужденных переселенцев в регионе составило уже 1947 чел. Во второй половине 1990-х годов, миграционные потоки стабилизировались практически на уровне 1993 года. Происходила стабилизация обстановки в странах СНГ и поэтому доминировали экономические причины миграций. С 1999 года по причине резкого ухудшения экономической ситуации в Красноярском крае резко упали темпы миграцион-

ного движения населения, особенно въезда. Количество вынужденных переселенцев за 1999 год составило 792 чел. [10, с. 97–99].

В регион мигранты прибывали, главным образом, из Казахстана, Украины, Киргизии и Узбекистана [7, с. 2]. Таджикская миграция проходила в два этапа. В первой половине 1990-х годов в область приехали беженцы, которые уезжали из Таджикистана из-за идущей там гражданской войны. Во второй половине десятилетия оформилась уже совершенно иная иммиграционная волна, которая была связана с очень низким уровнем жизни в Таджикистане, самой маленькой заработной платой среди бывших советских республик. Жители этой республики наравне с узбеками часто брались за самую тяжёлую и низкооплачиваемую работу, главным образом в сфере строительства.

Общая численность иностранцев и лиц без гражданства, работавших на территории Красноярского края в 2002 году, составила 4962 чел. При этом из всех иностранных работников 87,4 % составили мужчины и лишь 12,6 % – женщины. Более половины мигрантов составили лица в возрасте от 18 до 30 лет. Из всех 4962 иностранцев 2584 чел. (52,1 %) приехали из республик бывшего СССР. В том числе с Украины – 28,3 % от общего числа; из Армении – 6,0 %; Таджикистана – 5,7 %; Узбекистана – 5,5 %; Кыргызстана – 3,5 %; Азербайджана – 1,1 %; Казахстана – 1,0 %; Молдовы – 0,8 %; 47,9 % мигрантов прибыли из стран дальнего зарубежья, в том числе из КНДР – 27,2 %; Китая – 13,7 %; бывшей Югославии – 4,0 %; Вьетнама – 2,2 % [2].

Распределение иностранных работников по отраслям экономики выглядело следующим образом: 32 % мигрантов трудоустроились в промышленности, причём более двух третей из них составили выходцы из республик бывшего СССР. В строительстве нашли работу 47,5 % иностранцев, но, в отличие от

промышленности, здесь доля выходцев из республик бывшего СССР была значительно ниже – только одна треть. В сфере торговли и общественного питания были заняты 16,1 % иностранных работников. Причём среди них была велика доля выходцев из республик бывшего СССР – 62,9 %. В остальных отраслях народного хозяйства (жилищно-коммунальное и сельское хозяйство, транспорт, образование, связь и др.) были заняты всего 4,4 % трудовых мигрантов [8, с. 19–20].

Можно добавить, что в промышленности преобладали выходцы из Украины (829 чел.) и Китая (452 чел.), в строительстве доминировали представители КНДР (в этой отрасли были заняты все выходцы КНДР – 1349 чел.), хотя немало там было и прибывших с Украины (571 чел.). В этой же сфере трудились и 202 работника, приехавшие из Югославии, а китайцев не было вообще. Строительством в нашем крае занимались также иммигранты из Армении, Кыргызстана и Таджикистана. Вьетнамцы были заняты в сфере торговли и общественного питания; а в сельском хозяйстве из 76 занятых выходцы из Китая составили 56 чел. Что касается выходцев из Поднебесной, то кроме промышленности и сельского хозяйства, они были заняты только в торговле и общественном питании (174 чел.) [3].

В потоке мигрантов преобладали две основных категории: неквалифицированные и полуквалифицированные работники, нанимающиеся по трудовому договору на какой-либо срок и прибывающие в край для постоянной работы, в том числе и с целью создания рабочих мест. Представители второй категории нередко в дальнейшем получали разрешение на временное или постоянное проживание в России или даже российское гражданство.

В межпереписной период (с 1989 по 2002 гг.) в связи с нарастающей внешней миграцией серьёзно изменился национальный состав населения региона. В советский период здесь сложилась достаточно устойчивая палитра национальностей. К 1989 году в крае проживали представители 124 народов (их удельный вес достигал 12,5 %) [6, с. 6]. Ещё в 1970–1980-е годы в Красноярском крае формировались крупные диаспоры народов Северного Кавказа и Средней Азии. Это дагестанцы, таджики, туркмены, казахи, киргизы и прочие народы.

К концу 1990-х годов в регионе более чем на 35 % снизилась численность украин-

цев, белорусов, мордвы, латышей. Численность башкир, чувашей, удмуртов, финнов уменьшилась на 27–30 %. Украинцев, белорусов и мордвы стало меньше в полтора раза, а евреев – в два. Раздел по национальным квартирам сопровождался ростом националистических настроений. Вместе с тем, такие миграционно-активные этносы как народы Кавказа, Средней Азии и Китая, увеличили свою численность за период с 1993 по 2002 годы в полтора раза [11, с. 2]. По данным Красноярского статистического управления, в регионе существенно уменьшился удельный вес русского населения (с 12,4 % в 1989 г. до 11,0 % в 2002 г.). За 13 лет численность русских сократилась на 22,3 тыс. чел. (на 1,4 %) [4, с. 3].

Новая ситуация определялась также повышением миграционной активности населения, демографическим кризисом. Так, численность татар в межпереписной период снизилась на 10 %; бурят, немцев, якутов и башкир – на 15–18 %. Численность литовцев, марийцев, молдаван, поляков, тувинцев, удмуртов, финнов, хакасов и чувашей снизилась на 20–30 %. Количество белорусов, латышей, мордвы и украинцев уменьшилась в 1,5–1,7 раза; евреев – в 1,9 раза [9].

В отличие от старожильческих национальностей Красноярья, значительно увеличили своё представительство в регионе диаспоры Кавказа, Средней и Юго-Восточной Азии. Численность корейцев возросла на 24 %, народов Дагестана и китайцев – в полтора раза, киргизов – в два раза, азербайджанцев – в 2,6 раза, таджиков – в 2,9 раза, армян – в 3,6 раза. Азербайджанцы перешли с 8-го места в 1989 году на 5-е в 2002 году. Армяне соответственно переместились с 23-го на 8-е место; киргизы – с 27-го на 15-е; таджики – с 32-го на 19-е; лезгины – с 33-го на 25-е [1, с. 31–32].

Параллельно с этим в 1990-е годы наблюдался прогрессирующий приток мигрантов из Китая, законным и незаконным способом расселяющихся на временное и постоянное проживание в регионе. Приезжие граждане стран СНГ и КНР зачастую пополняли армию безработных. Кроме того, они со своей культурой, образом жизни, устоями и традициями, приезжая в другую местность, сталкивались с трудностями этического и культурного плана. Естественно, это оказывало отрицательное влияние на социальное равновесие в регионе.

Чаще всего мигранты приезжали из обнищавших кавказских аулов и среднеазиат-

ских кишлаков. Их переезд в северные районы Красноярского края зачастую являлся последним шансом выжить. Многих из них по прибытии в Норильск ждало разочарование, но уехать отсюда они уже были не способны из-за отсутствия средств.

Подтверждением того, что состав населения в Норильске менялся, можно было обнаружить «на каждом шагу»: в выпусках местных новостей всё чаще появлялись сюжеты об острой нехватке тех или иных специалистов – в первую очередь, врачей, учителей. В рекламных газетах целые страницы были заняты объявлениями о поисках квалифицированной рабочей силы. При достаточно высоком уровне безработицы работодателям было крайне сложно найти специалиста высокого разряда [13, с. 4].

Не имея официального места работы и не регистрируясь в качестве индивидуальных предпринимателей, мигранты нередко регистрировались в качестве безработных, и являлись существенной дополнительной нагрузкой на социальную бюджетную сферу Норильска (здравоохранение, образование и т. п.). С другой стороны, наряду с розничной торговлей новые этнические мигранты достаточно часто занимались различными видами нелегальной или криминальной деятельности – торговля наркотиками, проституция и т. п.

Интенсивность этих процессов в ранее «криминально стерильных» северных поселениях вызывала серьёзную озабоченность местных жителей и органов власти. В конце 2000 года руководство г. Норильска и ГКМ «Норильский Никель» обратились к главе МЧС С. Шойгу с просьбой рассмотреть вопрос об ограничении въезда на территорию

комбината, вернув Норильску статус закрытого города [5, с. 5–6]. Осенью 2001 года Норильск снова закрыли для иностранцев, и теперь они попадали в город только с разрешения ФСБ. Официальное объяснение тому следующее: в город хлынуло на заработки слишком много иностранных мигрантов; вырос уровень преступности, наркомании, заболеваемости СПИДом и т. д.

Проблемы обустройства мигрантов накладывались на нерешённость экономических и политических проблем, порождали тем самым социальную напряжённость в регионе. Важнейшим обстоятельством здесь выступало то, что мигранты зачастую пополняли ряды социально и экономически не защищённого населения, что подрывало социально-экономическую безопасность региона. Высокая миграционная нагрузка усиливала конкуренцию на рынках труда и порождала мигрантофобию у коренного населения. Отсюда вытекали правовые, бытовые, экономические притеснения пришлого населения. В свою очередь это приводило к маргинализации мигрантов с присущими им конфликтными отношениями.

Миграционные процессы в Красноярском крае в 1990-е гг. протекали довольно активно и противоречиво. С одной стороны, постоянная потребность в рабочей силе вызвала приток трудовых ресурсов из ближнего и дальнего зарубежья, с другой – из региона шел постоянный отток коренных жителей. Отрицательное сальдо миграции осложняло и без того неблагоприятную демографическую ситуацию, снижало возможности естественного воспроизводства населения, ухудшало качественный состав трудовых ресурсов.

Источники и литература

1. **Всероссийская перепись населения.** Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. – 2002. – Табл. 3. – С. 31–32.
2. **ГАКК** (Государственный архив Красноярского края). – Ф. Р-1300. – Оп. 5. – Д. 2751. – Л. 4–5; Д. 2752. – Л. 3–4; Д. 2753. – Л. 1–2; Д. 2754. – Л. 9–10.
3. **ГАКК.** – Ф. Р-1300. – Оп. 5. – Д. 2749. – Л. 2–3; Д. 2750. – Л. 11–11.
4. **Денисов М.** На территории Красноярского края проживают представители 123 национальностей // Красноярские новости. – 2004. – № 14. – 14 апр. – С. 3.
5. **Елева А.** Вновь закрыть город? // Коммерсант. – 2001. – 20 февр. – С. 5–6.
6. **Ильин А.** Великий счёт и хитрый результат: из истории Всесоюзной переписи населения в Красноярском крае // Красноярский рабочий. – 2010. – № 194. – 20 окт. – С. 6.
7. **Козель С.** Сибирь куда теплее Средней Азии: о вынужденных переселенцах // Вечерний Красноярск. – 1997. – 26 апр. – С. 2.
8. **Красноярский край в цифрах** (Красноярский край – 2002): стат. справ. – Красноярск: Краснояр. краевой комитет государственной статистики, 2003. – С. 19–21.
9. **Народы Красноярского края:** статистические данные переписи населения 2002 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krskstate.ru/society/nations> (дата обращения: 15.04.2017).

10. **Народы Приенисейской Сибири.** История и современность: материалы науч.-практ. конф. (г. Красноярск, 1–2 дек. 2000 г.). – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – 176 с.
11. **О беженцах и вынужденных переселенцах:** сообщение краевого комитета Госстатистики // Вечерний Красноярск. – 2003. – 15 мая. – С. 2.
12. **Степанов К.** Показатель смутного времени – число переселенцев в наш край // Вечерний Красноярск. – 1994. – 30 июня. – С. 2.
13. **Уехать или остаться** // Норильчанин. – 2001. – 8 сент. – С. 4.

УДК 32(985)
ББК Ф4(211)

*Ольга Михайловна Литвишко,
Пятигорский государственный университет,
г. Пятигорск, Россия*

Трансграничное сотрудничество на Каспии: применим ли опыт Баренцева Евро-Арктического региона в каспийской геополитической игре

Статья посвящена анализу трансграничного сотрудничества в Баренцевом Евро-Арктическом регионе как одном из наиболее успешных регионов с участием России. Автор определяет специфику сотрудничества в регионе, рассматривает возможность применения опыта Баренцева региона в Каспийском регионе. Особое внимание уделяется проблеме выбора модели интеграции в Каспийском регионе, что обусловлено наличием комплекса интересов, особенностями взаимоотношений государств региона, их отношений с государственными и негосударственными акторами и выступает причиной многоуровневого соперничества в сфере торгово-экономических и военно-политических интересов.

Ключевые слова: Баренцев Евро-Арктический регион, Каспийский регион, региональная интеграция, трансграничное сотрудничество

*Olga M. Litvishko,
Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk, Russia*

Cross-Border Cooperation in the Caspian Region: can the Experience of Barents Euro-Arctic Region be Applied to the Conditions of Caspian Geopolitical Game

The article is devoted to the analysis of cross-border cooperation in Barents Euro-Arctic region as one of the most successful regions with Russian participation. The author defines the specifics of the cooperation in the region as well as considers the possibility of applying the Barents region experience in the Caspian region. Special attention is given to the problem of the choice of integration model, which is stipulated by the existence of the complex of interests, the peculiarities of relations between Caspian states, their relations with state and non-state actors causing multi-level competition in the sphere of trade-economic and military-political interests.

Keywords: Barents Euro-Arctic region, Caspian region, cross-border cooperation, regional integration

Региональное сотрудничество и интеграция являются одними из важнейших тенденций современных международных отношений. Неравномерное влияние глобализации на различные регионы мира обуславливает необходимость объединения государств в региональные/субрегиональные структуры, чтобы повысить свою способность противостоять стремительно распространяющимся глобальным вызовам. Регионализм, или нисходящая интеграция (*top-down integration*), направлен на развитие сотрудничества в экономической, институциональной, оборонной и политической сферах. Его дополнением выступает восходящая интеграция (*bottom-up integration*), или регионализация, главным механизмом которой является неконтролируемое государством экономическое и социальное взаимодействие негосударственных акторов в лице компаний, НГО, экспертного сообщества, образовательных институтов, частных лиц и т. д. Развитие сотрудничества в рамках данного вида интеграции происходит на уровне укрепления трансграничных связей, способствуя развитию трансграничного сотрудничества между приграничными территориями соседних государств.

Трансграничное сотрудничество (ТГС) является относительно новой формой межгосударственного сотрудничества, однако накопленный опыт изучения ТГС позволяет нам рассматривать его в качестве важного инструмента интеграции, т. к. оно направлено на развитие политических, экономических, культурных и гуманитарных связей между регионами сопредельных государств.

Трансграничное сотрудничество – это вид международного сотрудничества, осуществляемого на двусторонней и многосторонней основе между государствами, имеющими общую границу и направленного на решение совместных проблем, получение экономической выгоды и достижение общих целей, а также сохранение, управление и развитие общей социально-экономической и культурной среды, что со временем может способствовать укреплению региональных интеграционных процессов. Проанализировав ряд исследований, посвящённых ТГС, мы предлагаем следующее определение: трансграничное сотрудничество – это сотрудничество административных регионов с сопредельными регионами соседних государств на основе систематических отношений, повышенной контактности границы, ре-

гиональной идентичности и экономической целесообразности. Специфика ТГС связана с наличием/отсутствием институциональных структур, регулирующих трансграничную кооперацию, с наличием сухопутной-морской-речной границы, детерминирующей способы и механизмы сотрудничества. При этом важно подчеркнуть, что формирование ТГС возможно только при наличии политического взаимодействия сопредельных стран, экономических и гуманитарных контактов между ними, т. е. определённого уровня развития трансграничной кооперации.

Россия является активным участником интеграционных процессов на европейском направлении. Одним из наиболее эффективных примеров ТГС является многоаспектное взаимодействие в Баренцевом Евро-Арктическом регионе (БЕАР), чему способствовал целый комплекс естественных причин, включая географическое соседство, близость исторических судеб, давние традиции международного сотрудничества, общий процесс формирования единого европейского экономического пространства.

Баренцев Евро-Арктический регион занимает территорию около 1,7 млн км². В его состав входят арктические территории четырёх стран: северные провинции Норвегии, Финляндии, Швеции и северо-западные районы России. Здесь проживает более 5 млн чел., в том числе представители нескольких коренных народов: саами (Норвегия, Финляндия, Швеция, Кольский полуостров), ненцы (Ненецкий автономный округ), вепсы (Республика Карелия), коми (республика Коми). Регион богат природными ресурсами, такими как нефть, газ, минеральное сырьё, лес и рыба. Региональная экономика тесно связана с разработкой этих ресурсов, их переработкой и экспортом. Значительная часть территорий региона расположена за Полярным кругом, что определяет достаточно суровые климатические условия жизни. Кроме того, он традиционно считается периферийным по отношению к центрам государственной власти. Однако БЕАР – самый населённый из регионов Арктики. Здесь высокий человеческий потенциал, обусловленный как историческими предпосылками, так и уровнем развития образовательной среды [6].

Пройдя достаточно длинный путь в своём развитии, ТГС в регионе в настоящее время характеризуется устойчивым укреплением кооперации, способствуя формированию более тесных региональных

связей сопредельных государств. С подписанием Киркенесской декларации 11 января 1993 года, документально оформившей создание БЕАР, Россия оказалась вовлечённой в новый тип отношений с государствами Северной Европы, расширяя связи между региональными властями северной части России и северных провинций Норвегии и Финляндии.

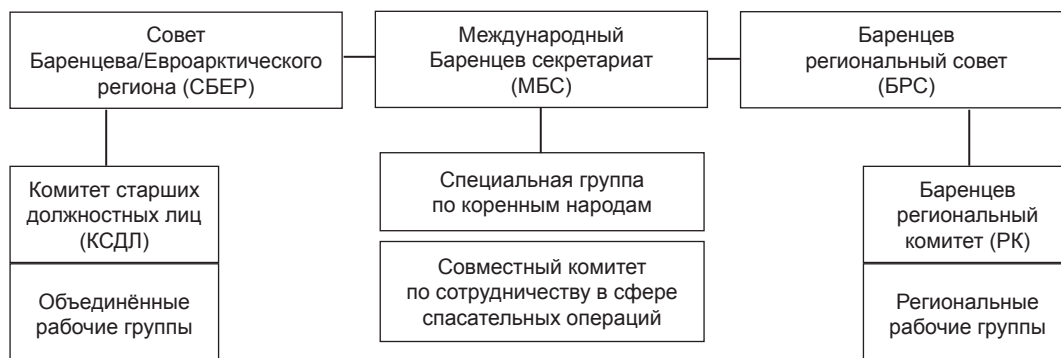
Создание и корректировка институциональных инструментов сотрудничества и формирование стратегии преодоления барьеров для расширения гуманитарных и иных связей в масштабах трансграничного региона определили приоритетные направления сотрудничества, которые включают экономическое, гуманитарное и научно-техническое сотрудничество, развитие региональной инфраструктуры, взаимодействие в экологической сфере, проекты поддержки коренного населения.

С 1993 по 2006 годы в регионе были реализованы 30 проектов, финансируемых правительствами Финляндии, Швеции, Норвегии и России и различными программами Европейского союза. Диапазон направлений достаточно широкий, включая энергоснабжение, здравоохранение, охрану окружающей среды, ядерную безопасность, туризм, социальное обеспечение [5].

В гуманитарной сфере наблюдается более тесное сотрудничество. Оно развивается в виде многосторонних, двусторонних, побратимских связей и направлено на развитие сетей между профессиональными культурными учреждениями, укрепление культурного разнообразия, диалога, развитие отношений между сферой культуры и творческими индустриями, поощрение профессионального обмена информацией, создание новых видов культурного взаимодействия.

Образовательное сотрудничество можно рассматривать как одно из наиболее динамичных направлений ТГС в регионе. Путём создания сетевого университетского сообщества при ведущей роли Университета Арктики стало возможным развивать реальную и виртуальную мобильность студентов, обмениваться информацией, аккумулировать знания по вопросам изучения полярных регионов (в том числе в рамках тематических сетей) и улучшать качество образовательных программ.

Для повышения эффективности сотрудничества сформированы региональные органы управления: их деятельность координируется Международным Баренцевым секретариатом, выполняющим функции оперативного управления, что отображено на рисунке [1, с. 56].

Региональные органы управления

Таким образом, как отмечает В. А. Макаров, для формирования системы трансграничного регионального сотрудничества в БЕАР созданы необходимые политико-правовые, военно-стратегические, геоэкономические и экологические предпосылки. Существует необходимая правовая база, исторический опыт взаимодействия, можно говорить о наличии у государств-участников системы необходимой национальной воли для раз-

вития такого сотрудничества на взаимовыгодных конструктивных началах [4, с. 12].

Полагаем, что Баренцев Евро-Арктический регион является примером успешно функционирующего трансграничного региона, в котором наблюдается тенденция усиления международного взаимодействия в различных областях экономики, социальной и общественно-политической жизни приграничных сообществ.

Каспийский регион, являясь одним из важнейших регионов мира в силу геополитических и геоэкономических особенностей, не может оставаться в стороне от глобальных процессов. Его можно рассматривать как формирующийся трансграничный регион, т. к. он активно вовлечён в процессы укрепления многосторонних внутрирегиональных связей, которые ярко демонстрируют «преференциальность отношений друг с другом, приоритетность развития внутригрупповых связей по отношению к внегрупповым, готовность ради этого предоставлять друг другу на взаимной основе особые права, льготы и привилегии» [2]. В рамках проведённого ранее исследования [3] мы предложили включить в Каспийский трансграничный регион прикаспийские территории пяти государств, имеющих выход к Каспийскому морю: *Азербайджан* – Северо-Восточный Азербайджан, регион Баку, Талышский регион; *Иран* – прикаспийские и граничащие с другими государствами региона останы (провинции), Восточный Азербайджан, Ардебиль, Гилян, Мазендаран, Голестан, Северный Хорасан, Хорасан Резави; *Казахстан* – Западно-Казахстанская, Атырауская и Мангистауская области; *Россия* – прикаспийские субъекты, расположенные в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах: Республика Дагестан, Республика Калмыкия, Астраханская область; *Туркменистан* – Балканский велаят.

Специфика интеграционных процессов, складывающихся сегодня в регионе, обусловлена рядом причин, главными из которых являются общие для постсоветского пространства проблемы выбора модели интеграции, а также специфические региональные проблемы, наиболее важными из которых являются следующие: наличие значительных запасов углеводородов; стратегическое положение на перекрёстке торговых путей и маршрутов транспортировки углеводородов; тесное переплетение интересов региональных и внерегиональных государств в энергетической области и в сфере международной безопасности; присутствие в регионе интересов транснациональных корпораций и других негосударственных акторов – финансовых организаций, религиозных движений и неправительственных организаций; наличие угроз внутреннего и внешнего порядка [7, с. 198–215]; неурегулированный правовой статус Каспийского моря.

Необходимость региональной интеграции – это вопрос сотрудничества не только в нефтяной сфере. Большие перспективы для развития сотрудничества имеются в торговле, политике, культуре, безопасности. ТГС может стать начальным этапом интеграции, способствуя согласованию общих интересов и определению перспектив партнёрства в различных областях. При этом опыт БЕАР может быть особенно полезным в формировании институциональной основы ТГС.

Исторические связи между государствами, наличие общей транспортной и экономической инфраструктуры на момент распада СССР, сложившаяся экономическая специализация региона и фактор взаимодополняемости экономических систем каспийских государств, тесные культурно-гуманитарные связи между их населением, наличие этнических меньшинств и диаспор на территории сопредельного государства, сотрудничество в области экологии, в науке, культуре, образовании – всё это можно рассматривать в качестве основы для развития трансграничного сотрудничества в Каспийском регионе. Однако, в отличие от БЕАР, препятствием на пути формирования сотрудничества выступают ряд факторов: специфика взаимоотношений прикаспийских государств, а также их отношений с многочисленными государственными и негосударственными акторами на региональном уровне, которая обуславливает многоуровневый характер соперничества в сфере тор-

гово-экономических и военно-политических интересов; наличие конкуренции в нефтяной сфере и слабая степень сотрудничества в не-нефтяной сфере. Важным, в данной связи, является адаптация опыта БЕАР по

преодолению экономических противоречий, а также культурное и научно-образовательное сближение каспийских государств, что может вывести ТГС на принципиально новый уровень.

Источники и литература

1. **Виноградова С. Н.** Институциональные основы организации научно-исследовательского сотрудничества в Баренцевом Евро-Арктическом регионе // Труды Кольского научного центра РАН. – 2015. – № 7. – С. 52–63.
2. **Куклина И.** Проблемы безопасности в Черноморско-Каспийском регионе // МЭМО. – 2002. – № 1. – С. 90–97.
3. **Литвишко О. М.** Трансграничное сотрудничество как механизм обеспечения национальных интересов современной России в Каспийском регионе: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – Пятигорск: ПГЛУ, 2015. – 221 с.
4. **Макаров В. А.** Трансграничное сотрудничество в Баренцевом Евро-Арктическом регионе: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – М., 2002. – 20 с.
5. **Пашковская И.** Европейский союз: помощь развитию России [Электронный ресурс] // Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. – 2006. – № 8. – Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/files/server/books/ad-13.pdf> (дата обращения: 13.04.2017).
6. **Петтерсен О.** Мечта, ставшая реальностью: региональное Баренцево сотрудничество. 1993–2003. – Архангельск: Информ. Баренц Центр, 2002. – 87 с.
7. **Allison R.** Regional Threat Perceptions and Risks of Military Conflict, in Auty R. M., De Soysa, I. (eds.) // *Energy, Wealth and Governance in the Caucasus and Central Asia. Lessons Not Learned.* – New York: Routledge, 2006. – PP. 198–215.

УДК 332.1:008(470.314/.317)

ББК У050.2:Ч14(2)(235.54)

Елена Владиславовна Хлыщева,
Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия

Трансгрессия региональной культуры как результат многовековых поликультурных процессов в условиях гетеротопного пространства Нижнего Поволжья¹

Регион представляет собой особую социокультурную реальность со специфической системой образов мира и культурных коммуникаций. На сегодняшний день именно регион является значимой единицей, на которую можно опираться при взаимодействии на разных уровнях. Особую роль выполняют пограничные регионы, являющиеся зоной пересечения культур и характеризующихся высокой проницаемостью культурных границ. Всё это актуализирует поиск сценариев безопасного сосуществования в едином культурном поле различных традиций и менталитетов.

Ключевые слова: культурная безопасность, пограничье, трансгрессия, поликультурность, миграция, гетеротопия

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ. Проект № 15-33-11172 а(ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии».

*Elena V. Khlysheva,
Astrakhan State University,
Astrakhan, Russia*

Transgression of regional culture as the result of many centuries polycultural processes in the heterotopiya space of Lower Volga

The region presents a special socio-cultural reality with specific system of world image and cultural communication. Today the region is the main real unit, on which we can base in interaction on different levels. The special role is carried out by the boundary regions which are zones of intersection of cultures characterized by high permeability of cultural boundaries. All these reasons force the searching of scenarios of safe coexistence in a single cultural field of different traditions and mentalities.

Keywords: cultural safety, frontier, transgression, multiculturalism, migration, heterotopiya

Регион как социокультурное пространство всегда самодостаточен и самобытен, т.е. обладает «внутренним социокультурным кодом» [8, с. 233], который интегрирует местную трансформацию природно-географических, геополитических, геоэкономических и других признаков и является доминирующим фактором выделения региона. Культурно-философская трактовка позиционирует регион как «особый микрокосм с нечёткими границами, жители которого обладают особым менталитетом» [1, с. 9], поэтому главное внимание здесь сосредоточено на культурной регионализации, которая акцентируется на процессе развития культурных моделей регионов и субрегионов, отличающихся социокультурными особенностями.

Россия представляет собой многонациональное и многоконфессиональное государство, где каждая национальная культура, в свою очередь, является единством многообразия, связанного с социокультурными различиями. Осмысливая культуру такой страны, как Россия, необходимо учитывать множество факторов, повлиявших на её облик. Здесь многое останется непонятным, если не принимать во внимание всю совокупность природных, географических, геополитических, социальных, демографических, конфессиональных и других факторов, оказавших воздействие на историю, культуру, политику и экономику страны.

Россия исторически отличается большим разнообразием, которое обусловлено «мозаикой местностей» [2] и существованием множества своеобразных культурных миров на огромной территории. Социокультурное разнообразие российских регионов – атрибут бытия и основа устойчивости Рос-

сийского государства, где каждый регион представляет «какую-то “иную” Россию» [3, с. 29]: Россию Центральную, Россию Сибири, Россию Дальнего Востока, Россию Нижнего Поволжья и т. д.

Проблемы коммуникации в поликультурном обществе острее всего стоят в зонах пересечения интересов, миграций, этнокультур, религий. Появление таких транскультурных образований актуализирует поиск сценариев сосуществования в едином культурном поле различных традиций и менталитетов. В условиях усиливающегося миграционного процесса повышение исследовательского интереса к феномену культурного пограничья актуально и неизбежно.

К числу пограничных и транскультурных образований может быть отнесена и область Нижнего Поволжья. Именно здесь, на пограничье Востока и Запада, особенно заметен синтез культур и религиозных конфессий. Нижневолжское пограничье рассматривается как «разновидность геокультурного пространства со специфичным, граничным типом культурогенеза, определившим формирование взаимопроникающих геополей: этнокультурного, природно-хозяйственного, конфессионального, лингвистического, политического, психологического и др.» [8, с. 234]. В результате этого взаимодействия оформляются и функционируют рубежные (граничные) культурные ландшафты, происходит объективация и репрезентация культурно-ландшафтных структур, которые в условиях границы отличаются многослойностью и динамичностью. Пограничье – не только определяющий фактор формирования, но и постоянная семиотическая зона, вне рамок которой они не могут существовать.

Культурное многообразие – показатель гетеротопности пространства, которое по своей природе изначально неустойчиво, и чем выше степень «пестроты», тем больше рисков этноконфликтных ситуаций. В русский город Астрахань, построенный на правом берегу Волги в 1557 году, переселялись жители старого Аштархана, из Ногайской Орды, соседних стран Каспийского побережья. Пришли торговые «гости» из Шемахи, Дербента, Тюмени, Юргенча с товарами. Прибыли послы Черкасс-Кабардинских, Пятигорских, Иверских земель, держащих путь через Астрахань в Москву. Все они били челом, чтобы «государь их пожаловал, велел бытию в своём имени и приказал бы астраханским воеводам беречи их от всех сторон» [10].

Население Астрахани пополнялось беглецами (крепостными крестьянами, криминальными элементами) с Севера Руси, иноземцами (немцами, шведами, поляками), которые, будучи захвачены в плен ногаями или казаками, искали удобного случая спастись от рабства под защиту русской власти [7]. Промышленные люди шли сюда на рыбный лов в устьях Волги и на разработку соли. Многих привлекала в Астрахани шумная торговая жизнь города и свобода от обычного в то время произвола приказных в коренной Руси.

Правительство, заинтересованное в заселении и хозяйственном освоении края, не преследовало беглых крестьян, вопреки своей политике делая исключение для Нижнего Поволжья. Уже в XVII веке предписывалось «с Астрахани и Саратова в верховые города посадских людей, бежавших на низовья Волги самовольно, не возвращать» [6].

Процесс ассимиляции народов Астраханского региона шёл тяжело. Каждый народ жил достаточно замкнуто, в своей слободе, пересекаясь с другими в основном по хозяйственным вопросам. Сильны были противоречия кочевых племен. В начале XVI века, нарушив уже сложившееся этническое равновесие между тюрским, татарским и русским населением, в Поволжье пришли калмыки, в результате чего татары были вынуждены покинуть многие места своих прежних поселений и расположиться поближе к русским гарнизонам.

Киргиз-кайсаки¹ появились в Нижнем Поволжье по договорённости с русским пра-

вительством в начале XVIII века под предводительством хана Младшего жуза Букея, по имени которого Орда получила название Букеевской. При Екатерине II для заселения окраин России (в том числе и Астраханских земель) приглашались иностранцы, множество льгот было дано немцам: свобода вероисповедания, выбор места поселения, самоуправление, освобождение от податей, налогов и всякого рода повинностей [5]. Поэтому на местах своего нового проживания немцы сохранили немецкий язык, веру (как правило, лютеранскую) и элементы быта.

Фундамент согласной и упорядоченной жизни практически сложился к концу XVIII века. Единая территория, пересечение в хозяйственной деятельности привели к появлению общих ценностей, что сплотило народы, населяющие регион. Здесь, как в огромном «плавильном тигле», стала выплавляться новая народность, когда «земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали точно они одного рода, оттого что поселились на одной земле, вступали в брак с друг с другом и оставались жить в этой земле» [4, с. 14].

Когда в рамках одного общества существуют люди с разными культурными традициями жизненно важно согласие относительно общих норм поведения, официального языка, праздников, внешнего вида, а также соотношения властных полномочий государственного и местного уровня, прав и обязанностей индивидов и сообществ. Решить эти вопросы бывает непросто, поскольку у представителей этнокультурных групп существует устоявшееся мнение о том, что считать правильным и неправильным, хорошим и плохим, а потому они не готовы с лёгкостью изменить своё поведение и образ мысли. Как следствие – происходит этнокультурное расслоение общества, этнизация социальных отношений и политизация повседневных конфликтов, сводя их до конфронтации «своего» и «чужого» [9, с. 81].

В конце XX века в Нижнем Поволжье проявились две тенденции: во-первых, край становится приграничным регионом и принимает значительную тяжесть миграционных волн из новых независимых государств, а также из конфликтных регионов Российской Федерации, прежде всего из Северного Кавказа; во-вторых, в связи с распадом СССР, здесь, как и во всех полиэтничных российских регионах, наблюдается рост этнического самосознания, который сопровождается усилением интереса к этнокультурным тра-

¹ В XVIII–XIX века русские называли киргизами самые разные тюркские народы: и собственно киргизов, и киргизов енисейских (хакасов, телеутов, щорцев), и казахов.

дициям и проявлением в той или иной степени национализма и этноконфессионального противостояния.

«Старые» этнические группы, исторически проживающие на территории Астраханского региона, восприняли переселенцев из Средней Азии и Северного Кавказа как «иных», проецируя своё отношение с ними через призму «свои – чужие». Результатом становится появление изолированных территорий, жители которых, замкнутые на себе посредством своего языка и культурных символов, оказались не готовы к коммуникационным взаимодействиям. Кроме того, специфическими особенностями новообразованных общин становится заметное преобладание мужчин и ярко выраженный религиозный характер.

Большое влияние на межэтнические отношения оказывает «культурная дистанция» – степень фактического различия во внешних признаках, поведении, образе жизни. Особенно стоит обратить внимание на низкий образовательный уровень переселенцев, приехавших в регион за последние несколько лет, что существенно затрудняет (или делает практически невозможным) социальную адаптацию к российским усло-

виям, и на рынке труда, и в быту. Как следствие, растёт культурная дистанция между мигрантами и местным населением.

Однако спецификой гетеротопного пространства является коренная ломка сложившихся стереотипов. Человек, попадающий во фронтальную гетеротопию, вынужден приспосабливаться к новым условиям, так или иначе «совершать так называемый акт трансгрессии» [11, с. 1], т. е. переступать через пределы традиционного поведения. Трансгрессия, по сути, является механизмом приспособления к новым условиям существования, которые позволяют человеку или обществу выживать в сложных условиях гетеротопии. Именно трансгрессия даёт возможность субъекту максимально успешно приспособиться к меняющимся условиям среды.

Гетеротопические пространства совмещают «несовместимое», демонстрируя возможность культурного диалога вместо фанатичного отстаивания своей этнической исключительности. Способность одного народа осваивать достижения другого, не подменяя своих – один из главных показателей жизнеспособности его культуры. Именно на этом пути взаимодействия культур складывается общечеловеческая культура, единая и вместе с тем многообразная.

Источники и литература

1. **Бусыгина И. М.** Концептуальные основы европейского регионализма // Регионы и регионализм в Западной Европе и России / под ред. Р. Ф. Ивановой. – М.: РАН, 2001. – С. 3–15.
2. **Даргын-оол Ч. К.** Культурный фактор регионализации современной России [Электронный ресурс] // Соционавтика: интернет-журнал социальных исследований. – Режим доступа: <http://www.socionavtika.narod.ru> (дата обращения: 03.04.2017).
3. **Казакова Г. М.** Регион как субкультурный локус: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01. – М., 2009. – 42 с.
4. **Отчёт Петровского общества исследователей Астраханского края.** – Астрахань, 1889.
5. **Указы императрицы Екатерины II (1775)** // Государственный архив Архангельской области. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 948.
6. **Указ о переселенцах из других мест** // ГААО. – Ф. 999. – Оп. 1. – Д. 47.
7. **Указ камер-коллегии о разрешении шведским пленным жить в городах** // ГААО. – Ф. 394. – Оп. 4. – Л. 43.
8. **Хлыщёва Е. В.** Регион как социокультурный феномен современного мира: методология исследования // Вестник КГУ. – 2009. – Т. 15, № 3. – С. 232–237.
9. **Хлыщёва Е. В.** Современные культурные тенденции в региональном пространстве Астраханского края // Генезис. Фронтир. Наука: сб. науч. ст. / под ред. А. П. Романовой, Е. В. Хлыщевой, С. Н. Якушенкова. – Астрахань, Изд. Сорокин Р. В., 2013. – С. 78-85.
10. **Челобитные частных лиц по разным вопросам** // ГААО. – Ф. 1. – Оп. 6. – Т. 2. – Д. 2150. – Л. 231.
11. **Якушенкова О. С.** Религиозная трансгрессия в условиях гетеротопии // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 113. – С. 1–11.

УДК 908(571.55)

ББК 26.89(2Рос-4чит)

Роман Александрович Афанасьев,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Забайкальский край – один из объектов изучения трансграничного треугольника: Китай, Россия, Монголия

Статья посвящена вопросам, связанным с проблемой изучения трансграничного трехзвенного взаимодействия между Россией, Китаем и Монголией. Проанализирована роль отдельного региона (на примере Забайкальского края) в установлении различного рода связей с приграничными территориями других государств. Сделаны выводы о качественной эффективности существующих контактов между странами. Отмечена низкая привлекательность региона для иностранных инвесторов. Создано представление о сложившейся ситуации в субъекте РФ. Выделены объективные и субъективные трудности для дальнейшего взаимодействия. Проведена попытка прогнозирования дальнейших путей развития трансграничного взаимодействия.

Ключевые слова: Забайкальский край, трансграничная территория, приграничная территория, взаимодействие, качественные изменения

Roman A. Afanasev,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Zabaykalsky Krai is One of the Objects of Study of Transboundary Triangle: China, Russia, Mongolia

This article is devoted to issues related to the problem of studying three-tier cross-border cooperation between Russia, China and Mongolia. Analyzed the role of a particular region, for example in Zabaykalsky Krai, in establishing various kinds of relations with border areas of other States. The findings of the qualitative effectiveness of existing contacts between the two countries. The low attractiveness of the region for foreign investors. You created the view on the current situation in the Russian Federation. Objective and subjective are allocated difficulties for further cooperation. Try to predict the future path of development of cross-border collaboration.

Keywords: Zabaykalsky Krai, trans-border area, border area, interaction, qualitative changes

Сегодня проблема изучения трансграничного взаимодействия является актуальной для России, установление добрососедских отношений – одна из характеристик современного взаимодействия с Китаем и Монголией. Территория Забайкальского края имеет особое значение буферной зоны, то есть является непосредственно граничащей и устанавливающей возможность наиболее качественного взаимодействия между приграничными государствами. К сожалению, потенциал таких территорий редко недооценивается государством, как следствие, выделяется их слабая развитость в экономическом плане. За основу можно взять и другую сферу жизни общества, но, по моему субъективному мнению, именно определяющий

экономический потенциал. История показывает, что государства, обладающие стабильной экономикой, наиболее привлекательны для зарубежных инвесторов.

Забайкальский край расположен географически таким образом, что имеет границу с двумя странами: Монголией протяжённостью 831 и 1095 км – с Китаем. Территория в разное время имела неодинаковое значение, её роли менялись от объективных предпосылок: угрозы военного вторжения, выстраивания дипломатических отношений и др. [6]. Всегда оставалось неизменным только одно – её важность... Сегодня субъект по-прежнему остаётся одним из важнейших плацдармов для установления трансграничных отношений.

Субъект имеет две двусторонние связи с сопредельными аймаками Монголии. Сотрудничество Забайкальского края с Монголией строится на основании соглашения между Правительством Забайкальского края Российской Федерации и Администрацией Восточного аймака Монголии о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве (от 05.06.2009 г.) [7]; соглашения между Правительством Забайкальского края Российской Федерации и Администрацией Хэнтийского аймака Монголии о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве (от 8.05.2010 г.) [Там же]. С Китаем – на основании соглашения между Правительством Забайкальского края Российской Федерации и Народным Правительством Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве (от 23.06.2010 г.) [Там же]; соглашения между Правительством Забайкальского края Российской Федерации и Народным Правительством провинции Хэйлунцзян Китайской Народной Республики о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве (от 16.06.2010 г.) [Там же]. Отсутствие нормативно-правовой базы установления трёхсторонних связей между субъектом РФ, Монголией и Китаем затрудняет взаимодействие в рамках трансграничного треугольника.

В настоящее время отмечаются положительные тенденции установления контактов между приграничными странами, переговоры глав государств на полях саммита ШОС 2016 года закончились подписанием программы экономического коридора трёх стран, включающей свыше тридцати перспективных проектов [5]. Скорее всего, Забайкальский край не останется без внимания, и часть проектов будут реализованы непосредственно через приграничные территории страны. На сегодняшний день экономические связи между тремя государствами находятся на довольно высоком уровне. Статистические данные говорят о высоком товарообороте и довольно качественных изменениях в отношениях за последние десятилетия.

Особого внимания заслуживает уровень развития края по отношению к другим субъектам РФ. Рейтинг информационного агентства *Credinform* – одного из ведущих поставщиков экономической информации

на территории Российской Федерации, – анализируя уровень экономического развития регионов, выделяет 3 группы регионов, третья – характеризуется самым худшим состоянием социально-экономического развития [4], в неё входит Забайкальский край (занимает 70-е место из 85 возможных). Как же всё-таки получилось, что важнейшая приграничная область имеет такие низкие показатели?! К примеру, если сравнивать приграничные территории со стороны Китая (провинция Хэйлунцзян, г. Маньчжурия) и России (Забайкальский край, пгт. Забайкальск), то можно прийти к выводу о различном уровне промышленного развития двух регионов. Маньчжурия – промышленный центр Китая, с хорошо отлаженной инфраструктурой и значительной численностью людей, Забайкальск же не может этим похвастаться. На территории Маньчжурии созданы условия для процветания туризма, комфортного пребывания граждан различных стран. С точки зрения установления более эффективного взаимодействия между государствами, следует уделить особое внимание развитию данных территорий РФ, также стоит обратить внимание на значимость приграничного положения.

Забайкальский край обладает огромным потенциалом для экономической модернизации, но всё осложняет суровость климата, нестабильность в экономическом отношении и т. д. Инвестиционная составляющая присутствует, но в незначительной степени. Инвестиции сегодня рассматриваются как реальный аспект международного взаимодействия. Привлечь же инвестиции возможно, стабилизировав социально-экономическую ситуацию в регионе, обеспечив реальную безопасность иностранного капитала. Для качественного взаимодействия между странами трансграничного треугольника (Китай, Монголия, Россия) необходимо создать высокоразвитые территории, способствующие эффективной торговле.

Монголия предлагает проект эффективного экономического взаимодействия между странами посредством создания «Степного пути». «Степной путь» предполагает вливание инвестиций в инфраструктуру Монголии, т. е. создание сетей автодорог, ремонт железнодорожных магистралей, нефтяных и газовых проводов энергетических линий между Россией и Китаем [3]. Монголия будет представлять собой транзитный коридор для осуществления трёхсторонней

торговли. Можно предположить, что проект позволит связать три страны в единый экономический комплекс.

Монголией сегодня используется не весь возможный потенциал собственной территории. Страна богата полезными ископаемыми, в связи с чем иностранные компании заинтересовались перспективными возможностями освоения залежей. России следует не упускать возможность вливания собственного капитала в предприятия различного рода промышленного сектора Монголии, в перспективе реально возвращение средств за счёт прибыли от их функционирования.

Исследователи обозначают множество перспектив трёхсторонних контактов и не выделяют значимость кого-то отдельно региона, все страны-участники являются равноправными членами сотрудничества. Забайкальский край в этих условиях должен выступить основным посредником установления связей между тремя государствами.

Трансграничный треугольник Китай, Россия, Монголия представляет собой проект с перспективой на будущее. Существует

реальная возможность создать взаимосвязанную комплексную экономику, способную отвечать вызовам времени, где каждое государство-участник сможет извлечь для себя выгоду и достичь собственного процветания. Сложно на современном этапе судить об эффективности взаимодействия, так как не все задуманные проекты осуществлены, но уже есть положительные тенденции:

- высокий уровень товарооборота между странами-участницами;
- запуск новых проектов;
- регулярные встречи глав государств.

За основу политики трёх государств в рамках трансграничного взаимодействия берётся сотрудничество, и это не только экономика. Наука заслуживает не меньшего внимания, постоянные обмены студентами, научные экспедиции, организованные в рамках трёхстороннего взаимодействия, говорят о более тесных контактах. Таким образом, можно сделать вывод, что установленные связи между Китаем, Монголией и Россией находятся на довольно высоком уровне, но как они будут развиваться в дальнейшем – покажет время.

Источники и литература

1. **Атанов Н. И.** Современное состояние внешнеэкономического сотрудничества Республики Бурятия и Забайкальского края с Китаем и Монголией [Электронный ресурс] // Внешняя торговля. – 2012. – Режим доступа: <http://www.oreibsc.ru/arhiv/2014/beu140326.pdf> (дата обращения: 09.04.2017).
2. **Закон Забайкальского края** «О стратегических направлениях развития Забайкальского края на период до 2025 года и программе социально-экономического развития Забайкальского края на 2010–2014 годы». Ч. 2. «Программа социально-экономического развития Забайкальского края на 2010–2014 годы» от 26.12.2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.docs.cntd.ru/document/922220917> (дата обращения: 09.04.2017).
3. **Исаев А.** Информационно аналитическое агентство восток России [Электронный ресурс] // Выбор Монголии – «Степной путь». – Режим доступа: <http://www.eastrussia.ru/material/vybor-mongolii-stepnoy-put> (дата обращения: 09.02.2017).
4. **Кредитформ.** Рейтинг социально-экономического развития регионов. Табл. 6. Регионы третьей группы. Субъекты РФ с 61-е по 85-е места по уровню социально-экономического развития» от 07.04.2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.credinform.ru/ru-RU/herald/details/19c92def28d9> (дата обращения: 09.02.2017).
5. **Латухина К.** Россия, Китай и Монголия создадут экономический коридор [Электронный ресурс] // Российская газета. – Режим доступа: <https://www.rg.ru/2016/06/23/rossiya-kitaj-i-mongolija-sozhdadut-ekonomicheskij-koridor.html> (дата обращения: 09.02.2017).
6. **Новиков А. Н.** Приграничное положение Забайкальского края в трансграничном трёхзвенном регионе: роль в территориальной организации населения и хозяйства [Электронный ресурс] // Введение. – 2015. – Режим доступа: <http://www.file:///G:/Книги,%20литература/Трансграничье/Новиков-ЗабГУ.pdf> (дата обращения: 09.02.2017).
7. **Официальный портал Забайкальского края.** Министерство международного сотрудничества, внешнеэкономических связей Забайкальского края [Электронный ресурс] // Документы. – Режим доступа: <http://www.минмсвэст.зabayкальскийкрай.pf/documents/search.html> (дата обращения: 19.04.2017).
8. **Первых И.** XII Международный торгово-экономический форум России, Монголии и Китая стартовал в Чите [Электронный ресурс] // ГТРК Чита. – 2016. – Режим доступа: <http://www.tpprf.ru/ru/news/rossiya-kitay-mongoliya-perspektivy-trehstoronnego-sotrudnichestva-i147360> (дата обращения: 09.02.2017).

9. **Портал внешнеэкономической информации:** аналитическая справка о российско-китайском торговом сотрудничестве в 2015 году [Электронный ресурс] // Общая характеристика российско-китайской торговли и факторов, оказавших влияние на её развитие. – 2015. – Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_ru_trade (дата обращения: 09.04.2017).

10. **Туровский Р.** Забайкальский край: итоги – 2015, тенденции – 2016 [Электронный ресурс] // Одна из проблем Забайкалья – дефицит прорывных проектов. – Режим доступа: <http://www.eastrussia.ru/material/zabaykalskiy-kray-itogi-2015-tendentsii-2016> (дата обращения: 09.04.2017).

УДК 502/504
ББК 28.080

Любовь Михайловна Блохина,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Формирование имиджа Забайкальского края как приграничной территории в рамках включения региона в концепцию развития Дальнего Востока и Байкальского региона¹

Данная статья посвящена формированию имиджа Забайкальского края как приграничной территории. В статье рассмотрены основные трактовки приграничного региона, а также дано обоснование о взаимосвязи приграничного положения и имиджа региона. Проанализированы основные нормативно-правовые акты, направленные на развитие Забайкалья. Также в материале дана характеристика опыта реализации маркетинговых проектов среди городов Дальнего Востока и выявлены основные недостатки маркетинга территорий.

Ключевые слова: Забайкальский край, приграничный регион, имидж региона, межгосударственное взаимодействие

Lubov M. Blohina,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

The Image Formation of the Zabaikalsky Region as a Ffrontier Territory in the Framework of Inclusion of the Region in the Concept of Development of the Far East and the Baikal Region

This article deals with the formation of the image of the Zabaikalsky region as a frontier territory. The article considers the main interpretations of the cross-border region, as well as the substantiation of the relationship of border position and image of the region. Analyzed the main normative-legal acts aimed at development of TRANS-Baikal. Also in the material the characteristic of the experience of implementation of marketing projects among the cities of the Far East and identified the main weaknesses of the marketing areas.

Keywords: Zabaykalsky region, border region, image of region, interstate cooperation

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы №217-ГР.

В условиях активных глобализационных и интеграционных процессов возрастает значимость формирования имиджа не только определённых продуктов и товаров, созданных человеком, но и имиджа стран, регионов, городов и населённых пунктов. Сегодня территории пытаются сформировать такой образ, который бы соответствовал современным тенденциям экономической, социокультурной и политической жизни, раскрывая уникальность региона. Особо стоит выделить важность формирования имиджа приграничных регионов, которые в силу своего геополитического положения играют важную роль как на внутрисоциальном уровне, так и на международной арене, что оказывает влияние на их позиционирование и сложившееся восприятие в обществе.

Ведь одной из специфических особенностей международной деятельности таких регионов является приграничное сотрудничество, в рамках которого внешнеэкономическая деятельность играет важную роль в развитии территории, частично способствуя преодолению негативных проявлений периферийности, окраинности, приграничности региона в национальной экономической системе [12].

Приграничный регион, как и любой другой субъект в Российской Федерации, является открытой социально-экономической системой, обладающей собственным самостоятельным выбором экономического вектора развития, а также улучшения социального благополучия граждан, проживающих в пределах данного субъекта. Однако эта территория очень сильно зависит от внешних факторов (экономическая интеграция с сопредельными государствами, развитие взаимовыгодных внешнеэкономических связей, представление и отстаивание геополитических интересов государства в целом). Поэтому, как отмечает Р. В. Кондратов при обсуждении вопросов приграничной политики, для государства важно сегодня развивать приграничные регионы. Ведь данные субъекты - это своего рода визитная карточка страны, по которой формируется представление о развитии самого государства, её позиции на мировой арене, а также геополитические и экономические интересы в условиях интеграции в мировом пространстве [5].

В научной литературе существует множество трактовок к пониманию приграничного региона. Однако не все они достаточно конкретизированы и имеют в своей основе лишь определённые аспекты. Так, напри-

мер, согласно мнению П. Шмитта-Эгнера и С. Райха, под приграничным регионом понимается территориальная единица со сложившимися историческими, социально-экономическими и культурными общностями в сочетании с частично сформированными политическими институтами и автономиями. Примерно такой же точки зрения придерживаются и отечественные исследователи Ю. Н. Баженова и К. Е. Никульниченко [2]. Согласно рамочной Конвенции о приграничном сотрудничестве Совета Европы, принятой в 1980 году, приграничным считается регион, обладающий общностью интересов с сопредельными государствами и функциональной взаимозависимостью [3]. В свою очередь, в официальных российских документах о приграничном сотрудничестве (распоряжение Правительства РФ об утверждении концепции приграничного сотрудничества [10], Федеральный закон «О государственной границе» [13]), приграничье определяется как территория, включающая в себя пограничную зону, с прилегающими к ней частями вод пограничных рек, озёр и иных водоёмов Российской Федерации, где установлен пограничный режим. Также приграничными территориями считаются административные районы и города, санаторно-курортные зоны, особо охраняемые природные объекты и другие территории, прилегающие к государственной границе Российской Федерации.

В настоящее время, согласно принятой в 2016 году Концепции внешней политики, Россия рассматривает укрепление своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также расширение взаимоотношений с государствами, входящими в данный альянс, посредством социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока [6]. Поэтому сибирские и дальневосточные приграничные территории для нашего государства являются важнейшим геополитическим ресурсом, развитие которого связано не только с внутрисоциальным курсом страны, но и со спецификой международных связей, складывающихся в ходе приграничного сотрудничества. Стоит отметить, что продвижение данных территорий также связано с задачами по ускоренному социально-экономическому развитию Дальнего Востока и Сибири, а также иными распоряжениями Правительства, направленное на формирование устойчивой экономической политики, обеспечение социальной стабильности этих

территорий, развитие их конкурентных преимуществ перед приграничьем сопредельных государств [9].

Одним из важных приграничных регионов России, находящихся в близости со странами АТР, является Забайкальский край. Сегодня Забайкалье в силу своего геополитического положения активно сотрудничает с приграничным районом Китая (Внутренняя Монголия и провинция Хэйлунцзян) и Монголии (Восточным и Хэнтийским аймаками). В настоящее время внешнеторговый оборот в рамках приграничного сотрудничества в 2016 году составил 481,5 млн долл. Реализуются совместные программы торгово-экономического, научно-технического и культурного характера [8]. Однако, несмотря на территориальный и экономический потенциал, Забайкальский край остро нуждается в имиджевых трансформациях, которые позволили бы выстроить внешнеэкономическое сотрудничество региона гораздо эффективнее. Ведь создание наиболее позитивного, инвестиционно-привлекательного имиджа региона отражает уникальные особенности территории, при этом формируя благоприятный инвестиционный климат, определяя базовую среду информационно-коммуникационного контента, которая содержит сведения о самом регионе и его особенностях.

Исходя из этого, стоит отметить, что Забайкалье, согласно официальной статистике национального рейтинга, является регионом, менее привлекательным для потенциальных инвесторов [7]. Это обусловлено рядом причин: отсутствие благоприятной административной среды, низкая обеспеченность законодательного закрепления, слабая инфраструктура, слабое использование механизмов государственно-частного партнёрства, недостаток финансирования, мало уделяется внимания презентации самого региона на федеральном и международном уровне, внутренние социально-экономические проблемы региона.

Таким образом, можно сказать, что формирование благоприятного инвестиционного имиджа Забайкальского края позволит не только развивать регион на федеральном уровне, реализуя основные цели и задачи программ, концепций развития, но и увеличит его возможности в осуществлении внешнеэкономической деятельности как приграничной территории.

Однако для формирования благоприятного инвестиционного имиджа властям

Забайкальского края стоит обратить внимание на совместную работу с имеющимися иностранными инвесторами и разработку правильной и эффективной имиджевой стратегии по продвижению региона [11]. Ведь в последние годы интерес иностранных инвесторов возрос к данному субъекту. Например, проведённый торгово-промышленный форум 2016 года показал эту заинтересованность представителей сопредельных государств, которые активно высказывались в развитии Забайкалья как туристической территории, так и территории благоприятной для формирования торгово-промышленного сектора. Поэтому необходимо, формируя доверительные отношения, применять качественный подход в определении этих интересов, которые впоследствии перерастут в приоритетные направления развития, т. к. именно такое межрегиональное взаимопонимание может стать настоящим локомотивом межгосударственного взаимодействия.

К сожалению, на данном этапе в направлении формирования имиджа Забайкальского края очень мало предпринято каких-либо действий. Если в 2013 году К. К. Ильковский высказывался о том, что необходимо заниматься этим вопросом, то при новом правительстве под руководством Н. Н. Ждановой вопрос об имидже не является первостепенным. В настоящее время восприятие Забайкальского края в глазах общества, как отмечает С. М. Жиряков, улучшается [4]. Однако сегодня не существует специальных организаций или советов, которые, так или иначе, занимались маркетингом территории; существует множество исследований, которые были сделаны в данной сфере, но результаты этих исследований так и не получили своего практического назначения, не разработаны сами концепции маркетинга, а регион продвигается только за счёт уже имеющихся контактов и связей местной администрации.

Сравнивая Забайкальский край с другими крупными регионами Дальнего Востока и Байкальского региона, стоит отметить, что в субъектах функционируют специальные центры по разработке, продвижению и поддержанию имиджа региона. Например, на Дальнем Востоке сформирован Фонд содействия комплексному развитию и брендингу территорий, который в 2012 году разработал концепцию по формированию имиджа Владивостока для проведения саммита АТЭС и продолжает поддерживать данное воспри-

ятие [14]. В Иркутской области и Республике Бурятия одним из основных уникальных объектов стало озеро Байкал, в отношении которого также были разработаны новые современные маркетинговые проекты, направленные на привлечение как туристов, так и инвесторов [1]. Очень эффективно применяются методы маркетинга территории посредством организации событийного туризма в Хабаровске, Якутии, Южно-Сахалинске и т. д.

Однако, несмотря на преимущества в рамках реализации проектов по формированию имиджа данных субъектов, можно выделить ряд проблем, которые характерны как для Забайкалья, так и для других регионов Дальнего Востока и Байкальского региона. Во-первых, мало в каких регионах существуют постоянно действующие программы по формированию и продвижению имиджа региона. Во-вторых, маркетинговые проекты требуют больших финансовых вложений, и мало таких регионов, которые могут позволить себе это. В-третьих, ещё существует некоторого рода недопонимание, как теоретического, так и практического характера об особенностях, преимуществах и недостатках формирования имиджа. В-четвёртых, в субъектах Дальнего Востока недостаточно специалистов по маркетингу мест. В-пятых, во многих регионах слабый уровень жизни, что просто не даёт возможности заниматься данным направлением, а в первую очередь все действия направлены на решение социально-экономических задач. В-шестых, формированием имиджа региона частично занимаются только власти субъекта, несмотря

на то, что в данном процессе должны быть заинтересованы и задействованы как представители бизнеса, так и само общество. В-седьмых, чаще всего допускаются ошибки в маркетинговых проектах в силу отсутствия знаний о потребностях целевой аудитории, на которую направлен проект, а также плохо разработана визуальная айдентика. В-восьмых, в регионах мало разработан информационно-коммуникационный контент, посредством которого можно презентовать регион и заявлять о его особенностях и интересах.

Таким образом, можно подвести итог: Забайкальский край – уникальный регион, отличающийся приграничным положением и близостью к странам АТР, остро нуждающийся в формировании позитивного, инвестиционно-привлекательного имиджа. Сегодня важно систематизировать все наработанные данные о регионе и сформировать проект по улучшению имиджа данного субъекта, проанализировать интересы граждан и иностранных инвесторов, а также разработать информационную площадку по продвижению проекта, основываясь на опыте других регионов Дальнего Востока и Сибири и определяя конкурентные преимущества Забайкалья. Только тогда сформированный ориентированный на потребителя маркетинговый проект по улучшению имиджа, а также при комплексном подходе, может стать высокоэффективным инструментом стимулирования социально-экономического развития Забайкальского края как приграничной территории, укрепляя позиции в отношениях с сопредельными странами.

Источники и литература

1. **Александрова М.** Иркутская область и Республика Бурятия «возьмутся» за Байкал // Гражданская сила.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gr-sily.ru/ekologiya/irkutskaya-oblast-i-respublika-buryatiya-voz-mutsya-za-bajkal-23869.html> (дата обращения: 01.04.2017).
2. **Воробьева И. Н.** К вопросу о конкретизации понятия приграничного региона // Вестник алтайской академии экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 57–60.
3. **Европейская рамочная конвенция** о приграничном сотрудничестве 1980 г. [Электронный ресурс] // ТехЭксперт: электронный фонд правовой и нормативно-творческой документации. – Режим доступа: <http://www.docs.cntd.ru/document/901734774> (дата обращения: 23.03.2017).
4. **Жиряков С. М.** Благодаря действиям Ждановой и её команды у забайкальцев исчезает пессимизм [Электронный ресурс] // Забмедиа. – Режим доступа: https://www.zab.ru/news/93299_zhiryakov_blagodarya_dejstviyam_zhdanovoj_i_ee_komandy_u_zabajkalcev_ischezaet_pessimizm (дата обращения: 01.04.2017).
5. **Кондратов Р.** Экономическое развитие приграничных регионов – приоритетная задача [Электронный ресурс] // Прима Медиа: информ. агентство. – Режим доступа: <http://www.primamedia.ru/news/118602/> (дата обращения: 21.03.2017).
6. **Концепция внешней политики** Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел России. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 21.03.2017).

7. **Официальный сайт** Министерства иностранных дел РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii-/asset_publisher/ykggrK2nCl8c/content/id/2304406 (дата обращения: 24.03.2017).

8. **Официальный сайт** Национального рейтингового агентства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ra-national.ru/ru/node/59404> (дата обращения: 22.03.2017).

9. **Распоряжение Правительства** о концепции развития приграничных территорий субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона [Электронный ресурс] // ТехЭксперт: электронный фонд правовой и нормативно-творческой документации. – Режим доступа: <http://www.docs.cntd.ru/document/420313859> (дата обращения: 24.03.2017)

10. **Распоряжение Правительства РФ** об утверждении концепции приграничного сотрудничества [Электронный ресурс] // ТехЭксперт: электронный фонд правовой и нормативно-творческой документации. – Режим доступа: <http://www.docs.cntd.ru/document/901780926> (дата обращения: 21.03.2017).

11. **Топоркова Е. П.** Имидж и бренд приграничной территории: человеческий капитал и технологии развития. – Чита: Поиск, 2015. – 166 с.

12. **Топоркова Е. П., Чжоу Лися.** К вопросу исследования имиджа территорий России в Китае: приграничный аспект // Региональные проблемы. – 2015. – № 1. – С. 48-51.

13. **Федеральный закон «О государственной границе»** [Электронный ресурс] // ТехЭксперт: электронный фонд правовой и нормативно-творческой документации. – Режим доступа: <http://www.docs.cntd.ru/document/9033575> (дата обращения: 21.03.2017).

14. **Фонд содействия комплексному развитию** и брендингу территорий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.brandfond.ru/vladivostok-kak-brend-reshenie.php> (дата обращения: 01.04.2017).

УДК 94(367):39

ББК ТЗ(2)4:Т51(2)-423

Михаил Иванович Харламов,

*Национальный университет гражданской защиты Украины,
г. Харьков, Украина*

Древнеславянский приграничный город Донец: история зарождения, развития и упадка

В статье рассматриваются научно актуальные вопросы развития древнеславянского поселения Донец, которое располагалось на границе между оседлыми племенами и воинственными племенами степных регионов. Охарактеризованы природные и некоторые экономические характеристики города Донец. Также рассмотрены некоторые аспекты жизнедеятельности города в период его вхождения в состав государства Киевская Русь.

Ключевые слова: Донецкое городище, славяне, кочевые племена, граница, Киевская Русь

Mikhail I. Kharlamov,

*National University of civil protection of Ukraine,
Kharkov, Ukraine*

Old Slavic Border Town Donets: History of the Origin, Development and Decline

The article considers topical issues of scientific development of ancient Slavic settlement Donets, which was located on the border between the settled tribes and tribes of the steppe regions. Is characterized natural and some of the economic characteristics of the city of Donets. It also discusses some aspects of city life in the period of his entry into the state of Kievan Rus'.

Keywords: Donets settlement, the Slavs, the nomadic tribes, border, Kievan Rus

На берегу реки Уды, недалеко от посёлка Карачевка, Харьковского района, Харьковской области, в 5 км от современного украинского города Харьков ещё в конце II тысячелетия до н. э. существовало поселение срубной археологической культуры бронзового века, которое известно у современных археологов и историков как Донецкое городище. Донецкое городище – многообразный историко-археологический памятник, который находился на границе между оседлыми племенами и кочевыми, скифами и меланхленами, между славянами и печенегами, половцами, монголо-татарами.

Природные условия в этой местности были очень благоприятны. На левом берегу реки Уды располагались обширные луга. Неподалеку были разбросаны небольшие, мелководные озёра и пруды [1, с. 21]. Леса, которые окружали Донецкое городище, славилась многообразием птиц и диких зверей. Были распространены куропатки, утки-гоголи, ястребы, фазаны, косули, медведи, кабаны, волки, зайцы, лисы и т. д.

В VI веке до н. э. – на территории Донецкого городища сооружаются первые городские укрепления из дерева и земли. Из вещественных остатков этого периода существования поселения можно выделить остатки глиняной посуды в виде горшков, украшенных вдоль края венчика пальцевыми вдавлениями и проколами, мисок с загнутыми внутрь краями. Также были раскопаны пряслица из глины, железные ножи, части сбруи лошади, наконечники стрел и прочее.

Сопоставление исторических материалов даёт нам возможность полагать, что в раннем железном веке в исследуемом селеении проживало племя меланхленов, основой хозяйствования которых было земледелие. На территории городища меланхлены, предположительно, проживали с конца VI по IV века до н. э. Эти племена создавали много поселений на территории современной Харьковщины. В частности, известны поселения в Большой Даниловке, Алексеевке, Померках, Залютино, недалеко от железнодорожной станции Новая Бавария [4, с. 33].

Разнообразные племена жили на территории современной Харьковской области ведя земледельческий способ жизни, периодически воюя между собой и с пришлыми народами. Лесостепных меланхленов вытеснили сарматы. В эпоху Раннего Средневековья племена местного ираноязычного населения были покорены и ассимилированы племенами славян.

Основными направлениями хозяйствования ранних славян, которые жили на Донецком городище, были: пашенное земледелие и скотоводство, которые дополнялись охотой и рыболовлей. Местные жители этого периода выращивали пшеницу, рожь и лён. Лён использовали для получения волокна, из которого делали распространённый вид ткани – полотно. Из льняных семян производили масло, которое использовали для освещения. Со временем стали выделяться такие ремёсла: добыча и обработка металла, гончарное ремесло. Местное население поддерживало торговые связи с купцами из восточных стран. С ними торговали кожей, зерном, льном, мехом, воском и мёдом. Из стран востока поставлялись украшения, вино, монеты. Существовала также торговля дончан и с соседними племенами салтовской археологической культуры [2, с. 17]. Основным видом транспорта для сухопутной торговли была тяжёлая и громоздкая телега с массивными деревянными колесами, укреплёнными на деревянной оси. Тягловой силой, преимущественно, служили волю. Лошади же служили в основном для верховой езды.

В начале X столетия на славянские земли пришли племена печенегов. Естественно, что одними из первых славянских жителей, которые испытали удар кочевников стали жители приграничного города Донец. Исследования, которые проводили на территории городища в посёлке Карачевка, не только раскрыли картину внезапного нападения войск кочевников, но и показали, что довольно скоро после разрушения город был восстановлен. Появление «нового» города и «нового» населения (по результатам раскопок видны кардинальные отличия между населением «до» и «после» печенежского разрушения города Донец) наиболее вероятно связано с деятельностью князя Киевской Руси Святослава Игоревича, который активно в те годы проводил политику укрепления границ своего государства. Вероятно, что князь воспользовался ситуацией, которая привела к разрушению поселения Донец. Печенеги не смогли укрепиться на территории приграничной к степи, разрушив город, – ушли, а на месте пепелища быстрыми темпами Донец был восстановлен силами киевской власти. В X веке город вошёл в состав Киевской Руси.

Территория верхнего течения реки Донец входила в сферу влияния славянского племени северян. После вхождения Северной земли в состав объединённого Киевско-

го государства она не имела полноценного самостоятельного управления и находилась в подчинении у князей Киева. В X–XIII столетии город на реке Уды существовал уже не только как экономический торгово-ремесленный центр, но и приобретал большое значение как оборонительный форпост на южной границе славянского государства. Строились земляные валы и деревянные стены, копались глубокие рвы.

Основная масса населения жила в городском посаде, который в X–XIII столетии был густо заселён. Значительная часть горожан по-прежнему занимались сельским хозяйством, но также существовали и люди, которые занимались торговлей и ремёслами. Изучая зёрна, которые были найдены в хозяйственных ямах, а также отпечатки растений на стенках керамики, учёные выяснили, что местное население выращивало рожь, пшеницу, ячмень, просо, гречиху, горох, лён, мак и овёс [5, с. 29].

В период вхождения города Донец в состав Киевского государства там очень активно развивалось и домашнее скотоводство. По останкам костей был сделан вывод о распространённости в поселении коров, лошадей, овец, коз, свиней, кур, собак и кошек, хотя последние и были достаточно редким явлением в Киевской Руси. Жители города активно занимались охотой на лося, медведя, оленя, кабана, зайца, бобра, волка, куницу и так далее, били также и птицу: утку, крякву, глухаря, куропатку, цаплю. В водоёмах неподалёку от Донца водилась рыба: щука, карась, сом, плотва, лещ, краснопёрка, линь, сазан, вырезуб и другая. Из рыболовных орудий археологами были найдены железные крючки, остроги, зубья и грузила для сетей.

Огромное значение для экономики города Донец имели различные промыслы и ремёсла. Вся посуда, которой пользовались местные жители, была сделана на гончарном круге и отличалась прочностью и красотой. Кроме гончаров в городе работали и представители других профессий. Существовало местное железорудное производство. Были найдены остатки железных шлаков, крицы, куски руды, наковальни, зубила, щипчики для ювелирных работ, глиняные и каменные формочки [5, с. 34].

Дончане, по-видимому, славились также обработкой кости и рога. Во многих местах найдены костяные ручки от ножей и инструментов, гребни, пуговицы, свистки, игральные кости, пряжки, пластинки с узо-

рами, костяные части луков и колчанов, застёжки. Историки Византии указывали, что резьба по кости в XII веке считалась специфическим славянским мастерством. Следует отметить, что недостаточно информативного материала о «деревянном» ремесле, поскольку дерево плохо сохраняется в земле. Однако найдены обуглившиеся деревянные свистки, специальные инструменты для работы по дереву – долота и стамески, что свидетельствует о развитости данного промысла. Существовало также «каменное ремесло» – из сланца и песчаника делали точильные бруски, из мела вырезались литейные формы и игрушки, из фосфорита и песчаника – жернова. На территории города широко были распространены украшения для женщин: подвески из серебра, бронзы, перламутра; бронзовые браслеты, кольца и перстни, браслеты из цветного стекла, разнообразные бусы и т. п. [3, с. 146].

Необходимо отметить, что у местных жителей с X столетия активно распространяется христианство. При исследованиях детинца города было обнаружено множество бронзовых, мраморных, янтарных, глиняных крестиков и даже крестиков из мела. Однако старые традиции, связанные с язычеством, продолжали существовать параллельно с традициями христианства. Так, на Донецком городище были обнаружены сигарообразные стержни, которые являлись раковинами белемнитов – ископаемых моллюсков, которым много миллионов лет. Они использовались в языческих обрядах, их называли «чертовыми пальцами», и по поверьям они могли лечить разные болезни.

Город Донец играл важную роль в развитии торговли Древнеславянского государства. Торговцы использовали как сухопутные, так и водные пути по Донцу и Дону. Одним из популярных торговых направлений в этот период была торговля между Северщиной и Тмутараканским княжеством. До начала XIII века приграничный город Донец развивался в сравнительно благоприятных условиях как важный экономический центр. Однако в XIII столетии Северское княжество получает страшный удар со стороны монголо-татарских орд. Наиболее трагическим для этих земель стал 1239 год. Город Донец не имел ни хороших укреплений, ни регулярного войска. Небольшой гарнизон города не стал принимать бой с монголо-татарами и уехал в Чернигов – столицу княжества. Местные жители также покинули город без боя. Археологические раскопки показали, что в 1239 году сра-

жения за город не было. Кочевники просто сожгли пустой город, чтобы у них в тылу не оставалось потенциально опасных опорных пунктов, в которых могли укрыться их враги.

Так в середине XIII столетия перестал существовать древнеславянский пригранич-

ный город Донец. После монголо-татарского нашествия город решено было восстанавливать немного на другом месте. И вот уже на месте «нового Донца» на слиянии трёх рек: Уды, Харьков, Лопань – впоследствии и возник город Харьков.

Источники и литература

1. **История города Харьков:** учеб. пособие / сост. О. Е. Кононенко. – Харьков: Торнадо, 2001. – 128 с.
2. **Харьковщиноведение:** учеб. пособие для учеников общеобразовательных учебных заведений / под ред. Л. Д. Покроевой, В. Е. Луныча. – Харьков: Гимназия, 2004. – 432 с.
3. **Шрамко Б. А.** Древности Северского Донца. – Харьков, 1962. – 389 с.
4. **Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П.** Справочник по археологии Украины: Харьковская область. – Киев, 1977. – С. 32–36.
5. **Шрамко Б. А., Скирда В. В.** Рождение Харькова. – Харьков: Вост.-регион. центр гум.-образовательных инициатив, 2004. – 118 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Абраменко В. А. – канд. ист. наук, доцент кафедры теории организации и управления персоналом гуманитарного факультета ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», г. Ростов-на-Дону, Россия.

Abramenko V. A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Chair “Organization theory and personnel management” of the faculty of Humanities of the “Rostov state transport University”, Rostov-on-don, Russia.

Акматалиева А. М. – канд. пед. наук, доцент кафедры политологии факультета международных отношений ГОУ ВПО «Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Бишкек, Республика Киргизия.

Akmatilieva A. M. – Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, International Relations Faculty of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after First Russian President Boris Yeltsin, Bishkek, the Kyrgyz Republic.

Арзуманов И. А. – д-р культурологии, профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск, Россия.

Arzumanov I. A. – Doctor of Cultural Sciences, professor of the Chair of Constitutional Law and Legal Theory of The Institute of Law at Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Афанасьев Р. А. – студент 2-го курса исторического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Afanasiev R. A. – The two course student of the faculty of history of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Беликова Е. О. – канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка и документалистики Института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, Россия.

Belikova E. O. – Candidate of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor Chair of Russian Language and Documentary, Institute of Philology and Intercultural Communication, Volgograd State University, Volgograd, Russia.

Блохин В. Н. – магистр ист. наук, ст. преподаватель кафедры истории и педагогики УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия», г. Горки, Республика Беларусь.

Blokhin V. N. – Master in History, Senior Lecturer, Chair of History and Pedagogical Education, Belarusian State Agricultural Academy, Gorki, Belarus.

Блохина Л. М. – студентка 4-го курса исторического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Blokhina L. M. – The fourth course student of the faculty of history of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Ганжуурдалайн Цолмон – докторант по менеджменту образования, координатор проекта Всемирного банка «Устойчивое жизнеобеспечение-III» Администрации Дорнод аймака, г. Чойбалсан, Монголия.

Ganzhuurdalain Tsolmon – Candidate for a doctor’s degree in Education Management, project coordinator of the World bank Third Sustainable Livelihoods Project of the Administration of Dornod Province, Choibalsan, Mongolia.

Ганопольский М. Г. – д-р филос. наук, профессор, гл. науч. сотрудник сектора этнологии ФГБНУ «Институт проблем освоения Севера СО РАН», г. Тюмень, Россия.

Ganopolsky M. G. – Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor, Chief Scientific Officer of Ethnology, Institute of Development Problems of the North, Russian Academic Society, Tyumen, Russia.

Гарбузарова Е. Г. – канд. ист. наук, доцент кафедры политологии факультета международных отношений ГОУ ВПО «Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Бишкек, Республика Киргизия.

Garbuzarova E. G. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of political science at the faculty of international relations of the “Kyrgyz-Russian Slavic University named after first President of Russia B. N. Yeltsin”, Bishkek, Kyrgyz Republic.

Дулина Н. В. – д-р социол. наук, профессор, заведующая кафедрой истории, культуры и социологии факультета экономики и управления ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», г. Волгоград, Россия.

Dulina N. V. – Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Head of the Chair of History, Culture and Social Studies of Economics and Management Faculty of Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia.

Егоров А. М. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России, г. Псков, Россия.

Egorov A. M. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of state and legal disciplines Pskov branch of Academy of the Federal penitentiary service of Russia, Pskov, Russia.

Ильина Н. Е. – ст. преподаватель кафедры политологии, лаборант кафедры истории исторического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Iilina N. E. – Senior Lecturer, Chair of political science, Laboratory assistant, Chair of History of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Казанцева Н. А. – канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры регионоведения Северной Америки факультета экономики и управления ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Kazantseva N. A. – Candidate of political Sciences, Docent, Associate Professor Chair of regional studies of North America faculty of Economics and management of the Transbaikal State University, Chita, Russia.

Ковалёва Н. Н. – канд. ист. наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук машиностроительного факультета УО «Брестский государственный технический университет», г. Брест, Республика Беларусь.

Kovaleva N. N. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Professor Chair of Humanities, faculty of engineering “Brest state technical University”, Brest, Belarus.

Костяев Э. В. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории Отечества и культуры Института социального и производственного менеджмента ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина», г. Саратов, Россия.

Kostyaev E. V. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department “History and culture” of the Institute for social and production management “Saratov state technical University named after Yu. A. Gagarin”, Saratov, Russia.

Косых В. И. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории исторического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Kosyh V. I. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Chair of History, of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Кузнецов В. В. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории, проректор по воспитательной и социальной работе ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Kuznetsov V. V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Chair of History, Vice-Rector for Social and Educational Work of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Кулинок С. В. – канд. ист. наук, заведующий отделом информации и использования документов учреждения «Белорусский государственный архив научно-технической документации», г. Минск, Республика Беларусь.

Kulenok S. V. – Candidate of Historical Sciences, head of Department of the information and use of documents of the Institution “Belarusian state archive of scientific-technical documentation”, Minsk, Belarus.

Кузьмин Ю. В. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и международного бизнеса факультета мировой экономики и государственного управления ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Иркутск, Россия.

Kuzmin Yu. V. – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor Department of World Economy and International Business of Baikal State University, Irkutsk, Russia.

Кулакова Я. В. – ст. лаборант кафедры истории и методики педагогического института ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск, Россия.

Kulakov Ya. V. – Senior laboratory assistant of the Department of history and methodology of the pedagogical Institute of the “Irkutsk State University”, Irkutsk, Russia.

Курас Л. В. – д-р ист. наук, профессор, гл. науч. сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия.

Kuras L. V. – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Chief Researcher, Department of History and Culture of Central Asia of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

Литвишко О. М. – канд. полит. наук, преподаватель кафедры английского языка и профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск, Россия.

Litvishko O. M. – Candidate of political Sciences, teacher of chair of English language and professional communication of the “Pyatigorsk State University”, Pyatigorsk, Russia.

Личичан О. П. – канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры административного права юридического института ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск, Россия.

Lichichan O. P. – Candidate of legal Sciences, Docent, Professor Chair of administrative law of the legal Institute of the “Irkutsk State University”, Irkutsk, Russia.

Лобанов К. Н. – д-р полит. наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И. Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Lobanov K. N. – Doctor of Political Sciences, Docent, Associate Professor Department of Humanitarian and Sociopolitical Disciplines of I.D.Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Belgorod, Russia.

Лугвин С. Б. – канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин гуманитарно-экономического факультета УО «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», г. Гомель, Республика Беларусь.

Logvin S. B. – Candidate of philosophical Sciences, Docent, Associate Professor, Professor of chair of social-humanitarian and legal disciplines of Humanities and Economics faculty of EE “Gomel state technical University. P. O. Sukhoi”, Gomel, Belarus.

Малыгина О. А. – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ, Россия.

Malygina O. A. – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Officer of Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.

Маркелова А. А. – аспирант 1-го года обучения ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия.

Markelova A. A. – Postgraduate student of 1 year of study in the “Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin”, Ekaterinburg, Russia.

Мендюков А. В. – канд. ист. наук, науч. сотрудник АНО ВО «Университет Дмитрия Пожарского», г. Москва, Россия.

Menduykov A. V. – Candidate of Historical Sciences, research assistant “University of Dmitry Pozharsky”, Moscow, Russia.

Мерцалов В. И. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории исторического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Mertsalov V. I. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor Chair of Russian History of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Мураталиева З. Т. – канд. полит. наук, доцент кафедры политологии факультета международных отношений ГОУ ВПО «Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Бишкек, Республика Киргизия.

Muratalieva Z. T. – Doctor of Political Sciences, Associate Professor of political science at the faculty of international relations of the “Kyrgyz-Russian Slavic University named after first President of Russia B. N. Yeltsin”, Bishkek, Kyrgyz Republic.

Наумов И. Н. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории, культуры и социологии факультета экономики и управления ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», г. Волгоград, Россия.

Naumov I. N. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Chair of History, Culturology, and Sociology of the Economics and Management Faculty of Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia.

Парамонова В. А. – канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры социологии института истории, международных отношений и социальных технологий ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, Россия.

Paramonova V. A. – Candidate of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor Chair of Sociology of the Institute of History, International Relations and Social Technologies of Volgograd State University, Volgograd, Russia.

Подмарицын А. Г. – канд. ист. наук, доцент, заведующий церковно-исторической кафедрой религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования «Самарская духовная семинария Самарской и Сызранской Епархии Русской Православной Церкви», г. Самара, Россия.

Podmaritsyn A. G. – Candidate of Historical Sciences, Head of Church history Department of religious organizations, spiritual educational organization of higher education “Samara theological Seminary Samara and Syzran diocese of the Russian Orthodox Church”, Samara, Russia.

Постников А. В. – д-р техн. наук, профессор, гл. науч. сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Postnikov A. V. – Doctor of technical Sciences, Full Professor, Chief scientific officer of Russian Academy of Sciences S. I. Vavilov Institute of the History of Science and Technology, Moscow, Russia.

Рачков М. П. – д-р экон. наук, профессор, советник ректора ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Иркутск, Россия.

Rachkov M. P. – Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Advisor to the Rector of Baikal State University, Irkutsk, Russia.

Севостьянова Е. В. – канд. ист. наук, ведущий доцент кафедры экономической теории, истории и философии экономического факультета Читинского института (филиала) ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Sevostyanova E. V. – Candidate of Historical Sciences, Leading Associate Professor of the Department of Economic Theory, History and Philosophy of the Faculty of Economics of the Chita Institute of Baikal State University, Chita, Russia.

Сеченов И. В. – командир поискового отряда Иркутского авиационного техникума «Восточный рубеж», г. Иркутск, Россия.

Sechenov I. V. – Commander of the search group “East line” of Irkutsk Aviation Technical College, Irkutsk, Russia.

Солоницын П. С. – канд. ист. наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ФКОУ ВО «Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», г. Самара, Россия.

Solonitsyn P. S. – Candidate of Historical Sciences, assistant professor of the Chair of Legal Studies at Samara Institute of Law of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Samara, Russia.

Старовойтов М. И. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси, ведущий науч. сотрудник НИС УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», г. Гомель, Республика Беларусь.

Starovoytov M. I. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Chair of history of Belarus, leading researcher of the NIS EE “Gomel state University named. F. Skaryna”, Gomel, Belarus.

Суходолов А. П. – д-р экон. наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Иркутск, Россия.

Sukhodolov A. P. – Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Rector of the Baikal State University, Irkutsk, Russia.

Суходолов Я. А. – канд. экон. наук, начальник отдела международного и межрегионального сотрудничества Министерства международного сотрудничества и внешнеэкономических связей Забайкальского края, г. Чита, Россия.

Sukhodolov Ya. A. – Candidate of Economics Sciences, Head of International and Interregional Cooperation Department of Ministry for International Cooperation and Foreign Economic Relations of Zabaykalsky Region, Chita, Russia.

Тимошук А. С. – д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФКОУ «Владимирский юридический институт ФСИН России», г. Владимир, Россия.

Timoshchuk A. S. – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor chair of humanitarian and socio-economic disciplines, “Vladimirskiy legal Institute FSIN of Russia”, Vladimir, Russia.

Урожаева Т. П. – канд. ист. наук, сотрудник лаборатории исторической демографии ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск, Россия.

Urozhaeva T. P. – Candidate of Historical Sciences, researcher laboratory of historical demography of the “Irkutsk State University”, Irkutsk, Russia.

Федотова Т. А. – канд. экон. наук, доцент Днепропетровского национального университета имени О. Гончара, г. Днепропетровск, Украина.

Fedotova T. A. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor Oles Honchar Dnipropetrovsk National University, Dnepropetrovsk, Ukraine.

Халанский И. В. – канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой политологии факультета международных отношений ГОУ ВПО «Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Бишкек, Республика Киргизия.

Khalansky I. V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Head of Chair of Political Science of the Faculty of International Relations of the “Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin”, Bishkek, Kyrgyz Republic.

Харламов М. И. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин социально-психологического факультета Национального университета гражданской защиты Украины, г. Харьков, Украина.

Kharlamov M. I. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of social Sciences and Humanities socio-psychological faculty of the National University of civil protection of Ukraine, Kharkov, Ukraine.

Хлыщева Е. В. – д-р филос. наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань, Россия.

Chelysheva E. V. – Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor, Head of the Department of culture of “Astrakhan state University”, Astrakhan, Russia.

Цыбенков Б. Д. – канд. ист. наук, доцент, ст. науч. сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия.

Tsybenov B. D. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Senior Researcher, Chair of History and Culture of Central Asia of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

Чжан Цзинчуань – профессор, науч. руководитель, Цзилиньский университет, Исследовательский институт стран Северо-Восточной Азии, г. Цзилинь, КНР.

Zhang Tsinchuan – Professor, scientific Director, Jilin University, Research Institute of the countries of northeast Asia, Jilin, China.

Шарапов Д. Ю. – канд. ист. наук, доцент кафедры агротуризма и регионального краеведения факультета сервиса и туризма ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный аграрный университет», г. Волгоград, Россия.

Sharapov D. Yu. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Chair “Agritourism and Regional Local Lore” of the Faculty of Service and Tourism of Volgograd State Agricultural University, Volgograd, Russia.

Шишкина М. С. – магистрант 2-го курса ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева», г. Орёл, Россия.

Shishkina M. S. – The two course undergraduate “Orel State University named after I. S. Turgenev”, Orel, Russia.

Якунин В. Н. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры туризма и рекреации, проректор по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса», г. Тольятти, Россия.

Yakunin V. N. – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor Chair of tourism and recreation, Vice-rector for scientific and innovative activities, Volga Region State University of Service, Tolyatti, Russia.

Якупов Р. И. – д-р ист. наук, профессор, ведущий науч. сотрудник ФГБУН «Институт истории языка и литературы Уфимского научного центра РАН», г. Уфа, Россия.

Yakupov R. I. – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, leading researcher of Institute of history, language and literature Ufa scientific center, Russian Academic Society, Ufa, Russia.

Яремчук О. А. – канд. ист. наук, доцент, заведующая кафедрой истории исторического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Yaremchuk O. A. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Head of the Chair of History of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Научное издание

**ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ:
ПАРТНЁРСТВО И СОТРУДНИЧЕСТВО**

Часть 1

**HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE BORDER REGION:
PARTNERSHIP AND COOPERATION**

Part 1

Редактор О. Ю. Галченко
Вёрстка И. Н. Аргуновой

Подписано в печать 13.07.2017.
Формат 60×84/8. Гарнитура Arial. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 27,0. Уч.-изд. л. 22,3. Заказ № 17154.
Тираж 300 экз.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30